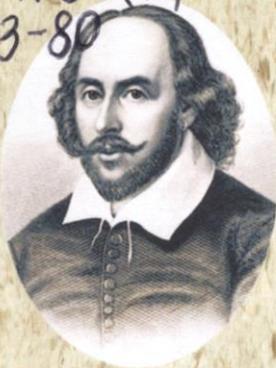

к 84(2)
3-80

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

АБРИКОСОВА ПРОСЕКА

Исторические трагедии
Лирико-психологические
драмы

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

АБРИКОСОВА ПРОСЕКА

Исторические трагедии

Лирико-психологические драмы

Орел – 2011

3 81

Золотарев Леонард. **Абрикосова просека.** – Орел: издатель Александр Воробьев, 2011. – 516 с.

В состав сборника драматургии большого русского писателя Леонарда Михайловича Золотарева входят исторические трагедии «Грозные жемчуга (царица Анастасия)», «Великое посольство» или «Окно в Европу», «Княжна Тараканова (Тьмутараканская)» – трилогия, которая состоит из трагедий «Авантюрьера, или Страсти по власти», «Узница Петропавловской крепости», «Тайна монастыря: монахиня Досифея», а далее историческая трагедия «Сладкие ножки Кшесинской». В этих произведениях раскрываются драматические картины из времен Ивана IV (Грозного), Петра I, Екатерины II, Николая II.

Современные драмы «Вяхирь», «Сестры Рощины, или Три года времени», «Абрикосова просека» лиричны, психологически насыщены и остросюжетны.

Во всем сборнике автор предстает зрелым, талантливым мастером, глубоко проникающим как в недра нашей истории, так и в современную жизнь. Драматургические произведения интересны не только сцене-театру, кинематографу, но и массовому читателю, всем интересующимся историей Руси, России, становлением нашей государственности, личности, острыми моментами нынешнего бытия. Широкая панорама действительности, тонкий психологический рисунок образов, характеров – черты, свойственные драматургии Леонарда Золотарева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проклятые монархи

Мои исторические произведения начинаются с «Велесовой книги», где наши пращуры впервые, осознавая себя как праславянский этнос, выделяются из общего авестийско-зороастровского, индоевропейского начала. Затем следует историческая трагедия «Бедный Рюрик, или Путь «из варяг в греки»», где показывается формирование россов, истоки Киевской Руси вокруг создающейся великокняжеской династии Рюриковичей. После того историко-драматическая трилогия в стихах о Крещении Киевской Руси показывает ее становление через духовность великокняжеского статуса под напором дикой степи («Великая псковитянка, или Княгиня Ольга», «Владимирская горка», «Половецкие ночи»).

Хронологически далее мы имеем «Могучую кучку, или Трагедию на Нерли», в ней изображаются первые шаги московской государственности, выявляются причины скорейшего утверждения Москвы. С одной стороны, Великий Князь в Киеве Юрий Долгорукий, пролив кровь боярина Кучки, сидевшего на малом поселке Москве, делает ее своим «постоялым двором» по пути во Владимир и тем создает прецедент проявления монархии и ее проклятья в веках (что мы потом и увидим в почти каждом из последующих монархов – великих князей, царей, императоров, а также генсеков). С другой стороны, освящение этой монархии византийской иконой Владимирской Божией Матери провоцирует возникновение идей «Третьего Рима», «Нового Иерусалима», способствуя утверждению духовности, всемирной отзывчивости «русской души».

Эта книга, составляя сборник исторических трагедий, современных лирических драм, начинается с трагедии «Грозные жемчуга (царица Анастасия)», где показано время Ивана Четвертого (Грозного), когда впервые так явственно, через опричнину, тиранию монарха, проявляется российская государственность в борьбе с ее оппозицией. Недаром все последующие наши монархи до сих пор, оглядываясь на историю, изучают феномены сына Юрия Долгорукого – Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского (как первого монарха еще с Древней Руси) и далее Ива-

на Грозного (как монарха уже в Средневековой Руси). В сборник включены трагедии: «Великое посольство» (во главе с Петром Первым в Голландию и Англию), трилогия трагедий «Княжна Тараканова (Тьмутараканская)» из времен искусной политессы Екатерины Второй (сюда входят трагедии «Авантюрьера, или Страсти по власти», «Узница Петропавловской крепости», «Тайна монастыря: монахиня Досифея»). Заключает состав историко-драматических произведений трагедия «Сладкие ножки Кпшесинской» (из времен последнего самодержца России – императора Николая Второго).

Хочется обратить внимание на следующие черты сборника: внутреннюю непрерывность не столько сюжетов, сколько заключенных в сюжетах идей, схожести в проявленях инобытийного, воздействия грозных неведомых сил, создающих драматургию характера любого монарха, историю жизни народа, каждого человека, тех черт, которые формируют всех нас как нацию в государстве с великими возможностями, всегда и во всем не используемыми до конца, с бесконечными нашими конституциями и реформами. Призрак своего рода «тысячелетнего рейха» стоит у нас перед глазами, перед нашей многонациональной, многоконфессиональной страной с ее вечными признаками всевозможной раздробленности. Отставая вечно, падаем и догоняем, вставая, – вот, если в двух словах, и вся наша история с Руси изначальной. Недаром в одном из эпических историко-литературных памятников нашей древнерусской культуры сказано, что Русь погибающая семь раз вставала и вновь обретала силы. Хочется быть рядом, плечом в плечо, с проникновенным Бояном Земли Русской Сергеем Есениным, воссоединиться всем своим сердцем с его словами:

«Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»».

От автора.

ГРОЗНЫЕ ЖЕМЧУГА

(царица Анастасия)

историческая трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

ЦАРЬ ИВАН IV (Грозный) – молодой, тридцати лет, первый царь – самодержец Великой Руси.

АНАСТАСИЯ – царица, первая, любимая жена царя Ивана, из рода Захарькиных-Юрьевых.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ – друг и советник, сверстник царя, родом от великого князя Смоленского и Ярославского Федора Ростиславича, воевода из воевод Московского государства, перешедший на сторону Польши.

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ – духовный блюститель Московской Руси, главный печалователь за опальных.

ОТЕЦ АФАНАСИЙ – прежний духовник царя, монах Чудова монастыря, восприемник Митрополита Макария.

ОТЕЦ ФИЛИПП – восприемник Митрополита Афанасия.

Польский король СИГИЗМУНД-АВГУСТ, претендующий на Ливонские, Курляндские, Московские земли.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ – кандидат от оппозиции на московский трон.

ВОЕВОДА АДАШЕВ АЛЕКСЕЙ И МОНАХ СИЛЬВЕСТР – вдохновители и сторонники оппозиции.

МАЛЮТА СКУРАТОВ – первый опричник, лидер опричнины.

АЛЕКСЕЙ БАСМАНОВ и КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ – бывшие любимцы царя.

МАКСИМ ГРЕК – монах Иосифова, затем Троицкого монастыря со своими письмами Митрополиту Макарию, заявляющими мысль о божественной природе царской власти на Руси.

МАРИЯ – вторая, нелюбимая жена царя Ивана, княжна Черкесская, утвердительница в царе всех его злых деяний.

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ – бывший казанский хан, крещеный татарин, касимовский хан, посаженный Иваном IV на московский трон на два года.

ЧЕЛОВЕК В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ, слуга Симеон, русские воины, мирные жители, ливонцы, поляки и др.

Московская Русь 16-го века, во время царствования Ивана IV (Грозного). Сначала до опричнины, затем и при самой опричнине. Ее шаги по стезе укрепления государственности, чиновничества, учреждения дворян в Москве как в «Третьем Риме», необходимые по замыслу, кроваво-жестоки по исполнению. Переписка Андрея Курбского с царем Иваном – зеркало противоположений в духовных сломах того времени.

Тут, в этой традиции, все: и любовь, страсти до гроба, и гробовые, духовные потрясения в становлении самого имени русских, русского государства. И в тех пределах переписка царя Ивана и князя Курбского, вековечность опричнины тех времен и сюда к нам на все времена. Духовные бдения, их проявление в недрах истории – все ходит кругами. Чем глубже заглянешь в них, тем дальше видишь. Времена мистически грозны, ощутимы и ныне. Обновляются факты, а аргументы тянутся к нам сюда вон откуда из прошлого.

ПРОЛОГ

ГОЛОС СВЫШЕ. Боги указали перстом: жемчуга Настасьины, переписка Курбского с царем Иоанном – это кризис родовой, раздробленной Руси, попытка изжития ее самостийности, обретения государственности. Хотя Русь поныне все еще самостийна. Посмотрите, как тут у нас на Серединной Руси разделили адское, погибельное, самое гигантское в мировой истории сражение на Орловско-Курской дуге. Экстрим, три локальных куска: Курская битва – оборонительная, Орловская наступательная операция, Белгородско-Прохоровская в таком случае непонятно какая.

А тут, в этих «Грозных жемчугах» даже не это божие главное. А что же? Война и мир, народ и власть? Главное прозревается где-то между царем-тираном и его воеводой, военачальником. Собирается в узел такая мысль: Александр Македонский в одном лице властитель и полководец, Наполеон то же самое: император и полководец.

А тут, в «Жемчугах» Иван IV (Грозный) – властитель в одном, особо обожествленном лице царя, а воевода, его вое-

начальник – в другом. И далее, Иосиф Грозный – властитель в одном лице, полководец Жуков – в другом. И после побед явно стремление к увенчанию властителей и развенчанию их полководцев: ссылки в попытке заявить о себе отстраненные и ранняя смерть.

И тут, в трагедии, все это происходит на фоне рассыпанных жемчугов царицы Анастасии. Женщина, в конце концов, бросает мужчину не только в вертеп, но и ведет к истокам побед, а порой, как у гоголевского Андрея в «Тарасе Бульбе», приводит даже к измене Руси.

Сцена первая

Москва, 1552-й год. Царь Иван IV и его войско, извиваясь змеей, конно и пеше выходит из Белокаменной. Оно держит путь на Казань, в Казанское ханство. Царь Иван едет на белом коне, его воевода Андрей Курбский – на вороном.

ЦАРЬ ИВАН (*раздумчиво, про себя*). Казань – крепкий орешек, не враз-то возьмешь осадой. Покоришь Казань – вековое татарское иго закончится, честь и хвала тебе, царь. А вдруг стены выдержат, Казань не покорится, что тогда? Царь виноват, царь бездарен, не может вести Русь, сделать ее великой.

(Косясь на Андрея Курбского рядом). С давних пор друг мой и советник, опытный воевода, одержал немало побед. Поставлю-ка я его первым воеводой, сделаю военачальником. В случае чего – пусть отвечает за исход сражения, осады этой Казани. А победит – хорошо, еще одним победителем в Москве станет больше...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ (*косясь на царя, про себя*). Что-то хмурится царь Иван, что-то царю не нравится, что? Самому хочется командовать войском. Да, ну, а вдруг проиграешь? Другому дать покомандовать, воеводе какому-нибудь? А если сразу возьмем Казань, царь упустит момент отметить в летописи как победитель... Друг мне царь, я ему вроде советник, ведь царь, а завидует мне как простой смертный... Бесы борются в нем: поставить или не поставить меня первым воеводой, военачальником всего русского войска, всех этих

тысяч движущихся на Волгу-матушку, на Казань? Не поставит – себе в убыток,; поставит кого-то другого, мне что – разве лучше с того? Значит, не так уж и искрення наша дружба, червячок какой-то между нами, гложет дружбу-то...

Князь Курбский дергает поводья, направляет своего вороного назад, посмотреть: не отстали ль пушки?

ЦАРЬ ИВАН. Постой, Андрей! Давай-ка вперед, в голову войска. Однако первым воеводой побуду все-таки я, все беру на себя. А ты поскачи назад, глянь, как они там с пушками управляют?

ПРО СЕБЯ, В СТОРОНУ. Жениться пора нам с Андреем, погибнем в сражении – никого после нас не останется. Некому в роду заменить князя, а мне некого посадить на престол...

После недолгой осады Казань дрогнула, хорошо поработали пушки, да еще и сторонники русского царя нашлись внутри крепости. Однако главное сражение произошло в чистом поле, где сошлись русские и казанцы: конные лавы и пешие пропыленные рати.

Царь Иван оказался в гуще сечи и пал от кривой татарской сабли, ударившей по кольчуге ему из-за спины.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*прискакав к главному стягу и не увидев царя Ивана*). Где царь? Нет царя.

И князь Андрей бросился искать царя Ивана, поскакал тем же кровавым следом, которым по травмам прошла кровавая, многолюдная сеча. Нашел князь царя Ивана на краю оврага, в молодом березняке. Посеченный, он лежал в окровавленной кольчуге без сознания. Конь сбросил всадника и ускакал.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*остановясь в размышлении*). Что делать – поднимать царя или не поднимать? Может, оставить тут, пусть себе помирает. Завтра уж стервятники закружатся над его головой... Да, но какво Руси без царя? Царь же как стяг, символ всех русских, заодно всех на бой провожает, оборону держит, раненых собирает. Пока это в Москве разберутся, кого на трон опять водружать, Казань воспрянет, в какой раз наша победа насмарку...

Нет, надо поднимать царя Ивана и тащить к лагерю – на коне или на себе? На коня нельзя, рана серьезна, так пополам и переломится, на себе – не подынешь, тяжел больно... Волоком надо, потащим волоком, с передыхом, как-нибудь дотащу. Все же друг с ранних лет, это сил прибавляет...

ГОЛОС СВЫШЕ. И царь был спасен. Лежит царь Иван в Московском Кремле, очнувшись от тяжелой раны, и думает думу думную, так и этак прикидывает, как это он после Казани-то Русь будет обустроивать? Пройти Волгой-матушкой надобно до самой Астрахани, протянуть Русь до Каспия...

Появляется князь Андрей, улыбается – ясное солнышко.

ЦАРЬ ИВАН (*приподнимаясь навстречу*). Друг ты сердечный, мой дорогой! Век тебе благодарен буду, не за службу царю, а за дружбу – крепкую, верную. Сам пораненный, сам без сил, а меня до своих доволол.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*потирая перевязанное плечо*). Да чего там... друзья ведь до гроба... на том стояли и стоять будем мы, русские люди, русичи... москвиты...

ЦАРЬ ИВАН (*закрывая глаза*). Издаю указ: после Казани начнем строить на Красной площади Покровский собор, в честь Божией Матери, давшей нам над врагом одоление.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Полежал, полежал царь Иван, раненый, на виду весь, как на плахе, да и решил подыматься, надобно пойти поглядеть, как его указ исполняется, храм на Красной площади строится. Да поранился царь нечаянно при осмотре строения. До того разболелась прежняя рана! Прямо хоть помирай. И задумался царь Иван, призадумался: как же дальше-то быть, без руки что воину делать?

ЦАРЬ ИВАН (*лежа там же, в Кремле, на постели*). Вслух. Посмотри-ка, царь, оглядись вокруг: что окажется тут после тебя на ближней да и дальней Руси, как помрешь? А совсем близко – с ближними-то людьми, с родичами и друзьями ближайшими? Разобраться надо с каждым по косточки, вспомнить все до мельчайших подробностей.

Вот хоть князь Андрей – самый ближний тебе человек. А что было у нас с ним не так уж давно? После того, как мысль о

женитьбе пришла в голову мне тогда, перед самой Казанью. Выказал я ее Курбскому, и что было? Мне, царю, доносили уж после, делали тайное явным...

Видно, князь Андрей близко к сердцу принял мои слова о женитьбе. Стал ходить по людным местам, пошел как-то на ярмарку. Да, видать, и приглядел там зазнобушку. На другую ярмарку зовет и меня – своего друга, царя. И что удумал? На ярмарке-то скоморохи скоморошничают, кулачные бои ведутся – и кто кого на лопатки положит, кто героем перед всеми окажется?

Видит: море голов. Впереди девишник, девицы всех рангов и положений. Дебелые телки. А одна особо стоит, отстраненная: черненькая, в белом платье, с голубыми глазами. И сюда на нас с князем Андреем плятятся глазищами своими, каждый глаз в медный грош...

Что придумано, а? Гроши ломать? Вызывает меня Андрей на кулачный бой. Выхожу, куда денешься? Мы пока еще молодые, на кулачках выясняем свои силы – возможности. Бьемся этак с лентой, прохлаждаемся. Чую, соперник мой оглянется куда-то назад да и давай напирать, всерьез размахивать кулачищами. Понимаю, что князь-то красивей, крупнее меня. Обхватил меня своими ручищами, из себя вышел, вот-вот положит меня на лопатки...

«Андрюша, – шепчу я ему на ухо. – Угомонись... Я же царь, на меня люди смотрят, мне нельзя в грязь...»

Отступил Андрей, я хлоп его кулаком, он упал, повалился. На том все и кончилось. Девки расхохотались и убежали...

Доведался после, девка-то в белом платье, с голубыми глазами, Анастасией оказалась, знатного роду, племени – из Захарькиных-Юрьевых... Ну, и князь Андрей, скорее всего, тоже, наверно, узнал.

Появляется князь Андрей Курбский. Стоит себе, улыбается во всю ширь своего лица.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ты чего, царь, разлегся? Поднимайся, вставай. Бояре в думе уже давно ждут, да и народ на площади беспокоится, а ты лежишь, прохлаждаешься.

ЦАРЬ ИВАН (*неторопливо*). Я не прохлаждаюсь, Андрей. Я лежу вот и думаю, думаю.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. А об чем? О победах Казанской Божией Матери?

ЦАРЬ ИВАН. Об Астраханской земле уж, обо всей святой Руси, ее путях и дорогах к большей воде, к морю. А тут эта Ливония виснет, с ней Польша заходит от Запада.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Сделал царь первым воеводой меня, когда на Казань ходили, а теперь нет отбою от народу на площади. Каждый готов слово сказать, за кудри подергать...

ЦАРЬ ИВАН (*перебив князя*). Слушай, Андрей, дума уж проголосовала: женить царя, пока молодой. Волно бояре мою пресекают, объявили по всей Руси смотр девиц, будущей жены для царя.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Так вставай! Пойдем на ярмарку, поглядим с тобой, любую выберем из тех, кто там есть.

ЦАРЬ ИВАН. Я вчера уж вставал и глядел, приводил сюда. Одну выбрал, завтра тебе покажу... Если тебе, моему другу, понравится, буду жениться...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*рассмеявшись*). В самом деле, женись! Будет с кем, на троне сидеть.

На другой день царь Иван встречает князя Андрея Курбского с распростертыми объятьями.

ЦАРЬ ИВАН (*приоткинув полог*). Гляди...

ГОЛОС СВЫШЕ. Глянул князь Андрей за полог, в дверную щель, и обмер, даже изменился в лице: перед ним была та самая девица – чернявая, в белом платье, с голубыми глазами, что стояла тогда, особо от всех, на ярмарке.

И прокатилась по Москве свадьба с широким царским размахом. И стало одним человеком больше в царевых палатах: появилась царица Анастасия, из рода Захарькиных – Юрьевых, жена царя. Царь Иван ходил по Кремлю веселый, слегка под хмельком, души в царице не чаял.

А через какое-то время пред очи царю предстает князь Андрей Курбский.

ЦАРЬ ИВАН (*зорко взглядываясь в глаза ему*). Ай чего попросить хочешь? Проси, говори...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Сказал я тогда тебе, Иван, помнишь? Как выйду после Казани на площадь, так каждый норовит за

кафтан меня дернуть. Пока дойдешь до Кремля, без одежды останешься.

ЦАРЬ ИВАН (*иронично*). Хорошо хоть, что вслед не плюют, не швыряют каменья.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Вот мы с тобой теперь, после Казани-то, сколько времени вместе проводим, а? Твои, государевы дела обсуждаем: и про Астрахань, и про Ливонию, Польшу...

ЦАРЬ ИВАН. Не мои дела – наши, Руси-матушки. Говори чего надо, князь.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*решительно*). Да чтоб не ходить зря по площади, в меньших местах ее пересекать... прошу поселить меня ближе к себе, в Кремле тоже... в торце дворца, где сам, царь, живешь...

КНЯЗЬ ИВАН. Где живем теперча вдвоем с царицей?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Разрешаешь?

КНЯЗЬ ИВАН (*махнув рукой*). А чего там, живи. Мы с царицей не супротив. Жить под охраной первого воеводы, нашего военачальника.

Сцена вторая

Кремль, царевы палаты. Царь Иван входит к царице Анастасии.

ЦАРЬ ИВАН (*вглядываясь зорко в глаза царицы*). Как небо они у тебя – голубые. Только стрижи не летают...

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*приласкиваясь к Ивану*). Кому летать-то, каким стрижам? Стрижи слетают с берегов крутых, а я у тебя, царь, послушная.

ЦАРЬ ИВАН (*обнимая ее*). Сладкая. Недаром дома тебя взаперти держали, не пускали на ярмарки. Один раз появилась, и то заметил, выбрал вот, стала царицей.

Царь Иван смотрит на Москву-реку.

ЦАРЬ ИВАН. Не стрижи – большие черные птицы летают, стервятники... Вот что! Анастасия. Бог взял здоровье, Бог снова дал, я поправился. Слава тебе, Господи! (*Крестясь в святой угол на горящую лампаду*). Надо Всевышнего отблагодарить, да от всей души. И надумал я вот что, Анастасия: одеться попро-

ще, как страннику, да и пойти по святой Руси, по ее монастырям: святым угодникам свечки ставить, в народе пожить.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*покорно*). Ну, что ж, царь. Буду ждать, а сколько?

ЦАРЬ ИВАН (*глядя в сторону, мимо нее*). Да годика два-три. Русь не малая, пока это монастыри обойдешь, ведь пешком, а не конно. Вот и одежду странническую приготовил (*показывая на мешок*). Тут где-нибудь переоденусь, чтоб там не узнали, на площади.

Переодетый в нищего, с посохом странника, Иван выходит из ворот Спасской башни. На Красной площади он сразу же попадает в кипенье людское. Тут же его задевают, кто-то хватается за плечи: «Вор!» Никто не узнает в нем царя. Странник как странник, иди себе, ставь свечи по монастырям, поклоняйся угодникам.

Там же, в Кремле, царевы палаты.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ (*приостанавливаясь перед дверью, в сторону*). Вот записка царице. Уходя на моления по Руси, царь велел передать ее Анастасии. Пишет, как любит ее, чтоб ждала его. не тужила... Ах! Как трясет меня что-то всего, как-то нехорошо мне, дурные предчувствия. и вчера над Кремлем летали черные птицы-стервятники... Мы цареву записочку изорвем и в карман. А отсюда достанем другую, свою. Прочитаем Анастасии, что тут нами написано...

Князь Курбский входит в царевы палаты, к царице Анастасии.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*вставая навстречу*). С чем пожевал, князь?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*слегка заикаясь*). Да вот... записка... уходя велел передать...

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*слегка заикаясь*). Так читай.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Вот написано... нет, лучше устно скажу... арестовать тебя велено и голову отрубить!

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*сразу как-то осев*). К-как... от – рубить?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*тут же хватая ее за косу, наматывая косу себе на руку*). А так вот, взять и отрубить!

Притягивает Анастасию к себе, наклоняет голову вниз.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*обомлев, едва слышно*). За что?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А ни за что. Другую он себе подыскал, ты уже не нужна, тебе велено тайно голову отрубить.

Царица падает замертво, князь подхватывает ее и кладет на постель, припадает к ней всем своим телом.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*горячо дыша царице в лицо*). Но мне жаль тебя, такую молодую, красивую. Видишь, я борюсь сам с собой: убить тебя или оставить в живых? Оставить в живых – значит, не выполнить приказанье царя. Знаешь, что за такое бывает? Значит, оставить в живых?

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*едва шепча*). Оставить... в живых...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*решительно*). Тут, в Кремле, разве можно это? Не я, так другие выполняют приказанье царя. Надо тайно уехать отсюда... в тайное место... чтоб неведомо было, где ты...

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. В тайное место, куда?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*решительно*). Идем, пока ночь!

Ближайшее Подмосковье. Деревенька, пожалованная царем князю Курбскому за овладенье Казанью. Курбский тут же на этом месте построил свой дом.

И вот теперь в нем он поселил Анастасию. Вскоре деревенские жители поняли, что тут, в княжеском доме, поселилась какая-то женщина. К вечеру, когда зажигалась свеча, отчетливо была видна гибкая тень на зашторенном окне.

КУРБСКИЙ (*кладя царицу под себя*). Боги этого хотят, боги! Наш брак с тобой, Анастасия, заключен на небесах! Я первым нашел тебя, выбрал, а он отнял тебя у меня, сделал своей наложницей.

АНАСТАСИЯ (*как-то сдавленно*). Он – царь, я жена его, он мне муж.

КУРБСКИЙ. Какой это муж! Который хочет отрубить тебе голову? Ты моя жена, я люблю тебя, ты меня тоже любишь...

АНАСТАСИЯ. Я люблю его, мужа.

КУРБСКИЙ. Он царь, ты боишься его. Я же твоя свобода, я – любовь, я – олень, я силен как мужик, я красивее, наконец, я тоже князь. Воевода, победитель! Покоритель Казани! Почему я должен уступать ему, хоть он и царь?

Там же, в деревенском доме князя Андрея Курбского.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*один, в другой комнате*). В сторону сам себе. Как же я дошел до того, такой жизни, что увожу у друга жену? Царя лишаю Русь, царского трона, выходит, я Русь разоряю, страну? А царь Иван ведь приступил к преобразованиям, царем назвал себя вместо Великого Князя, царством обозначил то, что ранее было Великим Княжеством. Да, но то было все это самостийно, по праву князья были равновеликие, равные – каждое княжество, а то все это становится вместе, единое, государство – Великая Русь.

Уж и православными стали так же вот, при Великом Князе Владимире. Крестили Киевскую Русь, дали ей вместо многих языческих богов одного – Иисуса Христа. Теперь пришло время сбивать в единый кулак и Русь всю, и он – Государь, государство... И в это время я забираю у Ивана жену любимую, Анастасию, лишаю его сил, когда они ему так нужны... Да, он царь! Он правит Русью. Но он хочет быть еще и человеком, имея жену, детей, и все остальное. А что он мне оставляет, своему другу? Он об этом подумал? Да, он царь! Но мог быть царем и я. Сколько мыслей подарил я ему просто так, по-дружески: по управлению Руси, по военным делам, по хозяйственным, а он взял и запросто так увел от меня невесту. Он, видите ли, царь! Но и я, князь Андрей Михайлович Курбский, – талантливый, незаурядный отпрыск великого князя Смоленского и Ярославского Федора Ростиславича.

Так будь же решителен, князь, в достижении своих целей, как решителен царь, и тогда ворота тебе откроются шире, как и царю...

Там же, в Подмосковном деревенском доме князя Андрея.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (одна, в своей комнате). Как они разыгрывают меня, женщину, мужчины эти – царь и князь, словно какую-либо игрушку. Я у них игрушечный медвежонок, вещь я – то одного, то другого. А я ведь из знатного боярского рода, мы – Захарькины-Юрьевичи, известны по всей Руси.

Меня в нашем доме содержали, лелеяли, не пускали на ярмарку, не для того, чтобы отдать в рабство первому попавшемуся, чтобы я стала женой, матерью своих детей, достойной своего высокого мужа... Конечно, мне, может, больше нравится этот Андрей – высок ростом, строен и на лицо красив. Но надо пресечь в себе чувства, я жена уже, спутница жизни первого лица государства. И я люблю его – нежно, без излишеств, как только могу...

Однако душа моя мечется, содрогается сердце. Я бросаюсь в разные стороны. Вот на шее у меня ожерелье – не царев, не мужнин подарок, а князя Андрея, друга царя. Согласно русскому обычаю, он подарил мне в день свадьбы жемчужное ожерелье, сам надел мне на шею блистательные жемчуга.

И я ношу их с тех пор!

Не раз я ловила косой взгляд царя, когда ложились в постель. Ну и что ж! Как любит царь Иван повторять: мужу мужнино, цареву царю, а душа есть душа. Она лишь для меня, никому не дано ее лапать грязными лапами, никому!..

Там же, в том же деревенском доме князя Курбского, в комнате царицы Анастасии. В комнате двое: она и князь Курбский. Он зашел сюда перед тем, как ехать в Москву.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (царице). Однако мой подарок носишь, а не царев! Не его брильянты заморские – из Персии, из-за Каспийского моря.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Чистые жемчуга, красивые, кругленькие такие, – и ношу.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (довольный). Грозные жемчуга! Буду в Боярской Думе, что сказать: ты тут?

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*вздвигнув, однако собравшись с духом, вызывающе*). Ну, скажи, скажи! Пусть знают.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Понимаешь ведь, не скажу, а боишься. Ишь, как напряглась, как струна.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*освобождаясь от его объятий*). Пора тебе, поезжай, не то опоздаешь.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну, я поехал. Конь уже у ворот.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Вороной?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. На каком ходил на Казань, первым был воеводой.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Первым царь был и есть, а мы все у него вторые.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ты, Анастасия, может быть, и вторая, а я первый, с первой дело имею.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Не целуй меня, грех. Царь чуткий, все почувствует тут же. Как только тут ты тронешь меня, так он там где-то бесится, бесы его разбирают.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*уходя, с порога уже*). Какой горячий! Как жеребец стоялый.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Не говори так про царя, он того не достоин. Да еще он же твой друг.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*хлопнув дверью*). А я так себе, я никто? Кто кому друг, а кто враг – попробуй теперь разберись.

Сцена третья

Москва. Кремль. Боярская Дума. В Думе боярские думцы, с ним и князь Андрей Михайлович Курбский.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. По Москве буза идет, народ валом валит на площадь. Говорят, царица куда-то пропала. Нет ее нигде, на глаза не показывается.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*кандидат на трон, от оппозиции*). Может, к своим ушла – к Захарькиным-Юрьевым? Бойтся одна в Кремле тут сидеть. Там у себя отсидится, пока царь Иван не отбродится по монастырям.

МОНАХ СИЛЬВЕСТР. Царь надолго ушел, года на три. По Святой Руси с посохом это дело не просто, еще и убьют где-нибудь. В речку бросят...

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Типун тебе на язык. Так на царя говорить.

МОНАХ СИЛЬВЕСТР. А что я сказал-то, ничего такого особого супротив царя. Пушай вон скажет нам князь Курбский, куда это делась царица? Он ближайший друг царя и советник, должен знать, что в царях там у них происходит. Куда царицы деваются, когда цари уходят в паломники? Эти жены их – мирносицы...

ЗАГАЛДЕЛИ ВСЕ. Да, куда, это жены деваются?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*неохотно, вынужден говорить*). Да куда и все. Вслед за мужем-царем и себе тоже пошла по монастырям. На богомолье, к Богу ближе стать в своих упованиях.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Ну, тогда пушай ходит, уповает в своих обращениях к Богу... Вслед за Иваном-царем ушла, так-то лучше, боги скорее услышат... Так-то, Курбский?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ (*под нос себе, сдержанно*). На Бога надейся, а сам не плошай.

БОЯРСКАЯ ДУМА (*загалдев все, запричитав*). Это верно он, это правильно... Без Бога не до порога... Бог взял и Бог дал, но с прибавкой... Коли не грешен, стоймя стоишь перед Истиной...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Стоймя пока и стоим мы тут все перед Богом, а то как же.

Ближнее Подмосковье. Деревушка Курбского, пожалованная князю царем. Деревенский дом князя Андрея. Комната, где находится царица.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*в сторону, беседуя как бы сама с собой*). Как ушел царь, так ни слуху ни духу. Хоть бы восточку в Москву, боярам в Думу прислал, Андрей бы мне передал – ничего, одни только мои упования по нем.

Стук в дверь. Еще стук погромче.

Вслух. Кто бы это? Странники паломники, ходят изобильно по монастырям. Вот так заходит и царь Иван где-то. Также вот кому-то стучит, просит кусок хлеба, ночлега... Надо открыть...

Анастасия выходит на порог. В сумерках видит странника с посохом, с мешком на голове.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*в сторону*). Накрылся-то от дождя. Хоть и мелок, а вьедлив. Прошибает, с ветром насквозь. *Вслух (отворяя дверь шире)*. Отец родной, проходи.

Не задерживаясь в двери, странник быстро проходит мимо, останавливается уже в комнате, снимает мокрый мешок с головы. При свете свечи царевна видит лицо, устремленное к ней.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*отпрянув в ужасе*). Ты?

ЦАРЬ ИВАН (*вперяясь в нее горячим, язвительным взглядом*). Я! А ты чего тут?

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*обомлев*). А где же?... Где мне быть-то?

ЦАРЬ ИВАН. В Кремле.

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*приходя в себя*). Так убьют, боюсь.

ЦАРЬ ИВАН. Ну, хотя б у родни своей... у Захарькиных-Юрьевых...

Царица опускает голову низко, бросаясь на шею царю.

ЦАРЬ ИВАН (*отстраняя ее*). Что это на тебе – ожерелье?

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Ожерелье.

ЦАРЬ ИВАН. И кто дарил тебе его в день нашей свадьбы?

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Ушла от тебя. Разлюбил ты меня, другую себе приискал, а мне приказал срубить голову, чтоб не мешала вам.

ЦАРЬ ИВАН (*расширив глаза*). Кто сказал?!

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ. Андрей показал твою записку.

ЦАРЬ ИВАН (*презрительно*). Андрей! Я писал тебе, чтоб хранила себя, соблюдала... Пока я хожу, молюсь за всех вас по монастырям.

АНАСТАСИЯ (*протягивая к нему руки*). Ой, милай! Да как же так?..

ЦАРЬ ИВАН (*срывая жемчужное ожерелье с шеи царицы*). Ну, дрянь! Доигралась, допрыгалась?..

Рассыпавшись, жемчуга катятся под ноги и ей, и царю.

ЦАРЬ (*стиснув зубы*). Ну, рассказывай мне, царю, своему законному мужу, как и что тут у вас... обустроилось...

Царица Анастасия падает на разобранную постель, еще теплую от лежанья. Принимается рассказывать... Царь сидит за столом, не шелохнувшись, обхватив круто голову своими руками. Чувства жуткие отражаются на нервном, бурном лице государя.

ЦАРЬ ИВАН (*отыскав глазами полупустой штоф на подоконнике, совсем другим, спокойно-размеренным тоном*). Ну что, хозяйка? Отметим мое возвращенье?

ЦАРИЦА АНАСТАСИЯ (*пролепетав*). Сейчас, поищу стакан.

Пока она ищет второй стакан, царь, отвернувшись, сыплет в первый стакан из наперстка: себе приготовил в дорогу, на всякий случай. Наливает себе во второй стакан, а первый подает царице. Едва пригубив, она тут же падает замертво. Иван спокойно кладет ее, бездыханную, на постель, сидит рядом, допивает, как ни в чем не бывало, прямо из штофа.

Достает кинжал, кладет рядом. Сидит терпеливо, ждет кого-то. Свеча догорает, царь Иван принимается собирать разлетевшиеся веером по полу жемчуга.

Из шкафа царь Иван достает второй штоф. Накатив доверху кружку, выпивает с клекотом, вытирает рот рукавом.

Принимается расхаживать по комнате от постели, где лежит упокоенная, до двери, от двери до окна. То напрямую, то наискосок. То медленно-медленно, то все быстрее-быстрее. И вот уже, как барс в клетке, царь Иван мечется у постели любимого когда-то им человека – жены своей, царицы Анастасии.

ЦАРЬ ИВАН (*останавливаясь, словно наткнувшись на стенку*). Что это я, с ума схожу, что ли? Надобно взять себя в руки, царь... На Москве появилось завтра – послезавтра, что там еще приготовлено? В Думе этим боярином князем Владимиром Андреевичем? А с ливонцами, с Польшей чего? Небось, уже наши войска выбиты из крепостей, занятых нами в последнее время. Начинать теперь

сызнава, готовься к походам. Отливай пушки, а меди нет, и где ее взять? Колокола с церковей сбрасывать, пусть воюют с Ливонским орденом, чем прозябать на колокольных... Господи! Прости меня грешного, прими душу грешную во царствие свое... И как держать себя с этаким другом, с первым моим воеводой, спасителем моим, прославившимся под Казанью?..

Там же. Князь Курбский у своего деревенского дома. Еще с порога замечает приоткрытую дверь.

КНЯЗЬ КУРБСКУЮ (*увидев на постели лежащую царицу*). Боже! Она мертва! Губы спекшиеся, ее отравили... Кто это был тут, кто пил с ней это зелье?..

Замечает на полу маленькую жемчужину – одна. Где же все остальное ожерелье, которое он подарил Анастасии в день ее свадьбы?

Вслух. Где жемчужное ожерелье, где? У кого оно? (*И его осеняет догадка*). Это был он тут! Да это был тут он! Странник, странничек – богомолец, его следы...

Ночью князь Курбский перевез мертвую царицу в Московский Кремль.

Москва, Кремль, царевы палаты. Сюда, к телу усопшей, сошлись думские бояре, военные люди, служивый народ, духовенство. Тут же, вместе со всеми, и князь Андрей Михайлович Курбский.

БОЯРИН АЛЕКСЕЙ БАСМАНОВ (*кандидату от оппозиции – князю Владимиру Андреевичу*). Негодяи! Это вы отравили ее, ваши люди...

МОНАХ СИЛЬВЕСТР (*поддерживая Адашева*). Это вы, вы! Чтоб досадить царю-батюшке.

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Помолчите! Неизвестно кто... пока неизвестно... Зачем мутить воду, пойдет по народу – горя не оберешься. Сечь друг друга начнут топорами, усадьбы громить, Москву охватят пожары. Как это бывает у нас тут обыч-

но во все смутные времена... смута нам не нужна... Может, князь Курбский знает, кто это мог бы содейть (*показывая на усопшую*). Все же друг царя и советник, к царю вхож...

ГОЛОС ОТКУДА-ТО ИЗ СОБРАВШИХСЯ. Вхож-то вхож, как медный грош.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*В сторону, про себя*). Я подарил царице при всех на свадьбе жемчужное ожерелье. Может, кто-то заметит хоть, что его на ней нет?

Вслух. Царя надо дожидаться, царя самого. Что скажет царь?

И пошло, полетело по Кремлю, по Красной площади, – к Лобному месту уже собирался народ с воплями. «Бояре правды не говорят. Утаивают ее от народа... А Курбский сказал: «Надо, говорит, дожидаться царя самого. Пушай скажет слово, объявит народу»... Толпа гудит у Лобного места, до царевых палат тут всего ничего, рукой подать до стола, где лежит усопшая, мертвая царица Анастасия.

Из толпы. Царя надоть! Царя искать! Куда бояре дели царя-то нашего, Ивана Васильевича?.. Послать конных и пеших по ближним и дальним обителям! Пушай ищут царя!..

МЕТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (*выйдя к народу*). Царь наш на богомолье. Молится уж за усопшую, за ее святую, невинную душу... Помолимся же и мы тут с вами...

Осенив знаменем себя и поднимая десницу над народом, стоящим в оцепенении, говоря нараспев седьмую молитву Иоанна Златоуста:

«Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика Ты согреших, аще словом, аще делом, аще помышлением, волею или неволею, разумом или неразумием ми прости яко Благ и Человеколюбец... во исцеление души же и помышлений. Яко твое есть, Царство и сила, и слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

И туга-печаль пошла по Москве, над Москвой сошлись сумрак и тучи.

Сцена четвертая

Москва, Кремль, у Успенского собора Митрополит Макарий. Появляется Максим Грек – известный толкователь существа, монах Иосифова, ныне Троицкого монастыря.

МАСИМ ГРЕК (*целую руку митрополиту*). Ты звал меня, преподобный?

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Хотел поговорить с тобой, посоветоваться. Как человек с человеком – с умным, понимающим суть. Чуешь? Смута на Москве кабы не грянула. Царя нет, царица мертва, а сторонники Адашева да Сильвестра, князя Владимира Андреевича напирают... Так о чем мы с тобой в прошлый раз говорили?

МАКСИМ ГРЕК. Да все о том же: о царе и царях наших, слава тебе, Господи, да еще о Москве – Третьем Риме. Уж коли мы византийством повязаны, так и цари наши должны быть божественными, и сама природа царской власти у нас такова – божественна, дана нам от Бога...

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Может, погодить с амвона вещать про это? Слышишь, что пошло про царя по народу-то? Слушок кто-то пустил нехороший, и слушок-то каков про Ивана Васильевича?..

МАКСИМ ГРЕК (*насторожась*). Каков слушок?

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Опосля про это. Не говори и ты про свое, про божественность царской власти, надобно погодить.

На другой день объявляется царь на Москве. Почернел от туги-печали, перекосило всего.

ЦАРЬ ИВАН (*принародно*). Клянусь! Перед прахом усопшей любимой моей – царицы Анастасии даю свое царское слово! Утешусь лишь тем, что найду, разыщу тех, кто согнал царицу с этого света на тот, в могилу! И, как надо, аж чертями тошно станет, люди, – возблагодарю...

Народ, прослышав такое, приподнимается, бояре призадумываются, а в тучу ударило Солнце, вещая что-то в событиях впереди.

И объявил царь опричнину.

В Думе выступил перед боярами.

И то же самое объявил народу с Лобного места, на Красной площади.

Вот что сказал русским людям ЦАРЬ ИВАН IV:

«Кто свой – кто чужой, кто верный, а кто предатель вероломный – не знаю. А потому собираю в одно, от прежнего, обновление – опричь – верных, точно знаю, опричников».

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*кандидат от оппозиции, перебивая царя, во весь голос с Лобного места*). Люди! Знаете, что запишет с сего времени летописец? И мать моя привесит свою печать к крестоприводной записи: «И много они (Адашевы да Сильвестры) бранных речей говорили. И с тех пор пошла вражда, между боярами смута, а царству во всем оскудение».

ЦАРЬ ИВАН IV. Приблизил к себе я сначала этих людей – Адашева и Сильвестра. И сначала советам их внимал, слушался, а они, собаки, учили меня непотребному, угождением, ласками завладели моей благосклонностью. А они, эти-то люди, не желая видеть жены моей и ее братьев, Захарькиных-Юрьевых, соединились с моими врагами, не желающими видеть меня на престоле, и обращаются теперь уже не ко мне, а к двоюродному брату моему, удельному князю Владимиру Андреевичу, это они его делают кандидатом от оппозиции. Он от них отбивается, все никак не может отбиться.

ГОЛОСА НА ПЛОЩАДИ, ИЗ НАРОДА. (*Царю Ивану*). Так царь ты или не царь? Отдай этих собак Адашева и Сильвестра опричникам... И вынюхивать не надо: это они, собаки, их люди привела к гибели царицу Анастасию... Сколько их, всяких таких, обступило престол...

ДРУГИЕ, НАВСТРЕЧУ ИМ ГОЛОСА. С чего это вы взяли? Все – Адашев с Сильвестром... Это твои любимцы, царь: Басманов Алешка с Вяземским – опричники, во главе с Малютой Скуратовым... куда они смотрят? Не все на Адашева да на Сильвестра валить... Не вали, псать, на собак, на слова, коль у самого рожа крива...

МАЛЮТА СКУРАТОВ (*грозно*). Молчать, братва! Я покажу вам, у кого это рожа крива, а где раки зимуют!

ЦАРЬ ИВАН IV. Ладно тебе, глядите, уже пошли шнырять по толпе его молодцы – опричники, да хватит тебе хватать и тащить, Малюта! Вали отсюда со своей братвой, отдыхай, браток.

Кремль, тронный зал. Вскоре после того, царь Иван IV, сидя у окна не на престоле, а возле него, на колченогом стуле, принимает иноземных гостей, а после и своего Максима Грека – монаха Троицкого монастыря, умного человека.

ЦАРЬ ИВАН IV. Ну что, грек, молишь меня, чтобы прислал тебе греческих книг? Ко мне, дядя, в Кремль, приходи, самые редкие книги есть у меня, дам почитать.

МАКСИМ ГРЕК. Лучше взяли бы да и отпустили меня вы с Митрополитом Макарием назад к себе на Святую гору Афон. Уж там книг сколько хошь... Обвиняют в ереси, написал уж две отвещательной речи, отбиваясь от обвинений. Терплю гонения, столько лет...

ЦАРЬ ИВАН IV. Потерпи еще столько же. Я вон царь и то, видишь, сколько терплю?

МАКСИМ ГРЕК. Патриархи уж просят за меня – Константинопольский и Александрийский, просят с Митрополитом Макарием. Уже не против, склоняются отпустить, да в тебя, царь, все упирается.

ЦАРЬ ИВАН IV. Думаешь, много умных и смелых на свете людей? Да еще чтобы правду мне говорили? Ты вот один такой у нас на Руси и есть. Не боишься царю слово умное, слово смелое молвить. Я ценю, монах, тебя. И что там ты сказал тогда про меня, про царскую власть Митрополиту Макарию? Мне передали. Ну-ка, еще повтори. Ты же ведь тверд на память, знаешь все свои самые важные речи.

МАКСИМ ГРЕК. Да ладно, царь. Не хвали, не вгоняй меня в краску. Читаю как говорю, а говорю как читаю. «Царь есть образ живой и видимый царя небесного. Но царь небесный естеством

благ весь правда, есть милость, щедр ко всем. Цари греческие унижены были за их преступления, за то, что похищали имения подручников своих... Благовернейший царь! Отец твой, Великий Князь, самодержец всея Руси Василий Иванович удостоил бы, меня большей чести, чем ныне, если бы не поклепали ему на меня некоторые небратолюбцы... Приняв слово мое, отпусти меня на Святую Гору, на Афон».

ЦАРЬ ИВАН IV (*слушая в живости весь и в интересе*). А еще чего скажешь, монах?

МАКСИМ ГРЕК. Монарх! А еще вот что: «Истинный царь и самодержец тот, кто правдою и благозаконием старается устроить житейские дела подручников своих, стремится победить бессовесные страсти и похоти души своей»...

ЦАРЬ ИВАН (*явно повеселев*). Это ты про меня? Про мои-то страсти и похоти? Что еще у тебя, монах? Что у тебя там еще припасено?

МАКСИМ ГРЕК. А ничего особого, так. Это у тебя все особое. «Особых» людей завел при себе – дворян. Дворцы дал им, земли «особые», «особые» улицы... Опричнина называется...

ЦАРЬ ИВАН. Но я же и земство создал, прежнее оставил за прежними, за боярами.

МАКСИМ ГРЕК. Много чего наотнимал у людей. Говорят, скоро будешь жизни лишать, кровушку лить. Опричники твои топоры уже точат.

ЦАРЬ ИВАН. Кто сказал так!

МАКСИМ ГРЕК. Да твой же опричник Малюта Скуратов.

ЦАРЬ ИВАН. Ну, я ему язычок-то подрежу... Что еще, монах?

МАКСИМ ГРЕК. Во время казанской осады погибло много воинов христианских. Вдовы их, сироты, матери обесчадели в слезах и скорби. Гораздо лучше пожаловать и устроить их царь, чем преследовать. Помогите им в беде, собери чада свои в своем царствующем городе-храме.

ЦАРЬ ИВАН (*односложно*). Поможем. Устроим. Что у тебя, монах, там еще? Для себя лично о чем-нибудь просишь?

МАКСИМ ГРЕК. Для себя? Ничего. Разве еще, наперед глядя, скажу тебе, царь, напоследок. Ибо вряд ли придется тебе еще со мной когда либо пошептаться, не дадут.

ЦАРЬ ИВАН (*усмехнувшись*). Шепчут на ухо не для того, чтоб другие слышали. Почему ж хоть потом не удастся тебе мне сказать даже и пошептать?

МАКСИМ ГРЕК. А прольется большая кровь. И тебе самому про то не захочется слушать.

ЦАРЬ ИВАН (*самодовольно, с высоты своего положения*). Ну, скажи, скажи, грек, что тебе зрится? Как мне быть и что делать? Некому теперь в глаза мне сказать, как царицы не стало.

МАКСИМ ГРЕК. Некому, царь, а надо. Не свои положенья слова скажу тебе: а другого монаха того же Иосифова монастыря, тоже любимца твоего отца Великого Василия Ивановича, ты, царь, о нем когда-либо слышал?

ЦАРИ ИВАН (*насторожась*). И про кого же?

МАКСИМ ГРЕК. А про Вассиана Топоркова. Возбудил он ненависть людей, думавших одинаково с Патрикеевыми и Курбскими, за что в 1552 году, после вторичного торжества Шуйских, должен был удалиться в Песносиский монастырь. Так вот, отец твой – Великий Князь Иван Васильевич – зашел к нему в келью и спросил: «Как я должен сидеть на троне, чтобы бояр своих держать в послушании?» Вот что сказал царю Топорков: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника умнее себя. Думай, что ты выше всех. Станешь так поступать, будешь твердо сидеть на царстве, все в руках своих будешь иметь. Если же будешь окружать себя людьми умнее себя, поневоле будешь им подчиняться. И тогда руки твои будут их руками, а твоя голова их головой».

Царь Иван (*поднимаясь со своего колченого стула*). Все, монах?

МАКСИМ ГРЕК. Пока все.

ЦАРЬ ИВАН. Ну, иди, отпускаю тебя не только грехи, но и на Святую Гору твою, на Афон. Уезжай отсюда, и поскорей. Ты исполнил свой долг.

Через час на месте монаха сидел уже Курбский, Андрей Михайлович, – первый воевода, сохранивший жизнь царю Ивану при осаде Казани.

ЦАРЬ ИВАН (*усаживаясь на троне, цепко глядя в князя*). Ну что, друг, как ты тут без меня, без моего царского благоволения?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*так же твердо, не отводя взгляда*). Да все Ливония, Польша на уме. Орден Ливонский распадается, Польша с Литвой владение рыцарей к своим рукам прибирают. И к нашим крепостям уже подбираются.

ЦАРЬ ИВАН (*озабоченно*). Ну, и что надумали, бояре, как и что будем с этой Ливонией?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Ну, а что? Пока она слабее нас, надобно начинать.

И тут царя Ивана озаряет догадка.

ЦАРЬ ИВАН (*поубавив тону*). Дай-ка я тебе, воевода, как на духу сейчас расскажу, перескажу, что сам тут перед тобой только что слышал... Монах тут был с Троицкого монастыря, но сам родом грек. Знаешь такого?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Максим Грек? Да кто ж его на Руси-то не знает?

ЦАРЬ ИВАН. Вот он тут мне и говорит: Топорков, дескать, тоже монах, тоже с их монастыря, еще отцу моему – Великому Князю Василию Ивановичу, когда тот спросил его, как ему сидеть, сказал умное, на долгие времена: «Дескать, держи царь, вокруг себя людей поглупее, вернее. не умнее себя, и сидеть на троне будешь твердо, все будет у тебя получаться». Как ты думаешь, князь, правильно это?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*вспыхнув*). Когда в келье сидишь: думаешь, может это и правильно. А когда перед тобой ливонцы, Курляндия, Польша, почти пол-Европы? Умных людей держать надо вокруг себя, умных, умные тебя поднимают, а глупые опускают. Где же это лучше всего проверяется. как не на войне, не в баталиях? Кабы при осаде Казани не меня, царь, держал бы ты возле себя первым воеводой, а кого-нибудь дру-

гого поставил, неизвестно кого, что бы с Казанью у нас получилось, а? Как ты думаешь?

ЦАРЬ ИВАН IV (*Вслух*). С Казанью-то да. Все у нас хорошо получилось, и с Астраханью тоже неплохо. А вот Ливонию никак не раскусим, никак не пробьемся мы с тобой к Балтийскому морю.

(*И в сторону, про себя*). В самом деле, с Ливонии пора начинать, может уже припоздали. Кого первым воеводой поставить? Может, опять его, как при осаде Казани? Рыцари – это тебе не Казань. Пусть рога тебе маленько пообивают, будет знать как на чужих-то жен... покушаться...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*В сторону, про себя*). Рога тебе снятся все... А об Анастасии ни слова, как будто ничего не случилось.

Вслух. (поднимаясь, чтоб уходить). Балтийское море, царь, нам позарез, Руси просто необходимо.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

События, которые происходят в этом действии, начинаясь в Московии, переносятся то в Ливонию, то в Курляндию, то в Литву, Польшу, куда судьба заносит московского воеводу князя Андрея Курбского и куда, как эхо, доходят известия об опричнине, валом катящейся по Руси. В виде призрака расстроенному воображению князя Курбского является время от времени царица Анастасия.

Сцена первая

Московская Русь, колокольня Иосифова монастыря. Сюда поднимается воевода – князь Андрей Михайлович Курбский, назначенный военачальником русских войск в предстоящей Ливонской войне.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*на колокольне Иосифова монастыря, обозревая окрестности*). *Вслух*. И как же дали тут откровенны! На Запад аж до Ливонии, Польши, лесом прикрыты – на Восток, до Москвы. Царь Иван посылает меня

на Ливонию, сделал своим военачальником, первым воеводой войск, отравляющихся в поход. А коней не хватает, артиллерии почти нет. Где взять их? А где хочешь, там и бери.

Сказал царь намеком про колокола, рассеянные по церквям да по монастырям на Святой Руси, сказал в открытую про «мятежника Иосифа». Вырви, говорит, его грешный язык, болтлив больно, как у Максима Грека, был тут такой инок, гремел на всю русскую степь...

Князь вытаскивает кинжал, бьет им слегка по краю колокола; откликаясь, гудит раздумчиво, глубоко малиново этот «мятежник – Иосиф».

АНДРЕЙ КУРБСКИЙ *(в тон ему, на всю колокольную)*. Хороша медь! Певуча! Жаль сбрасывать с колокольной, переливать на пушки. И канат какой мощный!.. По сути приказ царя. Если что, голову живо отрубят, перерубят шею, как этой канат...

КНЯЗЬ *(крича вниз во всю мощь своей глотки и легких)*. Эй, Адаше-е-ев!.. Сюда ко мне, подымайся на колокольную-ю-ю!.. Поговори-и-им!..

«М-м-м-м», – отзывается «Иосиф-колокол».

ГОЛОСОМ МАКСИМА ГРЕКА, *нетленной медью мятежного монастыря.*

Возникает воевода Адашев, улыбается блаженно, глядя на Русь с высоты.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Благолепис.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ *(в сторону, про себя)*. Красоту понимает, а красоты в людях не видит. Тоже, небось, в опричниках тайных у Малюты Скуратова. Приставлен ко мне, стучит Малюте, а Малюта – царю...

Вслух. Ну что, Алексей, нагледелся? Давай теперь поговорим. Без свидетелей. Ближе к Богу. Да тут и мозги-то, кажется, лучше варят... Знаешь, зачем нас сюда послали? Колокола сбрасывать, канаты рубить.

АЛЕКСЕЙ АДАШЕВ *(ежась, неловко, скаля зубы)*. Грешно.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А людям головы рубить? Как твой Малюта Скуратов?

АЛЕКСЕЙ АДАШЕВ (*метнув убийственный взгляд, на князя*). Откуда известно тебе... про Малюту?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*подавая топор Адашеву*). На, руби молча, не спрашивай. Я с тебя потом буду спрашивать, говорить с твоим Малютой Скуратовым. Про нас с тобой, про артиллерию, про пушки бронзовые, наполовину из меди... из таких вот колоколов... А то потом дойдет до Митрополита Макария, а Митрополит Макарий скажет царю, а царь скажет Малюте Скуратову, а Малюта голову начнет мне рубить...

ВОЕВОДА АДАШЕВ. За колокола не начнет.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Начнет, начнет! Еще как... Вот ты, Алексей, божий человек, а ну, руби канат! Сбрасывай наземь... Свое отпелся, отголосил голоса, теперь будет стрелять...

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Кидать в неприятеля ядрами.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*твердея голосом*). Швыряться ядрами!.. Бери и руби, воевода!... А я пошел вниз спускаться – лошадей собирать по дворам, телеги готовить да везти груз вон он туда, поближе к реке. Где будем пушки из колоколов отливать. Дополнительно артиллерию к Ливонской войне готовить. Что ж нам с тобой, Алексей, голыми руками. что ль, с Орденом рыцарским воевать?

Вечерет. Солнце идет на закат. На опушке соснового леса первые отряды русского войска – устали, шли ведь от самой Москвы, Твери, Ярославля. Располагаются на отдых, зажигают костры.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*воеводе Адашеву*). Теперь с тобой говорить буду прямо, без обиняков, излагать все как есть, как на духу. Мы теперча одной ниткой повязаны. Выиграем предстоящую битву за Невель – жди другого сражения – за Феллон, не выиграем – «секир башка».

Из Москвы подходит обоз с рыбой.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*Адашеву*). Поди в шатер, укройся – послушаешь, что скажут... может, и про тебя...

Появляются обозники, с ними кое-кто из бояр, из московской знати. Кланяются, припадают на колено перед князем, военачальником.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*весело*). Мухи отдельно. котлеты отдельно. Обозников с рыбой туда, в отряды отдельные, из знати московской сюда к шатру... Ну, рассказывайте, как там у нас на Москве?..

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ. Не у нас, князь, а у них, у опричников... После свидания с монахами Максимом Греком и Василием Топорковым царь наш царствует хорошо. Голов меньше рубит боярских, меньше отдает опричным улицам, Малюте Скуратову, больше забирает себе...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*сдвинув брови*). А в чем же дело, почему вы тут, а не с чадами своими, под крылом у царя? Заметьте, от сатанинского силлигизма и произошла вся беда, перемены в царе Иоанне.

ОДНИ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ. Мы в обычной тишине своей отказались целовать крест цареву Димитрию.

ДРУГИЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ. А мы видим, что, царствуя хорошо, царь наш, с другой стороны, создал значительное движение недовольных, в том числе и князей...

КНЯЗЬ КУРСКИЙ. Это мы знаем. Короче.

ТЕ ЖЕ. Среди не хотевших присягать цареву человеку был и князь Семен Ростовский. Потом побежал в Литву князь Никита Ростовский, был схвачен в Торопце и казнен. Потом собрались бежать князя Лобановы и Примиковы...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*слегка заикаясь*). Что это вы там, на Москве, все бежите?

ТЕ ЖЕ. Уж невмоготу стало. Вы тут, воеводы, на краю Руси, куда вам бежать? А мы, тьма, в самой середке.

ТЕ ЖЕ, ДРУГИЕ. В самом пекле, в кровавом мешке.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ (*поглядывая на шатер*). Ну, а что про Сильвестра да про Адашева скажете, про любимчиков у царя?

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ (*хором*). Какие любимчики! Отошли времена... И стали власти от злости по-

житки свои умножать, нами владеть, несправедный суд учинять. И что же те самые, клеветца, шепчут на ухо?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*раздраженно*). Да кто хоть! Московские сказки.

ТЕ ЖЕ, ХОРОМ. Да не сказки, Сильвестр и Адашев. И когда умерла у царя жена, все на Москве и сказали, что извели ее Сильвестр и Адашев. А царь поверил. Услышав про это, Сильвестр и Адашев начали умолять царя то через письма, то через митрополита, чтобы дана была им очная ставка с клеветниками. «Не отрицаем, – писали они, – смерти царицы, если будем избочлены пред тобой, царь, и пред Думой твоей. И что теперь умышляют те клеветники? А вот что. Писем до царя не допускают, грозят митрополиту, даже царю говорят: «Коли допустишь, очаруем тебя, Иоанн. Притом все войско твое и народ любить будут их даже больше, чем, царь, тебя... даже больше...»

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*иронично*)... как в Польше, в «полосе» этой средней. Ну, и куда девались Сильвестр и Адашев?

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ, ЭЛИТЫ. Клеветников осудили заочно. А Сильвестра сослали к лопарям, на дикий остров, что на Ледовитом море, в монастырь Соловецкий, лежащей на краю – в Корельском языке, в заснеженной лопи.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А Адашев?

ТЕ ЖЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ЭЛИТЫ. Отгоняя от очей царских без всякого суда и после смерти царицы назначается... Но тут след расходится надвое... одни говорят, назначается он воеводой в новозятый город в Ливонии, а другие – в город Феллин, но известно, что Адашев в этот отправлен поход на Ливонию, в третьих воеводах в большом полку Курбского Андрея Михайловича...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*засмеявшись*). Да вот же, в шатре он! Выйди, покажись им, Адашев!.. Все верно, окромя того, что он тут у нас во вторых воеводах... Мы ту чуть пригрели его... собственной властью...

Из шатра, улыбаясь, выходит Адашев.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ, ВОЕНАЧАЛЬНИК. Видал, Алексей? Мы еще только собираемся идти на этот ливонский город Феллин, а тебя уж туда назначили воеводой.

АЛЕКСЕЙ АДАШЕВ. Значит, будет наш, возьмем этот Феллин.

Там же, наутро собран военный совет.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ – ПЕРВЫЙ ВОЕВОДА, ВОЕНАЧАЛЬНИК. И куда идти будем: на Невель или на город Феллин?

ГОЛОС АДАШЕВА. Царя бы спросить, Иоанна Василича.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. До царя далеко, а тут надо быстро. Пока ливонцам не пришел сам сатана на помощь.

ГОЛОС ОТ АРТИЛЛЕРИИ (*ночью подошедшей сюда из-под Владимира*). По кириллице если... по буквам город тот на месте втором... от того края...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*подытожив*). Значит, на Невель! Впереди поставим Малютовых слуг, опричников.

ГОЛОС ОТ ИНФАНТЕРИИ. Правильно, верно! В самое пекло их, под огонь, под ихнюю артиллерию.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*покосившись на голос, но твердо*). Не в этом дело! А в том, чтоб молчание было по местности, куда и зачем идем. Эти-то язычок всем прикусят. Чтобы застать город – крепость врасплох. Чтоб и дверь затворить не успели.

Все расходятся, покидают шатер военачальники. Князь Андрей Курбский остается один.

Сидит, обхватив голову обеими руками, в размышленьях, однако почему-то не про войну, а про мир. Да как там сейчас у них на Москве?

АНДРЕЙ КУРБСКИЙ (*в полузабытьи*). Дремлю, засыпаю и слышу себя, свое сердце, как стучит оно, тело дергается, так бывает, говорят, у Малюты Скуратова даже глаз один дергается, когда он пытается бояр.

Чередой проходят они, князь Андрей перед твоими глазами, нескончаемой вереницей. Как журавли – отпевшие свое, отлетевшие души. И где-то в самом конце вереницы Анастасия – царица, его живая, ее неживая душа. Но вот глаза ее приоткрываются. лицо розовеет, она начинает дышать. Вот-вот начнет говорить, переходя черту отсюда сюда, где и он.

АНДРЕЙ (*подходя к черте отсюда, от своего живого сердца*). Так кто же все-таки дал яду тебе, Анастасьюшка? Кто это сотворил? Он, лично сам? Или же тот, кому он на тебя указал? Все это мучает меня, перекручивает всего, не могу спать ночами. а днем занимаюсь тем делом, которое поручено тебе Русью, царем... Надо брать себя в руки, уснуть, ты устал, тебя все это потрясает. Что происходит с тобой, с родней твоей, близкими?.. Скоро ты останешься один, совсем один, Малюта Скуратов закопает всех вокруг... Прилечь и заснуть... Утро вечера мудренее...

Завтра рано вставать. русское войско под твоим началом, военачальник, князь Андрей Михайлович Курбский, отправится в новый поход, Ливонская война продолжается.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Анастасия! Царица! Явись, предстань предо мною воочию! Осени перстом, крестным знамением, благослови на жизнь, на победу.

Сцена вторая

Москва, Кремль, Успенский собор, где происходят венчанье на трон русских царей. Во времена самодержавца Иоанна IV тут находится главный кафедральный собор Митрополита Макария.

Иерарх православный один в большом гулком храме, рядом с ним никого. Всех, до последнего самого богомольного, проводил он с панихиды, проведенной им по новопроставленной царице Анастасии, которую после того отнесли в Новодевичий монастырь и предали земле.

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Вслух. Вот стою и размышляю, говорю сам себе уже не церковными – простыми словами: недоумеваю! Что в этом мире свет белый перемутился? Молодая царица ушла, божьи ангелы унесли ее душу на Небо. Но что бесы творят, что несут силы бесовские по Москве? В одних кругах, что царица приняла яд сама, отравилась, не выдержав какой-то болезни. Другие – что это сделали опричники, «кромешники» Малюты Скуратова, чтобы закрыть доступ к царю прежним любимцем от бояр. Третьи даже до того договариваются, что уст-

роил сие сам царь Иоанн, а коли не сам, так подговорил людисшек своих мелкотравчатых...

Иные аккуратненько тычут пальцем в князя Курбского – друга царя и приспешника... Ну, а церкви, Митрополиту Макарию как в таком случае быть, куда поворачиваться?..

Спокойно, Макарий! Спокойно!

Нет дела, в котором бы Бог наш – Иисус Христос – нам помог. А мы в подмогу себе еще и кого? Святого Александра Невского. И кого третьего... Третьим кого пред собой поставить? Для троесперстия: во имя отца и сына, и святого духа. Да живого из кого-нибудь ныне живущих... Этих всех будем менять в своем воображении, призывая по случаю. Вместо живого поставим сюда – вот Николай-чудотворец, защитник Руси...

Три иконы вместе стоят, троесперстие...

Падем на колени и перекрестимся...

Пожелаем царю Иоанну многия, многия, многия лета...

Горят в алтаре свечи, зажженные еще на панихиде царицы Анастасии, не успели догореть.

Митрополит Макарий кладет перед собой Государеву грамоту, присланную Иоанном через чиновника Константина Поливанова.

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ. Вот что сообщает Иван Васильевич мне, предстоятелю церкви. Так, это все о мятежах, бесчинствах, беззакониях Боярского правления во время его, Иоаннова, малолетства. «Приказные люди, бояре растащили тогда казну, земли, поместья Государевы, радели о своем богатстве и забывали отечество. Сей дух в них не изменился – Л.З.). Они не перестанут злодействовать: воеводы не хотят быть защитниками Руси, христиан, удаляются от службы, дают хану, Литве и немцам терзать Россию, а если Государь, движимый правым судом, объявляет гнев недостойным, то митрополит и духовенство вступаются за виновных...»

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (*отступив от бумаги*). А сам Государь пролил крови втрое больше, чем батюшка его Ве-

ликий Князь Василий Иванович и трое на трое больше изъял земли и имущества у христиан через опричников...

А христиане у нас, у Христовой церкви, равны.

Обращаясь к иконе Иисуса Христа. Так ли, говорю и поступаю, отец наш родной?

– Так, так – мерцает святой лик из византийских досок иконы.

– МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (*обращаясь к другой иконе – к Александру Невскому*). А теперь ты скажи, святой воин – князь Александр, как все в войне у нас происходит?

Вот гляди, что пишут в сих свитках. Царь упрекает: «Иные из наших первых воителей без угрызения совести ищут убежище от гонений, находя его в самой Литве. И, приставая к врагам отечества, предают свою честь и веру, саму русскую душу, например, обласканные богатым поместьем Ковельским».

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (*разворачивая другой свиток*). А вот что венценосному отвечают: «Иоанн для своей и государственной безопасности учреждает особенных телохранителей. Говорит, надо видеть далее гроба, а сам предлагает «опричнину», что привело в новый ужас Россию. Во-первых: «Царь объявляет своей собственностью города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровь, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Руссу, Каргополь, Вагу, а также волости московские и другие с их доходами»...

МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (*отрываясь от перечислений, поднимает голову к иконе Николая-чудотворца, видя как будто живого князя Андрея Курбского*). Ну, а ты что скажешь на это, святой Николай?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*как бы с иконы Николая-чудотворца*). Я продолжу перечисление. «Во-вторых, выбрана тысяча телохранителей из князей, дворян, детей боярских и даны им поместья и вотчины, а владельцы их не согласны. В-третьих, в самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцевым Врагом, половину Никитской с разными слободами»... Не хотел жить во дворце Иоанна III, приказал строить новый за Неглинной, между Арбатом и Никитской, подобно крепости, оградить дворец высокой стеной.

ГОЛОС СВЫШЕ Первосвященника Афанасия, инока Чудова монастыря, бывшего Благовещенского протоиерея и духовника государева, звучит под сводами Успенского собора в Кремле.

В последний 1563 года скончался Митрополит Макарий, обвиненный некоторыми в честолюбии, в робости духа, но хвалимый многими за благонравие, смелый обличитель царских пороков, но и не грубый льстец. Изнуряемый многими печальями, Макарий несколько раз хотел удалиться в пустынь, стать молчальником. Но православная вера, святители убеждали его в обратном. Сей пастырь церкви не был спокойным свидетелем Иоаннова разврата, предпочитая говорить Истину там, где в ней нуждались. Ревностный в христианском просвещении, он споспешествовал переводу Греческой Миней и прибавил к ней «Житие Российских Святых», установив службы празднества Александру Невскому, Савватию и Зосиме Соловецким и др. Макарий сочинил «Степенную книгу», доведенную от Рюрика до 1559 года, и способствовал учреждению в Москве типографии.

В память о сем светлом лике Пастыря церкви, его стойкости в испытаньях и просветительстве решено: митрополитам российским впредь носить белые клобуки, с рясами и херувимами.

Митрополит Филипп – восприемник Афанасия, говоря о сем Первосвященнике церкви.

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП. Братие, сестры! Мы потеряли еще одного Иерарха, ревностного служителя православия, Христианина. На сем святительском месте, будучи прежде даже духовником царя Иоанна, он умел отделять в нем зерно от плевел, громогласно молил Всевышнего за ниспослание здравия царю Иоанну, чтобы царь поступал по справедливости со своим христианским народом, не впадал в лицемерие и бесовство.

Вспомним, братья и сестры, отъезд царя Иоанна в Александровскую Слободу. Как сказал тогда царь: «Не желая больше терпеть ваши измены, мы от великой жалости сердца оставили Государство и поехали, куда Бог укажет нам путь».

Столица пришла тогда в ужас! Безначалие казалось еще страшнее тиранства. «Мы погибнем! – возопили в народе. – Кто будет нашим защитником в войнах с инопланетянами? Люди, проливая слезы, требовали Митрополита Афанасия, чтобы он умолил Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась». Все говорили одно: «Пусть Царь казнит своих лиходеев: в животе и смерти воля его, но Царство не останется без Царя».

И он услышал нас, он вернулся. Вид его изумил всех и каждого. Уходя в Александровскую Слободу, царь Иоанн был велик ростом, строен, имел высокие плечи, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза не большие, но светлые, серые, пронизательные, исполненные огня. И вот царь вернулся. В сие время он так изменился, что лицо, некогда приятное, было не узнать: мрачная свирепость, все черты исказились, взор угас, а на голове, в бороде не осталось ни единого волоса... Таковы были последствия того, что кипело в душе его...

И Митрополит Афанасий, бывший пастырь его, духовник, принялся его утешать словом и делом по густым, тернистым дорогам, дебрям нашего бытия.

Государь потребовал из казны государственной сто тысяч рублей – ему дали. Государь потребовал искорененья изменников – ему покорились. И первой жертвой стал славный воевода князь Александр Борисович Горбатый – Шуйский, далее ближний родственник добродетельной царицы Анастасии боярин и воевода Иван Петрович Яковлев, а потом и пошло. Ходатаев уже не было, духовенству не велено было вступаться за опальных, слезами только могло орошать алтари. И вот, воссылая молитву Богу во имя спасения несчастных, поднялся с места Митрополит Афанасий и представил себя ручателем в своей неизменной службе Государю...

Сим Иерархом на себя было взято слишком много, что сердце, не выдержав, разлетелось в куски от любви, на три части: за

веру, царя и отечество. Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь.

Москва, Кремль, в том же Успенском соборе через какое-то время.

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП (*проводяя Предстоятеля церкви Афанасия*).

Люди государевы, братья и сестры! Мы провожаем экзарха Церкви, такого Просветителя, который, подобно Савватию и Зосиме – этим соловецким монахам-сподвижникам, казался простым, разоблачая тиранство. Да не столько словом, сколько делом, поступком своим и жизнью. Он смело становился ручателем в неизменной службе Государю. И в случае бегства того, за кого он ручался, Митрополит Филипп вносил в казну за него содержание, дособирая порой сумму с друзей. Так было с князем Серебряным (25 тысяч рублей). Брать с таких постыдно для Государя!

По-христиански ли это? Никому не было снисхождения. Беглеца находили приставы, и при неудовлетворении опричники выводили беглого на «правеж» и всенародно на площади подвергали должника жестокой сече, пока кто-нибудь за него не заплатит.

И Филипп со всеми христианским благочестивым миром молил Господа, просил, чтобы небо послало людям свой милостивый, свой серебряный дождь.

Вместо тысячи царь избрал себе шесть тысяч телохранителей. И митрополит Филипп взялся за их образование, то есть за опричников («кромешников»), а там сидели Скуратов, Беспалов, князь Афанасий Вяземский, которые вменяли молодым не знаться со знатными, со справедливыми не дружить...

ГОЛОС СВЫШЕ. И умер Филипп, как и все митрополиты на Руси во царствие Иоанна IV, вознося молитвы царю и отечеству. Но вот каков самый первый подвиг Митрополита Филиппа, от чего все потом у него и пошло, о чем записал летописец:

«Заплакал я, стоял непреклонно, когда предлагали стать митрополитом и поставил условие: «Покорюсь вашей воле, но уймите совесть мою: да не будет опричнины, будет только единая Русь, Россия, ибо всякое разделенное царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Аминь».

Сцена третья

Ливония, у стен Невеля, в то же самое время – 16-й век. Русское войско во главе с военачальником, первым воеводой князем Андреем Михайловичем Курбским.

У походного шатра князь Курбский. Расстелив карту-схему баталии, изучает ее, рассматривает все подробнее. Появляется второй воевода Алексей Адашев.

АЛЕКСЕЙ АДАШЕВ. Извлекаешь уроки, князь? Где мы с тобой дали маху?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А что тут извлекать? Заранее было известно, что делать. Конницу спешить и пустить на стены вместе с пехотой. а не бросать с саблями противу артиллерии... Это ты, Адашев, настаивал.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Ну да, плохому танцору «печка мешает».

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Донесение из Москвы. Нас с тобой опять поминают.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. В связи с чем?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Да в связи с тем же: кончиной царицы Анастасии.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Нейдется им, опричникам Малюты Скуратова. (Обеспокоенно). А может, сам царь дергает за ниточки, строит свои политесы?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Следовало бы предвидеть. Выиграли бы сражение – битву при Невеле, были бы мы «на коне». Комар носа бы не подточил, как же, мы с тобой – победители. А проиграли, не взяли Невель, эту ливонскую крепостишку, жди теперь, всех собак навешают: главное – к царице Анастасии тебя подведут, едва ли не ты лично яд в рот ей совал. Царю опричнину содержать нечем, вот он куда по Руси ее

размахнул. Народ молит уж митрополита; мрут люди, как мухи, один за другим...

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*подозрительно*). Не кощунствуй, князь. При чем тут царь и смерть митрополитов?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Ты не режь взглядом, Адашев! Тут, под Невелем, я тебя не боюсь. Тут у нас с тобой сейчас одна судьба на двоих. Думать надо, как из этого дела выкручиваться.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Ливонская война длинная, одним сражением не обойдемся.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Вот это уже ближе к делу, что-то в твоём слове наклеывается, какая-то мысль... В самом деле, война с этим Орденом рыцарей утомительна. И до нас она велась, и до нас не брали крепостей воеводы...

АЛЕКСЕЙ АДАШЕВ. Да, но тогда Ливонский орден был, как говорится, на взлете, не воевал надвое: с нами и с Польшей, с королем Сигизмундом – Августом.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Опять у тебя, Адашев, что-то в слове наклеывается, какая-то мысль... Постой, постой... Что-то крутится и выскальзывает, мыслью о царице Анастасии перебивается...

ВОЕВОДА АДАШЕВ. А у меня о царе, Иване Васильевиче.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Ну, еще скажи о Малюте Скуратове, так я тебе и поверил... Так я тебе и поверил... Вот что, Адашев! Из двух мыслей созидается обычно третья. Из твоих двух вытекает одна моя, но, может, самая главная. Видишь, только что прибыла конница? Вон она стоит у леса, не смыкается с нашей ратью... Так откуда та конница? Кто ее к нам прислал?

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Да, откуда она и кем послана?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*бросая стело на карту-схему*). Из Казани! Где мы были с тобой победителями... А прислал ее царь из Москвы?... И кто, как ты думаешь?

ВОЕВОДА АДАМОВ. Ну, кто наш царь на Москве? Что за вопрос? Ну, Иван Васильевич, конечно, царь московский.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Вот то-то и оно-то! Что царь на Москве уж не он... вон читай донесение...

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*аж похолодев*). А кто же, князь, царь-то? На Москве у нас уже давно нет царя, переехал царь Иоанн в Александровскую Слободу. И не царь он теперь, не царь...

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Что – отрекся?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Друг-то мой Иоанн Василич, я его знаю получше много их. В кошки-мышки играет наш Иоанн. В Александровской Слободы он теперь – Го – су – дарь, просто Государь! А царем на Москве вместо себя оставил этого... как его... сразу и не упомнишь... Ну, крещеного татарина поставил – касимовского хана Симеона Бекбулатовича... Как приду-мано! По-русски так: Семен, бек – малый хан, булатный кинжал... Значит, так: Семен – по имени, по прозвищу – Малый хан Булат...

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*подхватывая*). «Хаз-Булат молодой».

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. «Бедна сакля твоя». Словотворец! Образованный человек и это наш Иоанн Василич, почетный царь – государь в Александровской Слободы. Сидит там теперь и ждет своего часу. Ни за что не отвечает, а все шишки на голову... кому?..

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Хаз – булату.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Верно. Вот он конницу нам с тобой сюда и прислал. Из Казани. Симеон – как бывший Казанский хан. А может, царь и далее, на Восток, весь Восток будет под рукой у него.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Ну, вот и ладненько, вот и приехали. Почаще надо менять царей.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Язычок придержи, у Малюты всюду свои уши... Это тот же ход царя, что и тогда, после взятия Казани... Лежал раненый, совсем, кажется, помирал, а наблюдал за всеми, оценивал, расставлял все по полочкам, как будет у него потом, после болезни...

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*оглядываясь настороженно*). Глаза и уши.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А теперь что?

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Да, что теперь?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А теперь самое главное: из двух твоих мыслей выводим третью, мою. Но на ней все и зиждется. Конница татарская подошла, восполняем потери, спешиваем всадников и идем брать новую крепость – город следующий, как ни в чем не бывало. И теперь уж точно берем!.. Что берем? Как называется второй город у нас на пути?

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Как называется?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Город Феллин! Запомнил? – Феллин! Вот почему я – первый воевода, а ты – второй, понял?..

Вперед, на штурм Феллина, и мы победим?

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*обидевшись*). Авантюрьера ты – вот кто ты, Курбский?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Ядро упало там, где я только что был, а меня уже нет тут, я уже там – впереди, где стены штурмуют... Вот так и живем, дорогой Алексей, а то как же.

Там же, в Ливонии, еще под Невелем, но через несколько дней.

Походный шатер князя Курбского. Появляется человек. Он в лисьей татарской шапке, но с явно европейской внешностью.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*отпустив провожатого*). Баскак или поляк? Кто такой и откуда?

ЧЕЛОВЕК В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ (*оглядываясь*). Поляк. От короля Сигизмунда.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*привстав*). Как, от самого короля?

ЧЕЛОВЕК В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ. Король предлагает – вы принимаете. Выгодно нам и вам; Орден ослаб, мы его щиплем, как курицу, с двух сторон: от вас и от нас. Неизбежна победа. После нее делим земли: нам и вам хорошо. Ордена нет... Что сказать королю? Так штурмуем? Мы – Невель, вы – Феллин... Говорить королю?..

Князь Курбский сидит какое-то время в оцепенении. В сторону, про себя. Человек в лисьей шапке, а поляк. Если Восток – дело тонкое, то ведь Солнце заходит на Западе, а на Северо-Западе – море...

Вслух. Говори.

Человек в лисьей шапке исчезает. Князь Курбский вызывает человека в Настоящей лисьей шапке, из Казани.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Догони, пусти ему в спину стрелу.

Утром князь спрашивает Настоящую лисью шапку:

– Ну, догнал?

НАСТОЯЩАЯ ЛИСЬЯ ШАПКА. Ушла лиса. Ускакала.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Где Казань? Где Москвы? И где сердце тут, а не там?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Завтра – бой. Послезавтра – Москва и Казань.

Появляется Алексей Адамов.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. О чем, князь, вы с ним говорите?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. О победе. О выходе к морю.

Послезавтра. Там же, в Ливонии, но уже тут, в Феллине. Те же – военачальник князь Андрей Михайлович Курбский и второй воевода Алексей Адашев.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Ну, куда посылать донесение – в Москву или в Александровскую Свободу?

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Государю.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Малоте Скуратову, тот лучше знает, как донесением распорядиться. А теперь обживать начнем этот Феллин.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Три дня будем грабить и пить.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*грозя пальцем*). Смотри у меня...

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*показывая на пальцах*). Ну, два дня... ну, один...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Пейте, но за свои, мерзавцы! Медовуху местную. Из Москвы доставлены деньги.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. В рублях?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*шутливо*). Возьмите, медные листы... Нарубите помельче – будет денег побольше... На всех хватит. Россию всю не пропьем, еще и царям что-то останется.

Через три ночи к князю Курбскому опять приходит человек в лисьей шапке.

ЧЕЛОВЕК В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ (*передавая из рук в руки князю*). От короля Сигизмунда. Этот свиток – тебе. Эта шуба из горносталя – царю.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Этот свиток – царю. Эта шуба из горносталя – мне.

Наутро князь накинул горностаев на плечи и вышел на смотр войска своего победителем.

ВОЕВОДА АДАШЕВ (*ахнул, увидев шубу*). Откуда?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Подарок магистра.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. А мне?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*усмехнувшись*). Государь-то один. А сейчас у нас хоть и два, но по две шубы ливонцы не приносят. Взял бы Невель – обломилось бы и тебе.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Заячий тулупчик.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Восток – дело тонкое.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. А Запад?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*иронично*). Туда спать уходит Солнце, когда устает.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Светило у нас одно – наша вера.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*доставая штофчик*). Ну что – прямо из него? За веру, царя и отечество.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. За веру, отечество.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. А за царя?

АДАШЕВ. Царя у нас нет.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Так будет.

АДАШЕВ. Опять?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Наши цари просто так не уходят. Слобода есть слобода. Не Кремль ведь. Все у царей впереди.

Сцена четвертая

Те же, там же – в ливонском Феллине, с вошедшим сюда русским войском. Побежденные, кто жив, ушли, а победители пьют три дня и три ночи. На четвертый день Курбский

собрался в лес по ягоды, а Адашев – на реку, ловить сетью рыбу. Каждому, как говорится, свое.

В дом бывшего неприятельского воеводы – начальника крепости они явились к обеду с дарами лета.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Вот моя земляничка, клубничка! И тут отыскались ягодные места... А у тебя как?

ВОЕВОДА АЛЕКСЕЙ. У меня что? Никак, ничего не поймал. Видишь, сумка пуста. Велели прийти после обеда.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*усмехнувшись*). Значит, рыбка была, да тебе не далась.

ВОЕВОДА АЛЕКСЕЙ. Невезучий.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну, пошли теперь, что ли, вместе? Бери бреденек.

И тут пролетает кибитка, кони замирают у дома начальника крепости. Из кибитки выходит – кто бы мог подумать? – сам Митрополит Филипп.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ И ВОЕВОДА АДАШЕВ (*оба вдрызг бросаясь навстречу*). Предстоятель наш! Просветитель! Митрополит!

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП (*подавая руку*). Победителям! Вот узнал и приехал, мчали кони лихо по Ямской, по Тверской!.. А что это у вас – ягодки ясные, сеточка рыбная? И я с вами по ягодным да по рыбным местам. Я же ведь, как вам ведомо, соловецкий. Оттуда, где скитались Савватий и Зосим, и превзошел я в митрополиты... А там рыбы, а там ягоды – клюквы тьма тьмущая, море. Без всякого монашеского труда, все само собой развелось. На всех странников, кто приходит, на весь остров хватает... А тут, как у них тут, в Ливонии? Поглядим. Ну, пошли?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Прямо так, безо всякого?

ВОЕВОДА АЛЕКСЕЙ. Безо всякого?

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП. А чего «безо всякого»? Зато кони всегда при нас, я же Филипп – «любящий лошадей».

Нашли в лесу ягодную поляну. Собирали ягодку к ягодке, самую лучшую – специально для дорогого гостя, для митрополита. А экзарх и сам себя не обесчестил: вон сколько тоже себе набрал – целый горшок, облитый глазурью. Присели на травку,

подставили яголки под солнышко. Слово сказать про всю эту благодать захотелось.

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП (*вздыхнув*). Эх, жизнь, жизнь!.. Жить хорошо, каждой божьей твари жить хочется... А вы, дети мои, все воюете, все сражаетесь. Дым от красоты глаза затмевает, кровь проливается по светлым просторам степным, по полям...

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Вон опричнина хоть бы! Сколько напрасных смертей, а не скажи... даже церкви...

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП. А я говорю. Сказал наемни, так опричники, детки мои, в спину меня, старого, едва не затолкали.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Веру в человеке не затолкаешь. Есть вера или нет ее – сразу видно, по человеку. Как высоко ни забираться, на каком месте ни сиди...

АДАШЕВ. Про кого это ты? Вещаешь при самом митрополите-то – про царя или про него, про митрополита?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Про себя, про кого же еще?

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП. Незаметно как-то, за разговором, подошли мы и к речке. Знаю, яголка слово любит, яголка к слову со всего леса сама бежит. А у берега постоим, помолчим, тут надо молчать: рыбка сама молчит и другому сказать не велит, рыбаку-то. Зато потом уж рыбаки наговорятся... А вы все воюете, воюете, люди.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Оттого мы и князья, воеводы. Землю делим...

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП. Людей убиваете.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Люди победили и радуются, век победы те помнят.

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП (*утирая глаза*). Навсегда. Пока живы.

ВОЕВОДА АДАШЕВ. Пока живы.

Митрополит Филипп побыл и уехал, а светлое пятнышко от их разговоров, особенно в лесу и на речке, осталось. Все держалось и радовало, прогоняло грохот пушечный, свист сабель, зубовный скрежет, расшатавшие нервы им, совративших душу им на войне.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ. С митрополитом нашим. вот так посидишь, побудешь, а после пушки хоть назад в колокола переливай, тащи обратно на колокольню.

Вечер. Там же, в Феллине, в доме бывшего начальника крепости. В комнате, где только что встречали Митрополита Филиппа.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. *В сторону, про себя.* Один, снова один. Экзарх наш, герой соловецкий, как-то быстро собрался и укатил обратно в Москву. Дела православных призывают. Митрополит есть митрополит, церквей и монастырей по Руси много, каждому внимание окажи. И с ним увязался Адашев: хоть тут, по Ливонии, его проводит с отрядом. Бродят разрозненными группами рыцари – мало ли что...

В сумерках Курбскому показалось, опять мелькнула какая-то тень. Неужто вернулось прежнее – царица Анастасия? Все также прекрасна, с жемчужным ожерельем на шее. Однако на самом деле этого быть не может. Он знает, где оно, это ее ожерелье, подаренное им Анастасии в день ее венчанья с царем Иоанном. Знает и кто сорвал его с шеи Анастасии... Выходит, знает и имя того, от того у нее были спекшиеся, черные губы... сказать страшно – кто ее отравил...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ *(доставая из нагрудного кармана особую хранимую жемчужину, ту самую, что поднял он тогда, в тот трагический день, с полу, у ее ног).* *Вслух, в реальности.* Вот она, та красоточка! Смотри, как матово светится при горающей свече...

Мимо проходит женщина. Ставит на стол перед ним какое-то блюдо. Дочь хозяйина дома, служанка? (В сторону, про себя). Но почему на шее у нее жемчужное ожерелье? Оно на всем белом свете только одно, и оно у него, у того, кто тогда дал ей яду... И женщина похожа на царицу Анастасию. Волосы причесаны также, походка такая же, глубина и сияние глаз... Нет же! Этого быть не может, потому, что этого не может быть! *Вслух.* Спросить Адашева: похожа хозяйка дома на цари-

цу Анастасию или не похожа? Или все это только мне мнится. мерещится, как наяву? Всегда так после каждой битвы, с неделю потом напряжение, пустота, разряженность, утекновение сил... Ах да, Адашева нет, спрашивать некого, он отправился с Митрополитом Филиппом до самого Невеля, хоть к утру бы вернулся...

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*вдруг обеспокоясь, кричит за дверь Женщине*):

– Слушай! Как тебя зовут – Анастасия, не Анастасия? А как?.. Слушай сюда, покажи мне свое ожерелье, оно – жемчужное? Из таких же вот жемчугов?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ Князь Андрей катает, перекатывает по ладони свою одну-единственную, кругленькую. Он нервничает, руки трясутся... Жемчужинка слетает с ладони и падает на пол. Подпрыгивая, она катится, катится куда-то под стол. Князь Андрей наклоняется, чтобы поднять ее... И тут ему послышалось отдаленное ржанье коней, чуткое ухо Андрея улавливает сдержанные голоса... И его осеняет, пронзает всего, как обухом по голове бьет догадка: «Это он! Он! Царь Иоанн!» Это он на такое способен – послать как бы предупреждение, а потом нагрянуть, схватить жертву, терзать ее перед собой... так паук подбирается к своей жертве – мухе...

– Небось, проскакал уже, слободой, ждет где-нибудь перед городом. А с ним с десятков опричников – молодых, здоровых, красивых. Вот-вот ворвутся, схватят, заломят руки. И сначала он с ним поиграет, посмотрит в глаза ему, своей жертве, насладится страхом в этих ему ненавистных глазах и потихонечку, с тайной улыбочкой на мраморно белых устах начнет приближать, держа в своих собственных руках эту огневую свечку – свечечку, проведет ею еще раз, еще раз и в пятый, десятый раз – по его, Андреевым – и без того обожженным губам... «Садист! Палач!»

Князь Курбский вскакивает с полу, весь пружинясь, как барс, и опять же, как барс, неслышимо, невидимо движется к двери с черного ходу, идет, выходит, подбирается к коню

своему, стоящему у каменной стенки. Всегда готов, на всякий случай, к такому развороту событий.

Ведет в поводу коня по дорожке, примеченной, на всякой случай, еще засветло. Вскоре конь-крымчак, в узел сбитый своими мышцами, нервами, мчит князя Курбского узкой, мало-приметной дорогой еще глубже туда, в Ливонию, в соседнюю крепость.

Там же. Ворвавшись в дом бывшего начальника крепости, царь Иван с десятком своих головорезов не застал никого. На столе, посредине пустого блюда, одиноко лежала жемчужина.

Царь толкнул стол ногой и в неожиданной дикой ярости, стал крушить все, что было тут припасено. То же самое, как говорится, на всякий пожарный случай.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие кинематографично: происходит то в Москве в Александровской Слободе, то в Ливонии, Литве, Польше, в Краковском королевском, в замке Вавеле – всюду, куда судьба заносит царя Ивана IV (Грозного) и князя Андрея Курбского. Приостанавливается калейдоскоп событий на переписке царя Иоанна и Курбского.

Сцена первая

Москва, новый дворец Государя у Арбата, куда приезжает из Александровской Слободы Иоанн Васильевич – сын Василия Ивановича, Великого князя Руси.

ГОСУДАРЬ (в сторону, про себя). Сижу в этом своем новом дворце на Арбате, как гвоздях. Никак не могу войти в новое состояние мысли, что я не в Кремле. А там, в Кремле, крещеный татарин касымовский, бывший Казанский хан Симеон Бекбулатович. А ведь сам ввез Симеона в Москву, сам его сунул на трон, сделал московским царем... А в Александровской Слободе я так и остался... монархом – государем. Такая вот катавасия! Не сразу-то во всю эту иерархию вникнешь...

ГОЛОС ГОСУДАРЕВ Победенный казанец и – правит Русью, Россией, а русский царь вроде бы в стороне. Все перемешал я во царстве своем: земство и опричина, прежнее и молодое, доброе и злодейское, явное и чудесное, прозревающее... А тут я еще и за нации принялся... Хан посажен на русский трон, как в заложники взят Симеон! Симеонушка...

Знаю, чествуют меня так и так. По простому народу ходит доброе имя царя, жалеют меня, а в боярстве, в земстве открыто клеймят, готовы проклясть. Даже в опричнине, которую вставил я в жизнь, иные «кромешники» готовы к врагам перекинуться.

Посижу тут, поблизости от Кремля, во дворце на Новом Арбате, послушаю, что хоть по мне на Москве, как змея какая, чертополошит, что про меня говорят? Вот доносы опричников – верных слуг Государевых. «Тиран! Из своего слободского вертепа свирепо глядит на Москву. Хотел удивить Россию избранием Митрополита Филиппа, о котором даже никто и не думал, а Филипп больше любит своих «лошадей», чем Государя. На днях лошаадьми смотался в Ливонию к Курбскому, где заимел тайные связи с военными»...

ГОСУДАРЬ. (*Подаваясь в другую палату*). Эй, слуги! Водички мне царской – брусничной... Читаем далее, что доносят. «Иоанн не замедлил увидеть в Филиппе орудие ненавистных бояр, уверяя, что это они внушили ему мысль требовать уничтоженья опричнины и возмущают народ против царской дружины»...

ГОЛОС ГОСУДАРЕВ (*самому себе, в сторону*). Так, еще попьем водички, теперича клюквенной.

Вслух. И далее читаем. «Мы, кромешники, посылаемые в столицу из Слободы для наблюдения, доносим, что жители бегают от нас. как от язвы на улицах московских и площадях. Народ безмолвствует, как только предстанет пред ясны очи опричник – на коне с метлой и собачьей главой. Говорят в иных толпах, будто в воображении Иоанна самим царем составляются новые оковы и заговоры, которые надлежит открыть перед всеми и доказать, чтобы знали... Одни происшествия служат поводом к новым случаям и убийства»...

ГОЛОС ГОСУДАРЕВ (*откашлявшись, спокойно*) Это внутренние политесы, а вот – внешние... Поглядим внимательнее, прочитаем: что кроется тут еще, между строк? «Известно, главным боярам московским, а именно, князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому, конюшему Ивану Петровичу Федорову тайно вручили грамоты, подписанные королем Сигизмундом и литовским гетманом Хоткевичем. Они убеждают бояр оставить царя жестокого, зовут к себе, обещают уделы. Напоминают двум первым, что они литовского рода, так же и третьему, что некогда был владетельным князем. А конюшему Федорову сказано, что царь уж давал ему чувствовать гнев свой в разные случаи...»

ГОСУДАРЬ (*прочищая голос, отпивая опять брусничной водицы*). Вслух. Зовут! Как будто там они им нужнее, чем тут...

И далее читаем. «Бояре, представив Иоанну сии филькины грамоты, ответствовали королю Сигизмунду, что склонять верноподданных к измене есть дело бесчестное. Они, скорее, умрут за царя и отечество, нежели предадут. Разве только когда пусть им отдадут Литву, Галицию. Пруссию, Жмудь, Белоруссию, Волынскую и Подольскую земли. А Федоров особо писал Сигизмунду: «Как ты мог только вообразить, чтобы я, заноса ногу во гроб, вздумал погубить душу свою гнусной изменой? Что мне делать у тебя? Водить полки твои я не в силах, пиров не люблю, веселить тебя не умею, пляскам вашим я не научен...»

Пусть лучше меня сам царь составит и пошлет мои ответы тебе, Сигизмунд».

Государь, довольный чтением, встает и начинает расхаживать по палате – из угла в угол, как черты крест на крест на державном флаге у викингов или потом у российского морского Андреевского флага, на полу фон флага был светлым тут, а не темным.

Присаживается опять к столу. Берет еще одно донесеньице к донесению. Так, читаем про то, что писано после того... «На сей раз князья Бельский, Мстиславский, Воротынский

уцелели, но конюший Федоров, увенчанный воинской славой и сединой государственной опытности. пробыв девятнадцать лет начальником Казенного приказа, стал предметом клеветы и насмешки. Доживая свой век, не имея детей, он уж готовился со своей святой супругой предстать перед судом Всевышнего, когда земной судья объявил его главой заговора. Поверил тот судия или сам вымыслил, что сей ветхий старик собирается свергнуть царя с престола и властвовать над Россией, нам неведомо...

ГОСУДАРЕВ (*откладывая бумаги в сторону*). Ну, хватит сего злодейства, довольно. Не то последует отравление организма...

А мы вот что сделаем для разрушения сказки. Наденем на Федорова царскую одежду и венец царский, посадим на трон, дадим в руки державу и низко поклонимся, скажем: «Здрав будь, великий царь Русской земли!». Нет, Федорова оставим, хватит над стариком скоморошествовать! Заменяем, другого посадим вместо этого... например, из Касимова хана, крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, пусть сядет, посидит годика два, пока мы тут, в Александровской Слободе, со всеми разбираемая, сохраняя титул Государя»...

ГОЛОС СВЫШЕ. Так оно и случилось. Сел казанец Симеон на Москве, а Иоанн так и остался в Александровской Слободе. А чего ему: близко тут, однако на Владимирщине.

ГОСУДАРЬ (*подводя к концу свои размышления и измышления за день*). На Курбского взор обратить – друга нашего, военачальника, первого воеводу там, в Ливонии, на Ливонской войне. Думает, если где-то он на краю, то мы про него позабыли. Про царицу Анасию, про жемчужное ожерелье, какое он подарил царице тогда, в день венчанья, и какое висело на шее царицы тогда, когда я, возвратясь с богомолья, зашел к ней и от нее уехал?.. И все же она была мной любима – первая, незабвенна...

Уже через восемь дней мне отыскали вторую жену – эту княжну Черкесскую, нарекли по-русски Марией. Подобно Марии Магдалине у Иисуса Христа. Но натуру не переделаешь.

Вон какая чужая, холодная, говорят, все злодейства мои – от нее.

Сейчас мы ее позовем.

ГОСУДАРЬ (*погромче, в другую палату*). Эй, кто там? Позовите сюда мне государыню.

Государь сидит, эдет час, другой. А она не спешит. Наконец, появляется, идет медленно, как подарок судьбы. Смотрит исподлобья.

ГОСУДАРЬ. Что, кавказская пленница, не весела, не спешишь?

ЦАРИЦА МАРИЯ. А куда мне спешить-то?

ГОСУДАРЬ. Так царь тебя ждет, уж заждался.

ЦАРИЦА МАРИЯ. То татарин – царь, а то ты. А настоящий царь там (*показывая на небо*) – Всевышний, я тоже крещеная. А у Всевышнего – вечность. Это вы все спешите – смертные...

ГОСУДАРЬ. Мария, как ты думаешь? Князь Курбский верен мне или не верен? Военачальник, дружина за ним.

МАРИЯ. Не впутывай меня: князь сбежит к Сигизмунду, а ты свалишь потом все на меня. Чтобы найти себе третью.

Ливония. Вольмар. Малая крепость близ города Феллина. Комендант – из рыцарей – принимает с почестями прискакавшего ночью князя Курбского – русского военачальника, первого воеводу, чудом спасшегося от погони.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Мне магистра вашего Ордена.

КОМЕНДАНТ-РЫЦАРЬ. Он в Кракове, у короля Сигизмунда.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Мне в Краков, к королю и магистру.

КОМЕНДАНТ. Князь! Триста рыцарей готовы сопроводить вас туда хоть сейчас.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. *Вслух*. Триста не надо – тридцать. *В сторону, про себя*. Врет, что магистр у короля Сигизмунда. Литовец у Сигизмунда, польско-литовская Уния.

Вслух. Как к Сигизмунду лучше – через Вильно или Ковель?

КОМЕНДАНТ. Через Ковель.

Литва, Ковель.

КОМЕНДАНТ КОВЕЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ (*вскочив*).
Князь Курбский? Какой подарок судьбы!

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Я все уже разглядел. Одним взглядом
объял всю вашу фортецию. Мне нравятся ваши земли. Там, в
Московии, заберут у меня теперь все. Вместо того Уния что-
нибудь тут мне предложит, я готов согласиться на Ковель.

КОМЕНДАНТ (*наклонясь низко*). Мы готовы предложить
вам, князь, в целях безопасности четыреста всадников.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. *Вслух*. Хватит и сорок. (*В сторону*)
Роковое число.

*Польша, Краков, королевский замок Вавель. Король Сигиз-
мунд – Август и князь Курбский. Один на один, без свидетелей.*

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД (*вставая навстречу Курбскому*).
Рад приветствовать на гостеприимной земле дружественной
князю Польши. Надеемся на взаимопонимание... Так что,
князь, у вас там произошло?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Сам царь приезжал за моей головой.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД (*про себя, улыбнувшись*). Совсем
интересно. И что же? Какой к сему повод?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*замявшись*). Да так... почти лич-
ный... Из-за жемчугов царицы Анастасии, ее жемчужного
ожерелья...

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. И как же, князь, вы узнали про
это? Измена, люди свои при царе?

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Вот она (*доставая из кармана и ка-
тая по ладони жемчужину*), она – такая вот крохотулечка –
все мне подсказала.

*И Курбский рассказал польскому королю всю эту затянув-
шуюся на долгие годы историю*

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД (*явно уже улыбнувшись*). Роман-
тично. Любовь, как говорится, до гроба. Как-то не вяжется с
именем Иоанна. На столько тиран кровав и жесток.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. С молодости не был таким, о крови и не помышлял. Это его ожесточили бояре, вражеское окружение.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД (*сдержанно*). Вам виднее, князь, вы дружили с русским царем... Но я бы вас поостерег. Такие люди никогда ничего никому не прощают и не забывают. Обычно это кончается трагически для того и другого.

Сцена вторая

Литва, Ковель. Князь Курбский во дворце, где принимал его воевода литовский. Как рассчитывал князь, Уния подарила ему теперь этот дворец.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*сидя у камина*). Так ведь и не пробился к морю в Ливонской войне! В Ковеле тут застрял, среди суши. А ветер морской тут сырой и промозглый, пробирает насквозь... Эй, кто там? (*В соседнюю комнату*). Подбросьте дровишек, топите получше – нечего экономить. Такова Европа: Литва, Польша, Ливония, в России этого нет, там у нас на Руси леса, так леса, дров хватает...

Слуга приносит дрова, сбрасывает их с руки. Курбский встает из-за стола, сам подбрасывает в огонь сосновые плахи.

КУРБСКИЙ. И за что я сижу тут, в их литовском дворце, у камина, так это за то, что уж дважды ходил в поход на Восток, водил войско Унии сначала на Ливонию, на этот треклятый Невель, не взятый нами еще тогда, с той стороны, а теперь с этой вот взяли. И совершенно свободно. Сдались при первом штурме. А с русскими бились ведь до смерти – боятся ливонцы, что ли, нашей жестокости... Проверяет Уния – король польский с литовским гетманом. На Ливонии проверили, задали тон покруче: на Русь послали, что с самого краю – на Великие Луки... Хоть мне и не нравилось, а все же как литовец ходил на Русь, куда денешься? Правда, без особого кровопролития, но и без особых успехов... Расписался снаружи на Изборской крепости и ушел обратно с униатами, в этот тебе подаренный Ковель. Кстати, слово от ковылей или от ковеля – кузнеца?..

Курбский подставляет руки к огню. Покраснев от огня, руки становятся красными – послушнее, гибче, так будет легче писать... Про Великие Луки и вспоминать неохота: со стыда сгорел бы. Появился под Великими Луками, но отдельно – на коне за бутром, за излученной. Был со своими боярскими, земскими, тоже взявшими литовскую сторону. А прознали великолуцкие, что я тут с литовцами – Курбский, набежали откуда-то и давай совать мне под нос детей своих малых, кричат:

– На, сожри их, змей!

Хотя в крови топи нас,

А тебе, тем более, не покоримся.

Думаю: «Да, что ж я – привел в крови вас топить?»

Наоборот, от крови, от царя такого кровавого, освобождаю. Он народ свой бесчестит уже тем, что свою столицу покинул. Татарина, хоть и крещеного, но на трон ведь сам посадил. Лучших людей рубит, худым – дорогу дает...»

Там же. Появляется польский рыцарь в железных доспехах, подает пакет от польского короля Сигизмунда – Августа, прибавляет устно к тому, что написано.

ПОЛЬСКИЙ РЫЦАРЬ (*приподнимая забрало*). Приказано твердо! Курбскому в Вавель прибыть на Совещание Унии. Будем решать: начинать войну с Россией или не начинать?

КУРБСКИЙ (*подкидывая поленья в камин*). Вслух. Совещание ваше, вам и решать. Ковель, особо Вавель, во-он где, Москва даже ближе...

В сторону, про себя. А все Иоанн! Лучших посогнав с земли, как ослабил Русь! Вот они, почуя как ворон крови, и совещаются. С какой бы это стороны им от нашего пирога откусить.

«Страна моя. страна не на подносе,

На всем столе – равнинная, своя,

Она лежит, как яблоко под осень,

Ну откуси, попробуй, от нея!»

Все равно тяжело – пишем царю, с этого и начнем.

Вслух. Иоанн берется за письмо для облегчения собственной участи.

Там же, Андрей Курбский у пылающего камина. Входит слуга, вносит на подносе письмо.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ (*робледнев*). Из Москвы, от самого Государя? Мне – Курбскому, титула князя нет. И что тут писано Иоанном Васильевиче.

«Воевода! Мы знались с тобой в юном, нежном цвете лет; ознаменованный славными ранами, муж битв и совета мне, участник моих блестящих завоеваний, герой сражений под Тулой, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии и некогда мой любимец, ты, Курбский, возложил на себя печать стыда и долга на Историка вписать человека столько знаменитого в число государственных преступников. Ты был, князь Андрей Михайлович Курбский – первый воевода у нас, военачальник нашей победоносной дружины, не имевший в глазах потомства ни единого пятнышка, – как ты смел все это смарать одним махом, совершив измену, предательство, нанеся мне, Государю, столь глубокое оскорбление?

Ты прослышал угрозы, наконец, сведал, что тебе готовится гибель и, спасая шкуру свою, предал друга, Государя своего, рать свою и отчизну. Ты оставил жену, которая, заливаясь слезами, проводила тебя навеки, благословил своего девятилетнего сына, какой уже не увидит тебя, ночью, тайно ты вышел из дому, перелез чрез городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных заранее верным слугой, и благополучно достиг Вольмара, занятого литовцами. Там воевода Сигизмундов принял тебя, именем королевским обещал знатный сан и богатства, город Ковель и все остальное.

И тут тебе, в порыве сильных чувств и негодования, захотелось изъясниться со мной, твоим Государем, и ты написал мне письмо – единственный товарищ мой, долгие годы мой усердный слуга. И мне доставили это письмо»...

ГОЛОС СВЫШЕ. *Курбский не может читать далее. Утирая невольные слезы, в порыве чувств, он хватается сначала за сердце, потом за стело, и стело, ведомое невесомой горячей*

рукой, летит по строкам неведомым, по приходящим на ум его оправдательным смыслам скрижалей.

Письмо Курбского – Иоанну.

«Друг мой с юности, богоспасаемый царь, мой мучитель! Говоришь по памяти так, что и мне уже мало ведомо то, что ты исчисляешь за мной, все мои сраженья и подвиги во имя отечества. Но зачем же ты моего слугу – верного человека, который сдержал свое слово и подал тебе запечатанную бумагу там, в Москве, на Красном крыльце, сказав, что это «от господина моего, твоего изгнанника, князя Курбского Андрея Михайловича», зачем ты, царь, в великом гневе своем так ударил в ногу острым железом, что кровь хлынула, нога к крыльцу пригвоздилась, так что человек мой не мог сдвинуться с места, стоял и безмолвствовал перед тобой, царь, перед твоим на глазах его свершившимся злодеянием? Да разве бы ты, Иоанн, меня пощадил, когда бы я в твоих руках оказался? Как не щадишь всех бесчисленных наших братьев и даже сестер, которые безмолвно, покорно ложатся тебе под топор. Все, мой друг, виноваты, только ты один ни перед кем и ни перед чем не имеешь вины»...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ На этом Курбский отшвырнул стелю и пошел на конюшню, сам уж хотел везти то письмо Иоанну, да вовремя спохватился. Покатался по Ковелю, по его окрестным местам, сравнивая те места с московскими да с владимирскими, ростовскими, суздальскими да и вернулся аж к вечеру на взмыленном жеребце – ахалтекинце в свою «хату» – дворец, подаренный ему Унией – королем польским и литовским гетманом, Сигизмундом – Августом и Хоткевичем...

ГОЛОС ВНУТРЕННИЙ, СВЫШЕ. *С того письма и началась настоящая переписка строптивного «правдоискателя» Курбского с властителем дерзким, государственным мужем, Государем.*

В последующие несколько дней Курбский получил два письма от царя Иоанна и сам послал два письма царю Иоанну Васильевичу. Имея время, каждый – в Москве и Ковеле – мог по всякому положению, исчислив разумное и чувствительное, выставить свою хвалебную оду и компрометацию.

КУРБСКИЙ. *Вслух, сам себе.* Сообщают мне верные люди из Москвы – столицы, из Александровской Слободы, как Иоанн, оперевшись на жезл, велел читать перед всеми мое письмо, вот оно.

«Царю, некогда светлому, от Бога, ныне, омраченному адской злобой, тирану беспримерному среди самых неверных владык земли. Внимай, что скажу! Мало, но истину. Почто истерзал ты сильных вождей знаменитых? Разве они не пылали усердием к царю и отечеству? Измышляя клевету, ты верных называешь изменниками, христиан – чародеями, свет – тьмою, а сладкое – горьким. Чем прогневали они тебя – патриоты отечества? Не ими ли отражены нашествия Батыевы? Не ими ли взяты твердыни Германские? А ты воздаешь им страхи и гибель. Но разве ты сам бессмертен? Разве нет Высшего правосудия для царя?»

Не описываю всего, что я претерпел от твоей жестокости, душа моя в смятении, скажу главное: это ты лишил меня святой Руси! Кровь моя, за тебя изменная, вопиет, обращается к Богу. Я искал вину свою и в делах своих, и в помышлениях, вопрошая совесть, внимал ответам, и не нашел греха своего перед тобой. Я водил полки твои и никогда не обращал спины к неприятелю, моя слава была твоей славой. Не год, не два служил я тебе, но много лет, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого дома, отечества. Исчисли раны мои! Не хвалюсь: Богу все известно, ему поручаю себя в надежде на заступление меня и праотца моего – князя Федора Ярославского. Мы расстались с тобой навеки, не увидишь более лица моего до Судного дня. Слезы невинного бойся, страшись мертвых, убитых тобой. Не спасут тебя воинства, не утешат льстецы. Бояре недостойные, кромешные товарищи пиров твоих, губители души твоей, приносимой в жертву, – все они уйдут с тобой и за тобой.

Сию грамоту, орошенную слезами моими, велю положить в гроб с собой и явлюсь с ней на Суд Божий. Аминь.

Писано в граде Вольмаре, в области короля Сигизмунда, у которого я тут не по своей воле, надеюсь на милость божью и жду утешения в скорбях».

Курбский кончил читать свое письмо Государю.

И сказал вслух так громко, что захлопнулась форточка и черные птицы слетели с ближнего дерева, закружились над головой.

КУРБСКИЙ. Знаю. Стало известно мне, что Иоанн, выслушав чтение этого письма моего, насилью велел подвергнуть вручителя. Добродетельный слуга мой под именем Василий Иоаннов (запомните, братья и сестры, имя сие) в ужасных муках не выдал никого, только хвалил Господа-Бога нашего, Иисуса Христа, радовался, что за него умирает.

КУРБСКИЙ. Такая великодушная твердость изумила и самого Иоанна. Царь, волнуемый гневом и остатками совести, тут же, схватив стело, стал писать мне письмо.

Читаем вслух, это царево рукописание.

«Во имя Бога всемогущего, того, кем живем и движемся, кем Цари царствуют и Сильные глаголют, пишем смиренный христианский ответ бывшему Российскому Боярину, нашему Советнику и Воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому, всхотевшему быть Ярославским владыкой... Почто, несчастный, губишь свою душу изменой, спасая брненное тело бегством? Если ты справедлив и добродетелен, то чего же не захотел от меня, строптивного владыки, наследовать венец мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень. Блажен, кто смертию приобретает спасенье свое. Устыдился бы раба своего Шибанова: он сохранил благочестие пред царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты от единого моего гневного слова, отягчил себе жизнь долей изменника.

Государь уж не твой, а всех не изменивших мне русских Иван Васильевич.

Писано в Александровской Слободе Государства Российского».

Сцена третья

Там же, в Ковеле. Курбский и через неделю сидит у горящего камелька, читает второе письмо Иоанна.

«Я читал и разумел твое писание. Яд аспида в устах изменника, слова твои подобны стрелам. Жалуешься на излишние гоне-

ния, но ты не уехал бы ко врагу нашему, если бы мы не излишне миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вину, но всегда легко и с любовью, а жаловал примерно. Ты в юных летах был уже Воеводой и Советником царским, имел все почести и богатства. Хвалишься пролитием крови своей в битвах, но ты платил долг отечеству. Да и велика ли слава твоих этих подвигов? Поглядим. Когда бежал от Тулы, вы пировали у князя Григория Темкина и дали неприятелю время уйти восвояси, то бишь играли со мной. Вы были под Невелем с пятнадцатью тысячами и не сумели разбить четыре тысяч литовцев. Говоришь о царствах Батыевых, вами будто бы покоренных, разумея Казанское (ибо милость твоя Астрахани и в глаза не видала), но чего нам стоило вести вас к победе? В бой идти не желая, вы безумными словами своими и в других охлаждали ревность к воинской славе. Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! Когда ты жил праздно во Пскове, мы семь раз писали тебе, князю Петру Шуйскому: «Идите на немцев!» Вы со своим мудрым начальником Алексеем Адашевым, имея многочисленное войско, если и смогли взять Феллин, то ушли от Пайды. Если бы не ваша строптивость, Ливония давно бы принадлежала России. Вы говорите, проливали за нас свою кровь, мы же проливали пот и слезы из-за вашего неповиновения. Вы побеждали невольно, действуя как рабы, силою понуждения. В наше малолетство пустынно было от Востока до Запада. А мы, уняв вас, устроили села и грады там, где витали дикие звери. Горе дому, коим владеет жена; горе царству, коим владеют многие! Византия пала, когда цари начали слушаться Эпарзов, Синклитов и попов, братьев вашего Сильвестра...

Мы казним одних только изменников – и где же шадят их? Константин Великий не пощадил и сына своего. Не твой Государь, ты изменник. Писано то в Новом дворце близ Арбата, то в Александровской Слободе».

Прочитав вслух царицы письма, Курбский швыряет их в угол. Садится, начинает писать ответы Иоанну, теперь для него уже не царя.

«Бесстыдная ложь, что ты говоришь о нашей крови, пролитой за царя и отечество! Ты губишь сильных, нужных России,

делая их опальными, горестными нашему сердцу, ты убиваешь в нас человека. Голову не приподыми, слово не скажи, прикрылся нуждами государства и лжешь всем и каждому, и даже себе. Ты пишешь, что тобой казненные есть злодеи уличенные, коих носить не может Земля Русская. Давай посмотрим и далее, что ты пишешь. Доселе владельцы Российские были вольны, независимы, жаловали и казнили своих подданных, как хотели, безо всякого отчета перед кем бы то ни было. Говоришь, так будет!

Не будет, Иоанн! Твое время прошло. Не изворачивайся перед всеми и каждым. Сии письма твои, Государь, наполнены изречениями из Ветхого и Нового Завета. Свидетельствами историческими, богословскими толкованиями и грубыми насмешками, составят целую книгу, если взять вместе их и в подлиннике. Так ты борешься за свое бессмертье с забвением времени. Ты готов занять место каждого из нас: меня, воина побеждающего, проливающего кровь за отечество, богослова, Митрополита Филиппа с его «Степенной книгой» и своей типографией, а Ивана Федорова с его букварем – первой книгой ты предал бы огню и смерти, если бы вовремя он не уехал в отдаленный, чужой для тебя город Холм (ныне Львов – Л.З.), до которого тебе не достать, руки коротки. Понял я тебя, Иоанн; вроде ты Государь, а пробудилось в тебе бесовство бумагомарания, вот и пишешь мне сии письма, из себя выходишь своими стараньями. То себя из Кремля в Александровскую Слободу переносишь, то в новый дворец близ Арбата. Под писания свои бесовские Русь святую громишь. все ее переделываешь на свой бесовский манер, да еще лицемерием прикрываешься, к милости Божьей вроде бы, к самому Иисусу Христу обращаешься. к пречистой Деве Марии, всех святых угодников исчисляешь, а сам готов заменить «Степенную книгу» Митрополита Филиппа своей, недостойной сего, как хоть ты ее назовешь? Я бы тебе с презрением так сказал, назови «Бесовская книга от Иоанна».

Я пока все изложил, после продолжу с неменьшим рвением и упованием к престолу Всевышнего.

Писано в Ковеле, а начертано в Вольмаре.
 Как и ты, пишешь вроде то в новом дворце,
 близ Арбата, то в Александровской Слободе,
 а подписываешь «писано наше в Великой России
 7072, июля месяца в 5-й день».
 Так и я тебе, Иоанн, тем же плачу».

Курбский запечатывает свое письмо Иоанну. Сидит в оцепенении, смотрит на догорающие поленья в камельке – каминке. Вздыхнув поглубже, начинает подбрасывать еще побольше дровец. Снова садится к столу; поразмышляв, тут же принимается за следующее письмо.

«Пишешь ты, Иоанн, сюда мне, что Россия при тебе благоденствует, бояре твои живут в любви и согласии, везде одни друзья, советники твои. Чего во тьме, Иоанн, коварствуешь? Как стело свое приучил даже Бога обманывать. Я тебе вроде бы угрожаю судом Христовым на том свете, а разве в этом мире нет власти Божьей? Сам же и противу Бога идешь, когда пишешь мне, что Господь царствует только на небесах, Дьявол в аду, на земле же властвуют люди, везде Господня держава – и в сей, и в будущей жизни. А это значит, что ты, царь земной, есть владыка один на земле. Государь! Это ли не кощунство, не ложь перед Богом?

Пишешь ты мне, что это я так сказал тебе, что, слава Богу, не узрю здесь более лица твоего эфиопского. Мне доносят тоже, что из Александровской Слободы ты вернулся в Москву безволосым, с черным, перекошенным от дикой злобы лицом. Да пусть живут где-то далеко эфиопы. Может, кто-нибудь и когда-нибудь впредь послужит отечеству, составит славу Великой России (при Петре I Ганнибал, за ним Пушкин – Л.З.).

Пишешь мне, что я сказал положить свою грамоту о тебе, Иоанн, в могилу с собой. Чем доказываю одно: последняя искра Христова навряде угасла во мне, ибо настоящий христианин умирает с любовью, с прощением, а не со злобой. И в этом ты прав, Государь. Грамоту о тебе я в гроб себе не положу, чтобы

и там, в мире том, не терзали меня. Но любви и прощения перед гробом своим ты от меня не дождешься. Аминь».

Там же, неделю спустя. Курбского переполненного чувствами, мыслями снова тянет присесть за стол и взяться за новое письмо Иоанну.

Курбский, изливая откровения, пишет новое письмо Иоанну.

«Я невинен и бедствую в изгнании. Добрые жалеют меня, следовательно, не ты! Подождем малость, истина недалеко. Но я бью, гремлю в свой колокол на всю Россию, по всей Европе, на все времена, и, надеюсь, потомками буду услышан» («Колокол» Герцена в Лондоне, – Л. З.).

Через день еще записка Курбского к тому, краткому письму Иоанна.

«И за что же ты осуждаешь изгнанника?! За язвительность жалобы, за огненное стело? С наслаждением, с дьявольским удовольствием ты терзаешь, мучишь меня своими словами дерзкими, неправедными, объявляешь едва не государственным преступником, когда называешь меня Ярославским Государем. С чего ты это взял, Иоанн, так жестоко бить меня, как собаку, а я тоже ведь человек. Вовлеченный страстью, злополучный, ты лишил себя правда быть судьей, главным утешителем в бедствиях...

Переполнен слезами своими, потом допишу...»

Там же. Через день, еще только лежат на столе запечатанные письма Курбского – не отправленные Иоанну, как сюда, в Ковель, Курбскому доставляют новое письмо от Иоанна.

«Курбский! Без всякого внутреннего чувства добродетели, без угрызения совести ты приискал убежище в самой Литве, пристал, к несчастью, к врагам отечества, продал им свою душу и честь. Враги пользуются теперь твоими советами, как погубить им Россию, убеждать, чтобы действовать смелее, не

жалая казны, чтобы возбудить против нас их всех: короля, гетмана, хана... Знаем! Уже идут на Москву 70 тысяч литовцев, ляхов, прусских немцев; венгров, волохов, и ты с ними, изменник Курбский, идешь к Полоцку!.. И еще Девлет Герей со своими 60 тысячами вступил на Рязанскую землю...

Боже! Помоги нам с врагами справиться, а с друзьями мы и сами как-нибудь в Москве справимся...

Государь, русский царь Иван IV (Грозный)».

Десять лет спустя. Вольмар, куда переехал на жительство Курбский. Тот же дом ливонца-рыцаря, бывшего коменданта крепости, куда Курбский прискакал тогда ночью из соседнего Феллина, успев чудом спастись от царя Ивана – московского государя.

КУРБСКИЙ. Вслух. Вначале было Слово, и это Слово – Бог!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ Когда говорят пушки, слово молчит, почему? Изрядно постаревший Курбский одевает кольчугу, шлем наподобие луковицы – малой копии православного храма. И идет «воевати» со своей стражей, сходиться в едином порыве один на один, чтобы рука не теряла уверенности, а дух по-прежнему служил твердости глазу, желанию победы.

Курбский присаживается на скамейку. Слуге. Симеон! Поди в палаты, в святом углу, за лампадой, находится свиток. Принеси сюда, да поживее!

Слуга Симеон подает свиток на подносе.

КУРБСКИЙ (*усмехнувшись*). Поднос серебряный, надо бы на золоте.... Письма царские, от Иоанна.

Перебирая труды прежних лет, Курбский отрывает глаз от пожелтевших бумаг, предается новому потоку мыслей и чувств.

Входит польский рыцарь, в легких латах и шлеме. Подает пакет Курбскому.

ПОЛЬСКИЙ РЫЦАРЬ. От короля Сигизмунда – Августа.

КУРБСКИЙ (*принимая пакет*). Подожди.

Прочитав послание, отпускает поляка.

Польша, Краков, королевский замок Вавель. В малом зале двое: король Сигизмунд и Курбский.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. *Вслух.* Курбский! Я позвал тебя, чтобы предупредить. Есть новости из Москвы: русский царь тебя не забыл... Ищут тебя, скоро подошлют к тебе своего человека... Прими меры, меняй места, приезжай хоть сюда к нам, в Вавель... тут всего безопаснее...

КУРБСКИЙ. Благодарю, Ваше Величество. Со своими как-нибудь сами справимся.

Снова Литва, снова Вольмар. Вольмарский замок. После поездки в Краков Курбский опять-таки весь в раздумьях. В святом углу светит лампадка, а за лампадкой лежат госуда-ревы письма.

КУРБСКИЙ. *Вслух.* Ну, что ж, приходит пора платить за содеянное. Сменить надо слуг и стражу, одного Симеона оставить. Это наш человек, из Казани, как и Бекбулатович – касимовский хан...

Симеон! Быть начеку! Никаких скитальцев ко мне, удвоить охрану... Едем в русскую дружину выбирать новых стражников...

Снова Краков, королевский замок Вавель. Польский король Сигизмунд-Август.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД (*перебирая бумаги*). Пахнет войной с Россией. Надо вызвать главного военачальника Войска польского князя Радзивила, что скажет он? Я уже принял кое-какие меры... с этим Курбским... Чтобы не было ножа в спину нам, предпримем что-нибудь. Мы уж об этом подумали...

Появляется князь Радзивил, подсаживается к столу короля.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. Как тот мальчик на Руси, теперь уже молодой человек?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛ. Наблюдаем, ведем.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. Тут уже или в Москве еще, князь?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛ. В Москве, под крылом.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. У кого, у самого?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛ. А у кого же? Конечно, у самого Иоанна.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. Следить по цепочке... За развертыванием событий...

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛ. Гонор и слава, Ваше Величество.

КОРОЛЬ СИГИЗМУНД. Гонор и слава, роза и мирт.

Сцена четвертая

Москва, Кремль, тронный зал царя Ивана IV (Грозного). Входит первый опричник Малюта Скуратов, оглядывается по сторонам. По стенам густо развешаны иконы, тускло светятся золотые оклады под трепетным дрожаньем лампад.

МАЛЮТА СКУРАТОВ (кивнув на лампадки). Распустились тут как! Жарко горят. Надо еще язычки им окоротить.

Отворяются двери, в тронный зал, сверкнув взглядом, важно с железным посохом, втекает Государь, царь Иоанн IV, прозванный Грозным. Малюта Скуратов падает перед ним на колени.

ЦАРЬ ИОАНН. Ну что, Малюта, пора нам с Курбским разобрататься? Встань... поговорим...

МАЛЮТА СКУРАТОВ. Пора, Государь.

ЦАРЬ ИОАНН. Ну что, выкосил ты всех, кто Курбские-то?

МАЛЮТА СКУРАТОВ. Выкосил, батюшка, выкосил. Весь род окаянный.

ЦАРЬ ИОАНН. До одного?.. Может быть, есть еще кто-нибудь из Курбских, остался по городам и весям?

МАЛЮТА СКУРАТОВ. По Москве – до единого. Кроме одного того, о каком договаривались... Племянник Курбского, семи лет, в деревеньке одной сохранился... Это ты, царь, оставил его в живых.

ЦАРЬ ИОАНН. Ну, вот и пришло время. Сколько ему теперь: семь да десять – семнадцать?.. Приведешь его сюда ко мне, поговорим...

Там же, те же. Стражники под руки вводят человека с закрытым лицом, бросают его под ноги царю и уходят.

ЦАРЬ ИОАНН (*вставая с трона*). Этот, Малюта?

МАЛЮТА СКУРАТОВ (*открывая лицо*). Этот.

ЦАРЬ ИОАНН. Знаешь, кто ты?

ЧЕЛОВЕК С ОТКРЫТЫМ ЛИЦОМ. Знаю.

ЦАРЬ ИОАНН. Кто же?

ЧЕЛОВЕК. Курбский.

ЦАРЬ ИОАНН. Молодой Курбский.

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ. Царь! Я знаю, знаю кто я: молодой Курбский!

ЦАРЬ ИОАНН. А еще кто Курбский? Есть еще Курбские возле тебя?

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ (*опустив голову*). Нет, я один.

ЦАРЬ ИОАНН (*допытываясь*). А почему один – знаешь?

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ (*не поднимая головы*). Знаю, головы всем посрубили.

ЦАРЬ ИОАНН. Да, посрубили. Вон он (*показывая на Малюту Скуратова*), вот он всем и рубил, посрубил. А почему? Пусть скажет, а ты послушай, молодой Курбский.

МАЛЮТА СКУРАТОВ. Царя предали, Россию, отчизну – вот головы и лишились. И так враги кругом прут, от всех границ отбою нет, наступают, а тут еще эти внутри... изменники Курбские...

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ (*поблуднев*). Я не изменник.

ЦАРЬ ИОАНН. А кто сказал тебе, что ты изменник? Никто. Я царь, это подтверждаю. И он (*показывая на Малюту Скуратова*)... подтверждает, и все на Руси подтвердят... Но есть еще один человек под такой фамилией – Курбский! Твой родной дядя, был друг мой, военачальник, первый воевода. победитель Казани! А стал изменником, перебежал к врагам нашим, к польскому королю Сигизмунду.

МАЛЮТА СКУРАТОВ. Подтверждаем. К королю Сигизмунду – Августу.

ЦАРЬ ИОАНН. И там сейчас, у польского короля, строит противу нас, против нашей отчизны, коварные планы. Как бы

это Россию всю уничтожить... Россию мы не дадим... (*Молодому Курбскому*). Не дадим?

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ (*едва дыша*). Не дадим.

ЦАРЬ ИОАНН (*ударив железным посохом оземь*). Такие Курбские нам не нужны.

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ (*совсем помертвев*). Не нужны.

ЦАРЬ ИОАНН (*Малюте Скуратову*). Вот ты будешь смотреть за ним, холить... (*Молодому Курбскому*). Он будет кормить, поить тебя, хорошо содержать... И будет за тебя отвечать... Даст кинжал, будешь учиться владеть им... Будешь ходить ко мне, царю, хоть каждый день, будем с тобой говорить по душам, как русский с русским... Потом Малюта этот тебе все доскажет...

Молодой Курбский должен быть один на земле.

Два Курбских – это уже слишком много.

Ты понял меня, мальчик мой?

И снова Литва, снова Вольмар. Снова Курбский в Вольмарском замке.

Читает то, что привезено ему его людьми из Москвы.

КУРБСКИЙ. *Вслух.*

«Июль, 1566 год. Иоанн явил России зрелище необыкновенное: призвал в Земскую Думу не только знатнейшее духовенство, бояр, окольных, всех других сановников, казначеев, дьяков, дворян первой и второй статьи, но и гостей, купцов, помещиков иногородных, отдав им на суд переговоры наши с Литвой. И все спрашивал, что делать: мириться или воевать с королем? В собрании находилось 330 человек. Все ответствовали каждый за себя: духовенство, бояре, сановники, но все единогласно стояли за то, что Государю без вреда для России уж нельзя быть снисходительным. Рига и Венден необходимы нам для безопасности Юрьева, или Дерпта, самого Пскова и Новгорода, без которых торговля стеснится, а то и вообще закроется, если города ливонские останутся у короля.

Духовенство прибавило: «Государь! Твоя власть должна действовать, как вразумит тебя Бог. Нам надо молиться за царя, а советовать непристойно». Воинские чиновники изъявили готовность пролить кровь свою в битвах; граждане вызывались отдать царю свое последнее достояние на войну, если гордый Сигизмунд отвергнет предлагаемые ему условия для мира. Была ли свобода во мнениях, была ли искренность, неискренность в ответе Земской Думы? Совещание имело вид торжественный, народ с благоговением видел Иоанна не среди ненавистных опричников, а в истинном величии Государя, внимающего гласу отечества»...

Входит слуга Симеон, перебив столь важное чтение, говорит громогласно:

– Господин! Какой-то молодой человек к тебе просится, а стражники не пускают.

КУРБСКИЙ. Поди расспроси получше, кто и откуда тот добрый малый? Зачем к нам сюда в Вольмар пожаловал?

Слуга Симеон уходит, Курбский продолжает читать рескрипты бумажные, сегодня доставленные лично ему из Москвы.

«Дума утвердила приговор грамотой, а панам королевским сказали, что Государь через своих послов объяснится с королем, соглашаясь прекратить военные действия и разменяться пленниками. Вслед за послами литовскими отправились к Сигизмунду и наши послы: боярин Умой – Колычев и дворецкий Григорий Нагой, уполномоченные подписать мир, ибо прежние договоры с Литвой совершались единственно в Москве. Сигизмунд встречал наших бояр в Гродно. Когда они вошли к нему, все литовцы встали, но тут послы увидели князя Андрея Курбского и с презрением отвратились»...

КУРБСКИЙ *(с немалым презрением отшвырнув от себя все эти бумаги)*.

Вслух. Царево творчество! Вот как себя утвердил, как сидит на Москве.

Крепко задумавшись, в сторону. А тебе, князь, приходит конец. Система создана, царство, общество – все противу одного человека, может, даже самого лучшего на земле.... Дочитаем.

«Девять раз они съезжались с королевскими панами и не могли ни в чем никак согласиться. Иоанн непременно хотел изгнать Швецию и датчан, овладеть всей Ливонией, уступив Сигизмунду Курляндию. Сигизмунд отверг предложение, не согласился выдать и Курбского. И король сказал Иоанну: «Я вижу, что ты хочешь кровопролития. Говоря о мире, сам производишь полки в движение».

А полки русские уже шли из Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска к Великим Лукам. И целью их была все та же Ливония, основанные на литовской границе новые крепости: Усвяты, Улу, Сокол, Копие. Сам царь Иоанн с царевичем выезжал из Москвы с новыми своими воеводами, к войску».

КУРБСКИЙ (*опять-таки в оцепенении*). Снова война, снова кровь, снова большие потери. Войны, оказывается, ничему нас не учат – ни царей, не просто людей. А ведь главное – это беречь человека, у каждого жизнь ведь одна.

Вслух. Девять роз, девять миртовых веток. И роз с каждым разом становится меньше.

СЛУГА СИМЕОН (*появляясь*). Что вы сказали, князь Андрей?

КУРБСКИЙ (*раздумчиво*). Сказал и ушел. А слово осталось...

СЛУГА СИМЕОН. Один человек тут... пришел к вам... просит принять...

КУРБСКИЙ. Кто же?

СЛУГА СИМЕОН. Говорят, тоже Курбский.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*раскрыв широко глаза*). Курбский?.. Да нас же всех выкосили.

СЛУГА СИМЕОН. А этот один, говорит, остался. Кафтан по-татарски застегнут справа налево.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ. Ну, зови.

За окном начинают дуть ветры, тучи гонит откуда-то с моря, с Ливонии летят черные птицы, хлопают незатворенная форточка.

Появляется молодой человек. Действительно, кафтан его застегнут не по-русски, в обратную сторону.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*глядя на него подозрительно*). Чего это кафтан у тебя застегнут по-бабьи.

Молодой человек, живо перестегивая кафтан, смотрит на Курбского исподлобья.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Ну, и кто ты, грибник? Говорят, в лесу заблудился?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Курбский я! Грибы и гробы.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Курбский? И я Курбский, князь Курбский, Андрей Михайлович.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*сдержанно*). А двое Курбских – этого много, нужен один.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*оживившись*). Ну, и чей хоть ты, Курбский? От кого, с какой ветки спрыгнул?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. От старшего брата твоего, князь. Младший сын его, Курбский.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*подбегая к нему и обнимает туго*). Вот так сюрприз! Каков подарок судьбы!.. Сережа? В самом деле, похож на Ивана. такие же глаза, подбородок...

МОЛОДОЙ КУРБСКИЙ. Похож на Иоанна, царя... А это что, где мы тут, – это Ливония? А ты, и в самом деле, князь уж ливонский?..

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*радостно суется*). Сейчас мы это дело отметим. Вон шкапчик, вот штофчик, а там медовушка...

На миг Курбский поворачивается к племяннику – Курбскому молодому – спиной. Тот бросается к Курбскому – дяде, бывшему воеводе, военачальнику и втыкает в спину ему кинжал. Последнее, что слышит князь Курбский, – это тихое, тихое конское ржанье отдаленно где-то у леса. И все. Курбский падает намертво, а молодой Курбский мгновенно исчезает в дверях.

Появляется старец, богомолец. Ходят тут всякие, мирные странники. По пути к Псково-Печорской лавре, попадают иной раз и сюда. От дождя, наверно, мешок у него на голове, старый, дырявый мешок.

Странник снимает мешок с головы – оказывается, это царь!

ЦАРЬ ИОАНН. Да, сам Государь.

ЦАРЬ ИОАНН (*наклоняясь над мертвым телом, лежащем поперек, до самой двери*). Вслух. Смертен человек, муха!

В сторону. А еще хотел меня пережить.

Вслух. На, возьми обратно! Твое! Положи себе в гроб!

И разрывает жемчужное ожерелье, просыпает его над Курбским, на сей раз ничем не ответившим царю Иоанну.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Жемчужины по светлому полу так и покатались. Иоанн хрястнул на одной из них каблуком и расхохотался. Столько лет ждал он этого часу! Наклонился, поднял одну жемчужину и положил, опять же на всякий случай себе в карман. Чтоб в Москве уж положить ее на могилку царице Анастасии.

ЭПИЛОГ

ГОЛОС СВЫШЕ. И еще двумя полосатыми столбами – шлагбаумами увековечено царствование Ивана IV. Во-первых, как некогда в Древнем Египте фараоны содержали в себе одновременно жреческую и светскую стороны власти, так и царь Иван предстал перед Русью один, но в двух ипостасях: в виде предстоятеля церкви и царя – властителя светского, самодержавца. Во-вторых, Иван IV своим звериным нюхом вслед за отцом чуял необходимость выхода Руси к морю. в частности, к Балтике. И потянулись Ливонские войны, с Андрея Курбского особо заострился таинственно «польский вопрос», перекочевав затем к Лжедмитрию с его Вавелем и Мариной Мнишек, с Княжной Таракановой с ее Петропавловской крепостью, в двадцатом веке с его фантастическими войнами и мистическими ощущениями, распрями, переворотами. И уже в нашем милениуме с его падением, как Тунгузского метеорита, президентского самолета в Катынском лесу...

Сторонники южного, «азовского» варианта выхода к морю уповали на то, что ливонцы все-таки христиане, грех топтать их борзым конем. Тогда как жителей южных границ, хазарских степей неизвестно какого тотема, чего с них взять, можно и потеснить...

Жемчуга с шеи царицы Анастасии – любимой жены Ивана IV – как просыпались с ожерелья, как покатались, подпрыгивая по порошкам истории, так до сих пор никак не успокоятся. Попробуй-ка подними хоть одну жемчужинку, прими ее за политес, свободно можешь оказаться где-либо на небеси. А нам, на Святой горе, без разницы то ли жены у нас мироносицы, то ли, коли по греху судить, безобразницы. На святой горе стоит Новый Афон, где свободно молятся за нас, грешных. Аминь.

Занавес.

*3-7 ноября 2010 г.,
г. Орел.*

*Писано на Казанскую Божию Матерь –
защитницу всея Руси.*

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО, или «ОКНО В ЕВРОПУ» (историческая трагедия с форточкой в современность)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЦАРЬ ПЕТР – в 17 лет, он же бомбардир Петр Михайлов, плотник на верфях в Голландии и Англии; одет в красную куртку и белые фризковые штаны; будущий император.

ФРАНЦ ЛЕФОРТ – женевец, друг и советник царя Петра, полковник преображенцев.

ЯН ПОЛ – бас (мастер) Ост-Индской судостроительной компании в Амстердаме.

ПРОСТОЙ КУЗНЕЦ В Сардаме, Голландия.

ИСААК НЬЮТОН – великий ученый, открывший закон всемирного тяготения.

УЧИТЕЛЬ-ПИРАТ, ПЛОТНИК МАЛЬКИН и др.

СОФИЯ – курфюрстка Ганноверская, мать.

СОФИЯ-ШАРЛОТТА – курфюрстина Бранденбургская, дочь.

Представляемые в воображении царя Петра во время Великого посольства в Европу:

ЦАРЕВНА СОФИЯ – из Милославских, старшая сестра царя Петра, правительница России до него.

НАТАЛЬЯ КИРИЛЛОВНА – мать царя Петра, из Нарышкиных.

ЕВДОКИЯ ЛОПУХИНА – первая жена Петра.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ – дядька (воспитатель) царя Петра.

СТРЕЛЬЦЫ ЦЫКЛЕР, СОКОВНИН, ПУШКИН – участники заговора против царя Петра.

Простые жители европейских городов Лондона, Амстердама, Сардама.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Из Москвы в Голландию направляется Великое посольство, чтобы прорубить «окно в Европу», прежде всего, для ознакомления с передовым кораблестроительством. Посольство ведет Франц Лефорт; стороной от него с десятью человеками, приняв на себя имя плотника – бомбардира Петра Михайлова, движется царь Петр – молодой, семнадцати лет.

Сцена первая

Плещеевское озеро. Ботик царя Петра. Царь Петр, только что одолевший сестру свою царевну Софью в борьбе за власть, причаливает на ботике к берегу. На берегу его ждет Франц Лефорт – друг и советник с детства, человек из Женевы, полковник Преображенского потешного полка.

ФРАНЦ ЛЕФОРТ. Эй, бомбардир Петр Михайлов! Славный преображенец! Строй ждет тебя, барабанщик! Палочки на барабан и – ать, два, три!.. Преображенцы, вперед! Семёновский полк, идти следом!.. Ать-два, ать– два...

ЦАРЬ ПЕТР (*весело*). Женевец! Сухопутная крыса! Не видишь разве, это мой первый корабль, мое первое море! Скоро их будет у меня много – и кораблей, и морей.

ЛЕФОРТ. Барабанщик! Ать – два, ать – два!

ЦАРЬ ПЕТР. Спасибо, полковник, что научил меня голландскому языку. У меня идея: отправить Великое посольство в Голландию, и ты поведешь его, Лефорт! Пойдем прорубать «окно в Европу» – учиться европейским премудростям, строить большие корабли.

ЛЕФОРТ. Молодец! Большому кораблю большое плавание!.. Откуда в тебе эта тяга к воде? Синий цвет флага на твоём ботике – это цвет воды, моря?

ЦАРЬ ПЕТР. У меня будет трехцветный флаг: красный, белый и синий.

ЛЕФОРТ. Откуда цвета?

ЦАРЬ ПЕТР. Красный цвет – лично мой, мы – Нарышкины.

ЛЕФОРТ. А белый?

ЦАРЬ ПЕТР. Белый – от Милославских, царевны Софьи. Белая Русь, Красная Русь, а Русь – одна, православная. Мы, Нарышкины, род свой ведем от Рюрика, от датского конунга, пращура князя Игоря.

ЛЕФОРТ. А Милославские?

ЦАРЬ ПЕТР. А царевна Софья – от белых Давыдовичей. От Давыда – сухопутного человека.

ЛЕФОРТ. Ловок, ловок, барабанщик! Произведу тебя, Петр Михайлов, в сержанты! Ать – два, ать – два – три...

ЦАРЬ ПЕТР (*весело, нараспев*). Красный – белый – синий. Вейся, флаг наш, на ботике! Трепещи, гюйс наш, веди нас в Голландию!.. Ну-ка прочти, братец Франц, записи, о чем ты все уши мне продолбил, что будешь гнуть им там как посол... Я так решил: отделись от вас с десятью человеками и пойду отдельно. Плотник, мол, я, идем кучкой на заработки – к ним туда, на ихние судоверфи...

Барабан в сторону! Одеваю красную куртку, белые фризские штаны и айда в Европу своим ходом, пешком...

Ну, читай же, читай, женевец! Кальвинист, сухопутная крыса! Читай...

ФРАНЦ ЛЕФОРТ (*доставая из нагрудного кармана свиток*). Вот основные моменты.

«Ваши владения, царь, граничат с пятью морями, но ни на котором из них (Белое, Балтийское, Азовское, Черное, Каспийское) вы не имеете флота и порядочной пристани. Купечество (коммерция) Ваших подданных заключается в столь тесных пределах, что не может ни Государства обогатить, ни доходов множить. Известно, что доходы государственные почитаются только такие, которые дают свободнейший ход и оборот. Средство же к приобретению таковых есть торговля. Она, доставляя в казну Вашу пошлины с привозимых и отпускаемых товаров, обогащает крупно Государство, умножая силы его и доходы, а что важнее всего – избавляет народ от тягостных налогов и поощряет как владельцев земель, так и крестьян к охотнейшему прилежанию и умножению нужных для торговли

продуктов. Нужно все старание обратить для иностранной торговли, а также к строительству пристаней на берегах морских. В пособие как внутренней, так и внешней торговли, дабы доставить свободный и легчайший провоз товаров, заняться надобно соединением и вычищением рек, соделанием лучших дорог, чего требует, царь, твое Государство как обширнейшее из всех. Таковая торговля оплодотворяет и обогащает самую бесплодную землю. Возри, Ваше Величество, на Голландскую карту. Страна не что иное, как малый участок земли бесплодной, но торговлей и рачением обогатила себя и Республику довела до могущества, равняющего ее с великими державами».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И пошел царь Петр на закат Солнца в своей красной куртке, в белых фризových штанах к синему морю. Расставаясь с Русской землей, сел царь Петр на камень у дороги и крепко задумался: больше не о том, что там за бугром, а на кого оставляет он свое Государство, Московию? Может, некуда будет и возвращаться? И призвал молодой царь силой своего воображения красных и белых, Рюриковичей и Давыдовичей, Нарышкиных и Милославских, позвал с собой дядьку своего – воспитателя, князя Голицына Бориса Алексеевича да и говорит:

– Старый пыхтун! Гроб с музыкой! Хватит тебе дома сидеть, идем в Европу со мной. Что мы с тобой дома забыли? Я за своей сестрицей, царевной Софьей, оставил присмотр, не то в мое отсутствие созовет к своему Новодевичьему монастырю стрельцов да и учинит переворот.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Знаем, знаем, кому голову отшибать, чтобы язык прикусили, это стрельцы Цыклер, Соковнин и Пушкин.

ЦАРЬ ПЕТР. Пушкину-то что надо!

ДЯДЬКА ПЕТРА – ГОЛИЦЫН. Кому, кому, государь?

ЦАРЬ ПЕТР (восхищенно). Европа выслала нам навстречу карету! А что – встречает Европа!..

Оглядывая свое воинство, сам – десят, все с топорами и пилами.

Подтянитесь, молодцы! Европа глядит на нас, запевай!..

Подъезжает карета. Из карты выходят две дамы: одна постарше, другая – совсем молодая. Вытаскивают лорнеты и бесцеремонно, в упор, начинают разглядывать молодых-плотников. Тут же выделяют Петра.

ОДНА, ЧТО ПОСТАРШЕ, ДРУГОЙ. Вот он, высок и красив лицом.

ДРУГАЯ, ЧТО ПОМОЛОЖЕ. Только лицо отчего-то дергается, нервный.

ДАМА, ЧТО ПОСТАРШЕ. И глаза востры, бегают.

ДАМА, ЧТО МОЛОЖЕ. Бегают глаза, неприятны.

Подходят к Петру Михайлову, делают приседание – книксен.

ПЕРВАЯ ДАМА. Ваше Величество, я София – курфюрстка Ганноверская.

ВТОРАЯ ДАМА. Ваше Величество, а ее дочь – София – Шарлотта, курфюрстина Бранденбургская.

ЦАРЬ ПЕТР. Не зовите так меня!

ОБЕ ЖЕНЩИНЫ. А кто же вы, государь?

ЦАРЬ ПЕТР. Я – плотник Петр Михайлов. Можно и бомбардир Петр Михайлов, барабанщик преображенцев, сержант Преображенского полка... Эй, преображенцы!

И руки перед собой, вроде с палочками, кладет вроде на барабан.

– Та-та-та-та... Становись, во фрунт, по-двое рассчитайсь!.. Ать – два – три... Ать – два – три...

Обе дамы захлопали в ладоши и рассмеялись.

Сцена вторая

Там же, в Европе, в герцогстве Цельском, местечке при дворе курфюрстин, в Пруссии.

СОФИЯ ГАННОВЕРСКАЯ (кланяясь). Ваше Величество, позвольте пригласить вас во дворец.

ПЛОТНИК ПЕТР. Не зови меня так! С одного разу запоминай: дочь твоя – Шарлотта. Дома у нас яблочный пирог так зовут – «шарлоттка», тоже немецкого происхождения.

ДЯДЬКА ГОЛИЦЫН (*вслух*). Европа эта! Не могла выслать кого попроще, с другими именами, надо им с вывертом – Софья, одна и другая.

ОН ЖЕ – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Какие есть, плотник Михайлов. Товар лицом (*оборачиваясь к остальным*). Топоры с плеча! Отдыхать! Тут заночуем...

Вечером, за столом у обеих курфюрстин, бомбардир Петр Михайлов совсем позабыл, что он плотник, откликнулся уже на имя царь Петр, а на слова «Ваше Величество» хмурил брови, сверкал глазами и кричал:

– Батарея, отставить!..

И правую щеку, какая дергается, неловко как-то, держал левой рукой.

ЦАРЬ ПЕТР (*курфюрстинам*). Посторонних чтоб не было! Я стесняюсь еще, не привык... Мои плотники пусть сидят, едят, что хотят...

И хватал прямо руками, без всяких ложек и вилок, то мясо, то яйца, то яблоки – все впопых, вперемешку.

КУРФЮРСТИНА СОФЬЯ-ШАРЛОТТА (*заигрывая с ним*). Ваше Вели... Ваше... бомбардир... плотник Михайлов, сейчас будут петь. Приглашена итальянские певица... О, царь, вы из таких огромных стаканов пьете?..

ЦАРЬ ПЕТР (*наливая себе и плотникам*). Видишь? На – ли – вай!

ПЛОТНИКИ (*хором, явно повеселев*). Сколько стоит? – Выливай.

ЦАРЬ ПЕТР (*позабыв прикрыть правую щеку рукой*). Пейте, ребята! Мы в «Великом посольстве», государственных денег на это хватит.

ОДНИ ПЛОТНИКИ (*хором*). Всю Расею не пропьем.

ДРУГИЕ ПЛОТНИКИ. Веселие на Руси ест пити.

ЦАРЬ ПЕТР. Пити и ести.

Наливая Софье – Шарлотте. Пей и ты, девица. У меня дома есть жена, поняла?

СОФЬЯ ГАННОВЕРСКАЯ (*мать ее*). Такой молодой и уже женат?

ЦАРЬ ПЕТР. Мать женила, Наталья Кирилловна. Ты, говоришь, теперь царь, с кем тебе на троне сидеть? А там друг мой, Лефор! Он потом все объяснит... Идем с «Великим посольством» в Европу, во главе Лефор – Преображенский полковник, а я – сержант, зато барабанщик...

СОФЬЯ – ШАРЛОТТА (*приласкиваясь к нему*). Царь-барабанщик?

ЦАРЬ ПЕТР. Отставной! Отставной козы барабанщик! Козы на мыло.

СОФЬЯ – ШАРЛОТТА. Как на мыло?

ЦАРЬ ПЕТР. Ты еще молодая. Это она (*показывая на мать*), она старая.

СОФЬЯ-ШАРЛОТТА. Ешьте пирог, ешьте... По кусочку, не хватайте руками... Ну, и как зовут жену твою, плотник?

ЦАРЬ ПЕТР. Евдокия Лопухина. Мать говорит, она красивая, а я ее не люблю. Вернусь из «Великого посольства», прогоню. Сама мать за моего отца, за царя Алексея Михайловича, по любви вышла, а меня обрекает на муки...

Оборачиваясь к своим плотникам. Ну, как сидим, братцы?

ПЛОТНИКИ (*хором*). Хорошо, царь! Хорошо сидим!

СОФЬЯ-ШАРЛОТТА. Концерт сейчас будет. Итальянские певцы...

ЦАРЬ ПЕТР. Пущай поют, мне это нравится. Сам же пою не очень.

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. А наши – русские народные? Про широкую степь.

ЦАРЬ ПЕТР. А-а, про ямщиков? Это можно. Пою, подпеваю, когда еду, в дороге...

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*запевая*). Ой, ты степь широка-я-я,

Степь раздольная!

Ой да ты не стой, не стой

На горе крутой.

ЦАРЬ ПЕТР (*выбирая ему стакан, какой поболе*). Пей, дядька, пей!..

Степь широкая!..

Степь могучая!..

Эх, да куда ты, куда размахнулась...

СОФИЯ-ШАРЛОТТА (*подходя к нему, приседая*). Бомбардир Петр Михайлов... Ваше Вели... плотник Петр Михайлов. Давайте танцевать с вами тустеп.

ЦАРЬ ПЕТР. А я не умею.

СОФЬЯ-ШАРЛОТТА. Научу... Ра – – два – три, раз – два – три... Скользим ногой правой, скользим ногой левой...

ЦАРЬ ПЕТР. Мы скользить не умеем. Мы, коли встали, твердо стоим, не сдвинешь! (*Обращаясь к плотникам*). Стоим, братцы – плотники? Нас не сдвинешь?

ПЕТРОВЫ ПЛОТНИКИ. Не сдвинешь, батюшка, пока что крепко стоим.

ЦАРЬ ПЕТР. Вернусь из «Великого посольства», посмотрим, что у них с кораблями в Воронеже? Что с Азовом делать, с крепостью Таганрог?

ПЛОТНИКИ. Азов – турку держать.

ЦАРЬ ПЕТР. А мы сюда перенесем интересы – на Запад, в Европу. Будем строить по голландскому способу – большие, красивые корабли.

СОФЬЯ – КУРАРЮРСТИНА ГАННОВЕРСКАЯ. Видите, Ваше Величество, у двери стоят, это ганноверцы наши – крупный народ. Солдат в солдата, нанимаются воевать, везде берут их охотно...

ЦАРЬ ПЕТР. Товар, что надо. Ганноверцы – крупный народ! У нас тоже есть молчаливые. Во фронт хоть меня поставь – вот, с версту коломенскую!

Поднимается во весь рост и стоит, пошатываясь.

СОФЬЯ-ШАРЛОТТА (*матери*). Ой, какой веселенький, красивый! Лицом красив...

СОФЬЯ-КУРФЮРСТИНА ГАННОВЕРСКАЯ (*дочери*). Но и страшен ликом, нервный тик, но уже не закрывает рукой, пообвык... И глаза сверкают, взгляд дик и сумбурен...

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*уловив их разговор*). Ну, и что? А мы того не замечаем... С детства так. Побудь-ка, барыня, в таких же условиях, что с тобой будет? Царевна Со-

фья всех вокруг него выкосила – родственников и друзей, всех Нарышкинских. Милославские же процветали; каково терпеть было все это наследнику, будущему царю?..

Их двое, царей-то, Петр да Иван. Иван совсем смиренный, царством не интересуется. Царь Петр от Нарышкиных выступает, разгонять взялся галок черных над головой – Милославских этих.

ЦАРЬ ПЕТР (дядьке). Тоже подвыпил, несешь все вподряд? Поменьше бреши, зачем им знать еще и про Ивана?

ДЯДЬКА-КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Не указывай, хоть и царь! Молод еще дядьке указывать... (*Поворачиваясь к Софье – курфюрстине Ганноверской, матери*). Вот однажды такое было. Подходит ко мне новгородский архиепископ Феодосий Янковский... А-а, да зачем вам имя? И так утретесь, и без фамилии... Вот подходит ко мне архиепископ да и говорит, представляясь сразу обоим царям – Ивану и Петру. К руке первого подошел без всякого страха, а подошел к руке Петра Алексеевича, так едва не упал, шкура на спине затряслась. И подумалось ему, сам после рассказывал: «Неужто от руки этой смерть когда-нибудь приму?»

Обращаясь к Софье Ганноверской, старшей из курфюрстин. Ты баба еще ничего, ходовая. Кокошник тебе бы на лоб, да хоть под венец. Лет пяток – десяток бы сбросить мне, так можно было бы идти хоть за меня, а хоть за Петра...

СОФЬЯ – КУРФЮРСТИНА ГАННОВЕРСКАЯ (дядьке Петра). А за чем дело? У меня вон дочь есть, ее хоть сейчас под венец.

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Вишь, топоры на плече несем? Мы – «Великое посольство», только отдельно от всех идем, от Лефорта. Идем прорубать «окно в Европу...» Учиться идем кой-чему...

ЦАРЬ ПЕТР (подслушав). Да не кой-чему, а корабли строить. Большие корабли, чтобы выйти на моря...

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Москва будет портом пяти морей.

СОФЬЯ – КУРФЮРСТИНА ГАННОВЕРСКАЯ. Дочь-то хоть сейчас по венец.

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Под руку не говори! Рука глянть какая у него – лапа медвежья, плотницкая! Так ладонь на щеке и выложил одному, налилась кровяца, наверное, месяца на три. Человек силы в себе не чует, с другими не соизмеряет, особо к концу пирушки. Дядьку слушается, но не всегда, иной раз уже не справляюсь... Однажды в Преображенском собрал потешных своих и давай гуляти и пити, устроил пир горой...

СОФЬЯ – КУРФЮРСТИНА ГАННОВЕРСКАЯ. Дочь-то, глянть, не спешит под венец, вон куда отошла.

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Сидели за разными столами, так он с таким усердием и милостью их оттрактовал... Три дня после в себя приходили...

СОФЬЯ – КУРФЮРСТИНА ГАННОВЕРСКАЯ. Видишь, дочь-то к двери подошла, собралась уходить. Плотники ваши у ее лапают, а царь Петр итальянок заслушался...

Гулянье продолжается, стенки пока что целы, голоса не охрипли. А курфюрстины Софьи (обе, мать и дочь) ушли в дальние комнаты обсуждать, что увидели и услышали. И что сказали шепотом и потом записали, как царицы плотники и сам царь с дядей Ивашкой (Бахусом) из своих великих серебряных и стеклянных фужеров до утра в желудки свои – утробы ненасытно бросали».

Курфюртины в дальней комнате так обсуждали момент.

МОЛОДАЯ КУРФЮРСТИНА СОФЬЯ-ШАРЛОТТА БРАНДЕНБУРГСКАЯ. Царь Петр и хорош, и дурной. Красив лицом, высокий и сильный. Но лицом страшен, в руках безалаберен, силы несоразмерны...

МАТЬ ЕЕ – СОФЬЯ ГАННОВЕРСКАЯ. Что тебе, дочь, с лица воду пить? «Стерпится – слюбится», – у русских такая поговорка, Дядька царя Петра говорит: бомбардир красив лицом в мать – породой Нарышкинской. В дядю – брата матери – вышел всем видом, в Льва Кирилловича...

СОФЬЯ-ШАРЛОТТА, Что у Петра – двое дядек, что ли? Этот плотник – князь, а тот?..

СОФЬЯ ГАННОВЕРСКАЯ. Тебе-то что? Ты на племянника смотри, на царя. Будешь сидеть с ним на троне.

МОЛОДАЯ СОФЬЯ. Этот на троне долго не усидит. Видишь, на что наострился – на кораблестроение, а не на людей. Как в море на корабле, так два – три года не жди, пока его тут не свергнут.

СОФЬЯ ГАННОВЕРСКАЯ, МАТЬ. Нет, дочка, он царь, ему виднее. На то у него свои генералы, чтобы власть держать...

МОЛОДАЯ СОФЬЯ. Добрый он, мама, добрый как человек. И красив лицом, высокий. А в лицо ему глядеть страшно. Так и кажется, палка в его руках походит и по тебе.

Сцена третья

Царь Петр с десятью человеками после Коппенбрюгге находится уже перед Рейном. Спуститься вниз и каналами можно попасть в Амстердам (Голландия), где строятся корабли.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*расставаясь с курфюрстинами*). Я попросил их подать о Петре свое мнение письменно. Вот что они записали:

МОЛОДАЯ СОФЬЯ (ДОЧЬ): «Петр сказал, отец его любил охоту, Петр же к ней не чувствует никакой слабости, зато очень любит кораблеплавание и фейерверки. И показал жесткие от работы, плотничьи руки.

Я представляла его гримасы хуже, чем они есть, и удержаться от которых не в его власти. Но мне понравились его естественность и непринужденность».

КУРФЮРСТИНА – МАТЬ. «Царь высок ростом, у него прекрасные черты лица и благородная осанка. Однако желательно, чтобы было поменьше грубости. Государь очень хороший и вместе с тем очень дурной. Получи он лучшее воспитание, из него вышел бы человек совершенный. Много достоинств у молодого царя и, прежде всего, необыкновенный ум».

Царь Петр подходит к дядьке своему – князю Голицыну.

ЦАРЬ ПЕТР (*показывая на бумаги в его руках*). Для кораблей, что ли?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*засовывая бумаги в карман*). Да так, ничего особенного.

ЦАРЬ ПЕТР. Ну что, дядюшка, спускаемся по Рейну вниз, к Амстердаму?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Идем к лодкам.

ЦАРЬ ПЕТР. «Великое посольство» где-то застряло. Еще бы, сколько пройти по маршруту Курляндия, Пруссия, Священная Римская империя – не скоро доберешься до Голландии. Но ничего, Лефорт, мой полковник, справится... А мы, как и прежде, все десять плотников, и я с ними плотник, бомбардир Петр Михайлов...

Голландия. Местечко Сардам (Заандам), близ Амстердама. В Сардаме судостроительная верфь Роге. Все Петравы плотники расквартированы, живут по домам. Молодой, высокий, красивый плотник Петр Михайлов ютится в небольшой каморке у Старого кузнеца.

ПЛОТНИК ПЕТР (*напевая, под нос себе*).

Жил кузнец веселый за рекою,

Никого собой не беспокоя.

Где-то за границей

Девушки – девицы

Все краснели, все бледнели,

Встретив кузнеца...

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ, ХОЗЯИН КАМОРКИ (*улыбаясь*). Да не кузнец, не кузнец ты (*показывая на Петра*), а плотник.

ПЛОТНИК ПЕТР МИХАЙЛОВ (*в красной куртке и белых фризových штанах*). Из песни слова не выкинешь! Хозяин, на верфи Роге мы уже были. (*Показывая на топор*). Инструментом своим поработали. Веди нас завтра на бумажную фабрику, яволь?

КУЗНЕЦ ИЗ САРДАМА. Конечно, яволь. С голландцем ходим по фабрике.

Петр бродит по городу, разглядывает его, беседует со многими, допытывается до всего, на фабрике останавливается у огромного чана с бумажной массой.

Гладит рукой этот чан, берет черпак: ну-ка, дай попробую.

И, зачерпнув жидкой массы из чана, выливает ее в форму. Стоит и смотрит, как получается лист бумаги.

Берет лист и зовет дядьку Голицына.

ПЛОТНИК ПЕТР (*радуясь по-детски*). Гляди, лист какой! Для всяких твоих бумажек.

ДЯДЬКА ГОЛИЦЫН. Бомбардир, идем далее, по маршруту.

ПЛОТНИК ПЕТР. К берегу! Покупаем ялик, будем кататься.

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ (*переглядываясь с голландцами*). Простой плотник, живет в бедной, небогатой комнате, а яхту, как семечки лушит, запросто покупает. Видели? Сказка какая-то: из одного кармана гульдены, из другого – яхта с веслами и под парусом. Не простой плотник, да?

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ (*зайдя в цирюльню*). Что слышно в городе, что нового в мире?

В цирюльне ему. Да вот письмо тебе. От сына твоего, что уехал в Россию на заработки. Мы письмо уже прочитали. Сын-то что пишет: про того плотника... Может, окажется и у нас в Сардаме... Так вот, каковы приметы его: большой, красив лицом, но головой трясет и руками размахивает, бородавка на щеке...

И тут вслед за кузнецом, в цирюльню входят русские плотники и с ними высокий плотник Петр Михайлов – постоялец Старого кузнеца.

И все, кто в цирюльне, в один голос. Ну вот, и сам царь московский сюда к нам пожаловал!

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ (*кланяясь*). Ваше Величество, милости просим.

ЦАРЬ ПЕТР (*словно не слыша, Старому кузнецу*). Дядька мой не заходил сюда?

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ (*в сторону*). Царь московский... не воспринимает, не слышит... *Вслух.* Бомбардир Петр Михайлов, что – не слышишь?

ПЛОТНИК ПЕТР. Слышу слышу... Где мой дядька Голицын?

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ. По каналу на яхте катается.

ПЛОТНИК ПЕТР (*сверкнув глазами*). Без меня?! Ну, я ему покажу!

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ. Так вы все бродите по заводам, по фабрикам, а мне, дядька говорит, что делать?

ПЛОТНИК ПЕТР. А что и другие. Топором работать на верфи, корабельному делу учиться...

На улицах Сардама мальчишки смеются над белыми фризовыми штанами плотника, кидают вслед камешки.

На другой день, встречая Петра Михайлова, люди кланялись ему в пояс.

ПРОХОЖИЙ. Ваше Величество, чего вам в каморке-то жить? Переходите ко мне. У меня есть для вас верхняя комната... с видом на канал...

ПЛОТНИК ПЕТР (*словно не слыша*). Где мой дядька? В каком месте плавает?

ПРОХОЖИЙ. Бомбардир Михайлов... плотник Петр... ты меня понимаешь?

ПЛОТНИК ПЕТР. Понимаем, понимаем, слава богу, голландскому обучены.

ПРОХОЖИЙ (*смеясь*). Говоришь, мы простые люди, мы плотники, а сам буер купил за 450 гульденов.

Собирается толпа. Крики, гвалт, улюлюканье. Тут же появляется бургомистр.

БУРГОМИСТР САРДАМА. Граждане! Граждане! Сдерживайте чувства, нечего стеснять знатных иностранцев, гостей нашего города. Они оказывают нам высокую честь... Так, бомбардир?..

Протискиваясь сквозь толпу, уходит с площади. Площадь остается пустой. Появляется дядька Петра – князь Голицын, навстречу ему спешит Петр.

ПЛОТНИК ПЕТР. Князь, куда это ты запропастился? Письмо получил я из Амстердама, от друга нашего голландца Николая Витзена, помнишь такого?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Как же-с. Еще при батюшке нашем Алексее Михайловиче был в России, проехал до Каспийско-

го моря, вплоть до Китая, написал сочинение «Татария восточная и южная»... Так царь Петр сообщает, наше «Великое посольство» уже где-то поблизости, в окрестностях Амстердама... Немедля переезжаем в тот голландский город, будем встречать посольство, Лефорта и всех других наших военных и дипломатов.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Так, царь, так. Как сказал, так и будет.

Амстердам. Праздник в городе. Толпы, флаги и музыка. Генеральные Штаты во главе с голландским штатгалтером и английским королем Вильгельмом Оранским встречают московское «Великое посольство» во главе с молодым царем Петром, прибывающим из России.

КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ (*по-английски, по-голландски, по-русски*). «Рашен, рашен!».. «Водка, водка!».. «Петр сардамский!» «Мастер Петр!».. «Ваше Величество!», «Царь московский, царь Петр!»..

Царь Петр с Лефортом обнимаются с бургомистром Витзеном, затем проходят далее – к голландскому штатгалтеру и английскому королю.

Апофеоз. Крики приветствия, фейерверки. После кратких переговоров царь Петр подзывает дядьку своего – князя Голицына.

ЦАРЬ ПЕТР. Езжай в Сардам, заberi инструменты. Да не забудь мой топор... А мы тут вот с ним (*показывая на бургомистра Витзена*) походим по всяким местам... Бургомистр! Витзен! Показывать будешь нам все, нам все интересно: воспитательные дома, госпитали, фабрики, мастерские, китовый флот, особенно судоверфи... Все я должен видеть своими глазами, пощупать своими руками... Пробиваем «окно», прорубаем...

Витзен! Завтра после посещения Утрехта с его унией едем к профессору анатомии Рюйшу... Поглядим, как они тут лечат раненых и больных...

Госпиталь. Анатомический кабинет профессора Рюйша.

МОЛОДОЙ ЦАРЬ ПЕТР (*профессору в белом халате*). Ну что, Рюйш! Сколько раненых у вас тут лежит?

ПРОФЕССОР РЮЙШ (*односложно*). По-разному.

ЦАРЬ ПЕТР. Ну, если пулей навылет ранило, а не навылет?.. А если ядром раздробило ногу?.. А если ногу отпилят?

Обращаясь к Лефорту. Приглядывайся и ты, Франц! Вскоре, как вернемся домой из Воронежа, где мы будем строить свой флот, тебе спускаться вниз по Дону, к Азову, где турки... А это большие баталии – морские и сухопутные. Раненых будет много, куда их девать? И что с ними делать? Как на ноги ставить – и чем быстрее, тем лучше... Так, дядька, так?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*обнимая Петра*). Так, племянничек, так. Россия прирастать будет не только Севером, но и Югом.

ЦАРЬ ПЕТР. Не только сушей, но и морем. Так, Лефорт? Сам же говорил, море движет торговлю, а торговля – страну, государство...

Витзен! Профессор Рюйш! Покажите, как и где вы готовите врачей, особо корабельных. У вас же судоверфи, Ост-Индская компания, вы строите корабли, ходите по всем морям мира, у вас большой флот. Так, дядька, так?..

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Так, царь Петр, так. Проникай, пролежай в «окно»...

ЦАРЬ ПЕТР (*сверкая глазами*). Вон как пишут в книжках и как говорят! Пираты, когда забирают корабль, всю команду пускают на дно, кроме кого?.. Профессор Рюйш, ну кого?.. Кроме нас, плотников, и вас, врачей, докторов... Плотник и доктор, доктор и плотник. Вот кто нужен экипажу на море. Врач, доктор – людям, экипажу, плотник же – кораблю...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Государь у нас топором работает на судоверфи. Перед тем, как ехать сюда, заложили у вас в Сардаме фрегат. Теперь вот ваш Витзен поможет пристроиться к судоверфи Ост-Индской компании. Домой в Россию отправимся на своем корабле! Построенном у вас своими руками. Ну-ка, царь, покажи свои руки...

Царь Петр живо прячет руки за спину.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*настаивая*). Покажи, покажи, не стесняйся! Пусть видят, какие руки у нашего молодого царя (*решительно*). Покажи, Петр!

ЦАРЬ ПЕТР (*выставляя руки вперед*). Да вот они... ну и что?..

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. А то, царь! Если уж у наших царей такие руки, то какие руки тогда у народа? Лопата, лапа медвежья, раздавленная работой. Работы мы не боимся, да, царь?

ЦАРЬ ПЕТР (*улыбаясь*). Ну, конечно, дядька. Мы просто работать будем, строить будем самые большие, самые красивые, непобедимые корабли.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*восхищенно*). Вот царь! С руками плотника. Руки как у отца Иисуса Христа. Ими были сделаны ясли, в которых нашли новорожденного, названного Иисусом.

Сцена четвертая

Там же, те же.

ПРОФЕССОР РЮЙШ. А теперь переходим в анатомический кабинет. Здесь вскрываем трупы, изучаем на телах анатомию, движем науку. От мастера Леонарда да Винчи до нас. А тут у нас слушают лекции...

ЦАРЬ ПЕТР (*показывая на стол*). А это что?

ПРОФЕССОР РЮЙШ. Скальпель, нож такой – хирургический.

ЦАРЬ ПЕТР. А это что означает – «хирургический»?

ПРОФЕССОР РЮЙШ. Хирург – врач такой, ножом режет.

ЦАРЬ ПЕТР. Пилит людей, как дрова... А это что?

ПРОФЕССОР РЮЙШ. А это сам труп. Ребенок умер из него сделали... как это... мумию. Чтобы изучать причины смерти.

ЦАРЬ ПЕТР. Как живой. Улыбается даже.

Наклоняется и целует труп ребенка.

ЦАРЬ ПЕТР (*заметив отвращение своих спутников, сквозь зубы*). Всех целовать заставлю, кто будет на это учиться! Зубами будете мускулы рвать, чтобы дело освоить! Анатомию надо знать хорошо, чтобы, как корабли, побеждая, строили большую, самую красивую, непобедимую Россию!..

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*восхищенно*). Так, царь, так! Мой молодой друг! Мы все с тобой на расстоянии вздоха, до последнего биения сердца, Петр Алексеевич! Веди, царь, веди!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Переговоры с Генеральными Штатами насчет помощи России в войне с турками не удались. И царь Петр, все его «Великое посольство» сосредоточилось на строительстве кораблей в Ост-Индской компании. Царь Петр работает лично топором и пилой на строительстве фрегата «Белый Орел».

Вечером, когда все, утомясь за день, расходятся спать по квартирам, плотник Петр призывает к себе баса (мастера) Яна Пола. Они садятся за стол и под камельком разворачивают чертежи.

ЦАРЬ ПЕТР (басу-мастеру). Топору, деревянному, парусному делу я обучился. Ты мне «препорции» корабля покажи. Почему корабль не тонет в шторма, не перекидывается? Как содеять ход в морских милях скорейшим, легким, красивым?

БАС ЯН ПОЛА. Это как петь. Дано природой или не дано. Вот в шляпе человек и без шляпы. В шляпе человек – Шляпин, а без шляпы...

ЦАРЬ ПЕТР. Шаляпин.

БАС ЯН ПОЛ. Нет в Голландии на сие мастерство совершенства геометрическим образом. От нутра идем, от долговременной практики. На чертеже всего этого показать невозможно, ибо дело станет противно, не от Бога.

ЦАРЬ ПЕТР (пораздумывая, про себя). И зачем же я тогда сюда столько верст отпехал, то есть пешочком по Европе прошел, а желаемого не достиг? Чтобы слыхом слышать это вот «невозможно»? Все возможно, когда захотим, все под Богом ходим, все получится.

А вслух сказал. Вышеуказанные причины не для нас, больших, а для маленьких, которые, надуваясь, хотят быть большими. Мы же, русские, желаем строить большие, самые большие, самые красивые корабли. И еще хорошенько подумаем; как говорят у нас, семь раз подумаем, один разотрежем.

Судоверфь Ост-Индской компании. Молодцы – плотники Петровы – из России. Да еще и тут нанятые мастера всякие – по парусу, по канатам, железу. Уже вверх по мачтам

фрегата полезли, флаг налаживают, а царь Петр все думу думает, ищет «препорции» бега и груза, красоты корабля.

ЦАРЬ-ПЛОТНИК (*оглядывая свое трудовое воинство*). Ну, что, ребята, приустиали маленько? Можно передохнуть.

МАСТЕРОВЫЕ. Надо, батюшка, надо. Как не передохнуть? Корабль на тяжком труде будет тяжек, потонуть может.

ЦАРЬ ПЕТР. Ну, тогда забирай топоры и айда за мной. Знаю тут дворик один – у купца Яна Тесинга. Там и посидим, разговеемся.

Пришли. Сели. Уставились друга в друга. Приказал царь порусски постелить под ноги соломки. Чтобы была «соломбала». Поставил бутыль – одну на всех, какую поболее. Крякнули, не чем попадя закусили, а плотно, по-плотнишки.

ЦАРЬ ПЕТР (*вставая и говоря*). Без тоста – пьянка, а потом что, батюшка? (*Обращаясь к дядьке – князю Голицыну*).

ДЯДЬКА ЦАРЯ ПЕТРА. (*Усмехнувшись*). С тостом-то? Ме-ро-приятие.

– Комиссия отца Дионисия, – *поддержали его тоже опытные в деле Бахуса голландцы, сосредоточенные на этом.*

ЦАРЬ-ПЛОТНИК ПЕТР. Легенды давайте рассказывать. Вот с вас, голландцев, начнем. С тебя!..

Встает голландец – Верзила, под стать самому Петру.

ГОЛЛАНДЕЦ-ВЕРЗИЛА. Вот тут же, на этом самом месте, сидим мы однажды с матросами, а у нас Указ вышел: не пить пока, приостановиться нельзя. А как не пить? Мы же пришли сюда, как сейчас вот. Сидим, прием. Заходит от власти Капитан с алебардой. Подошел и забрал бутыль. Ушел – поставили мы другую. Опять пришел, кажется, с алебардой. Одно движение опять и – опять на столе нету бутылки.

Заглянул Капитан под стол, пошуровал алебардой – нет бутылки. Ушел – опять поставили. Пьем. Вернулся, опять одно движение и – опять нет бутылки. Опять заглянул под стол Капитан – опять ничего под столом. Собрался уж уходить. А матросику, какой все это делал, жаль его стало, да и себя показать захотелось... Подозвал Капитана – глянь, говорит.

Поднял брюки – клеш, а бутыль-то при ноге его на полу стоит себе, как святая. Клешами, значит, прикрыта...

ПЕТРОВЫ ПЛОТНИКИ, ДА И САМ ЦАРЬ ПЕТР (*засмеявшись весело, в предвкушении*). Ну, и что дале?

МАТРОСИК. А то! То! Мужской закон: бутылка на месте, значит, пей!

Ушел Капитан с алебардой – вторую достали.

Опять Капитан появился. Опять одно движение и – нету бутылки, скрылась опять под столом.

КАПИТАН (*матросику*). А ну, поднимай ноги.

Приподнял Матросик ноги – нет ничего на полу, пусто.

Уходить опять Капитан собрался со своей алебардой. И опять Матросика черти разбирают. Опять Капитана пальчиком манит. Подходит тот, а Матросик теперь поднимает не ноги, ноги на месте, а клеша до колен. А она, родимая, на ноге, поверх ступни – стоймя стоит себе, как святая... Мужской закон: изымать нельзя, пей, куда денешься?..

Тост такой: ЗА СМЕКАЛКУ.

В нашем деле – без нее нельзя, корабль не построишь.

Рассмеялись все, поаплодировал вместе со всеми и Петр.

АНГЛИЧАНИН С ВЕРФИ. Строят тут, в Голландии, топо-рами. Как Бог на душу положит. А у нас наука, технология, цивилизация.

Голландцы тут же зашевелились, начали обижаться, как-то неудобно перед русскими, все же они, голландцы, тут мэтры, басы – мастера.

ГОЛЛАНДЦЫ. Это ничего не значит, что вы имеется такой апломб, делаете перед всей Ост-Индской судостроительной и торговой компанией на весь мир заявление. Вы, англичане, докажите, аргумент такой выставьте нам, чтобы мы вам поверили.

АНГЛИЧАНИН (*как ни в чем не бывало*). А как же, выставим. Аргумент есть аргумент, вот хотя бы такой. У нас в кораблестроении – мысль, прежде всего, архитектура! В совершенстве чертежи, бумаги, расчеты всякие, вся инженерия в кратком времени... (*поглядывая на Петра*). Всему обучиться

возможно. Наши корабли, наш флот – по всем морям, океанам ходит. Уж испанцев, французов отстранили мы с первых мест, к вам, голландцам, уже подбираемся. Это факт?

ГОЛЛАНДЦЫ (*в смущении, но упорствуя, за свое*). Это факт, а где аргумент? Инженерия, говорите, а на чем она зиждется, на каком аргументе?

АНГЛИЧАНИН. Вот тут и весь «цимус». Все стоит на чем? На законе. Испокон веков. Представьте себе, на Архимеде. Помните, учили когда-то мы еще с давних, школьных времен? «На погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила, равная весу жидкости, вытесненной этим телом». Поняли?

ГОЛЛАНДЦЫ (*хором*). Что поняли? И при чем тут Архимед?

АНГЛИЧАНИН. Мы строим корабль с киля. Применяем закон Архимеда для расчета водоизмещения, что позволяет нам прорезать люки для пушек, не спуская корабль на воду. А вы в Голландии таких расчетов не делаете. Спустите судно на воду, ударите по борту бутылкой шампанского, а потом мыкаетесь, сколько пушек ставить, сколько снимать, назад тащить... сколько ядер грузить, сколько обратно сгружать...

Засмеялись русские плотники, в их числе и царь Петр. А голландец и говорит:

– Вы-то чего смеетесь? Что хоть вы-то умеете?

ЦАРЬ ПЕТР (*задетый заживо, встает и оглядывает свое плотницкое воинство*).

ЦАРЬ-ПЛОТНИК ПЕТР. Ну-ка, кто тут у нас говорун? У кого язык востер, подвижен? Выручай, дядя, дядюшка, может, ты?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*кивнув в торец стола, русским*). Кто желает? Вон у нас малыш, самый маленький.

ИЗ РУССКИХ ПЛОТНИКОВ, САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ. Это как мы ботик-то на Плещеевом озере строили... Ботик Петра...

ЦАРЬ ПЕТР (*оживясь*). Во-во, расскажи им, как мы тот ботик строили?

ПЛОТНИК, СТРОИТЕЛЬ БОТИКА. Русский плотник долго ищет, да быстро строит.

АНГЛИЧАНИН. Чего ищете-то?

РУССКИЙ ПЛОТНИК. Счастье... Такую сосну – мать облога, есть у нас такие в лесах! Чтобы выдолбить, выжечь, на бревнах выкатить к озеру ли, к реке ли, в общем, к воде... И готова лодья...

АНГЛИЧАНИН, Вы навряде нашего Робинзона Крузо, есть такие умельцы (*чопорно, через губу*). Но на моря так не пробьетесь, в первые лица не выйдете.

ЦАРЬ ПЕТР. А датчане как, викинги? На таких лодьях обогнули пол-Европы – от Балтийского моря до Греции.

ДЯДЯ ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Атлантический океан переплыли.

АНГЛИЧАНИН. Это все сказки, давно было дело, вы сейчас попробуйте хоть до Азова добраться.

ЦАРЬ ПЕТР (*стиснув зубы и побагровев*). И попробуем! Дядька! (*Обращаясь к князю Голицыну*). Завтра же в Данию едем. Что тут Европа вся – с кулачок территория, камнем можно перешвынуть. Утром поедем – вечером в Копенгагене. К конунгу датскому в гости.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. К Гамлету – принцу датскому.

ЦАРЬ ПЕТР (*решительно, сверкая глазами*). Только вот чего не пойму! Англичанин писал, из Англии принц вроде бы ехал в этот Копенгаген, а принц почему-то датский.

ТОТ ЖЕ ГОЛОС, ИЗ РУССКИХ ПЛОТНИКОВ. Не датский это герой, а греческий. Гамлет, наоборот Телемах, сын Одиссея – царя Итаки. Сам же царь говорил, что это дело сам рассматривал в «мелкоскоп» вместе с профессором Рюйшем. И обнаружил, что и Рюйш тоже наш человек – «Райш», наша «раша», тоже из русских. А Гамлет (Хамелет, Телемах – сын царя Одиссея) – сын датского конунга Рюрика, основателя нашей династии, тоже наш человек...

ЦАРЬ ПЕТР (*поднимаясь в торце стола, во весь рост*). Рюрик – предок наш, родоначальник, отец князя Игоря Святославича. Красный цвет – от него, белый – от Давыда, Давы-

довичей, а синий – цвет моря, морской воды. Это флаг наш, пока такой, из трех цветов... Не пироги будем долбить, выжигать, а корабли настоящие строить, покорять, как викинги, морские просторы... Завтра, дядюшка, едем в Данию, к Гамлету!

Сцена пятая

Там же, в Амстердаме, на верфи Ост-Индской компании. Вчерашние русские плотники во главе с Петром Михайловым на строительстве фрегата «Белый Орел».

МАЛЫШ-ПЛОТНИК (*подходя к Петру*). Бомбардир! А мне понравился Англичанин. Как они ставят пушки на корабле.

ЦАРЬ-ПЛОТНИК ПЕТР (*двухметровый, с величественной осанкой*). Мы будем делать все по-другому.

ПЛОТНИК-МАЛЫШ. А как?

ЦАРЬ ПЕТР. Как в сказках наших, например, про Садко. Необязательно строить огромные, будем строить всякие, но хорошие, даже подводные корабли... Мне рассказал Лефорт, не так давно был такой в Италии художник, ученый – анатом, так он пририсовал человеку крылья, сконструировал махающий аппарат... Подводную лодку придумал... Так, дядюшка?

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. В античности еще, в древней Греции был такой герой мифов – Икар, он летал на крыльях, скрепленных воском. Однажды полетел к Солнцу, прямо на Солнце, оно растопило воск, и Икар упал в море...

ПЕТР МИХАЙЛОВ. Я море люблю, воду люблю больше, чем небо.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Море – миф, сказка, чудо-юдо, а небо – Солнце и Бог.

ПЕТР МИХАЙЛОВ. Завтра же едем в Данию, к Гамлету.. Быть или не быть?.. Как ты думаешь, чего больше в нем, сыне царя, – Неба или Моря, фантазии или жизни, тайны или яви?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Царь, не встречайся больше с этим профессором Рюйшем. Он тебе голову замутил этими чудесами, тайнами, всякими легендами, сказками – мифами. А ты царь, тебе голову держать надо прямо, разум твой должен быть чис-

тым, незамутненным, за тобой Россия. А путь ее должен быть ясен и прост: вперед и только вперед, Россия!

ЦАРЬ ПЕТР. Профессор Рйюш говорит, русские в далеком прошлом – это арии, а «арий» переводится как «движение». Вечное движение, на все времена...

Появляется Таинственный Незнакомец, он в блестящем черном плаще до пят, говорит что-то на ухо царю. Петр Михайлов отмахивается от Незнакомца, машет руками. Дядька Петра – князь Голицын стоит в стороне, терпеливо ждет окончания разговора.

Царь Петр подходит к дядьке, утирает вспотевший лоб платком – большим, клетчатым, рассеянно кладет платок мимо кармана.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*поднимая платок и подавая его Петру*). Ты кто сейчас – царь или плотник? Коли царь, то платка не теряй. Еще не раз утираться придется... Ну, и что сказал тебе Незнакомец?

ЦАРЬ ПЕТР. Еще к тебе, царь, не однажды приду.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. И где в следующий раз, чего тебе ждать от него?

ЦАРЬ ПЕТР. В Дании, куда едем. В виде облика Гамлета. Сказал так: обратите внимание. В том времени, когда исчез в Дании конунг, якобы отравленный его братом, на Руси появился он, тот же Рюрик, с ватагой викингов... на пути «из варяг в греки»... Это и был отец князя Игоря...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Ну, и что? Зачем он в Дании появится перед тобой? Что – нельзя тут сказать то, что скажет он тебе там?

ЦАРЬ ПЕТР (*передернувшись лицом и замавав руками*). Не зови его, пусть уходит... не нужен... Идем на верфь, спустим ялик на воду и поплывем уже ночью, сегодня. Пока все спят. Никто не должен знать, что мы с тобой, дядька, отправляемся в Данию, к Гамлету.

Дания, Копенгаген, царь Петр с князем Голицыным на берегу.

ЦАРЬ ПЕТР (*в задумчивости*). Быть или не быть? Что делать, кто виноват? Куда и с кем нам идти?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Поменьше с такими якшайся, царь, с незнакомцами. Они тебе всего насуют, предложат любой союз и оставят, бросят.

ЦАРЬ ПЕТР (*в протрации, про себя*). Евразийские ритмы, они без конца выбрасывают волны людские с Востока. Эти волны садятся на прежние волны и не пускают сюда другие волны с Востока. Временами и сами те волны поднимаются и идут, возвращаясь, туда, как они говорят, где их законное место, откуда они когда-то пришли... Так, дядя, так?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Царь Петр! Ты спрашиваешь меня? Я про это не знаю, спроси у него – своего Незнакомца, у Гамлета, у его тени, которая должна вскоре, как я понимаю, опять появиться перед тобой.

Из-за туч выходит Луна. Возникают голубые столбы света, они колеблются, изгибаются, составляя фигуру того Незнакомца, который Петр видел вчера в Амстердаме.

ЦАРЬ ПЕТР (*бормоча под нос себе*). Гамлет, мой друг! Это ты?.. Что скажешь ты мне сегодня на то, что недосказал мне вчера Незнакомец?..

ГОЛУБОЙ СТОЛЬ СВЕТА, *колыхаясь перед Петром*. Прорубаешь «окно в Европу»?

ЦАРЬ ПЕТР (*замерев*). Прорубаю.

ГОЛУБОЙ СТОЛЬ В ВИДЕ ПРИЗРАКА ГАМЛЕТА. Ты должен понять одну, но существенную разницу самой природы Власти там у вас, на Востоке, в России, и тут – на Западе...

ЦАРЬ ПЕТР (*едва шевеля губами*). В чем же она, эта разница?

ПРИЗРАК ГАМЛЕТА. Тут Власть – от давления общества, от человека, от личностей. Там же у вас – «движенье», а значит, судьба всех и каждого, прогресс народа и государства зависимы от царей. А цари слишком зависимы от жизни и смуты... Ни один царь у вас после тебя не уйдет сам, не умрет своей смертью...

ЦАРЬ ПЕТР (*взмахнув руками и закричав*). Чур, чур меня!.. Чур!..

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*бросаясь к нему, и растирая его клетчатым платком искаженное страхом*

лицо). Ну, чего ты, батюшка мой, Петр Алексеевич?.. Не надо так, успокойся... Прогони Незнакомца подале... Завтра же поутру сядем на ялик, уйдем назад в Амстердам... Устал, братец мой, отдохнуть надо, пожить поспокойнее. А то что ни день, то все куда-то надо тебе. С топором на верфь, к профессору Рюйшу – в «мелкоскоп» смотреть, всякую мелкую тварь разглядывать, вопросы всякие обсуждать...

Пить поменьше надо. Пьешь, царь... Больно много в последнее время якшаешься то с голландцами – то со своими, то с плотниками, то с музыкантами даже...

ПЛОТНИК ПЕТР. Плотники – это мы с тобой. Фрегат надо достраивать, домой собираться. Поплывем в свою Московию на «Белом Орле»... А пока съездим в Англию.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Как в Англию? Мы туда не собирались.

ЦАРЬ ПЕТР. Хорошая мысль приходит опосля. Тут теперь в голову пришло. Как это быть в Голландии, Дании, где перед глазами у нас корабли, а в душе где-то призраком бродит Гамлет, и не побывать в Англии?.. Откуда, князь, вся заварушка в Европе.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Заварушка в Вене, Париже, на Востоке – в Стамбуле...

ЦАРЬ ПЕТР (*пальчиком дядьке*). Э, князь! Лондон есть Лондон. Там театр «Глобус», Шекспир этот – автор, родивший Гамлета... И, конечно, пока там у них самые большие, самые красивые и мощные, непобедимые корабли.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Ну что ж, царь Петр. Позовем Лефорта, пусть готовит свое «Великое посольство» в Англию?

ЦАРЬ ПЕТР. Обойдутся. Вдвоем с тобой отправляемся в Англию. Ну, да еще возьмем плотников, может, и Лефорта?

На другой день царь Петр втроем вместе с дядькой своим – князем Голицыным, а так же с Лефортом, составив с утра уложение дня, вместо отдыха принял меры к его выполнению. Готовясь к поездке в Англию, первым делом втроем побывали они там, где обучают матросов всяким языкам, в том числе и английскому.

Учитель попался старый, седой, показалось, бывший пират. Обошел все моря, океаны.

Царь Петр спрашивал английские слова, в конце концов, на фактах из его биографии.

ЦАРЬ ПЕТР. Как зовут-то тебя?

УЧИТЕЛЬ-ПИРАТ. Дрейк.

ЦАРЬ ПЕТР. Врешь, скорее всего. Дрейк уж умер давно, утонул. А меня как зовут, знаешь?

ПИРАТ. Московский царь Петр, сардамский плотник.

ЦАРЬ ПЕТР (*рассмеявшись*). А своих ты топил, англичан?

ПИРАТ. Испанцев больше, золото везут из Америки. А англичан зачем – корабли с конвоем, под пушками.

ЦАРЬ ПЕТР. Ну, и чем тебя наградила Королева за верную службу?

ПИРАТ (*раскрывая камзол*). Вот, царь, видишь? На груди Орден Подвязки.

ЦАРЬ ПЕТР (*оторопев*). Как – подвязки, какой подвязки?

ПИРАТ. Да, говорят, на балу у королевы с коленки соскочила подвязка. Все рты пораскрывали, не знали, что делать. А один кавалер подхватил ее с полу, подбежал к королеве, поцеловал ее ножку и подвязал подвязку туда, где она и была... После королева учредила орден и наградила героя... И пошли награждать дерзких и смелых...

ЦАРЬ ПЕТР (*рассмеявшись*). И до тебя дошел черед, докатился?

ПИРАТ (*застегивая камзол*). Все, разговор окончен. Приступаем к занятиям...

Стихи такие, читаем. Называются «Вы говорите по-английски»? Между прочим, французского автора Рене де Обалдиа... Итак, вы говорите по-английски?

ЦАРЬ ПЕТР. Если бы говорил, не пришел бы к тебе.

ПИРАТ-УЧИТЕЛЬ. Да, это я так. Ну, читаю.

«Вы говорите по-английски?
Собранным нужно быть,
Чтобы по-английски говорить.

Это язык для бриджа,
Пустоват слегка.
Много звука, мало молока.

Вот я уже знаю слово «конец»,
Да еще «как поживаете?»
Как король перед этим «же»,
Вы меня понимаете?..

В Америке, чтобы говорить по-английски,
Вешают на нитку жевательную резинку,
В Китае, чтобы говорить по-английски,
Прежде вывернут язык тебе,
Видал такую картинку.

В Ирландии, похоже,
Это не производит картины.
А вот в Шотландии
В нос закладывают горошину
И, забавляясь, сколько хочешь,
Что есть духу гудят на волынке.

Французы, когда возбуждены,
Вокруг себя сыплют звуки английские.
Аж до Вальпараисо!
Очень какие получше штаны
Да и иди в зоопарк... Убийственно!

Бенгальский тигр полосатый
Никогда не рычит с акцентом.
За исключением, когда, нападая,
Наестся доотвала, купаясь в крови.
После него идут антилопы зебу. Моментом
Пользуйся и лови их...
Ах да, забыл! Если кто из английского
И делает мешанину, они –

Как гашиша наелись,
 Бренди напились – кричат хрипло и длинно.
 Вот такая картина!»

ЦАРЬ ПЕТР (*смеясь подавая руку учителю*). Ну, спасибо.
 ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*Петру, по-русски*).
 Врет, наверно, что он пират. Приедешь домой, расскажешь, как
 царь тут учился английскому у пирата, ни за что не поверят!

ЦАРЬ ПЕТР (*расмеявшись*). Иес.

Ночью опять появился Таинственный Незнакомец. Перечитал сценку, стихи, сообщенные им из будущего благодаря «машине времени» Аристотеля, и сам себе рассмеялся. И шепнул на ухо царю Петра во сне что-то такое свое, бесовское, что в Англии он опять к нему явится и вообще потом будет всегда являться русским царям до скончания монархии. И исчез, растворился в ночи до худших времен.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

События происходят уже в Англии, этом туманном Альбионе, куда и не собирался сначала со своим «Великим посольством» молодой царь Петр, отправляясь прорубать «окно в Европу», надумав все это еще в Первопрестольной. И перенесутся затем те события куда-то на самый Восток Балтийского моря, куда Таинственный Незнакомец отправит фрегат «Белый Орел» со своей командой во главе с молодым московским царем Петром.

Сцена первая

Англия. Устье Темзы. Появляется, молодой и красивый московский царь Петр, бывший в Голландии плотником, бомбардиром Петром Михайловым. Все «Великое посольство» осталось в Амстердаме, а сюда с царем приехала его малая толка во главе с Францем Лефортом – полковником преображенцев. Да те десять плотников, что работали с царем в голландском Сардаме, ну и, конечно, дядька Петра – князь Голицын. А куда молодой царь Петр без него?

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*Петру*). Мать твоя, Наталья Кирилловна, приставила меня к тебе, Петр. Вот я за тобой и всюду, как нитка за иголкой.

ЦАРЬ ПЕТР (*про себя, в сторону*). С Незнакомцем этим мы еще разберемся и с «Белым Орлом». Куда это они меня направляют – к устью Невы, где болота, гиблое место?

И вслух (дядьке – князю Голицыну). Прорубаем-то тут «окно», а дорубать будем там у себя, в устье Невы. Где, опираясь на красоту и длинный день – белые ночи, научимся делать все красиво, добротнo, но главное – строить самые красивые корабли.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И это случилось в конце XVII века, уже в новом году, а именно, 11 января.

МОЛОДОЙ ЦАРЬ ПЕТР. Лефорт! Видишь мелкие суда на берегу, как называются?

ФРАНЦ ЛЕФОРТ. Баржи, государь, баржи.

ЦАРЬ ПЕТР. Пересаживаемся на этом баржи и плывем рекой, как она называется – Темза? И далее рекой Темзой на веслах идем до ихней столицы... Лондон, да?.. Будем смотреть, как они применяют тут древний закон Архимеда.

ЛЕФОРТ. Законы древними, Петр, не бывают, они по возрасту всегда одинаковые. Древний весьма теперь Архимед – ученый, открывший этот закон.

ЦАРЬ ПЕТР. Вот, видишь? Вот и столица английская Лондон. На правой стороне дом большой, здание, именуемое Тауэр, куда английских честных людей берут на караул. Вот проехали мост, на котором дворцы высятся. Проедем центр, их дворцы, тут и высадимся, в трех дворах мещанских. Тут где-нибудь и станем на постой да скорее кушать надо, есть хочца, отведать аглицких яств...

ПЛОТНИК-МАЛЫШ (*из глубины баржи, потирая радостно руки*). Ух, пожрем хоть! По еде как соскучились!..

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Дикость свою не показывать, не разбредаться, как овцы. Держаться вместе, бокс тут – живо рожу набьют.

ЛЕФОРТ (*преображенцам, особо*). Зачем мы приехали, как вы думаете? Учиться и боксу, военному делу на море. В этом англичане большие доки, специалисты. А то нам скоро, как вернемся домой в Московию, так идти на Азов, на турок, а их шапкой просто так не накроешь.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. (*преображенцам*). Ишь, Лефорт-то, полковник ваш, как наблатыкался.

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ. Так век при царе. С таким царем не соскучишься. В каждую дырку сам лезет и нас заставляет. Вот тогда поглядишь...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Чего глядеть-то? Гляделки не лопнут. Поглядим, до всего доглядимся, что получше – себе возьмем. Затем сюда и приехали.

Четыре дня все сидели на месте, ждали английского короля.

ЛЕФОРТ (*царю Петру*). Поставь аппарат на просушку.

ЦАРЬ ПЕТР (*недовольно*). Какой аппарат?

ЛЕФОРТ. Своих плотников, корабельщиков угощать. Глянь от рому английского рожки синие, а глаза белые.

ЦАРЬ ПЕТР. Не твое дело, полковник. Смотри, за своими военными и дипломатами.

ЛЕФОРТ. Ты – царь, тебе до всего дело есть. Бомбардир! И сам с ними хоть пить перестань в ожидании английского короля.

ЦАРЬ ПЕТР. Дядьке скажи. Дядька даст команду – послушаюсь. А тебя – нет. Скоро сам себя в полковники произведу.

ЛЕФОРТ. Дядька твой – князь. Что тебе князь? Ты – царь... А я полковник Преображенского полка, ты же в нем барабанщик всего, бомбардир. Слушай мою команду: перестаем пити...

ЦАРЬ ПЕТР. А как Русь веселится?

ЛЕФОРТ. Русь без этого дела обойдется, а без кораблей, без портов морских нет, никогда! Понял меня, ты – хозяин.

ЦАРЬ ПЕТР (*обнимая Лефорта*). Молодец! Женевец по роду, племени, а наш человек на Москве, свой в доску.

ЛЕФОРТ. Плотник! Перлы плотничкие у тебя с языка так и слетают! А ты ведь – царь! Язык должен чистить, после пьян-

ки с утра улыбаться... Вон дядька пусть скажет тебе, верно я говорю? Борис Алексеевич, прав я?

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Прав, прав, голубчик.

ЛЕФОРТ. Вы с Петром так за жизнь-то срослись, стар и млад, навроде бы братья. Даже отчества у вас одинаковы – Алексеевичи.

ЦАРЬ ПЕТР. Дядьку слушаюсь, мать так велела, Наталья Кирилловна.

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Да уж она такая, заботная женщина. Для тебя мать все, ты у нее под надзором. Не будь ее, сестрица твоя Софья уж давно бы тебе башку-то свернула.

ЦАРЬ ПЕТР. А потешные полки у меня на что? Преображенцы да семеновцы, друзья мои с детства, вышколенные под меня... Эй, друзья мои – полк Преображенский, полк Семеновский! Пити бросить, пуговицы чистить до блеска, амуницию привести в состояние новой! Аглицкий король к нам скоро пожалует.

Король английский приехал к концу недели, на четвертый день.

ЦАРЬ ПЕТР (*отметив*). К воскресенью подгадал.

И пошел к карете встречать английского короля.

ПЛОТНИК-МАЛЫШ (*весело, напевая*).

Жил-был король когда-то,

Он славный был, король,

Любил он Бога свято,

Играл с ним в карамболь.

Динь-динь, бом-бом,

Динь-динь, бом-бом...

ПОЛКОВНИК ЛЕФОРТ (*зычно*). Стройся!

ПЛОТНИК-МАЛЫШ. Что – и плотникам тоже?

ПОЛКОВНИК ЛЕФОРТ. И плотникам. Для количества, для демонстрации мощи. Вы – военные плотники, строить будете военные корабли.

Гвардейцы Петровы вместе с Петровыми плотниками, построены в ряды, так и стояли, глазами ели, как мимо них

проходила королевская гвардия Англии – в красных мундирах и огромных черных медвежьих шапках.

ЦАРЬ ПЕТР (*крутя головой, восхищенно дядьке своему и Лефорту*). А что – молодцы! Правда, шаг у них какой-то с отяжкой, вроде раненая нога.

ЛЕФОРТ. Не раненая, а скользит по земле. Землю любит, трудно с ней расставаться, будет ее, в случае чего, защищать. Вот какой смысл шага!

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*на Лефорта, царю Петру*). Ишь, чего выдумал? И думать не думали они про это, а он взял вот и выдумал. Но и сами они так теперь думают, идея верна.

ЦАРЬ ПЕТР. Нам тоже надо это ввести. Пусть пред царем маршируют.

Приносят стол, подают стулья. Монархи садятся за стол переговоров. И долго сидят молча, оба сами в себе.

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ (*царю Петру*). А порты у вас есть?

ЦАРЬ ПЕТР. Есть. Архангельск.

Английский король берет стело, заворачивает рукав камзола и пишет на белом крахмаленном рукаве:

«Ар – хан – гельск».

ЦАРЬ ПЕТР (*иронично*). Одно пишем, два в уме, а зачем?

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ. Чтобы прийти к вам когда-нибудь в гости.

ЦАРЬ ПЕТР (*живо, сразу же*). С пушками?

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ (*засмеявшись*). С кораблями.

ЦАРЬ ПЕТР (*английскому королю и всей его свите*). У нас будет много портов и большие, много больших, самые красивые корабли.

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ (*захохотав*). О, Русь – матушка! Будем дружить, будем торговать. Но у нас пока самые красивые, самые мощные, многопушечные корабли.

ЦАРЬ ПЕТР. Торговать – хорошо, в гости друг к другу ходить – хорошо, а вашу блоху мы когда-нибудь подкуем.

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ (*перегибаясь к советнику*). Что такое «блоха»?

СОВЕТНИК (*стоя перед королем, знаком вопроса и ответа*). Напекают, что ли, что мы – остров, а Россия – огромна! Зато леса и болота.

ЦАРЬ ПЕТР. Пять морей, зато все при нас, реки большие. А блоху подкуем.

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ (*советчику*). Как это «подкуем»?

СОВЕТНИК (*английскому королю*). Напекает, что в будущем у них окажется кто-то... наверно, фантазии такие, писатель какой-нибудь напишет... что они, русские, когда-нибудь подкуют нашу блоху...

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ (*рассмеявшись*). А-а, ну пусть сначала кузнеца такого найдут, а потом и куют. (*Свите своей*). Показать русским: «на всякий случай»... как строятся у нас торговые корабли.

ЦАРЬ ПЕТР. Понял, понял. Покажите нам своего Архимеда.

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ. Какого Архимеда? Архимед – это древность, античная Греция. А мы строим современные корабли.

ЦАРЬ ПЕТР (*улыбаясь*). Стройте! А без Архимеда, король, действительно, всем нам не обойтись.

С тем и расстались монархи. Разошлись в разные стороны, каждый при своем интересе. Одно что общее, так это решили, моря, большая вода нас не разъединяют, а соединяют торговлей веси и берега.

После отбытия англичан, отъезда английского короля на карете сел царь Петр на пенек, подозвал Лефорта и дядьку вместе со всеми своими мастерами, плотниками, военными и дипломатами, да и стали они все вместе рядком да ладком одну думу думать: чем будет Англия для Руси на все времена – другом, а то, может, и недругом?

ЦАРЬ ПЕТР (*вставая с пенечка*). Там увидим. А пока, как скажут потом, учиться, учиться и еще раз учиться! Вот зачем мы в Европу едем, и что к себе отсюда увозим. Друзья мои, а вы как думаете: что увезем мы из Европы домой, как вы думаете, что самое главное?

ЛЕФОРТ. Как строить корабли

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Как дружбу крепить.

ЦАРЬ ПЕТР (*плотнику*). А ты, Малыш, скажешь что?

ПЛОТНИК-МАЛЫШ. Покажу, как смеяться, от всей души.

ЦАРЬ ПЕТР (*перед тем, как уйти, поглядев отсюда на Лондон*). Я думаю, самое важное – это то, что теперь они принимают и впредь принимать будут нас за европейцев. Значит, дело пойдет.

Сцена вторая

Там же, те же. Дней через десять царь Петр наносит ответный визит английскому королю. И после того, 9 февраля в 3 часа полудня, царь Петр со всеми своими переезжает в Детфорт – в городок на правом берегу Темзы, что в трех километрах от Лондона.

Приезжает Петр сюда тоже в карете, забивает колышек на берегу, говорит своей свите: будем тут жить и учиться, проходить высший курс кораблестроения, спускаясь по реке Темзе к верфям. И учился тут царь судостроительной инженерии, и жил тут, будучи за границей, дольше, чем где бы то ни было: аж два с половиной месяца.

А.С.Пушкин в «Истории Петра» о том сделал такую запись: «Король подарил ему 25-пушечную яхту и модель военного корабля и велел дать морское сражение. Тогда, восхищаясь маневрами, сказал Петр: «Если б я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом».

Потом Петр ездил в Гердервик и видел там такие же морские эволюции. На возвратном пути претерпел он бурю; ободряя всех бывших с ним, говорил: «Слыхали ль вы, чтоб царь когда-либо утонул?»

Дядька Петра – князь Голицын однажды с Лефортом уселись, разговорились.

ЛЕФОРТ. Редко вижу Петра, ездит по Англии; как челнок, мотается туда-сюда.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Однако все успевает записывать. Заглянул наемни в дневник его, увидел обзор различных помещенных им туда достопримечательностей. Тут тебе и музеи, и лаборатории, лекции по анатомии, был в больнице, учился вырывать зубы.

ЛЕФОРТ. То-то, гляжу, царь Петр подходит к плотнику с перевязанной щекой. Открывай, говорит, рот, тот открыл. Царь дернул больной зуб прямо пальцами и пошел себе далее. А плотник этот после живо выздоровел, снял повязку, ищет царя Петра, не знает, как благодарить.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. И ко мне приставал.

ЛЕФОРТ (*смеясь*). Царь – плотник, а теперь еще и царь – медик.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Вот такие записи читаем в дневнике Петра: «Смотрел лабораторию, где огнестрельные всякие вещи и снаряжают бомбы»; «Ездил в «Острономику»; «Приехали в город Винзер (Виндзор), в нем королевский двор зело наряден»; «Был с Яковом Брюсом в Туре (Тауэре), где деньги делают».

ЛЕФОРТ. И я с ними был там, в замке Тауэр, с царем Петром и Яковом Брюсом. Рассказать?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Придет время, сам расскажет... Ну, ладно, Лефорт. Слушаю...

ЛЕФОРТ. Рассказывает, а мы возьмем, с его слов, и изобразим.

Лондон. Замок «Тауэр», где английских честных людей не только берут на караул, но и, деньги печатая, содержат тут королевский Монетный двор.

Появляется русский царь с малой свитой, навстречу ему выходит директор Монетного двора.

ДИРЕКТОР (*представляясь царю*). Исаак Ньютон.

ЦАРЬ ПЕТР (*кланяясь*). Тот самый?

ИСААК НЬЮТОН. Как «тот самый»?

ЦАРЬ ПЕТР. Ну, что яблоко описал, которое само наземь падает, отчего открыт закон всемирного тяготения.

Яблоко с землей взаимно притягиваются пропорционально их весу...

ИСААК НЬЮТОН (*рассмеявшись*). Ну вот, а еще, говорят, Россия – медвежья страна, медведи бродят по улицам городов. А тут Исаака всякий знает.

ЦАРЬ ПЕТР. Я не всякий, я – царь. А еще (ну, это уж никто не знает, кроме меня самого да матери моей – Натальи Кирилловны), а еще: и я вроде тоже как Исаакий, родился в мае, в день Исаакия, а крестили меня аж в июне, через полтора месяца, и дали вот имя Петра.

ИСААК НЬЮТОН (*удивясь, от души*). Да ну?! Значит, тежки, да? Мы с тобой, русский царь, имени одного.

РУССКИЙ ЦАРЬ ПЕТР. Тайно? – да. Явно? – нет. Все равно хорошо. Русский царь одного имени с великим учеником.

И смеясь, обнимаются по-медвежьи, по-русски, крест на крест облатив друг друга.

ЦАРЬ ПЕТР (*Исааку-ученому*). А говорят, живешь в Кембридже.

ИСААК НЬЮТОН. Жил там, теперь живу тут, в Лондоне. Был смотрителем, теперь вот Директором Монетного двора.

ЦАРЬ ПЕТР. Королевский слуга.

ИСААК НЬЮТОН. Слуга своего народа, науки. Стараниями Королевского (научного) общества была разработана концепция денежной реформы по улучшению экономического положения страны. А кому выполнять – разработчику!

ЦАРЬ ПЕТР. Да уж так. Везде оно так, наверно. И у нас в России, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

ИСААК НЬЮТОН. В восемь раз повысил выпуск монет.

ЦАРЬ ПЕТР. Каким способом?

И углубились оба Исаака в расчеты – в финансы и экономику.

ЦАРЬ ПЕТР (*уходя, всем довольный; Исааку – ученому*). Я в честь тебя, Ньютон, Яблоку где-то в России памятник велю поставить или собор великий именем твоим назову. Друг мой, друзья мы отныне, храм назову непременно... Ну как: Исаакиевский собор... не ... киевский, заметь, Исаакиевский собор!.. В Киеве у нас Софья, Софья – от Константинополя, от Царь-

града еще, когда Русь крестили... Мы свою столицу поставим, свой храм в ней и взгромоздим...

На другой день царь Петр поехал в Королевское общество и купил геодезических приборов, сконструированных Ньютоном, не один, как его уговаривали, а двадцать. Знай наших! Русских царей – самодержцев!..

Давно уже сидят Лефорт с князем Голицыным на скамеечке. Ведут тихую, скромненькую такую беседу про царя Петра, обнаруживающего в своем деле вельми больше способности.

ЛЕФОРТ (дядьке Петра – князю). И что заметил я: превеликое удовольствие доставляет Петру осмотр гаваней, доков, фабрик, заводов и мастерских. Всякое ремесло, в чем сказывается торжество искусной руки человека.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН – ДЯДЬКА ПЕТРА. Мне тут ученый один говорил: руки с головой связаны напрямую. Будешь работать, будут руки хорошими – с головой порядок, голова светлая, ум дальновидный и гибкий... А то бывает дурак дураком, да еще работать не хочет. Чего ждать от такого?..

ЛЕФОРТ. Чего мало у государя, так это интереса к изучению политики, общественных мест, законов и распоряжков. Один раз только отметку видел: «были в парламенте»... Церковь вообще его не интересуется. Из-за чего, скорее всего, епископ солсберийский Бернет, несколько раз видевший Петра, сказал: «Царь – человек весьма горячего нрава, склонен к вспышкам, страстный и крутой. Еще более возбуждает свою горячность употреблением водки, которую сам приготовляет с необычайным знанием дела»...

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ. Врет ведь, а еще священнослужитель. Что же царь у нас – самогонщик? Вот не знали-то мы, Бернет на это взял и открыл нам глаза...

ЛЕФОРТ. Надо попросить царя, пусть угостит.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Гляди, под горячую руку не попадись. Он тебе, если что, угостит... Помнишь, в Голландии один

плотник с синяком под глазом ходил – царская постановка вопроса.

ЛЕФОРТ. Вот порой и задумаешься: царь, а имеет склонность к механическим работам, скорее, создан для деятельности корабельного плотника, чем для управления великой страной, каковой... (*хором, оба вместе – полковник и князь*) мы уверены... в ближайшее время будет матушка Русь, Россия...

Он и стрелять не любит. Не из пищали какой-нибудь, не из пушки... а вот Алексей Михайлович, отец его, охоту любил. Пристреленное ружье у него на стенке так и висело, глаз верный был, рука сама пристрелялась...

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Зато у Петра – размах, нюх собачий, характер! Ромодановский – градоначальник Москвы, в отсутствие Петра, получил от молодого царя письмо: «Зело мне печально и досадно на тебя, что ты в розыск дела этого до сих пор не вступил... Я не знаю, откуда в вас такой страх бабий. Мало ли бывает, что почты пропадают... нечего ожидать от таких с такой трусостью! Пожалуй, не осердись, воистину от боли сердца писал».

И еще знаем от того ж Ромодановского: «Они (стрельцы) не могли не догадываться, что скоро придет конец их привольной жизни, и станут учить их новому иноземному строю, поэтому они так верили всякому неблагоприятному слуху».

ЛЕФОРТ. Мы, князь, с тобой по косточкам тут царя Петра разобрали. И с Исааком Ньютоном – великим ученым: физиком, математиком, алхимиком, хронологом – Петра сопоставили. И с епископом Барнетом...

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Краем уха слышал, от Петра поступило... дескать, этот Исаак Ньютон кой – когда передевается в черное и во сне приходит к нему, Петру, как к тезке своему – тоже Исаакию...

ЛЕФОРТ. Бред какой-то. Бредит царь Петр, когда устает. Спрашивал профессора Рюйша. Говорит, это у него возрастное, функциональное – все это как рукой сымет, пройдет...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. В Лондон опять собирается, в театр «Глобус». На трагедию «Гамлет», где сам автор играет глав-

ную роль. Шекспир – драматург и актер. Только надо, говорит царь Петр, в этом деле подразобраться: где Шекспир, а где Бэкон – первый лорд королевства. Переходы неуловимы... Тот философ, а этот актер...

ЛЕФОРТ. Игроки оба. Переходят границы известного к неизвестному, туда и обратно... как наш Петр на все времена.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Хорошо, что «обратно». А то б я на тебя, женевец, обиделся. Все же дядька я Петра, мать его мне его поручила... Да и я, бездетный, полюбил его, молодого, как сына. Берегу, как могу, как зеницу ока своего...

Появляется царь – плотник Петр. В одной руке его топор, в другой – чертежи.

ЦАРЬ ПЕТР. Вот чего тут достигли! Все берут из Голландии, вернусь – и себе на «Белый Орел» все это перенесу. Главное – легкое будет управление парусами. Не «Орел» будет, а ласточка, пусть летит над самой волной.

ЛЕФОРТ. Говорят, ты в Лондон собрался?

ЦАРЬ ПЕТР (*отставляя топор*). Ну, собрался, а что?

ЛЕФОРТ. Нас возьмешь?

ЦАРЬ ПЕТР. С кем?

ЛЕФОРТ. Да с дядькой твоим. Вон стоит да помалкивает, а сам хочет в театр этот, как его... «Глобус»...

ЦАРЬ ПЕТР. Человек не игрушка. Денег нет, что ли? Покупайте билеты, ходите в театр хоть каждый день. А можно и так, без билетов.

ЛЕФОРТ. Как это так, без билета?

ЦАРЬ ПЕТР. А знаете вы хоть, что такое этот «Глобус», театр? Просто площадь. Под открытым небом идет трагедия, часто под дождем играют актеры... Оденьтесь попроще да и с народом на площадь... Мы с Ньютоном не раз уж бывали.

ЛЕФОРТ. А с Шекспиром как?

ЦАРЬ ПЕТР. Пишет все, дома сидит, не играет. Как-нибудь для нас своего «Гамлета» или «Короля Лира» специально сыграет.

Сцена третья

Лондон. Театр «Глобус». Театральная площадь Народ уже собирается, а Шекспира все нет.

Появляются сразу трое: русский царь Петр, дядька его – князь Голицын и Лефорт – Преображенский полковник, а сейчас дипломат при «Великом посольстве».

Народу уже полная площадь. Впереди сиденья, за деньги – аристократия, остальные – стоят. Стоят и они все трое, смотрят трагедию «Гамлет».

ЦАРЬ ПЕТР (*шепотом*). Пишет все, не играет... Перешел на комедии, например, «Сон в летнюю ночь»...

ЛЕФОРТ. Кто хоть?

ЦАРЬ ПЕТР (*громче*). Да Шекспир, Шекспир! Кто же еще?

НАРОД. Тссс, тихо вы... Слушайте голос небес...

И опять все стоят, замерев, затаив дыханье перед сценой.

ЦАРЬ ПЕТР (*толкая в бок дядьку*). Сейчас он ткнет шпагой в полог и проткнет насквозь ее брата...

ДЯДЬКА ПЕТРА. Кто проткнет?

ЦАРЬ ПЕТР. Шекспир этот... Гамлет...

ДЯДЬКА ПЕТРА. Чьего брата?

ЦАРЬ ПЕТР. Да Офелии – невесты Гамлета.

ЛЕФОРТ. И все-то ты знаешь, Петр.

ЦАРЬ ПЕТР. Уж в третий раз смотрю. Никак на Шекспира не попаду.

ЛЕФОРТ. Короля английского надо просить, чтобы устроил аудиенцию.

ЦАРЬ ПЕТР (*вздыхнув*). Это тебе не полк, а актер, тем более – автор... Авторы, говорят, народ свободный, особо чувствительный, королям авторы, актеры особо не подчиняются. Сами по сцене – видишь? – в шкуре королей бродят, выворачивают все наружу, кровавые сцены разыгрывают...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Заметим, преимущественно из истории.

ЦАРЬ ПЕТР (*чуть громче*). А у нас ничего подобного. Все в Лету, как в котлету... мухи отдельно, котлеты отдельно... Только и знают, что после смерти уж пишут про царей. Вот и

вся тебе история... А тут все как в жизни – короли и капуста...
та...

НАРОД. Тссс, тихо вы, заграница.

После трагедии, когда уже все отколотили, отбили ладоны, трупы все унесли и песочком краску кровавую присыпали, а зрители – лондонцы по домам разошлись, эти трое из России еще долго стояли тут, наверное, с час. Уходить не хотелось.

ЦАРЬ ПЕТР (*все еще не остыв*). Ух, как зацепляют тебя! А у нас в истории так бывает? Еще хлеще противу этого. Человека жалко, хорошего. А не погань всякую, какая яд королю в ухо вливает!.. Надо у себя такое действие открыть, пушай про наших царей люди смотрят... только вот кому описать разное подобное?..

ЛЕФОРТ. Опишут, для улучшения нравов.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Когда тебе, царь, еще и за этим смотреть! Поручи кому-нибудь, а у тебя – корабли, моря, битвы...

ЦАРЬ ПЕТР. А кому?

ДЯДЬКА ПЕТРА. Да хоть матери своей – Наталье Кирилловне. Все понимает, так лихо интриги читает у Милославских этих.

ЛЕФОРТ. Выписать надо такого человека из-за границы. Да взять одного хоть отсюда – из «Глобуса». Денег дать – пусть приедет, обучит наших людей.

ЦАРЬ ПЕТР. Наравне, наравне выписать с плотниками, корабелями... Вот железо нам в Россию не надо везти; наше демидовское с Урала куда лучше свейского... А вот театр – дело тонкое, нужен! Артисты... авторы – еще бы! – тоже нужны. Что ль, сюда возить из России людей в театр поначалу?..

ЛЕФОРТ. Да нам только дай, живо обучимся.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Способны мы, русские, ко всему. Исторически. Даже к написанию всяких трагедий, комедий и составлению всяческих исторических списков. И разыгрыванию оных между собой. Так что европейский театр у нас приживется, дело пойдет.

ЦАРЬ ПЕТР. Главное – чтобы у авторов было перо летуче, а душа у артиста – певуча. Так, дядька?

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Так, царь, так. Главное – душа чтоб была... высокая, первая, а не какая-нибудь последняя...

Всю неделю царь Петр куда-то ходил, не было его целыми днями. Наконец, объявил дядьке – князю Голицыну, что все ходит и ходит к театру, подобно простым лондонцам, желавшим, как и он, тоже лицезреть самого Шекспира. Даже попал однажды вовнутрь «Глобуса», но потом, застеснявшись, ушел.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Волю надо иметь и на это.

ЛЕФОРТ (*Петру*). Экзамент скоро! Сиди тут рядом со мной, записки всякие перебирай по судовождению.

ЦАРЬ ПЕТР. Не на адмирала сдаю, а на капитана. И яхта моя. О скалы хоть вдребезги расшибу, чего с меня взять... Передали, Шекспир всем сказал: как Артиста пусть меня смотрят за так, когда бываю на сцене. А как Автора за деньги скоро будут показывать... Некогда мне бродить по улицам, променады делать, времени нет...

На другой день, в присутствии дядьки – князя Голицына и Лефорта, царь Петр плюнул с досады:

– Шекспира нет в Лондоне! Расстался с театром, уехал на свою малую родину – в городок Стрэтфорт – на – Эйвоне. Живет теперь в отчем доме...

ЛЕФОРТ. Ушел, скорее всего, от инфарктов. Съедают, в конце концов, талант в родном коллективе.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Сбежал от смрада большого города, от туманов Темзы. Сколько ни живем тут, все утрами туманы, туманы... туманный Альбион...

ЦАРЬ ПЕТР. Завтра же еду в Стрэтфорт – на-Эйвоне! Сдаю экзамент и обратно в Голландию пора собираться, а там и домой. Не могу же я уехать из Англии, не повидав живого Шекспира.

ЛЕФОРТ. Вот завелся, царь! Шекспира тебя вынь до положь.
КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*вставая на защиту Петра*). Ну, так что ж, Стрэтфорт, так Стрэтфорт на Эйвон-реке. Заодно, поглядим, какие бывают у них реки и городки.

Стрэтфорт – на-Эйвоне был так, ничего себе, городок. И домик еще от деда, отца Шекспира, купца, торговца какого-то с Индией – двухэтажный, типично провинциальный домик. Напротив тенистые ивы и речка, вода зеркальная, наверное, с рыбой.

ЦАРЬ ПЕТР (*раздумчиво*). Наверно, автор живет на втором этаже.

ДЯДЬКА ЕГО – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. А ты бы где жил?

ЦАРЬ ПЕТР. На втором.

ЛЕФОРТ. Почему?

ЦАРЬ ПЕТР. Красивее. С высоты вид.

ЛЕФОРТ. И поменьше утренних туманов.

ЦАРЬ ПЕТР (*задумчиво*). Кровавые берега, сколько всяких историй.

ЛЕФОРТ. В России крови не меньше.

ЦАРЬ ПЕТР. Печально и нескончаемо.

ДЯДЬКА ЕГО – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Пока молодой, так думаешь. А что потом – неизвестно...

ЦАРЬ ПЕТР (*грубо*). Тебе-то какое дело, дед! Кто голову кому сшибет и за что?

ДЯДЬКА ЕГО – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. История-то не чья-нибудь, а наша. А в ней запишут и нас, на наш счет.

ЦАРЬ ПЕТР. Пусть пишут, чего же Софья-то не боится истории, не побоимся и мы. Вон сколько крови льется в трагедиях Автора тут, у Шекспира! Не только в «Гамлете», но и в «Короле Лире», особенно в «Леди Макбет»... Пойду спрошу Автора, отчего он так жесток, не жалеет человеческой крови?

ДЯДЬКА ПЕТР – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Не жесток он, скорее – наоборот. От жалости льет на бумаге столько человеческой крови, чтобы в жизни не лили.

ЛЕФОРТ. Лучше всего артиллерия на это дело: бах! – и сколько там без рук, без ног, сколько трупов – какая разница, тебе неизвестно.

ЦАРЬ ПЕТР. Пушка делает человека равнодушнее, да? Когда сходились на поле брани со щитом и мечом, били по шлему палицей, живых добивали кинжалом, это что было, разве меньше жестокости? Интриги, Лефорт, – вот где самая кровь, самое жестокосердие из всего арсенала войны!

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Как ты, мальчик мой, заговорил! Возмужал за эти несколько заграничных месяцев! Как ты многое понял! Вот что самое главное для тебя, из твоего «Великого посольства»: ездить надо сюда – в Западную Европу, в эти театры войны...

ЦАРЬ ПЕТР. Театр войны! Словно шутка какая, игра. Это все в прошлом, а в будущем войны будут другие – общеевропейские, мировые. С вовлечением многих стран по разные стороны, друг против друга... Спросить Шекспира: а что нельзя без войны?

Кричит из окна. Эй, Автор! Шекспир! Спустись к нам сюда, на грешную землю!

ЛЕФОРТ. Молчит! Домик окаменел! А спустится Автор, так он и тебя спросить может «Ты – царь! Ты льешь нашу кровь, как воду, почему?»..

ЦАРЬ ПЕТР (*живо реагируя*). А что – не как воду, по мерке лучше?

ЛЕФОРТ. Да нет, у каждого жизнь одна и крови в жилах у тебя течет столько же, сколько и у другого. Каждому, царь, хочется жить. Спроси у писателя: каждому?

ЦАРЬ ПЕТР. Эй, Автор! Шекспир! Тебе хочется жить?

Порыв ветра. Ударил форточка. И всем троим тут внизу показалось, как как-то сказал им оттуда, со второго этажа:

– Хочется... хочется... хочется...

ЦАРЬ ПЕТР. Это он так сказал от имени героев своих трагедий.

ЛЕФОРТ. А голос добавил:

Хочется... хочется... вечности...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Беда с этими бессмертными.

ЛЕФОРТ. Бессмертными были боги в античности.

ЦАРЬ ПЕТР (*решительно*). Ну, я пошел!

Рванул дверь и исчез за полураскрытой дверью.

И дядька Петра – князь Голицын с Лефортом из деликатности, а может, из страха, что вдруг вышвырнут оттуда, из дома сего, их Петра, пошли оба в сторону речки.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Как вода прозрачна, чиста.

ЛЕФОРТ. Холодная.

И ВМЕСТЕ, ОБА. Какие смелые те, что купаются тут, в этих классических речках.

А человек пробкой не вылетал из дверей, голоса со второго этажа не было слышно. И городок Стрэтфорт-на-Эйвоне погружался медленно в сумерки, как душа погружается в сплин перед тем, как что-то в мире должно произойти.

Таинственный Незнакомец появился неожиданно из-за плачуей ивы и также неожиданно ушел в шекспировский дом.

ЛЕФОРТ (шевелия губами). Одиссей?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Иоанн Васильевич (Грозный).

Опомнились они все втроем наутро. В местном трактире. Заказали еще.

ЦАРЬ ПЕТР (подняв добрую кружку эля). За здоровье Шекспира!

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. За здоровье Гамлета, короля Лира.

ЛЕФОРТ. И леди Макбет.

ВСЕ ВТРОЕМ. За здоровье всех авторов на Земле, какие пишут трагедии.

ТАИНСВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ (в окно). Всех, идущих на кровь.

Вышел царь Петр, наконец.

– Ну как, видал Шекспира? – спросили они царя.

Царь Петр молчал. Главное – вовремя помолчать, чтоб не сказать неправды. Истина где-то в золотой середине.

Сцена четвертая

Снова Голландия, Амстердам, верфи Ост-Индской судостроительной верфи. Почти готовый к плаванию фрегат «Белый Орел» стоит на рейде.

Все втроем на берегу – царь Петр, дядька его – князь Голицын и Лефорт – полковник и дипломат.

ЛЕФОРТ (*царю Петру*). В аптеку ту, что ли, зайдем?

ЦАРЬ ПЕТР. А зачем? Я, слава богу, здоровый. О дорогу, не расшибешь.

ЛЕФОРТ. Увидишь зачем.

Зашли все втроем. Знакомый аптекарь почту царю Петру в собственные руки передает: гляди, сколько, накопилось всякого тут.

ЦАРЬ ПЕТР (*читая поверх написанного*). Из Руси – матушки. Турки от Азова отбиты. При Таганроге устраивается гавань. Шведский король прислал для «кумпанства» 300 пушек... А это голландец там у нас на Руси – друг мой сердечный Виннус, а это другой голландец – да еще друг мой ситный Витзен. Эти письма мы вслух читаем.

Подавая письмо Лефарту. Ты сначала читай Виннуса. А ты (*подавая письмо дядьке своему – князю Голицыну*), ты потом читать будешь Витзена.

ЛЕФОРТ (*читая*). «Государь! Постоянно требую сюда оружейных мастеров. Железо есть хорошее, намного лучше швейского, а мастеров нет. Наипаче сердце болит, что иноземцы, продав за высокую цену швейское то железо и побрав деньги, за рубеж поехали, а наше намного лучше не притронуто.

А вот письмо твое, царь Петр, на какое он писал этот ответ, тебе сюда к своему письму прилагает. Читать?»

ЦАРЬ ПЕТР (*махнув рукой*). Ну, читай.

ЛЕФОРТ (*продолжая читать*). «Ваша милость, Виниус – друг мой сердечный! Ты пишешь мне, в мастерах нужда, которые делают ружья, замки к ружьям. Дело хорошее, пошлем тебе мастеров ради поспешения дела из тех же мест, где и Бутман себе сыскал, – на олонецких заводах. Однако и тут, за рубежом, мы можем сыскать таких, за что взялся бургомистр Витзен, но только, как я понимаю, не вскоре. Это если Витзен сможет свое радение показать, о чем я ему непрестанно говорю. А если он не промыслит, то надеюсь у короля польского чрез его посла добыть не только железное, но и медное». Вот и все, царь Петр, я окончил.

ЛЕФОРТ (*отдавая письма*). Ис.

ЦАРЬ ПЕТР (*дядьке своему – князю Голицыну*). Ты теперь читай, дядька, письма Витзена. О железных делах тоже много говорил и Витзен.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*откашлившись*). Так, читаю. Царь, гляди, что он пишет – совсем про другое. Про пиры какие-то...

ЦАРЬ ПЕТР. Вот лик какой! Ладно, дядя, читай и про пиры.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. «В царские именины князь Федор Юрьевич Ромодановский трапезу, великую и богатую, даровал в столовой генеральской в Преображенском, сидели за разными столами больше ста человек. И с такою милостью и усердием Ромодановский нас потчевал, и стрельба, мелкая и крупная, так была сильна, оглушительна, что столовая едва устояла, и стена одна гораздо повыдалась. Так гуляли до четырех – пяти часов ночи, что после в три дня только мог каждый оправиться от того питания».

А ответ ему даешь ты, Государь. И пишешь, Петр, ты тому Винусу вот что: «Когда исправишь стену? Все тебе недосуг. Иное за отлучкою, а иное – за хмельническим. Так дела никогда не исправить, чего достигнешь с таким человеком?»

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Ну, все, царь Петр. Прочитали.

Стояли все втроем, переживали услышанное из своих уст, из писем, а мыслью переносились домой в Россию, к родным своим кладезям, крышам.

ЦАРЬ ПЕТР (*очнувшись первым*). Ну, что? Отправляемся на фрегат наш, на «Белый Орел»? Ялик давайте, баса – мастера Яна Пола зовите, пусть все покажет. В какой наш фрегатец готовности?..

Фрегат «Белый Орел». На борту царя Петра встречает бас (мастер) Ост-Индской судостроительной верфи Ян Пол.

ЦАРЬ ПЕТР. Ну, показывай, мастер-бас, что за корабль мы с тобой отсюда возьмем? Какие в нем есть недостатки? Сколько корабль может груза вместить, сколько людей взять на борт?

БАС ЯН ПОЛ. Кое-что еще подстрогаем, подкрасим, и можно будет загружаться.

ЦАРЬ ПЕТР (*вместе с дядькой своим – князем Голицыным и Лефортом, проходя по верхней палубе*). А – а, вот оно, пятнышко крови. Моя! Это я подрубил топором себе палец. А вы до сих пор не закрасили.

БАС ЯН ПОЛ. Хозяин! Это мы мигом, закрасим сейчас же. Беда другая: для якоря нам канаты гнилые поставлены.

ЦАРЬ ПЕТР (*нахмуясь*). Кто посмел!

БАС-МАСТЕР. Да французы, французы.

ЛЕФОРТ. Деньги не заплатили вовремя. Вот они гнилье и подсунули.

БАС ЯН ПОЛ. Мы-то что! Мы – мастера, наше дело работать с матерьялом, какой имеется. Это пусть Ост-Индская компания отвечает.

ЦАРЬ ПЕТР (*сверкнув глазами*). Мы-то что! Мы – хозяйева! Платим деньги – гони товар, какой надо, первого сорта. А тем более это корабль, дело имеет с морем, со штормами, с пучиной... Риску нашу жизнь подвергаете, мастер?

МАСТЕР-БАС. Ну, тогда ждите.

ЛЕФОРТ (*иронично, поддерживая царя Петра*). У моря погоды?

МАСТЕР-БАС. Когда французы канаты доставят – хорошие, новые.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. А откуда?

МАСТЕР-БАС. Да, говорят, от вас, из России.

ЦАРЬ ПЕТР (*Лефорту*). Башку сверну! Напомнишь потом, кто виноват? А что делать – мы знаем!

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Полегше, полегше, царь! Береги сердце с молодости, не сноси башку за пустяк.

ЦАРЬ ПЕТР (*нобагровев*). Как же это пустяк! Ничего себе! Сроки спуска корабля срываются, царь в Россию вовремя не возвращается, а там хоть трава не расти. То стрелецкий бунт, то турки уж взяли Азов... А жена моя Лопухина Елена со стрельцом каким-нибудь спуталась...

Наутро чуть свет мастер-бас Ян Пол сам прилетел к царю Петру. Разыскал его в тех домах Амстердама, где пребывало «Великое посольство»

БАС-МАСТЕР (*едва протиснувшись, в дверь*). Царь! Питер-царь! Сардамский плотник. Канаты есть! Якоря будем подвешивать.

ЦАРЬ ПЕТР (*потягиваясь и зевая*). Ну вот, дура, а ты бо-
ялась.

БАС-МАСТЕР (*обеспокоено*). Кто это, про кого?

ЦАРЬ ПЕТР. Да это я так. Поговорка у нас такая.

БАС-МАСТЕР (*успокаиваясь*). Поговорка? У царей нет по-
говорок. У царей слово сразу в рескрипт и закон.

ЦАРЬ ПЕТР. Это у вас тут рескрипты.

БАС-МАСТЕР. У нас тут республика, Генеральные Шта-
ты.

ЦАРЬ ПЕТР. А у нас монархия, а монарх у нас царь, а царь – это я. Было двое нас: я и брат мой Иван. Я один теперь, брату Ивану ничего из сего положенья не нужно. Так, говорит, обойдусь, посижу подольше хоть в баньке. А ты, Петр, на трон как сядешь, так только оглядываешься... Все тебе мнится, го-
ворит, что вокруг тебя кровь да рожи кривые, все заговоры да палачи с кровавыми на плече топорами...

Ну дак, бас! Мастер Ян Пол! Пошли глядеть, как якоря, словно яйца быку, на канаты те будут подвешивать.

ЯН ПОЛ. Дерзко говоришь, грубо, а царь.

ЦАРЬ ПЕТР (*гордо, держа осанку*). Мы такие! Мы – плот-
ники! Топора из железа работники!.. Ну, так где что куда на фрегате будем грузить? Веди по палубе, показывай... Куда будем девать всех этих шкиперов, квартирмейстеров, лекарей, пушкарей, компасных мастеров, кузнецов, конопатчиков и т.д.?

ЯН ПОЛ (*оторопев*). Прямо-таки оглох, от всех твоих пе-
речислений. Да, куда ж их девать-то тут всех! И где их столько набрали?

ЦАРЬ ПЕТР. Тут же у вас, в Амстердаме. А больше в Анг-
лии... в Саутгемптоне...

ЯН ПОЛ. В Саутгемптоне? Пусть пешком идут эти ваши саутгем – саутгемптонцы. Или, царь, еще корабли нанимай – повместительней.

ЦАРЬ ПЕТР. Мы подумаем... Глядя, сколько тут у нас человек соберется...

Вечером, как царю Петру уже спать ложиться, вроде как сковорода невероятно какая огромная, раскаленная, со шкварчащей яшеницей, за окном повисло над головой Солнце. И голос оттуда, с той стороны, стал читать и считать из бумаг написанное, лежащее на Петровом столе. Словно под руководством гравера Шхонебека он, Петр, сам гравировал на медной доске такие слова:

«А.С.Пушкин в «Истории Петра».

В Лондоне нанял он множество корабельных плотников при двух мастерах – Дене и Нас. В числе их, по подсчету Катифора, находилось 23 шкипера (из оных трое для военных судов), 30 квартирмейстеров, 30 лекарей, 60 подлекарей, 200 пушкарей, четверо компасных мастеров, 2 парусных и 2 якорных, 1 резчик, 2 кузнеца, 2 конопатчика, 20 корабельных работников etc.».

На другой день Лефорт, когда ему передали список, сказал царю Петру мрачно:

– Прямо как Ноев ковчег. Чего только нет, даже царь русский (дядьке Петра – князю Голицыну) в одном экземпляре, даже мы с тобой, князь...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Читай, читай, Лефорт!

«Весь Амстердам не спал в эту ночь. Иные выходили на улицу и на тот дом, на то окно взглядывали, что светилось ярко свечами зажженными. Там русский царь Петр что-то морочил, рисовал на бумаге флаг, говорили, для фрегата, после для всего Российского флота, сам придумывал.

Трехцветный орел уже не удовлетворял царя – красный, белый и синий. Рябит больно, все три цвета в глаза кидаются. Это – для суши. А для моря?

Взял царь Петр лист белый бумаги, который сам когда-то отлил на бумажной фабрике и нарисовал на нем крестом, из угла в угол. Вот тебе морской флаг.

Белый, с синим косым крестом во весь лист. Морской, белый – Андреевский стяг!»

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Читай, князь Голицын, не останавливайся!

К полудню флаг уже реял над фрегатом «Белый Орел».

Вывалил на берег весь Амстердам. Провожать в обратный путь «Великое посольство» с самим царем во главе – Сардамским плотником, бомбардиром России Петром.

ВИЦЕ-АДМИРАЛ КРЕЙС (*нанятый в Англии в последний момент*). Поднять паруса! Курс на Балтийское море!

Держим путь туда, на Восток!

ЦАРЬ ПЕТР (*стоя рядом с адмиралом на мостике*). Россия, вперед! Вперед, Россия!

Сцена пятая

Балтийское море. Фрегат «Белый Орел». На верхней палубе, как на Ноевом ковчеге, много людей, разместились тут группами.

На мостике по-прежнему двое: царь и адмирал.

ЦАРЬ ПЕТР (*адмиралу Крейсу*). Видишь? Навстречу восходит Солнце! Где-то там и Россия!

АДМИРАЛ (*держась за штурвал*). Много света, а там (*показывая вниз, где люди лежат вповалку, все еще спят*). Царь, гляди! Там темно.

ЦАРЬ ПЕТР (*про себя*). Что-то мелькнуло за подвешенной шлюпкой. Неужто опять он, тот Таинственный Незнакомец? Идет за мной по пятам, он замучил меня, завладел всеми мыслями моими и чувствами. Не дает надышаться морем, большой водой, необъятным простором.

Меня так и тянет броситься с капитанского мостика вниз головой, в пучину, и поплыть на восходящее Солнце, опережая корабль. И это все он – тот Таинственный Незнакомец, все он призывает!... Каменщик, к строительству храмов...

ЦАРЬ ПЕТР (*подзывает к себе дядьку своего – князя Голицына*). (*Показывая вниз туда, где пока еще тень, темновато*). Ты видишь его?

ДЯДЬКА ПЕТРА. Кого, царь?

ЦАРЬ ПЕТР. Того самого Незнакомца, какой приходил к нам в Стрэтфорт-на-Эйвоне.

ДЯДЬКА ПЕТРА (*глядя на него искоса, очень серьезно*). Нет, царь, не вижу.

Царь Петр подзывает Лефорта.

ЦАРЬ ПЕТР. А ты, Лефорт, видишь его?

ЛЕФОРТ. Кого, Незнакомца? Не вижу.

ЦАРЬ ПЕТР (*махнув рукой прямо перед собой*). Ну, значит, не вижу и я.

ДЯДЬКА – КНЯЗЬ ВМЕСТЕ С ЛЕФОРТОМ (*с готовностью*). Ну, конечно, не видим. Нет его, того Незнакомца, царь, на корабле. Фрегат «Белый Орел» совершает по Балтике свободное плавание.

А к вечеру сзади заходят тучи, поднимается шторм. Корабль начинает болтать – новый корабль, первое плаванье, как-то он себя поведет? Может, рассыплется вдребезги, на тысячи брызг?

Царь Петр, подняв воротник плаща, собирается спуститься с палубы вниз, в темноту, куда утром ушел Таинственный Незнакомец.

ЦАРЬ ПЕТР (*Лефорту*). Он ведь ушел туда утром – тот Таинственный Незнакомец?

ЛЕФОРТ. Да что ты, царь! Не было никакого Незнакомца тут... Никого чужого тут нет, все свои. Проверены списки... «Шкиперы, матросы, пушкари, лекари»...

ЦАРЬ ПЕТР (*повторяя за Лефортом безвольно*). Пушкари... лекари... каменщики... И два Незнакомца от самого Солнца...

Царь Петр уходит в каюту, падает в подвесную матросскую койку и тут же проваливается, как в глубокую яму, в этот свой, беруший за горло, длинный, как бы летаргический сон.

Шторм прижимает фрегат к самому берегу. Появляется лоцман. Вводит «Белый Орел» в широкое устье.

ЛЕФОРТ (*спрашивая лоцмана*). Что за река?

ЛОЦМАН. Западная Двина.

ЛЕФОРТ. Какая, полноводная. Значит, в устье должен быть город?

ЛОЦМАН. Рига.

ЛЕФОРТ. Ах, Рига? Как Лондон на Темзе, тоже где-то во глубине реки, отчего? Викинги?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Ответ на такой вопрос ему не по плечу. Где-то в каюте профессор Рюйш, Виниус, может, их спросить?

ЛЕФОРТ. Что ждет в Москве молодого государя? А вот что. Я уже прочитал наброски самого царя Петра:

«Кормовому инозему Цыклеру десять ударов, а двоим родовитым русским Алексею Соковнику и Федору Пушкину – по пять. Их допросили, и они показали: Соковнин оговорил своего зятя Федора Пушкина. За что на них государев гнев? А за то можно убить, что за моря царь их посылает учиться неизвестно чему».

А что за это получают дворяне? Вот что: «... сохранить прежнюю основу дворянства, ввести служебную повинность, даровать почетное звание «благородный», гербы дать, заимствовать у Запада аристократические звания»...

Появляется дядька Петра – князь Голицын. Замечает бумаги царицы в руках Лефорта.

ДЯДЬКА ПЕТРА. Уже прочитал? Ну, и молчи, без срока не говори.

ЛОЦМАН. Довести, может, до Риги вас?

ЛЕФОРТ. Спроси Петра, довести нас до Риги? Посмотрим, чем хоть город дышит. Поглядим на ратушу, магистрат... на Домский собор...

Появляется царь Петр.

ЦАРЬ ПЕТР (*обеспокоено*). Незнакомца тут не видали?

ЛЕФОРТ (*на лоцмана*). Не этот ли? Корабль довести может до Риги.

ЦАРЬ ПЕТР. А зачем нам туда?

ЛАФОРТ (*Вслух*). Посмотреть на Домский собор. (*И шепотом, царю Петру на ухо*). Говорят, этим путем храмов-

ники везли когда-то до Англии золото еще царя Соломона... Говорят, в Париже, Реймсе, Лондоне на эти деньги те храмы построены... И в Риге тоже есть Домский собор... А половина золота храмовников, что из Англии, где-то тут в земле, в виде кладов... то ли в Кенигсберге, а то ли тут, под Домским собором...

ЦАРЬ ПЕТР. Вот он тут и шныряет.

ЛЕФОРТ. Кто хоть?

ЦАРЬ ПЕТР. Да Незнакомец этот, таинственный... охраняет клады, мальтиец... лоцман – вот кто!

ЛЕФОРТ (*про себя*). Если сойдет на берег, то он.

ЦАРЬ ПЕТР. Да вон... сошел... протянулась тень до берега...

ЛЕФОРТ. Вот по тени он и сошел.

ЦАРЬ ПЕТР. Ну, слава богу, что сошел, так-то спокойнее.

И тут, в этот самый момент, фрегат дернуло, «Белый Орел» остановился.

ЦАРЬ ПЕТР. Эй, лоцман! Наткнулись на камень?

ЛОЦМАН (*растерянно*). Какой тут камень! Сроду никаких камней тут не было.

ЛЕФОРТ (*царю Петру*). Что я сказал? Все тот же Таинственный Незнакомец! Не хочет, чтобы мы дошли с моря до Риги.

ЦАРЬ ПЕТР (*смелея, решительно*). Так с суши, дойдем! С юга!.. Наконец-то рассвет, плывем далее.

ЛОЦМАН. Но куда, куда мы плывем?

ЦАРЬ ПЕТР. К устью Невы.

ЛОЦМАН. Но там же ничего нет! Болота одни, гиблые места!

ЦАРЬ ПЕТР. Веди, лоцман, куда тебе сказано. Веди к ягодным, клюквенным местам, к широкому устью другой большеводной реки!

Появляется на верхней палубе дядька Петра – князь Голицын.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. А чего это мы стоим?

ЛЕФОРТ. Зачарованы.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Кем, этим лоцманом?

ЦАРЬ ПЕТР. Таинственный Незнакомец на берег сошел, в тень ушел.

ЛЕФОРТ. Вот и сидим на мели. Храмовник это, скорее всего. Рыщут тут всякие, ищут древние, средневековые клады!

ЦАРЬ ПЕТР. Может, все же пойдем за ним? След в след, застанем врасплох.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Молодой ты, Петр! Погоди, не спеши.

ЦАРЬ ПЕТР (*вспыхнув*). Ну, и что из этого? Садимся в шлюпку и к берегу, в Ригу! За этим... как его... кто он?

ЛЕФОРТ. Мальтиец... храмовник... чушь собачья... наш лоцман...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. И сколько ж народу на палубе! Спят вповалку... И среди мастеровых всякие есть... Евреи, цыгане, храмовники... в Европе-то кого только нет... Вот кого, как тараканов, везем мы сюда со своим «Великим посольством»...

ЦАРЬ ПЕТР. Не надо так, князь! Это все люди, нам они пригодятся...

ЛЕФОРТ. Для баталий с турками?

ЦАРЬ ПЕТР. Двуглав Орел у нас, герб! Глядит одной головой – на Восток, другой – на Запад. И это все, что оставили нам пращурь...

ЛЕФОРТ (*настойчиво*). Куда плывем, к туркам?

И этот вопрос оставлен был без ответа.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

На другой день государев фрегат «Белый Орел» стоял уже в устье Невы, среди низких, пустых берегов. Все на палубе тут же проснулись от сырости, холода, ветра, которыми тянуло по реке откуда-то из глубины. Молодой царь взошел на капитанский мостик, стоял и ждал своего времени, часу...

И час этот стал приходить. Туман поднимался, занималась заря.

Лефорт (*показывая Петру на Восток*). Смотри, царь! Солнце встает, небо становится выше.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. В самом деле, оно встает, поднимается.

И полетели серые чайки, пролетели большие белые лебеди.

– Уррра-а! – закричали все, что были на палубе.

А день как-то быстро вдруг разыгрался. На палубе заговорили, засмеялись, отчего-то заплакали.

И молодой царь Петр тоже засмеялся вместе со всеми, заговорил и заплакал.

Спросили одних тут на палубе: – Отчего плачет царь?

– От счастья. От того, что вернулись Много ли видели вы, чтобы цари плакали?

И другие спросили: – От чего плачет царь?

– Оттого, что он молодой.

– От чего плачет царь? – спросили третьих.

И тогда встал, занял капитанский мостик молодой русский царь Петр, приосанился:

– Люди! Смотрите, как пустынно тут, болотисты берега! И ветер, как с моря против течения реки, против «шерсти», оттого, говорят, и случаются наводнения.

Но мы пришли сюда, ступила нога русского человека.

«Здесь будет город заложен!..

Все флаги в гости будут к нам!..

И запируем на просторе!..»

ЦАРЬ ПЕТР. Как город-то назовем?

– Петропал! Петроград! Питер!

Северная Пальмира!

ЦАРЬ ПЕТР. Город Санкт-Петербург!!

Вот наша будущая столица! Рукой отсюда подать до Амстердама.

Вот оно тут – «окно в Европу»!

ГОЛОСА С ПАЛУБЫ. Смотрите, в поле где-то синие васьки!

И красное – маки!

ЦАРЬ ПЕТР. А чем отличаемся мы от Европы?

Пауза. Молчание.

ЦАРЬ ПЕТР. У них, в Европах народ вперед, а за ним уж тянется Власть.

Молчание. Пауза.

ДЯДЬКА ПЕТРА – КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*Лефорт*). Понял, зачем царям надо ездить в Европу?

ЛЕФОРТ. А чтобы стать свободнее, умнее, раскованнее, даже царям.

А люди на палубе бесновались, кричали:

– Глядите! Белые лебеди, белые лебеди! Над капитанским мостиком, над «Белым Орлом» висело такое белое, белое Солнце!

ЭПИЛОГ

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Тем и завершилось это Великое посольство молодого царя Петра за границу. Прорубилось все же «окно в Европу». Привязалось, притащилось много чего таинственного из-за границы, у нас, в России, и поселилось. До сих пор живет и здравствует – то под видом Кота Воланда у писателя Булгакова, то, вообще, вне всякой коррупции, современной нам «булгактерии». А мы, дураки, верим всему тому непрозрачному, что нам рисуют «коты».

Когда-то еще до войны, писатель Булгаков попал в Америке на великосветский раут: бесы были в белых костюмах, но каждый при черной бабочке. Потом Булгаков это все обрисовал в сцене Сатанинского Бала из романа «Мастер и Маргарита».

Вот и сегодня, на переломе времени – в ночь с 30-го сентября на 1-2 ноября, когда все в стране станут переводить стрелки по-сатанински на час назад, ибо нормальное время назад не ходит, по телевизору покажут опять же Сатанинский Бал, но уже не в Америке, а в Москве. Ровесники Булгакова – старые мавры, а силуэты, булгаковский бал на все времена.

А все это недопускаемо и неподпускаемо. А с чего началось? Да с соломы, с молодого Петра! С его «соломбалы» в Архангельске, когда пили по-черному Кубок Большого Орла, а плясали по-белому: вместе с царем босиком на соломе. И хорошо ведь сидели! Как сказал артист Крамаров тому Незнакомцу, что взял и слез с корабля тут у нас в виде Кота Воланда, так он до сих пор живет у Булгакова, в его московской квартире, но без всякой прописки. Вот он-то стрелки часов нам и крутит, пудрит мозги. Часы назад перевел на часок и рад, что

ближе сделался к той самой Англии, к молодому царю Петру с его Великим посольством в Европу.

Живет этот кот Воланд в булгаковском доме, глядит в то «окно», а оно все зарастает и зарастает. Историческая трагедия трагична не тем, что кровава, много смертей, а в том, что иллюзии рушатся, а без них зачем тогда все эти «окна» истории, трагедии лебедей?

Занавес.

*С 29-го по 7-е октября 2010 года,
г. Орел*

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (ТЬМУТАРАКАНСКАЯ)

**(трилогия, историческая трагедия
по Г. Данилевскому)**

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всяких слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою.

М. Ю. Лермонтов. «Тамань» (из романа «Герой нашего времени»).

АВАНТЮРЬЕРА, ИЛИ СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

(часть первая)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (ЕЛИЗАВЕТА, ЛИЗА) – тайная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Разумовского, внучка Петра I, «всероссийская княжна».

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ (граф Алехан) – фаворит Екатерины II, командующий российским Средиземноморским флотом.

КОНТР-АДМИРАЛ САМУИЛ КАРЛОВИЧ ГРЕЙГ – командующий эскадрой русских военных кораблей.

ПАВЕЛ КОНЦОВ – лейтенант российского флота.

ХРИСТЕНЕК ИВАН МОИСЕЕВИЧ, ДЕ-РИБАС ОСИП МИХАЙЛОВИЧ – греки, офицеры российского флота, состоящие при графе Орлове.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ – польский магнат, скрытный любовник княжны Таракановой, лидер поляков, опытный интриган.

ЧАРНОМСКИЙ – дворянин, дуэлист, состоящий при Княжне Таракановой.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ – из Тьмутаракани, взявшая на себя роль защитницы княжны, по ее мнению – Елизаветы Второй.

Офицеры и матросы российского флота в Италии, жители итальянских городов Болоньи, Ливорно, Рима, слуги, свита княжны Таракановой, элита польских магнатов в Дубровнике.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

События происходят на Средиземном море, в итальянских городах, после долгих странствий по Западной Европе княжны Таракановой, якобы наследницы русского престола, тайной дочери императрицы Елизаветы от ее брака с графом Алексеем Разумовским. Европа, Италия с их магами, мистическими откровениями в лице графа Сен-Жермена, Казановы, графа Калиостро, только усиливает биоэнергетику «принцессы» – княжны Таракановой, ее грезы о власти, притязания на русский престол.

Итак, Италия, 18-й век. Годы правления в России Екатерины Великой.

Сцена первая

Столица Рагузской республики Дубровник. Приемный салон польских магнатов, выступающих за самостоятельность Речи Посполитой. В салоне элита конфедератов, обсуждается прусский «вопрос». Все они составляют многочисленную свиту княжны Таракановой.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ, ПОЛЬСКИЙ МАГНАТ (*обращаясь к единомышленникам*). Вы представляете, где мы находимся? В южной Италии, сфере воздействия графа Калиостро.

ГОЛОС ГРАФИНИ МОРАВСКОЙ (*сестры Радзивилла, красавицы-полячки*). Этого шарлатана?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*строго*). Это кому как кажется. Я считаю, что мы можем перенять от Калиостро немало приемов для решения нашего дела... Видите, комната обита голубым штофом, мебель покрыта розовым атласом. Сколько нас, и все мы в конфедератках, над козырьком «Гонор и Слава». Наши

офицеры Потоцкий и Пржездецкий в лентах и звездах. Да и весь двор княжны Таркановой, сама фаворитка выглядят достойнейшим образом. А все это деньги, средства, создающие возможности, где же брать их?

БАРОН КОРФ, ГОФМАРШАЛ (*поднимаясь церемонно, спесиво*). Конечно, княжна Тарканова, вполне возможно, не нашего круга. Ее происхождение покрыто мраком неизвестности. Некоторые находят подтверждение тому, что родом она откуда-то из Австро-Венгрии, даже из рода простолюдинов. Но – талант, господа, уметь держаться, реагировать на ситуацию, наконец, внешнее сходство с Елизаветой, русской «крулевой», – несомненны. Надо это использовать.

КНЯЖНА САНГУШКО. До меня дошло, что она с Украины откуда-то, из Драгановки, Таракановки, отсюда княжна Тараканова.

СТАРОСТА ПИНСКИЙ (*богатый, надменный магнат-галличанин*). Есть сведения, что княжна Тараканова все-таки тайная дочь покойной императрицы, отправленная куда подальше от трона – в «Тьмутаракань»... А «Тьмутаракань» – это бывший греческий город – полис, ныне Тамань...

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*вставая и решительно пресекая разноголосицу*). Пане, панове! Тут нам не сейм, где мы довели дело до развала Польши, трех разделов Речи Посполитой. Тут собрались патриоты, от нас требуется решить русский «вопрос»... Факты и только факты...

Княжна Тараканова сейчас представлена как графиня Пиннеберг. Да, это родная дочь покойной императрицы Елизаветы. Судьба бросала ее повсюду. В детстве она была отправлена на Восток, к границам Персии, затем оказалась на Западе, где под разными именами проживала в Киле, Берлине, Лондоне. В Париже она именовала себя принцессой Азовский (*dams d'Azow*), в Германии и теперь тут, в Рагузе, именуется принцессой Пиннеберг. И это, господа, одно и то же лицо – ваша царица Елизавета Вторая, родная кровь великого Петра... Немецкие князья сватались к ней, французский двор устроил ее тут в доме своего консула, готов оказать ей всяческую поддержку...

Мы существуем, панове, при ней, пока ее поддерживает Европа... Россия коварна, хитра, изворотлива. Смотрите, поляки были в Москве, московиты даже признали своим монархом, как они говорят, «Лжедмитрия». Наши границы, когда мы были в польско-литовской Унии, протирались до сердца Руси... Теперь наступают русские, и коварный ход русских: посадить на трон немку Екатерину... Киль – в Голштинии играл подобную роль в судьбе дочерей великого Петра, замужем там была Елизавета, она выписала оттуда наследника, Петра Третьего... Надеюсь, панове, вы меня поняли, куда я клоню?

БАРОН КОРФ, ГОФМАРШАЛ (*вскакивая, обращаясь к князю Радзивиллу*). Пане коханку, пане коханку... Мы поняли, мы все понимаем... Принцесса Пиннеберг – это княжна Тараканова, тайная дочь покойной Елизаветы Петровны. И родилась княжна на Украине где-то, на окраине, в Тьмутаракани... И мы все в свите, в шлейфе российской престолонаследницы, так?

ГРАФИНЯ МОРАВСКАЯ и КНЯЖНА САНГУШКО (*замотав головами*). Так-то, так, пане, так-то так.

ГРАФ ПОТОЦКИЙ и ГРАФ ПРЖЕЗДЕЦКИЙ (*поспешно*). Так. панове, так. Княжна наша, она – ваше высочество.

Пауза. Все обращают внимание, как у окна бьется в золотой клетке птичка. А за окном синее итальянское небо и солнце.

ГРАФ РАДЗИВИЛЛ КАК ЛИДЕР. Ну, вот и все. Договорились (*своему офицеру Чарномскому – рубака и дуэлисту*). А теперь приглашайте принцессу Пиннеберг, вернее, Княжну Тараканову. Пусть войдет.

В приемный салон входит принцесса Пиннеберг, она же date d'Azow, окруженная малой свитой. Она в тафтяном палевом с золотом платье, это род амазонки, в белой круглой шляпке с черными страусовыми перьями, с крошечным пистолетом у пояса и с хлыстом в руке. Видимо, собралась на прогулку верхом.

ГОРДЫЕ ПОЛЯКИ-МАГНАТЫ (*преклоняя колена*). Ваше высочество... ваше высочество... принцесса Пиннеберг, вы

очаровательны... мы не находим слов, чтобы выразить вам свое... свое... свое...

ПРИНЦЕССА ПИННЕБЕРГ (*делая книксен, с улыбкой*). Шарман. Мезами. Жевуэм.

Гордые поляки продолжают стоять перед ней в полусогнутом положении.

БАРОН КОФР, ГОФМАРШАЛ (*находясь среди них*). Свое восхищение смею выразить, восхищение! Вы просто обворожительны... В свои двадцать три – двадцать четыре года какая вы статная, стройная. Пышные светлые волосы, белолика, с ярким румянцем...

ПОЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГРАФ ПОТОЦКИЙ И ГРАФ ПРЖЕЗДЕЦКИЙ (*подлетая к ней*). О, какие глаза! Карие, открытые, крупные... А левый слегка косит, что придает вам, ваше высочество, особое, лукавое выражение... И веснушки, пани, так вам кстати, мадам...

ПРИНЦЕССА ПИННЕБЕРГ (*махнув устало, как веером*). Садитесь, месье, дзенькую – спасибо.

Хлыст падает из ее рук, все бросаются за ним. Первым у него оказывается князь Радзивилл.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*подавая хлыст ей, с улыбкой*). Пани, панна!.. Елизавета Алексеевна... Как вы, хороши, как похожи на свою матушку. С детства я насмотрелся на портреты покойной императрицы Елизаветы Петровны и только взглянув на вас, Ваше Высочество, я сразу же ощутил ваше с ней полное сходство... Вы были бы подлинной Елизаветой Второй – нашей императрицей, если бы...

НЕМЕЦКАЯ, РУССКАЯ, АЗОВСКАЯ ПРИНЦЕССА (*подставляя руку князю для поцелуя*). Ну, полно, полно вам, князь, вы меня краснеть заставляете... Кстати, если бы что?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*показывая глазами на свиту*). Если бы мы остались с вами одни, ваше Высочество.

Принцесса отпускает свою свиту, те уходят, следом как-то незаметно исчезают и поляки-конфедераты.

ПРИНЦЕССА (*оставшись с графом Радзивиллом наедине*). И что?

Князь Радзивилл, наклоняясь к ней, целует ее прямо в губы. Задохнувшись, принцесса мелко, сдержанно кашляет. Достает из кармана белый батистовый платочек, вытирает уголки губ. Граф Радзивилл отворачивается, словно не замечая этого.

ПРИНЦЕССА (*капризно*). И что же?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*твердо*). Дело в том, что вы уже не принцесса Пиннеберг, какой были прежде. Тогда еще, в Польше. При первых наших интимных встречах. Поездили по Европе, набрались «рандеву», потеряли, пани, здоровье...

ПРИНЦЕССА (*вся загоревшись, настойчиво*). И кто ж, по вашему, я теперь? Опять русская принцесса? *Madam d'Azow*?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Мы тут, как говорится, посоветовались и что решили? Теперь вы – княжна, но не азовская, а из Тьмутаракани.

РУССКАЯ ПРИНЦЕССА (*раскрыв глаза*). Из Тьмутаракани?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Да, из Тьмутаракани! Княжна Тараканова... Под таким именем и отправляемся в Южную Италию, в города итальянские, откуда родом Казанова, граф Калиостро. Учиться у них, повышать, так сказать, свое мастерство.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А как же все остальное, главное?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*иронично*). А что вам этого титула мало? (*гордо*) Я тоже князь!

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Мало. Я что, по-вашему уже не престолонаследница?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Мадам! Конечно, вы – престолонаследница, тайная дочь императрицы Елизаветы, кровинка великого Петра... Вы – Елизавета Вторая... (*В сторону*) Немного ли, в самом деле, вторых?

И вслух. Да, Елизавета Вторая. Как был когда-то на Руси Петр Третий, не помните?... Сидел на Москве монархом... Вы – тайная дочь Елизавета Петровны, но это в догадках и помыслах, в грезах... А так для всех и каждого вы теперь – Княжна Тараканова.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*загоревшись вся, розовым вспыхнули щечки*). Княжна? Тараканова?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Ну да, И то, и другое. Смотря когда и кому в каких дозах, при каких обстоятельствах. Надеюсь, ума и таланта на это у вас хватит? Если уж вы собираетесь стать государыней, то, пани, должно хватить. Властители, прежде всего, большие актеры, с характером... Не жалеть ни себя, ни кого-то... А вы, мадам, такая еще молодая. красивая... обворожительна... персик... Вы – кисть винограда, от которого каждый готов отщипнуть.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*раскрыв широко глаза, левый глаз всегда у нее при волнении дергается и слегка косит*). Персик я, да?.. Кисть винограда?..

Появляется барок Корф, гофмаршал.

БАРОН КОРФ (*встревоженно*). Князь Радзивилл! Как только что стало известно, в Италию прибыл российский флот – эскадра русских кораблей под командованием графа Алексея Орлова – победителя турок в морском бою при Чесме.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*изменившись в лице*). И что, это опасно?..

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*перебив его*). Как раз то, что надо. Именно туда, в Италию, мне – престолонаследнице – и надо. Где мой флот, мои офицеры, матросы?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. В каком городе граф Алексей Орлов?

БАРОН КОРФ. В Болонье.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*косясь на княжну*). Кажется, братья Орловы уже не фавориты в Санкт-Петербурге у императрицы Екатерины II? Хорошо, что-нибудь в таком роде придумаем.

Сцена вторая

Южная Италия, Болонья. Штаб-квартира командующего русской эскадрой графа Алексея Орлова. Здесь оказывается лейтенант российского флота Павел Концов, прежде побывавший в плену у турок. Сюда и переезжает со своей свитой Княжна Тараканова.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*прохаживаясь у роскошного графского палатца, переполненный размышлениями*). Как бы это аудиенции добиться у графа Алексея Орлова, командующего русской эскадрой в Средиземном море? Аккредитоваться бы, как прежде, снова стать офицером российского флота. После турецкого плена сделать это весьма непросто. Можно вернуться оттуда и турецким агентом, принять мусульманскую веру. А с семейством графа Алехана мы, Концовы, связаны были давно. Еще отец мой был принят в Москве во дворе графа, а я лично принимал участие в морском бою при Чесме, добывал графу Алексею Орлову победу у турок.

В сторону. Заодно, будучи верноподданным императрицы Екатерины Великой, сообщил бы кое-какие сведения, полученные мной в турецком плену. Где-то тут, в средиземноморских краях, объявилась самозванка, как она себя именует «всероссийская княжна Елисавета», якобы претендентка на российский престол. В некоторых турецких кругах держатся слухи о том, что эта якобы Елисавета наводит мосты с султаном Блистательной Порты, желая для воцарения своей особы на русский престол использовать турецкий военный флот, янычар.

Появляется женщина в черных одеждах с укрытым лицом до бровей.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в спину ей*). Что-то в ее движениях неуловимо знакомое, узнаваемое, даже близкое, а что – не пойму. Где-то, кажется, видел ее, но где? Ходит тут за мной по пятам: османами, что ли, подослана, агент Османской империи?..

Ворота штаб-квартиры российского флота закрыты наглухо, туда никак не проникнешь. Вокруг расставлены часовые с ружьями – примкнуты штыки, они в матросской форме. На синих гюйсах три белых полосы, третья – за Чесменский бой, в котором он, лейтенант, принимал непосредственное участие.

Женщина в черном делает Павлу Концову знак рукой следовать за собой. Сначала лейтенант идти за ней не решает, стоит какое-то время, как истукан. Затем, махнув рукой, как

все русские: «А-а, была не была, авось, небось да как-нибудь», оглядываясь по сторонам, направляется следом за ней по пу- таным, перепутанным улочкам и закоулкам.

Через полчаса его вводят в какой-то приличный дом. Лей- тенант Павел Концов оказывается перед воротами, при ко- торых стоит с ружьем человек, объявивший ему:

– Владения всероссийской княжны Елисаветы.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*похолодев*). Влип. И как теперь буду выпутываться?

В комнату быстро входит молодая особа лет двадцати трех – двадцати четырех. Говорит ему несколько слов по- французски, по-итальянски.

ОНА: Вы русский офицер, моряк?

ОН: Так точно... ваша светлость...

В сторону. А как еще прикажете ее именовать? Какой у княжны нежный, обаятельный голос.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я русская княжна, дочь вашей когда-то любимой вами императрицы. По крови и по завеща- нию я единственная наследница Елисаветы.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*обретая уверенность*). Но у нас есть уже императрица – Екатерина Великая...

РУССКАЯ КНЯЖНА (*перебивая его, раздраженно*). Знаю, знаю! Могучая и чтимая всеми... Где же мне, всеми брошенной, оторванной от царского дома, от родины, бедной, бедной княж- не – скиталице вступать с ней в спор. Я ей преданная раба.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*удивленно*). Чего вы хотите?

РУССКАЯ КНЯЖНА. Защиты своих прав, только и всего.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Какие права, на что – на престол? Но надобно доказать ваше происхождение, ваши права.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНЯЖНА. Вот перечень всяких бу- маг, смотрите.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*как-то потерянно, однако сохраняя себя, инстинкт самосохранения все еще служит ему*). Но эти же копии. да еще на французском.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНЯЖНА (*надменно*). Будьте спо- койны, подлинники в надежных руках. Не могу же я всюду

возить за собой такие важные документы... И вот еще, посмотрите (*отдергивая полог на стене*). Видите? Два портрета: моя мать – покойная государыня Елизавета Петровна с небольшой короной на голове, и я, ее дочь... Обе мы как две капли воды... Портреты в больших круглых рамах писаны масляными красками...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*несколько растерянно*). Действительно, так.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНЯЖНА. Знаменитый художник – Пьячетти делал портрет в Венеции моего жениха – князя Радзивилла, уговорил и меня.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ (*в сторону*). Ничего себе, дивная картина, просто невообразимая! Встают мертвецы из гроба: там, за Волгой, давно похороненный Петр Третий, тут появляется дочь государыни Елизаветы...

ВЕЛИКОРУССКАЯ КНЯЖНА (*слегка покраснев*). Не смешивайте меня с Пугачевым, с этим «воскресшим мстителем». Я защищаю свои права, только и всего. Недавно мы виделись с графом Шуваловым. Путешествуя по Европе, граф пожелал видеть меня, и мы тайно встретились...

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ. С графом Шуваловым?

ВЕЛИКОРУССКАЯ КНЯЖНА. Да, как он был взволнован, увидев меня! Дело в том, что он бывший фаворит моей покойной матери, некогда могучий Иван Шувалов. Смерть матери унесла в могилу и эту тайну...

(*Изящно касаясь веером плеча лейтенанта*). Тараканчик, Тараканчик.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ. Вас, я слышал, зовут еще Княжна Тараканова, так? Попросту, неофициально.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Так, пан, так. С детства помню деревушку, куда меня увезли, чтобы истребить во мне малейшую память о прошлом. И потом возили из страны в страну... побывала я в Персии, в Сибири...

ЛЕЙТЕНАНТ ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Тараканчиком звала меня моя бабушка Аграфена Власьевна. Рассказывала о чудном случае с лемешевским пастухом, неожиданно

ставшем из пастуха Алешки Розума – графом Алексеем Разумовским, тайно обвенчанным с восшедшей затем на престол новой царицей... «Павлинька, Павлинька! – говорила мне бабушка. И потом уже в нашей деревне обреталось одно секретное существо – полненькое, беленькое, премиленькое дитя... Только недолго пожило и куда-то делось... «Красная шапочка», – шептала мне бабушка. – Видно ее, нашу тьмутаракановскую княжну – красоточку, как в сказке, съели злые, бессердечные волки». Вот какова, оказывается, наша деревушка, заросшая вербами. – Таракановка... А дед-то мой Иракий Концов, сосед Разумовских по Лемешам, закончил леты свои при орденах и чинах...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*подняв глаза на Княжну Тараканову, вслух*). Так что вы хотите от меня?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А ничего особого. Просто представить меня графу Алексею Орлову, потом расскажете мне о своих впечатлениях. А о нем самом я и так все знаю. О прошлом и настоящем и настоящем братьев Орловых – Григория и Алексея. Не без помощи этих гвардейских офицеров взошла на престол матушка наша Екатерина Великая. А теперь они у нее не фавориты, фавориты другие – князь Потемкин, например... а братья Орловы, Григорий и Алексей, даже не в Санкт-Петербурге.

КНЯЖНА (*сорвавшись неожиданно*). Да что там! Меня должны признать, должны! о синьор Концов! За меня сватался персидский шах, но я отказала. Турецкий султан по одному моему слову готов двинуть к русским границам флот, янычар...

Она порывисто закашлялась, достала белый кружевной платочек, вытерла уголки губ.

Продолжая уже менее резко, не так уверенно. Я чудом выжила, спасшись от яда, данного мне в Сибири... Мы с царевичем Димитрием – настоящие царского рода. Димитрий был спасен от руки убийц, подосланных Годуновым, только хитростью близких...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*совсем успокоясь*). И всего-то, что надо мне, так это, уважая мои права, дать мне в управление юг, в том числе и Кавказ, а также частицу Сибири. И будте

уверены, я смогу навести там порядок... А Центр, Север, свои северные столицы, и все остальное пусть она оставляет себе, мне они не нужны...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*не выдержав, вслух*). Да ведь это же возвращение к смуте! К раздробленности Руси, как и было, на отдельные княжества... Так велики усилия государыни Екатерины по объединению русских, даже славян...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Все равно не удержат Кавказ и все остальное. Юг будет постоянно висеть на ниточке.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*тверже уже, под давлением патриотических чувств*). Ну, уж это как сказать! Как говорится, бабушка надвое сказала.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*насторожась*). Какая бабушка, чья?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Моя бабушка, моя – Аграфена Власьевна.

ПРИНЦЕССА (*засмеявшись и тут же снова насторожась*). Grand Dio! (Великий боже!).

Лейтенант российского флота Павел Концов, боевой офицер, участник морского сражения при Чесме, покидает апартаменты всероссийской принцессы – Княжны Таракановой в расстроенных чувствах. Выйдя во двор, он стоит, всматривается в дрожащую на небе звезду: что таится за ней, что она означает?

Вслух. Бедное, бедное дитя. Беленькое, как булочка, которую съели волки. Необъятная, неподкупная, непокоренная Русь под великой Екатериной, этой дамой с собачкой... И этот бросок на юг, в Средиземное море, русская эскадра под командованием графа Алехана. Вон они – наши корабли с пушками, с тяжелыми ядрами – аргумент веский, неоспоримый, против всяких войн и интриг.

Сцена третья

Там же, в Болонье, где располагается штаб-квартира командующего русской эскадрой графа Алексея Орлова.

Павел Концов прохаживается тут, у роскошного графского палатца.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ (*зорко следя за всеми входящими и выходящими*). Каков граф Алехан! И победитель морского боя при Чесме, и командующий русской эскадрой, а человек не морской, моря недолюбливает. Вот где со штабом расположился – в Болонье. Пришлось сюда добираться через Анкону, где высадил меня корабль, следовавший из Рагузы. Большую часть времени граф Алехан проводит тут, на суше, сдав заведение флотом старшему флагману, контр-адмиралу Самуилу Грейгу...

Павел Концов замечает Женщину в черных одеждах, следящую за ним по пятам.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ. Что вы за мной, как тень? Женщина! Я от вас – вы ко мне, я к вам – вы от меня.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*приоткнув с лица покрывало*). Узнаете, Павлинька?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*оторопев*). Ариша.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Вы добиваетесь аудиенции у графа Алексея Орлова?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Добиваюсь. Я – лейтенант российского флота, я только что из турецкого плена, есть о чем рассказать графу Алехану, с которым знаем семьи с давних времен.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Можете рассказать о нем поподробнее, что-нибудь этакое, неординарное, чтобы я смогла составить о нем представление? Больше как о человеке.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Зачем вам?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Я защищаю интересы Княжны Таракановой... Помните, Павлинька, беленькую такую девочку – булочку, которые съели злые серые волки?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Помню вас, мадам, с тех времен, и очень хорошо. Вы – Ирина Ракитина, и это ваш отец не дал согласия на наш брак. Или, может, вы сами этого не захотели?.. Какая двурушница – свалить все на отца, а сама?..

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Умоляю, прошу вас – не за себя, за ту беленькую, несчастную девочку, которую оставили родители в жестоком мире, без своего попечения... Я ей помогаю и тем самым, хоть какую-то долю, хочу замолить свой ог-

ромный грех перед вами... Умоляю, простите меня за то, что случилось тогда. Я была сама не своя, не понимала, что делала, полагаясь во всем на своего батюшку, который не смог поставить счастье дочери выше собственной выгоды.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*все еще суховаты*). Что же вы хотите теперь от меня? (*раздраженно*). Что еще от меня, мадам, вы хотите?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*припадая на колено*). Клянусь перед Господом-Богом! Я не за себя, об ней пекусь, за нее хлопочу. Она же ведь как дитя – кроткая, доверчивая, ее почти каждый способен обмануть, обобрать, выманить все до копейки, наконец, засадить за решетку, в тюрьму... Что она говорит – клеветает порой сама на себя, не осознает ведь, не до конца понимает, что это значит, чего это может ей стоить... Вы согласны со мной?...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*менее уверенно*). А на вид такая...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Какая?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Царственная особа.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Она вообразила, что от графа Алексея Орлова зависит ее судьба. Он – командующий русской эскадрой, вы – офицер российского флота, с вас начнется признание, пойдет... Мы, две женщины, верим вам, вы же знаете ее еще девочкой... красной шапочкой... Помогите составить о нем представление. Чтобы можно было понять, можно ли на него полагаться... Или, может, это и есть серый волк, которому ничего не стоит съесть красную шапочку...

Есть ли у графа Алексея Орлова в жизни что-нибудь такое, что может насторожить, вызвать недоверие к нему? Как вы думаете, Павлинька?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*медленно, вспоминая*). Мне памятна жизнь графа в Москве. Покойный мой отец был его сослуживцем в оны годы, и я, проездом из морских классов на юг, на родину, не раз навещал московский дом графа Алехана. Экий здоровяк, пышущий здоровьем, красивые греческие глаза, веселый беспечный нрав, огромное богатство и традиционно русское гостеприимство – да он был просто любимцем Бело-

каменной... Как сейчас помню, дом графа Алексея Григорьевича находился за Московской заставой, у Крымского брода, неподалеку от его подмосковного села Нескучного...

Однако не достаточно ли истории, мадам?

Может, на этом остановимся?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Нет, почему же? Все идет гладко, хорошо для графа Алехана, не за что пытливому уму зацепиться. Продолжайте, прошу вас.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Ну, что еще? Усадьба его была образцовой. Да, вот это. А у самих ворот, в окне сторожевого окна, висела клетка с говорящим попугаем, который постоянно выкрикивал, потешая гостей:

– Матушке царице виват!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Это уже интересно. А дальше?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А дальше это все знают, ничего интересного. И про псовую охоту, и про рысаков, и что подковы он гнул. Ни одна лошадь в Москве не могла состязаться с его орловскими рысаками – смесью арабской крови с английской и фрисландской. Как сейчас вижу его на конских бегах, у Крымского брода. Граф едет зимой на саночках, а летом на бегунцах – дрожках собственноручно проезжал свою знаменитую, белую без отметин Сметанку или ее соперницу, серую в яблоках, Амазонку.

Граф, бывало, появляется в воротах на своей храпящей белогривой красавице, покрикивая трем Семенам, главным своим наездникам: Сеньке Белому – оправить опененную уздечку, Сеньке Черному – подтянуть подпругу, а Сеньке Дрезденскому – смочить кваском конскую гриву.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Тоже интересно. Любил вожжи, править любил красотой... А тайны были какие-нибудь, загадки, необычное что-то?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*разгорячась*). А как же. Говорили о нем много при восшествии государыни на престол. В Италии даже к командованию флотом явился по сухому пути. На смотры и парады Александр Григорьевич являлся в золоте и орденах. Между тем, в Париже выезжал на гулянья в круглой мешанской шапочке и в простом кафтане.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Ну, что ж. Есть над чем поразмыслить.

И она растворилась во мраки вечера незаметно, как и пришла.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Павел Концов догадался написать графу Алехану записку от своего имени и передать ее. И лейтенант Концов, офицер российского флота, был принят незамедлительно.

Роскошный дворец палатцо графа Алексея Орлова в Лондонье, тут же и штаб-квартира русской эскадры. В личные покои вход особый, сбоку. Лейтенанта Концова провели по анфиладе сперва на нижнем этаже, затем на верхнем, в самый конец.

ЛАКЕЙ (открывая дверь наверх). Вот он тут, на голубятне.

И что видит Павел Кольцов, лейтенант российского флота? Тридцативосьмилетний богатырь, перед которым кажутся все пигмеями. сидит на маленьком стульчике и шестом гоняет из окна голубей.

Духота, пылица. Граф Алехин в простой сорочке. На століке батарея бутылок. Граф Орлов попивает из кружки со льда все, что Бог послал ему на душу.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (запросто). Садись со мной, Кончик! (Наливая и ему в кружку одной рукой, а другую протягивая для приветствия). Ну, здравствуй! (Через паузу). Что? Избавился от плена? Поздравляю... (Через паузу – на голубей). Вот бестии как взвились... Эх, голубки мои сизокрылые!.. Голубями тешимся. Тут все глинистые да чернокрылые; трубистых, как у нас, мало.. Зато за сто верст письма носят, вот бы дома там таких развести... Ну, рассказывай, братец, о плене, о своих странствиях.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (подавая пакет от Княжны Таракановой). Вот, передала вам, граф, эта самозванка, какая-то авантюрьера.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (посерьезнев вдруг). Так, спускаемся вниз для серьезного разговора.

Граф переодевается. Приказывает не впускать к нему никого. Проходит в сад.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ (*неожиданно*). Ты хитришь, с чужого голоса говоришь.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Сомнительны ее сношения с владельческими дворами Европы. И я как верный слуга государыни не могу утаить сомнений.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. В Петербурге о ней знают. Сообщают как о побродяжке, всклепавшей на себе неподходящее имя.

Пауза. Граф приказывает принести винограду.

Размышляя. Хороша побродяжка! Пусть так, я не спорю... Но зачем предполагать ее выдачу, а в случае отказа – применить силу, даже бомбардировать Рагузскую цитадель? С побродяжкой так не возятся. Такую просто и без огласки поймать... навязать камень на шею и в воду...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*передернув плечами*). Брр, как-то жутко вы, князь, говорите.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Вот то-то и оно-то, братец, что, видно, не побродяжка. Тонкая штучка, натура невообразимая... А ты, братец, тоже – подумай, поразмышляй...

После первого визита к графу Алексею Григорьевичу Орлову Павел Концов напросился вскоре и на второй.

Проходят вдвоем в тот же сад, садятся на лавочку.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Ну, как – подумал? Придумалось что-нибудь, Павел? Как тебя по «гран-пэру», по деду – Ираклий дед был?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Имел бы крылья, полетел бы в столицу, сообщил бы все государыне...

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*резко*). Да брось ты! На таком уровне рассуждать... судить о власти... это удел простых. А ты престижную школу окончил, лейтенант, во дворе моем принят... государыне я о тебе говорил...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*растерянно*). В самом деле, показала два портрета: покойной Елизаветы Петровны и ее, княжны Таракановой, – абсолютное сходство. Тот же очерк лица, те же темные дугой брови и статность, а главное – это глаза... Женщина в черном ходит за мной. Все трое мы (княжна с ней да и я) – все родом мы из Таракановки, Тьмутаракани...

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*вскочив*). Так вот откуда она княжна, почему Тараканова!.. Будь осторожен, нити идут далеко... Больше помалкивай...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Клянусь, ваше сиятельство.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Недолго поймать всклепавшую на себя. Мало ли, можно изловчиться, если приказывают. Да, честно ли это будет, а? Обманом-то? При том с женщиной так поступать... (*заглядывая в глаза Павлу Концову*). Так-то подло ведь, а мы с тобой ведь не палачи?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*едва выдохнув*). Подло... не палачи...

Сцена четвертая

Через несколько дней. Павел Концов получает приглашение из резиденции штаба эскадры за подписью командующего графа Алексея Григорьевича Орлова. Павел Концов является в штаб незамедлительно

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*встречая его*). В штаб тебя заманил, это так, пустяки... Да, кстати, я приказал тебя офицером оформить. Будешь получать денежное содержание... Я тебя лично к себе приглашаю, в тот же сад, на ту же скамеечку, идем?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Два аллюра, три креста.

В сторону. Как бы не запутаться, не полететь в тартарары. В самом деле, пал престиж в Санкт-Петербурге братьев Орловых, и что можно подумать о них в такой ситуации? Но оттуда же, из Санкт-Петербурга, зря не напишут про «авантюрьеру, всклепавшую на себя чужое имя». А граф, опять-таки, в противовес всему, сообщает мне откровенно: от княжны Таракановой два тайных письма получил. Дважды оттуда являлись к нему тайные послы, склоняя против вверенных ему дел... Сильные мира сего! Им все можно. Чего им можно, нам нельзя.

Проходят вместе с графом в сад, к той самой скамейке.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*сидясь первым и приглашая сесть рядом Павла Концова*). Ну что, братец, расставил все батареи по борту, знаешь. куда метать ядра?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*однозначно*). Ядра падают, а люди тем более.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Был с неделю в Ливорно, получил о княжне сведения... Наша таинственная княжна, покинутая ветрогоном князем Радзивиллом, полностью оставила Рагузу. Побывав у нас тут, в Болонье, с неаполитанским паспортом навестила Барлетту, пожила там, а теперь под видом знатной польской дамы появилась в Риме со своей малой свитой. Понимаешь?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Понимаю.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Ничего не понимаешь, поймешь после... Я знаю, ты обезденежел на службе, во всем сильно нуждаешься. А писать в России тебе некому, никто тебе ничего не пришлет... Однако не зря я зачислил тебя в реестр – офицером эскадры. Вот записка, получишь деньги у казначея, уплатишь долги французам, у которых ты брал займы и...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. И – что «и»?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Да не надо, не надо благодарить, я тебе не благодетель... И поедешь в Рим. Понимаешь? Встретишься с этой особой. Скажешь, я давно пред ней виноват, не ответил на ее два письма ко мне. Пытался послать офицера, как ты, но она его не приняла... Жаль бедную, молода, неопытна, всеми брошена и без всяких средств. Ты начнешь с ней переговоры. Скажи ей, что я приглашаю ее к себе – сюда, в Болонью. Кстати, в Риме, как во всякой столице, немало агентов, в том числе и русских. Гляди за ней, оберегай от врагов и всяких влияний.

Пусть доверится нам одним, мы ей окажем помощь. А насчет совести, Концов, будь спокоен: будет исполнено все по совести и от самого сердца. Понимаешь меня?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*глядя прямо в глаза ему*). Понимаю.

На другой день, готовя себе к поездке в Рим, ошеломленный Концов впадает в разочарование.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*нервно*). «Господи, неужто граф затевает измену? Патриот, герой Чесмы, вместе с братом главный участник воцарения Екатерины Великой! Даже не верится.

Этого быть не может. Однако как выведать истинные намерения графа?»

Обратившись в штаб эскадры к казначею с запиской графа, он слышит по коридорам шепоты, шуршанье бумаг. – Что такое? – С Севера прислан тайный указ: заменяют графа в качестве командующего эскадры кем-то другим.

Получив деньги, лейтенант Концов решается на еще один разговор с Алексеем Григорьевичем Орловым.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Граф! Спасибо, с деньгами все в порядке. Перед поездкой в Рим зашел попрощаться.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. С Богом! Помни о слове.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*слегка заикаясь*). Да, граф. Если княжна согласится на наши кондиции, я хотел бы спросить вас, что может от этого произойти?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*усмехнувшись*). Ишь ты брандер какой, водяной выюн. Вам, морякам, все вынь да положь. А мы, дипломаты, всегда себе на уме, нам слова нужны для прикрытия намерений. А я преданный слуга государыни, понял?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*собравшись с духом, пора уходить*). Понял, понял.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ РАЗУМОВСКИЙ (*задерживая его*). Вот что, моряк! Может статься, что она истинный царский отпрыск, и что тогда? На все надо быть готовым. Постарайся помочь ей деньгами, выведи из угнетенного положения. Поворот всякий возможен, постарайся, Концов, не забудутся твои услуги. И царствующей государыне это будет приятно, чай у нее не каменное сердце...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вслух*). Конечно, не каменное.

И в сторону, про себя. Теперь ясно. Хоть граф и увлекся, дошел до самого ропота, однако очевидно: граф решается уговорить претендентку отказаться от своих прав. Теперь можно ехать спокойно, в точности выполнить порученное мне дело.

Рим. Условленное место. В назначенное время является приехавший туда ранее тоже посланец графа и тоже лейтенант российского флота грек или еврей по национальности.

ЛЕЙТЕНАНТ (*подавая руку*). Христенек Иван Моисеевич.
ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Черен, как жук! Глаза воровские: смотрят сразу и в душу тебе, и в карман.

Вслух ему. И где можно найти княжну?

ХРИСТЕНЕК. На Марсовом поле, комнаты в нижнем ярусе дома Жуяни... Две недели брожу вокруг в роли нищего. Все разведаль: денег у нее нет, всего три прислуги, кроме аббата – иезуита да врача, никого к себе не допускает. Ну, пошли, лейтенант?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Куда?

ХРИСТЕНЕК. Да на Марсово поле.

Павел Концов подходит к двери, тихо бьет скобой по дверной ручке. Появляется уже знакомый Концову по Рагузе Чарномский.

ЧАРНОМСКИЙ. От кого?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Куда делись надменность и щегольство?

Вслух (подавая пакет). От графа Орлова.

ЧАРНОМСКИЙ (*пробежав глазами*). Ах да, это вы, сразу и не узнал! Идемте.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*оглядев горенку, куда его привели, в сторону*). Ни дорогих штофных обоев, ни бронзы, как в Рагузе. Тощее пламя едва мигает в камине.

Входит княжна – собственной персоной, сама всероссийская княжна Елизавета Тараканова, принцесса Владимирская, dame d'Azow, любовница князя Радзивилла, пленница персидского шаха и прочая, и прочая, и прочая.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Однако трудно узнать княжну. Лицо заострилось, ярче стал румянец на щеках, но весь облик еще женственен, обворожителен, глаза улыбаются, напоминая взор дикой, смертельно раненой серны. Закашлялась, достала платочек.

КНЯЖНА (*кивнув ему*). Наконец-то! Вы привезли ответ графа... я прочла... благодарю вас... Что скажете устно? Какое ваше мнение о нем?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Мадам, граф – ваш покорный слуга и преданный раб. Он весь к Вашим услугам.

Легкая улыбка скользнула по ее живым раскаленным губам.

КНЯЖНА (*капризно, откровенно прижимая платочек к губам*). Меня все бросили, все! Кроме двух, самых близких. И я приболела некстати... Впрочем, не будем об этом.... Князь Радзивилл, его друзья и помогавшие мне французы, верите ли, оставили меня, скрылись... И все сделалось так неожиданно скоро... Едва ваша армия заключила мир с Турцией, как услужливые магнаты – поляки бежали. Я им это припомню... А теперь, скажу начистоту, я осталась совершенно без денег. Нечем платить доктору, кредиторы осаждают, грозят полицией, ужас какой-то... нечем жить...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*глядя с жалостью на нее, однако неукоснительно выполняя полученную инструкцию*). Вот небольшая помощь, предлагаемая вам графом. Это искренне, от души.

Подавая княжне запечатанное шифром графа письмо.

КНЯЖНА (*принимая ценную бумагу*). Так, на имя римского банкира Дженкиса (*прочитав ее, ведет рукой по глазам*).

Еще раз взглянув на Концова, скользнула опять по бумаге, закашлялась и, обессилев, с улыбкой на устах, опустила на софу.

КНЯЖНА (*Павлу Концову, благодарно*). Написано: «Безграничный кредит!»

Раздается громкое, истерическое рыдание. В комнату вбегает Черномский, уводит княжну. Выходит через какое-то время.

ЧАРНОМСКИЙ (*кланяясь*). Ее высочество благодарит вас, мон шер, за оказанную услугу.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*собираясь уходить*). Передайте ее высочеству, граф приглашает ее к себе в Болонью.

ЧАРНОМСКИЙ. Он пишет ей об этом в письме.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Так что мне передать графу Алехану – «кохану»?

ЧАРНОМСКИЙ. Скажите, что надо надеяться... она страшна, смела, как рыцарь и для дорогого ей дела не побояется ничего... Здесь, в Риме, есть другие русские дипломаты. Держите все в тайне...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Несколько дней мы с Христенеком бродили вокруг дома Жуяни. Было тихо, не приезжал никто. Наконец, прошел доктор, долго не выходил. К вечеру слуга подвел к дому Жуяни красивую наемную карету. Из ворот, укутанная голубой мантилей, пошатываясь, вышла и села в карету женщина.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вслух, Христенеку*). Княжна.

В сторону. Мы поехали следом. Карета с опущенными занавесками, быстро пронесшись по запутанным переулкам, оставилась. Мы прочитали: «Банкирская контора Дженкиса».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. С утра, как обычно, Христенек занял позицию впереди дома Жуяни, Павел Концов – позади него, ближе к саду. Выполняя инструкции, Павел Концов горько задумался: «Лейтенанты российского флота. а как бродяги, подзаборная нечисть. Ладно еще этот Христенек; глаза так и шныряют: широко – от Греции до России, глубоко – в самую душу... А ты-то, Павлинька, ты, русачок...»

И тут раздается вздох у него за спиной. Павел Концов обращается и застывает от неожиданности: перед ним стоит Женщина в черных одеждах.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*собираясь с силами*). Ты, Ариша, зачем тут?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Слежу.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Я же деньги ей передал: неограниченный кредит.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. А я вам не верю. Скользкие вы оба, вьюны. Крутитесь и перед теми, и перед другими.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. И мне не веришь, Ариша? Мы же с тобой из Тьмутаракановки.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Да, из Тьмутаракановки, но, как мне кажется, мы не с тобой. Что ж ты не видишь, что ли? Граф же ее покупает, как последнюю шлюху, заманивает в ловушку, в западню. Я это чувствую, женским чутьем, нюхом каким-то собачьим. А ты – что, разве не понимаешь, расписываясь в своих верноподданнических мыслях и чувствах?. Кошелек ей бросили – подыми, мол, а где совесть?..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в отчаяньи*). Но она же деньгами сорит, ей всегда будет мало.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Ей не это нужно, она же дитя.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А что же?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Справедливость, любовь.

Сцена пятая

Болонья, роскошный дворец палатцо графа Алексея Орлова. Тут же, только в другом крыле, штаб-квартира русской Средиземноморской эскадры.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*восседая в кабинете, на месте командующего*). Орлы летают над степью, а над морем, граф? Чайки. Мелкая, крикливая тварь.

Раздается стук в дверь. Входит вестовой офицер.

ОФИЦЕР. Ваше сиятельство, кораблем из Санкт-Петербурга в Ливорно доставлен пакет. Сургуч запечатан самой императрицей. Контр-адмирал Грейг приказал вручить вам в собственные руки.

Разрывая пакет, граф пробегает глазами по строчкам, впивается в написанное рукой самой императрицы.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*сквозь зубы*). Тэк-с. «Вам уже сообщалось, граф, об этой авантюрье, всклепавшей на себя чужое имя... Пребывала с конфедератами в Рагузской республике, ныне перебралась на славную землю италийскую... И там продолжает авантюру, порочащую Россию... В Рагузе устранить ее вы, ваше сиятельство, не изволили догадаться. Ныне предписываю моему Средиземноморскому флоту взять эту «авантюрьеру» – Княжну Тараканову – и морским путем доставить в Санкт-Петербург... Искренне надеюсь... на ваше, граф, высокое расположение к нашей особе – Вашей постоянно помнящей Вас императрице Екатерине...»

Граф откладывает пакет, смотрит в окно, в синеве летает одинокая чайка, залетевшая сюда с моря.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*в сторону*). Я сам власть, но тут властитель повыше. Кажется, ясно: подчиняйся, и все. Но жизнь хитрая штука. Эта «авантюрьера» действительно может сказаться царских кровей – дочь Елизаветы. А мы с Григорием, гвардейские офицеры, так не договаривались: воевать с самим Петром, с его родной кровью... Влипнешь в историю, чистым не выберешься... Мы, Орловы, – видные люди в России, нам по-простому нельзя: камень на шею и в воду или схватить, заломать руки и – на корабль, в Санкт-Петербург...

Однако чувствуется раздражение императрицы. И тот слухок, который я сам пустил по эскадре, что сверху хотят меня заменить... для чего? Не чтоб пожалели меня – героя, богатыря русского, щедрого человека, а что – слухок этот может стать явью. Пути Господни неисповедимы... И как, изволите, ныне быть в такой ситуации? Как надобно поступить?...

Как за глаза судить о человеке, тем более, возможной внучке Петра? Не солдаты мы чай, не простые матросы – под козырек и хватай, исполняй приказ, без раздумий. В глаза ведь не видал ее. Кончик, Павел Концов, утверждает, что княжна ничего себе, писаная красавица. На портрете, как две капли воды, похожа на свою мать – императрицу Елизавету... Не будем заходить мыслями далеко: судить по судьбе Петра Третьего, после кончины Елизаветы, о воцарении Екатерины. Скажем одно: пора «авантюрьеру» и повидать, лично посмотреть на эту русскую принцессу, *dame d'Azow*...

Рим, дом Жуяни, где живет Княжна Тараканова. В окрестностях дома, наблюдая за ней, бродят два лейтенанта российского флота Павел Концов и Христенек.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*Христенеку*). Город-то весь кипит, оживлено внимание всего мира: проходят выборы нового папы, вместо умершего Климента Четвертого...

ХРИСТЕНЕК. Наша княжна-то ожила. В салон превратила дом, по вечерам ее навещают известные живописцы, писатели, духовная знать. Из окон слышны звуки арфы... сама играет?..

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Еще и на фортепьянах может.

ХРИСТЕНЕК. А сколько зевак под окнами, сколько нищих, и каждому она что-то кидает.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Щедра больно, царские манеры-то.

ХРИСТЕНЕК. Вчера заказала несколько пышных экипажей, носилась по Риму, по улицам и площадям.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Деньги мотает.

ХРИСТЕНЕК. Побывал я у банкира Дженкиса, тот поведал по секрету, что выдал ей чек на десять тысяч червонцев...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. И ведь не думает, что даже бездонные колюдцы графа могут иссякнуть.

ХРИСТЕНЕК (*показывая червонцы*). Даже мне вот, я был там под видом нищего, дали на лапу.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Зато весь Рим заговорил о ней, как, бывало, в Венеции, даже в ставшей после враждебной Рагузе.

ХРИСТЕНЕК. Но нам она недоступна, так ли, мой друг?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*пожав плечами*). Как сказать. На днях я все же побывал у нее, послушал, как она играет на арфе. Заслушался.

ХРИСТЕНЕК. А как насчет дела?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Какого?

ХРИСТЕНЕК. Не крутите, мой друг, не пудрите мне мозги. Я насчет того, чтобы объявить княжне о желании графа видеть ее у себя в Болонье.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. В Болонье или в Ливорно?

ХРИСТЕНЕК. Напомните письменно ей об этом, напишите письмо.

Пауза. Павел Концов в Риме в церкви Санта-Мария-делли-Анджели. Ждет свиданья с русской принцессой. Таинственная тишина. Сумрак среди колонн. Из-за выступа молельни появляется женщина в модной накидке, под вуалью.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*подходя к ней*). Это вы, княжна?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Желание блага отечеству и всем моим будущим подданным у меня так сильно, что я решилась прийти сюда (*вздыхнув глубоко*). Я принимаю приглашение графа. С ваших слов, я начинаю верить ему. А моим друзьям объ-

явила, что покидаю свет и навсегда удаляюсь в монастырь... Вам же скажу другое (*с некоторой торжественностью в голосе*). Только не в монастырь иду, нет, а с вами, скорее всего, к графу Орлову – человеку, достойному российского флота, не так ли?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Жалость к этой молодой женщине невольно охватывает меня...

ХРИСТЕНЕК (*перебивая поток мыслей Павла Концова*). И когда это было, вчера? А сегодня вы еще не ходили к ней? Так идите, идите. Езжайте с княжной к графу в Болонью.

Павел Концов уходит из церкви. Появляется Женщина в черном, резко приближается к нему.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Концов! Вы... предатель? Вы злодей, вы способны стать душегубом! Заманить невинную душу в ад, в Шлиссельбург.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*отступая на шаг*). Чур, чур меня! Сатана, тьмутараканское наваждение!

Болонья. Там же, в штаб-квартире эскадры, командующий в своем кабинете.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. От Княжны Таракановой опять ни слуху ни духу. Как в яму провалились мои два посланных ей письма. Какая же это «авантюрьера»? «Авантюрьера», наоборот, добивалась бы, граф, сближения, аудиенций, чтобы захватывать душу, проникаться делами эскадры. А эта так... просто женщина, мотовка... получила «неограниченный кредит» и давай мотать денежки направо и налево. Раскатывает в роскошных каретах по Риму, держит у себя свиту, салон... Вот послал Господь женщину, знаем мы их, таких, великосветских львиц...

Что-то нет никаких вестей от моих офицеров – ни от Павла Концова, ни даже от верного служаки Христенека. Что – нечего, что ли, мне сообщить? Хотя бы внешние данные – куда она ездит по итальянской столице, какие места посещает, с кем встречается, с какой интенсивностью летят на ветер мои

личные средства? Миль пардон, мадам, терпенье мое может иссякнуть даже скорее, чем кошелек.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А в это время Княжна Тараканова мчалась в Болонью с эскортом в несколько экипажей. Перед тем, на выезде из Рима, у церкви Сан-Карло, приказав остановиться, она вышла из кареты, чтобы раздать нищим милость. И тут же к подножке кареты подбежала Женщина в черных одеждах.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*наклонясь к ней*). Что ты хочешь сказать, милая?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Не надо, княжна, не езжай! Не слушай двух иезуитов (*показывая на офицеров*). Они предают тебя, это начало твоего пути к эшафоту.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*нервно смеясь*). Ты так считаешь?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Да, считаю.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А я не боюсь! Что начертано на небесах, земному не перекрыть.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫМ ОДЕЖДАХ. Ты – дитя, ты не знаешь природы людей, земной власти, власти царей, к которой стремишься, власти людей над тобой, которым ты веришь.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*рассмеявшись*). Где ты видела человека, который бы, в глаза не видя тебя, дал бы тебе «неограниченный кредит»? Это невозможно помыслить. Всю Европу проехала, а такого не видела.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. По России надо была проехаться, а не по Европе. У тебя в голове все путается: царское с простым, врожденное с приобретенным, но чужим, еще не устоявшимся... Госпожа, не езжай, остановись, прошу тебя...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*в отчаянье*). Но он же заберет его у меня – этот «неограниченный кредит», и что тогда? Кто тогда я?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Раскрасневшись с хлыстом в руке, она вошла решительно в кабинет графа Алексея Орлова, этого красавца – русского богатыря. Оба глянули друг другу в глаза, и все! Что-то вспыхнуло, произошло в них, как и на небесах, где Боги чертят свои пламена.

Сцена шестая

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*впервые воочию увидев княжну*). И как же красива! Богиня! Высоких царских кровей...

В сторону. Не мальчик ведь, уже тридцать девять, а все вспыхнуло, закипело в тебе. То ли с неба это ниспослано, то ли опыт уже говорит в тебе, граф? Не впервой ведь вам с Григорием, братьям Орловым, иметь дело с женщиной – великой мира сего, как было, например, с Екатериной. И все же то было другое: женское, почти материальное, а это?.. а это?.. А если это любовь?..

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Вздор! Граф, прошу извинить, что не сразу откликнулась на ваш зов. Оставила ваши два письма без ответа...

В сторону. Когда выезжала из Рима, прописалась в городских воротах под именем графини Селинской и ехала вроде тайно сюда, по Флорентийской дороге, а он все уже знает обо мне. Знал о моем приезде сюда, в Болонью, знал, наверно, еще вчера... Христенек, этой его соглядатай, мелькал за тобой, княжна, в твоём шлейфе...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Граф Алексей Орлов поспешно вышел и исчез. Княжна оставалась одна. Наконец, возник офицер.

ХРИСТЕНЕК. Граф Алексей Григорьевич Орлов ждут вас завтра, с утра, неподалеку тут – в уединенном пизанском палатце.

У въезда из города будьте одна в карете, и карета должна быть одна. Шумный поезд, толпа ваших поклонников сегодня озадачили графа. Он считает, что для таких дел, как ваши с ним, лучше всего одиночество, так, княжна Тьмутараканская?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*одинокая и несчастная, пролетает офицеру в спину*). Так, пан, так. Я согласна.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. За ночь граф Алексей Орлов успел собраться с духом, настроиться по-иному, несколько тверже. На сей раз прием проходил куда спокойнее, даже торжественно, в нужных тонах. Прием как прием, по крайней мере, «крулевы» – если не самой монархини, то хотя бы особы монар-

ших кровей. В зале, наоборот, находилось множество людей из графской свиты – гражданской и флотской службы.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*не зная, как в подобной ситуации ей держаться*). Отчего вы стоите передо мной, граф? (*Кокетливо, по плечу веером*). Вы – командующий флотом.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Мы на суше, мадам. А на суше вы – мой командир. Я провел для вас кое-какие негоции, вы и далее ни в чем не будете нуждаться.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*улыбаясь*). Я верю вам, граф. Если б не верила, я бы тут у вас, в пизанских ваших интимных владениях, не оказалась. Я не пташка, не канарейка в золотой клетке, надеюсь?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*прикладываясь губами к руке княжны*). Ну, что вы, моя прелесть, очаровательная, судная женщина. О какой клетке речь? Я просто не в силах себя держать перед вами, не знаю, как и быть. В себе сомневаюсь. А ведь через мои руки прошел целый табун орловских коней, рысаков. Вы когда-нибудь видели Сметанку мою – белая, без единой порочинки, арабских кровей? Ее вели из-за трех морей по берегу, под уздцы, а не везли на корабле, дабы не подвергать опасности потерять в пучине...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*кокетливо улыбаясь*). У вас, наверно, кружилась голова, морская болезнь, как у меня.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Действительно, так. Так, пани, так. Вы дороже мне даже Сметанки. Я очарован, видите – глаз не спускаю с вас... Что вы на это скажете, как вас ныне – графиня Селинская?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*поспешно*). Я для вас та, кто есть, за кого вы меня принимаете, держитесь, ваше сиятельство.

Закашлявшись, княжна вынимает из рукава белый батистовый платочек, оттирает им уголки губ.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*изменившись в лице, делает свите знак рукой уходить*). Княжна, я ваш покорный слуга. Полагаю, что надо с дороги вам отдохнуть. Кутежи, переезды, всякие хлопоты могут подорвать ваше здоровье, а оно нужно нам всем – вашим верным друзьям и соратникам, не так ли, княжна моя дорогая?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*уже путаясь в мыслях*). Прикажете отвести меня в мои комнаты – принять вид достойный после дороги.

Граф Алексей Орлов остается один. Достает маленькую копию картины, сделанной знаменитым Пьячетти. Ищет в ящике и достает другую – точно такую же, тоже работа Пьячетти.

ГРАФ ОРЛОВ (*вслух, сам себе*). Мать и дочь. Как две капли воды... Вот что впечатляет, настраивает на продолжение, даже развитие не банального сюжета... Птичка рвется из клетки (*поглаживая грудь слева, где сердце*), птичке нужно летать.

Вызывает слугу, дает команду:

– Поселите княжну в моей квартире в Болонье.

Вызывает офицера, дает команду:

– Ко мне сюда лейтенантов Христенека и Павла Концова.

Появляются сразу оба, без всякой паузы.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*в сторону*). Моряки есть моряки. Забыли всякую субординацию. (*В слух*). Ну, хорошо. Коли вошли – говорите.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Несомненный успех. Княжна тут у вас, в резиденции.

ХРИСТЕНЕК (*оттирая Павла Концова*). Точно так (*выдвигаясь вперед*). Целиком и полностью удача моя. Целыми днями, даже ночами вращался я вокруг дома княжны, составил о ней полное мнение, вычислил все...

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*усмехнувшись*). Загонял птичку в клетку?

ХРИСТЕНЕК (*несколько растерявшись*). Птичку жалко.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*Павлу Концову*). Ну, а ты что стоишь, Кончик Тьмутараканский?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*хмуровато*). Не оставляйте, граф, своей фаворитки, красивейшей и премилой Александры Львовны Давыдовой. Она ведь жена богача, уроженная тоже Орлова.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Не твое дело, тьмутараканский земляк! На, возьми *(подавая ему медальон)*. Передай княжне по случаю – ее миниатюрный портрет. На кости, осыпан дорогими камнями.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. После того граф осыпает Павла Концова любезностями *Христенеку преподносит патент на полковника. Однако вскоре приглашает Концова в тот же садик для разговора.*

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ *(присаживаясь на скамейку)*. Ну что, брат, честь и хвала тебе, дал случай мне угодить такой особе... Какая женщина, живой, обворожительный ум! Подлечить маленько, успокоить да и хоть женить на ней, что ли... бросить свой холостой удел...

ПАВЕЛ КОНЦОВ *(все еще упираясь)*. Что вы, ваше сиятельство, что вы! *(Полюбопытствовал)*. Ну, и за чем дело?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Да за малым – как всегда, упирается. Как окажусь, говорит, на своем месте, тогда, говорит, соглашусь.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. То есть как, извините, на каком своем?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ. Когда будет в России, дома... Не понимаешь?.. Ну, что ли, так? Когда государыня смиляется и удостоит признать ее права.

ПАВЕЛ КОНЦОВ *(обеспокоясь)*. И как это можно?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Дело возможное. Да, боюсь, не навредили бы ей всякие здешние друзья... Поляки и всякое иезуитство... пожалуй, окормят еще или застрелят... попадешь где-нибудь в переулке под наемный кинжал... нужна для их смут особа...

Ты, Концов, для нее авторитет, тебя одного полностью признает. Понимаешь? Ты бы ее, что ли, уговорил?

ПАВЕЛ КОНЦОВ *(в сторону)*. Ее подруга, Женщина в черных одеждах, не признает и меня.

Несколько дней Павел Концов ходит под впечатлением последней встречи с графом Алексеем Орловым. «Что хоть это означает – уговорить ее выйти замуж, что ли, за сиятельного графа Алексея Орлова»? Наконец, чтобы прекра-

тить свои мучения над проклятым вопросом, Концов сам напросился в садик к графу на новую аудиенцию.

Присаживаются на ту же скамеечку рядом, плечом в плечо с графом.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*глядя куда-то поверх Концова, рассеянно*). Ну, что ты хотел?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Да насчет того... на что ее уговорить?..

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Тайно обвенчаться и бежать.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*оторопев*). Что вы, ваше сиятельство! И куда хоть?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Уговори ее не носить на поясе пистолет. На днях в запальчивости едва не застрелила Франсишку, служанку... Нет, каков темперамент! Раскраснеется, ножкой топ – ух, красавица!..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). В самом деле, граф влюблен в нее. Этак дело пойдет скоро к свадьбе. Граф решительный, волевой, долго дело тянуть не любит. Да и что тут дурного, если подумать. Женится по зову сердца на претендентке, и всем хорошо: и императрица будет довольна, и он обратит несговорчивую «тмутараканку» в скромную графиню Орлову...

Вслух. И что хоть вы от меня хотите, граф, чего добиваетесь?

Граф оставляет вопрос без ответа. На том аудиенция и заканчивается.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Какой день уже после того Павел Концов, офицер российского флота в Ливорно, следит за развитием любовных взаимоотношений графа Алексея Орлова и русской принцессы, этой Княжны Таракановой. Граф раскатывает с ней по городу в открытой коляске, закатывает в своем роскошном палаццо пиры. Все Болонья только и говорит об этом, довольная и посвященная в тонкости. Итальянцы – живой, любознательный, пылкий народ...

Княжну, в пух и прах разодетую, меняющую платья по пять раз на дню, граф водит под руку, прогуливаясь, среди нижних чинов и местного населения. Павел Концов любит

ими вместе со всеми. Однако, видя улыбающуюся, счастливое лицо молодой особы – княжны, он каждый раз ловит себя на мысли о том, что лицо ее может быть и хмурым, задумчивым, даже каким-то старым, не по годам. Часто за спиной у этой счастливой парочки он замечал людей не только в матросской форме, но и ту самую Женщину в черных одеждах.

ЖЕНЩИНА ЭТА (подойдя однажды к нему со спины). Радуетесь, лейтенант, своим сатанинским проделкам, а что – заманили канарейку в силки? Чем вы лучше Христенека, получившего чин полковника? Вы, хоть и лейтенант, а стараетесь за весь доблестный русский флот.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Подбирайте хоть выражения! Патриотизм всегда выше всяких интриг. А я интриг плести не умею.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Они плетут. А вы тоже птичка, но только другого цвета... тоже, в конце концов, окажетесь в клетке...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Ма фий – моя девочка, прежде начните с себя, снимите, черт возьми, свои черные, как эта южная, ита-лианская ночь, – одежды!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ (уходя). Каяться будете, лейтенант, но будет поздно. Боги таких грехов не прощают.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Опечаленный Павел Концов смотрит во след ей, тянется взглядом, губы сами шепчут молитву, с детства знаемую, еще с Тьмутаракани: «Боже вечный... прости мя грехи, яко сотвори их в тот день делом, словом и помышлением, и очисти, господи, мою души от всякия скверны, плоти и духа. Аминь».

Сцена восьмая

Болонья. Палаццо графа Алексея Орлова, где пребывает со своей свитой русская принцесса Княжна Тараканова в отдельных ей апартаментах.

Входит Павел Концов.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (делая легкий шаг к нему). Лейтенант, я вас жду с нетерпением. Хочу поделиться тайно сомнениями (оглядываясь). Граф уезжает завтра утром в Ли-

ворно, там произошла крупная ссора и драка английских матросов с русскими, и графа приглашает во всем разобраться его приитель английский консул Дик. И я тут одна оставаться боюсь.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Смотрите, глаза горят, по щекам багровые пятна. (*В слух*). Ну, что вы, ваше сиятельство, граф скоро вернется.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Так граф зовет и меня с собой. А что, если я не соглашусь, не поеду? Как вы думаете, не отразится ли это на наших отношениях? Он не бросит меня?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А что тут такого? Почему бы вам, княжна, не поехать в Ливорно? Погода отменная, вояж будет приятен.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*задумчиво*). Конечно, хотелось бы взглянуть на город, посмотреть на наш флот.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Так в чем же дело, княжна?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*порывисто беря его за руку*). Поклянись мне своей матерью и отцом, что вы сами во всем доверяете графу. Можно ли и мне доверять? Я боюсь с ним ехать в Ливорно.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Ну, что вы, ваше сиятельство? Граф до сих пор не оставил нам ни малейшего повода, чтобы можно было в нем сомневаться. Хоть в чем-то. Или, может, княжна, он был перед вами не честен? Скажите.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*отпуская его руку*). Да нет, никакого повода нет... А сердце вещует, чувствует, что-то может случиться... Мне страшно...

Пауза. Вздыхнув как-то мученически, княжна долго смотрит в окно, наконец, собирается с мыслями.

И еще одно (*обращаясь к Павлу Концову*). Вы – честный человек! Слушайте...

Губы ее вздрагивают, в глазах слезы. Она глядит на Павла Концова и будто не видит его.

Граф сделал мне вчера предложение, что вы на это скажете, Павел?..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вставая торжественно*). От всего сердца поздравляю, княжна.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*дрожащими губами*). Он не обманет меня, не предаст? Скажите мне правду, заклинаю вас, умоляю. По вашему совету я уже не ношу пистолета...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Граф, зовет ее в Ливорно, уж не обвенчаться ли хочет?

Вслух. Ваше сиятельство, чего бояться, так переживать? Граф же влюблен в вас до безумия. Спит и видит вас вместе с ним...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*горячо*). Так это правда, истина? Покляннитесь вашей матерью, отцом (*снова стискивая руку Павла*). У меня безвыходное положение, я как будто стою перед пропастью, перед концом. Я понимаю, кто я перед ним? Ничтожество, а он говорил со мной так искренне, нежно, и я поверила ему, верю... Неужто обманет?..

Поднимаясь решительно и выпрямляясь.

Смелые только и живут! Как жену не предаст меня, не может предать... боги ему не простят... я еду, Павел... даром я не отдам своей свободы и сердца... чему быть, того не миновать... Спасибо тебе, офицер, что встретился у меня на пути.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*подавая руку Павлу Концову*). В конце концов, говорю как перед Богом, по совести, это тот граф Орлов, который помог вашей царствующей императрице взойти на престол, поможет и мне. Эквива! Да здравствует! отважный Сид, Баярд! С божьей искрой и величием души...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). На том мы и расстались. Тяжкие думы не дали спокойно спать мне в ту ночь... Пойти к ней утром, предупредить? Пусть обдумает лучше, сама решит, без меня. Почему хоть я у нее должен стать какой-то монетой разменной? Пусть рассчитывает на себя. Каждый в жизни живет только раз, каждый, в конце концов, сам делает решительный выбор.

Вслух. *Подняв руки и голову к небу, говоря словно Богу.*

«Едва взошло солнце, я поспешил к дому графа. У палатки толпились люди, подъезжали еще и еще экипажи. Граф с княжной уж сидели в коляске, в другом экипаже находился Христенек, слуги, третий экипаж был пуст.

ГРАФ ОРЛОВ. Садись, Концов! Тебя мы все только и ждали!

ПАВЕЛ КОНЦОВ Я бессознательно сел в экипаж к Христенеку, мы выехали». (*Уже в экипаже, подтолкнув под бок Христенека*). Что вы, полковник, видите во всем этом? Что за этим стоит, как по-вашему?

– В чем?

ПАВЕЛ. Да в этом вояже.

ХРИСТЕНЕК (*резко*). Не знаю, не знаю и знать не хочу! (*Смягчившись*). Завтра быть парочке молодых, обвенчаются, вот и все, лейтенант.

– А где церковь взять?

ХРИСТЕНЕК. А флотская на что? Взойдут на адмиральский корабль, там их и обвенчают.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ (*подбегая к второму экипажу*). Подлецы – мужики! Будь же проклят и ты, Концов! Не они (*показывая на всех рассеявшихся в экипажах*), а ты, именно ты виноват. Ты заставил ее, голубушку, поверить, принять решение! Ты – Иуда

Ливорно. Русская эскадра на рейде, там же флагман – адмиральский корабль «Три Иерарха». Берег загружен толпами людей – любопытны же эти италианцы. Кортёж встречают адмирал Грейг Самуил Карлович и английский консул Дик со своей компанией из офицеров и дипломатов. Адмирал Грейг с Диком, однако, избегают смотреть в глаза невесте.

Появляется еще один грек русской морской службы – Рибас или Де-Рибас, Осип Михайлович. Тот же, вроде Христенека, черный пиджак, только повыше ростом и менее подвижен. Жук Христенек и Де-Рибас, жуковица. Де-Рибас тоже ранее ездил с разведкой в Венецию вслед за княжной.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*задорно кивнув ему из кареты*). Привет, мой поп! Не забудь только ризу...

И карета отъезжает.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*спросив Де-Рибаса*). И куда они, молодые?

ДЕ-РИБАС (*сдержанно*). В отведенную резиденцию – роскошный приморский дворец. В палатку свое, лейтенант!..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Это было двадцать первого февраля. Была приятная, почти летняя погода. На небе ни облачка, на море тихо, на берегу в толпах празднично. А душу мою скребли кошки.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Княжна сама включила Павла Концова в список гостей, и он оказался в числе тех, кто утром был у консула Дика на французском завтраке. Все вели себя непринужденно: гуляли, смеялись, отпускали острые шуточки, думая о молодых.

Ливорно. Палаццо, где отмечается событие: первое совместное появление в свете княжны и графа Орлова. Княжна очаровательна, похорошела. Графи не спускает с нее влюбленных глаз. Сам подавая ей блюда, прохладительные напитки.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*поднимая тост, в какой раз провозглашая его за свою спутницу жизни*). Виктория! Виват!

ХРИСТЕНОК (*сидя рядом с Павлом Концовым, шепотом, показывая на графа*). Каков наш селадон! Как на Чесменских лаврах, герой! Не пропускает никаких побед!

АДМИРАЛ ГРЕЙГ (*отвечая как-то рассеянно, не поднимая головы*). Представьте себе... мы этому не обучены... светские лев и львица.

КНЯЖНА (*прислоняясь к графу Орлову, нетерпеливо*). Когда, когда же вы, Алексей Петрович, покажете нам свои корабли?

Наконец, вестовой офицер подходит к командующему графу Алексею Орлову, шепчет ему на ухо.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*резко вставая*). Все! Готово! Можно двигаться к морю.

Праздник. Толпа на берегу. Всюду флаги и фейерверки. Офицеры в парадных мундирах, матросы на мачтах и реях. С появлением графа, идущего под руку с княжной в белых нарядных одеждах, на адмиральском судне «Три Иерарха» раздается флотский марш. Сотни матросских глоток личного состава, выстроеного по бортам русских военных кораблей, кричат во все глотки. «Урра-а-а!» Это приветствие катится, перекачивается по гавани, переходит от корабля к кораблю. Дальний берег весь в разноцветных флаж-

ках и одеждах – любопытен и весел живой, жизнелюбивый итальянский народ!

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*указывая на флагманский корабль*). Во-о-он, видите, на «Трех Иерархах» как раз спускают разукрашенное кресло. (*Наклонясь к княжне*). Для вас, мадам. Для вас одной исключительно... Катер к нам сюда направляется... Поднимут кресло, взойдем по трапу и мы – на палубе корабля. В родной морской стихии, на территории России...

КНЯЖНА (*беспокойно*). Как России?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. А так. Палуба нашего корабля – это уже Россия, Русь-матушка. Общепризнанная международная норма, закон для всех морских да и сухопутных держав. (*Обращаясь к Дику*). Не так ли, господин Копенгаген?

КОНСУЛ ДИК (*рассмеявшись*). Так, так, граф! Так, так, Алексей Петрович, командующий русской эскадрой!

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*придвигаясь к нему*). Скажите это ей (*показывая на княжну*). Ей скажите, что это – морской закон, обязательный для всех. Пусть садится в кресло без боязни. Ее подымут на борт... легко и просто – рраз, и ты на палубе, на борту «Трех Иерархов». Адье, Италия! До свиданья, прощай!.. Сделаем тете ручкой...

Едва княжна ступила на корабль, грянуло дружно «Урра-ра!», ударили пушки. Народ, переполнивший набережную, махал оттуда руками и шляпами, что-то кричал.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*объясняя всем тут присутствующим*). Приказывают нам произвести маневры с сожжением негодного корабля. Дайте флагману знак: пусть эти многочисленные шлюпки с людьми отойдут, держатся от кораблей подале, неровен час осколком ядра кого-либо зацепят...

Обращаясь к княжне. Мадам, пьем в последний раз в вашу честь. Нас с вами приглашают в каюту.

Сцена восьмая

Там же, те же.

Княжна стоит на палубе, впивая, словно хмельной напиток, все эти полчаса, отведенные ей для счастья. Граф особо

почтителен с ней. Он накидывает на плечи ей шаль, берет из рук ее зонтик и держит его над головой княжны. Зрители, стоящие в шляпках вокруг «Трех Иерархов», любят ими.

ГОЛОС ИЗ ШЛЮПКИ, С ПРАВОГО БОРТА. Глядите, какова невеста. Как княжна – женственна и красива!

ДРУГОЙ ГОЛОС В ШЛЮПКЕ, С ДРУГОГО БОРТА. Каков жених – его темно-зеленый, раззолоченный адмиральский мундир, как величественен он и мужественен.

ЕЩЕ ГОЛОСА. Глядите, сколько на палубе слуг! Разносят вина, подают фрукты и сладости.

И ЕЩЕ ГОЛОСА, ГОЛОСА. Смотрите же, начались танцы... Молодежь с дамами танцуют констраданскосез, котильон... Адмиральша и консульша особо ухаживают за княжной...

ГОЛОС ВО ГЛУБИНЕ. Зато сумрачен сам адмирал Грейг, изменился в лице консул Дик.

ГОЛОС ДРУГОЙ, ИЗ ДВЕРИ. Сейчас на палубу выйдут с иконой, начнется венчание графа и княжны... прямо здесь, на палубе...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*улавливая малейшие нюансы вокруг, вписывая малейшие изменения*). Почему венчанье прямо на палубе? К чему такая поспешность?

Мелькнули в стороне оба – Христенек и Де-Рибас, греки на русской службе, оба в распахнутых настежь мундирах.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вспомнив ранее услышанные слова графа Орлова, обращенные к Де-Рибасу насчет «попа и ризы»*). Куда же вы, господа офицеры?

Отмахнувшись от Концова, они исчезают.

Духовенства на корабле, между тем, не видно.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. «Все, как говорится, смешалось. Наверху – офицеры ходят, бродят по палубе непринужденно, женщины наводят лорнеты на публику в шляпках. Музыка на корме, играют веселый марш, арии из италийских опер.

Павел Концов бросается вниз, чтобы не прозевать главного события: не то уже свадьба, не то только помолвка. Все валом валят оттуда наверх, на палубу, обсуждая случившееся.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*прижатый к стене, улавливает все кипящее, говорящее вокруг*). Глядите, одни все еще пьют за здоровье молодых. Другие клятвенно утверждают, что все это подстроено, фикция! Кошунство какие-то это венчание!

Роль попа и дьякона играют Христенек и Де-Рибас, первый наряжен дьяконом, второй – в ризе, попом...

Вслух. Смотрите! Княжна вырывается из этого смрада, бежит ввысь куда-то, на верхнюю палубу, за ней устремляется жених – граф Алексей Орлов. Смотрите! Княжна наклоняется к борту, она хочет броситься в воду. Ее держат силой, не выпускают из рук...

КНЯЖНА (*крича, что есть мочи*). Концов! Павел Концов! Умоляю вас, подойдите ко мне... они хотят меня арестовать... посадить в клетку, отвезти в Шлиссельбург...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. С «Трех Иерархов» особым флагом дают знак эскадре: палить из всех пушек. Раздаются новые пушечные салюты, гремит «ура», начинается движение, маневрирование кораблей.

Появляется караул из матросов с примкнутыми штыками во главе с капитаном гвардии Литвиновым.

ГВАРДИИ КАПИТАН ЛИТВИНОВ (*громко, настойчиво, обращаясь ко всем офицерам, всей графской свите*). Ваши шпаги! Господа, прошу сдать оружие!..

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Между тем, вооруженные матросы заполняют палубу. Адмирала Грейга, его жены и жены консула уже нет. К графу Алексею Орлову приставлен часовой. Княжна, заслышав бряцканье ружей, кричит иступленно туда, за борт, к шлюпкам:

– Насилие! На помощь, сюда-а!..

КАПИТАН ЛИТВИНОВ (*заступая княгине дорогу*). Успокойтесь, мадам, успокойтесь!

КНЯЖНА. Вероломство! Проклятие! Где адмирал, граф Орлов?

КАПИТАН ЛИТВИНОВ. По именному указу государыни и адмирала – вы и ваш сообщник взяты под стражу.

КНЯЖНА (*метнув убийственный взгляд на Концова*). Ты погубил меня, Павел.

И падает без чувств в чьи-то руки. Матросы несут ее вниз, в каюту.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в тесной корабельной каморке, поднимая голову*). Что это – тюрьма, мы все под караулом? (*Видя Христенека напротив*). Ах, ты тут, мой предатель?

ХРИСТЕНЕК. Спокойно. Это для виду. Подержат и выпустят. Вы, лейтенант, удивлены?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*хриплым голосом*). Есть чему подвигаться.

ХРИСТЕНЕК. Государственная преступница, «авантюрье-ра» – как пишет в своем указе императрица. А вы думали что – все это шуточки любовные, амуры?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*корчась от терзаемых мук*). Мужики-подлецы! Справились с несчастной чахоточной, молодой, одинокой!..

ХРИСТЕНЕК. Ничего, еще поживет, посидит в Шлиссельбурге... А ты, лейтенант, поспокойнее, что – захотелось в Сибирь?.. Видишь? Дверь уже отперта, выходим.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. *Вслух*. По палубе уж гуляли, стояли группками подгулявшие, веселые моряки.

Меня и грека позвали в кают-компанию. Там кипел пунш, выставлены были батареи бутылок. Граф кивнул ему издали и ушел к адмиралу.

«Позор, какой позор!» – кипело все у Концова внутри.

Наутро с адмиральского корабля прозвучал пушечный выстрел. С других кораблей полетели звуки зоревой музыки. Наступил час молитвы.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*подходя к Павлу Концову*). Ну, чего ты молчишь, Павлянька? Что не так?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Город волнуется крики, угрозы. Берегитесь, граф, это нам не Россия, поднимется вся Италия... прыгнут где-нибудь в переулке...

ГРАФ ОРЛОВ (*усмехнувшись*). Ах, вот ты о чем? Кто тронет тебя, только станет угрожать, только скажи – видишь, семьсот пушек оттуда глядят? Махну им, и будет здесь чисто и гладко...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Прошло несколько тяжелых, мучительных дней. Сновали вокруг кораблей переполненные лодки, берег весь кипел и негодовал.

Меня послали на «Трех Иерархов». Поручили доставить на борт письмо и пачку французских книг. Догадывался – от кого и кому. Уже в шлюпке, отчалив от кормы корабля, я слышал отчаянный крик и замер.

Припав к решетке, в открытом иллюминаторе «Трех Иерархов» можно было разглядеть бледное женское лицо. Чья-то рука махала мне белым платочком.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Прошел слух, эскадра наша на днях снимается, покидает Ливорно. Я вздрогнул: на пороге стояла все та же Женщина в черных одеждах.

ОНА. Ну что? Вы спокойны, рабский шлейф? Ошибаетесь – час расплаты придет. Граф – герой Чесмы, устроитель дел императрицы Алексей Орлов так и погрязнет в анналах истории... Уверена, княжна была ниспослана самим Господом-Богом, чтобы возродить Отечество. И я верю, она не погибнет, спасая других – спасется сама... Роковые вериги графа Орлова не угодны богам...

Было ветрено. Флагман русского Средиземноморского флота трехмачтовый корабль «Три Иерарха» рассекал могучие синие волны, начав свое свободное, историческое – «Одиссеево» плаванье вокруг старушки Европы. Впереди его ждали Санкт-Петербург, императрица и неизвестность.

Занавес

(На занавес спроецирован портрет молодой и красивой Княжны Таракановой).

14-17 октября 2010 г.,
г. Орел

УЗНИЦА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ (часть вторая)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ – российская императрица, дама с собачками

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА – тайная дочь покойной императрицы Елизаветы, внучка Петра, пленница Петропавловской крепости.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ – сановник при императрице Екатерине Второй.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Петербургский главнокомандующий

ЧЕРНЫШЕВ АНДРЕЙ ГАВРИЛОВИЧ – Обер-комендант Петропавловской крепости.

МИЛЛЕР ГЕРАРД ФЕДОРОВИЧ – академик, историк, начальник Московского архива.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – Генерал-прокурор.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ МИХАИЛ НИКИТИЧ – Московский главнокомандующий.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ – командующий российской Средиземноморской эскадрой.

ТЕРЕНТИЧ-КАБАНОВ – управляющий графа Алексея Орлова из Хренового.

ОТЕЦ ПЕТР АНДРЕЕВ – старший священник Казанского собора во владениях гетмана Разумовского.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ – молодой цесаревич (Бедный, бедный Павел), будущий император.

НЕЛИДОВА ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА – фрейлина при царском дворе.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ В ИТАЛИИ.

ПРИЗРАКИ ПОКОЙНОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕРВОЙ И ЕЛИЗАВЕТЫ ВТОРОЙ.

Действие происходит на флагманском корабле «Три Иерарха» в Балтийском море, в Петропавловской крепости, в подмосковной Коломне, Царицино, в местах, связанных с именем императрицы Екатерины Великой, Княжны Таракановой, претендующей на российский престол.

Сцена первая

Флагманский корабль «Три Иерарха» под командованием графа Алексея Орлова входит в Балтийское море. Арестованная по указу императрицы, Княжна Тараканова в тесной каюте, под неусыпным надзором стражи.

Женщина на корабле. В сиянии блеклого уходящего дня.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (она же Княжна Тьмутараканская, то есть из Тьмутаракани). В сторону, про себя. Я вижу, как у меня сверкают глаза, а левый глаз чуть косит от волнения. Мои глаза так и отпечатались на двери, прожигают обе двери насквозь. Только что мы вышли из порта, английского Плимута, где меня пытались освободить. Но адмирал Грейг начеку... Наверно, где-то содержат под стражей и графа Алексея Орлова. Сам капитан Литвинов каждые три часа проверяет своих гвардейцев, стоящих с примкнутыми штыками у меня тут за дверью. Мне кажется, я слышала голос. – Кого? – Адмирала. – Кого еще? – Да самого графа Алексея Орлова... Смеясь, оживленно переговариваясь, они пришли мимо моей каюты. Я оторопела: «Как это можно? Граф тоже ведь взят под стражу, тоже в тюрьме. Как он в то же самое время может быть в другом месте?»..

После этого мне прислали поднос с фруктами, яствами, шампанского, портвейна из Бордо. Я все это отвергла... сказали, это от адмирала... Потом принесли французские книги, что заставило меня призадуматься о происходящем... неужто граф Алексей Орлов не под стражей, как я, не в тюрьме? Или это мне только так кажется?.. Я истомлена, потрясена до глубины души, мне плохо; отчего так ненавидит меня императрица?

Кто-то стучится в дверь? – Кто там, сама императрица? – Входите, пожалуйста. – А входит кто-то другой в виде виде-

ния... Но тоже императрица, и тоже Вторая – не Екатерина, а Елисавета... Что это – раздвоение личности?...

ЕЛИСАВЕТА ВТОРАЯ, *обращаясь к ней* – Княжне Таракановой. Ну что – сидишь, ваша светлость?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Сижу, Ваше Величество.

ЕЛИСАВЕТА ВТОРАЯ. Не знаешь вины? А ведь претендуешь на российский престол.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Это вам хорошо, вы давно уже императрица Елисавета Вторая, а мы – люди маленькие. Я-то всего княжна, какая-то Тараканова. Если верить обряду, свершенному священником тут, на корабле, я еще и графиня – жена графа Алексея Орлова.

ЕЛИЗАВЕТА ВТОРАЯ. Отчего нас с тобой ненавидит царствующая императрица Екатерина Вторая, знаешь?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Как отчего? Она же при власти, держит себя во власти. А мы с тобой только по крови императрицы, от матери нашей – Елисаветы, мы все трое – родная кровинка Петра...

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ. (Являясь). Почему трое – двое: я и ты, Елисавета Первая и Елисавета Вторая.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А меня куда денешь – Княжну Тараканову? Я и есть третья.

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ. Как куда девать? А в тюрьму, в Шлиссельбург, вернее, в Петропавловскую крепость, в самый страшный застенок в крепости – Алексеевский рavelин.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*покрываясь то жаром, то холодом*). А откуда это тебя известно, мама?

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ. Не зови меня так, это для простолюдинов. А ты моя дочь – настоящая, дитя любви, тайная дочь от графа Алексея Разумовского...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Что ж я – дважды графиня уже, еще и по отцу?

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ (*переходя незаметно в Елисавету Вторую*). Это нам ничего не стоит. Как в картине итальянца Пьячетти мы с тобой, как две капли воды...

ЕЛИСАВЕТА ВТОРАЯ. Ну вот. В облике Первой мне было легче. Все определено, я – русская императрица, в руках моих власть. А тут не знаешь, за что ухватиться. И тут нет прав – но все-таки дочь, Княжна Тараканова, и там нет прав – на собственную мать, императрицу Елисавету... А все это гвардейские офицеры, братья Орловы, напутали. Теперь даже этот мудрец светлейший Потемкин никак не разберется...

Обе Елизаветы, одна за другой, выскользывают в приоткрытую дверь, потихоньку уходят. Княжна Тараканова остается одна. В щель неусыпно глядят глаза часового.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*приходя в себя, часовому*). Они приходили, ушли?

ЧАСОВОЙ (*вытянувшись в струнку*). Не могу знать!.. Кто они?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*подавая ему апельсин*). Ну эти – мать с дочерью, Елисавета Первая и Елисавета Вторая.

ЧАСОВОЙ (*помягче, не спуская глаз с апельсина*). А это что, мадам, такое яблоко?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*раздраженно*). Яблоко, яблоко (*нетерпеливо*). Ну что – они приходили?

ЧАСОВОЙ (*оглядчиво*). Яволь, приходили... камрады...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А чего это ты по-немецки?

ЧАСОВОЙ. Граф – голландец у нас, графу отдана наша деревня.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*настойчиво*). И кто же эти голландцы, что сюда приходили? Вот они-то и принесли эти китайские яблоки.

ЧАСОВОЙ (*застыв снова, как истукан*). Не могу знать. Не велено говорить... Адмирал был... адми...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А еще, кто с ним?.. Кто еще?..

Дверь захлопывается: смена караула... Княжна Тараканова выталкивает ногой французскую книгу под дверь.

Пауза. Княжна Тараканова лежит без движения. Встает, в задумчивости приподнимает и опускает нож и стакан. Приподнимает и опускает – стакан, нож, вилку.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*В слух, вполне осознанно*). И что там сейчас, в Санкт-Петербурге, куда корабль неуклонно стремится? Каково в Шлиссельбурге, а точнее – в Петропавловской крепости, куда собираются меня заточить? И зачем только мой дед Петр Первый заложил этот город, построил Петропавловскую крепость: чтобы прорубить «окно в Европу»? Почему потом такие вот крепости при городах становятся тюрьмами? Что за жестокость, почти непреложное правило, прямо-таки языческий ритуал...

Хочу представить себе моего деда – Петра Первого – справедливым, любящим отцом, человеком, а не получается. Все какая-то секира висит у него на плече, еще от стрелецких казней. Столица стоит на болотах, построена, говорят, на костях человеческих. А ведь все задумывалось не так. Говорят, царь Петр, начиная, брал пример с Александра Македонского, с Александрии, где, строя библиотеку у Форосского маяка, за вход в гавань брали по книге с каждого корабля. Скопилась книг уйма, такие знания! Если бы Цезарь не сжег Александрийскую библиотеку, а затем огня не добавили персы, что было бы со всеми людьми, с человечеством?

Мой дед – император поставил у Въезда в город полосатый шлагбаум. Перед каждой телегой обычно возникал голос:

– Въезжаешь в новую столицу? Плати.

– С каждой телеги – по камню...

Из камней и построен город Санкт-Петербург. Почти нет травы, мало деревьев. Камень на камне, по набережным и дворцам.

Мать моя – родная кровинка Петра, его царствующая дочь пробывли императрицей не так уж и долго, чтобы выносить, а тем более воплотить какие-либо дерзновенные замыслы. Единственное, что началось с нее – это правление женщин под разными именами... А что бы сделала ты, Елисавета Вторая... нет, ты, Княжна Тараканова... о Господи, помоги, Боже! Опять начинает путаться мысль... Кто я и что я, и для чего существую? Для какой такой цели высокой рождена была та самая девочка в «красной шапочке», попав в такие створы реки человеческой, так тяжело течет твоя царская, державная кровь...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*стуча кулачком своим в дверь*).
Эй, капитан! Гвардии капитан Литвинов! Вы меня слышите? Подойдите ко мне... Вас приглашает ваша императрица, да, императрица! Елизавета Вторая... Как вы думаете, капитан, чем бы встречали корабль «Три Иерарха» в Санкт-Петербурге, если бы это была моя мать – сама Елисавета Первая? Пущечной палубой?.. А чем должны встречать корабли в городе моего деда Петра, меня – его родную кровинку? Что брать за въезд с меня – камни, французские книги?.. Так вот же, вот она вам, эта моя книга французская...

Ах, Франция! Она все сеет крамолу. Но сеет и такие семена, как «либерте, егалите, фратерните» (свобода, равенство и братство)... ну не везти же, как только причалите, меня – вашу возможную императрицу, внучку Петрову, с корабля на бал... а бал будет где – в Шлиссельбурге?..

ГОЛОС ОТКУДА-ТО СВЫШЕ. В Петропавловской крепости, в самом страшном месте ее – в Алексеевском рavelине.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Алексей – божий человек, имя такое, божье и человеческое. Как же можно было так называть рavelин?.. Часовой!.. Часовой!..

ЧАСОВОЙ (*в приоткрытую дверь*). Ты, братец, хоть знаешь, что такое «свобода»? А «равенство»?

ЧАСОВОЙ (*не моргнув глазом*). Не можем знать! Не положено разговаривать!

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Откуда хоть ты, из каких мест, деревня?

ЧАСОВОЙ. Мы – орлы! Мы – на гербе висим! Государыня наша – Орлея!

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Так она же немка.

ЧАСОВОЙ. А русскую душу постигла. Голову Орлу развернула в разные стороны – на день и ночь, на восход и закат.

Сцена вторая

Подмосковное Коломенское, затем купленное у князя Кантемира село Черная Грязь, переименованное в Царицыно, нечто вроде Царского Села, что под Санкт-Петербургом.

Сюда же, в Коломенское, а затем в Царицыно, на лето 1755 года, перебралась Екатерина Великая, скрываясь от столичной суеты и «треклятых» вопросов: что предпринимать относительно разгромленной ее полководцами Турции? Как и чем гасить запоздалые вопли по поводу казни Пугачева – этого самозванца, якобы Петра Третьего? Наконец, захваченной где-то в Ливорно таинственной Княжны Таракановой – якобы претендентки на российский престол, отвечать за всю гнусность содержания княжны в казематах Санкт-Петербурга.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (в своем новом, наскоро выстроенном двухэтажном деревянном дворце, любясь из окон деревенскими видами. Вслух). Какие обширные, глубокие пруды! Не тронутые косой цветущие луга! Как безоблачно небо, ясное солнце! Ласточки, запахи сена. Как привольно и хорошо...

Вот сижу в белом пудромантеле и в запросто причесанных волосах, в верхней рабочей одежде, делаю наброски своих царских указов, пишу письма парижскому философу и публицисту барону Гримму. К сожалению, слуги дают мне не более двух перьев в день. Не могу равнодушно видеть клочка чистой бумаги и хорошо очиненного пера, чтоб не присесть, не поддаться бесу бумагомарания.

Всегда при мне эти крохотные собачки с умными мордочками и уморительно постриженными хвостами. Этих собачек зовут сэр Том Андерсен и его супруга во втором браке леди Мими, или герцогиня Андерсен.

Господин Гримм! Описываю вам подробно. У собачек моих верноподданных – особые, мелкие тьюфячки и шелковые одеяльца, стеганные на вате мною самой. Том с удовольствием разглядывает окрестности, опираясь на подоконник, его супруге тоже по душе верхи московских колоколен.

Читаю, барон, из только что написанного вам: «Я люблю нераспаханные, новые страны! И, по совести, чувствую, что я годна только там, где не все еще обделано и искажено».

В сторону (прочитав последние допросы самозванца Пугачева). Каков негодяй! Природа человеческая неисповедима. Когда его четвертовали? – кажется, в январе. А вот донесение

уже в мае. В Кронштадт прибыла эскадра Грейга с Княжной Таракановой, этой авантюрьерой. Переписку с Орловым я послала. Петербургскому главнокомандующему князю Голицыну с приказом: «Сняв тайно с кораблей доставленных вожиров, учинить им строгий допрос...»

Вслух. Да, сэръ Том? Мы с тобой учиним этой авантюрьере строгий допрос? Да, госпожа Мими? Мы все втроем проведем тщательное расследование? Нечего клепать на себя чужое имя да еще претендовать на основы основ – на власть, на наш российский престол...

В сторону, про себя. Князь Александр Михайлович Голицын получил фельдмаршала от меня за войну с турками, однако разбит был Фридрихом Великим. Добродушный, скромный, правдивый человек, насколько это возможно, чуждый придворных происков. Его при дворе искренне любят и уважают...

Так вот, пусть он призовет преображенского офицера Толстого, возьмет с него клятву молчания и прикажет отправиться в Кронштадт. Примет там арестантку, которую ему укажут, и бережно, бережно (!) сдаст ее обер-коменданту Петропавловской крепости Андрею Гавриловичу Чернышову.

И случиться это должно ночью с двадцать четвертого на двадцать пятое мая. Офицер Толстой пусть отправится в особо оснащенной яхте, а обер-комендант Чернышов примет пленницу и поместит ее наскоро в комнаты под своей комендантской квартирой, потом переведет в Алексеевский рavelин. Чтоб и муха к ней туда со стороны не влетела...

Вот бумаг сколько от Голицына, главнокомандующего! Прямо-таки закидал ими свою императрицу. А ведь писать-то зело ленив, к бумаге и не присядет, только подпись Голицына. Это все строчит его секретарь Ушаков, знаю, знаю, больно прыток. Вертлявый пузан. Уже приготовил подробные выписки на мои вопросы об этой авантюрьере. Что же, императрица вот пишет, а Главнокомандующий ленив, к бумаге и не притронется? Однако, справедливости ради, следует сказать, что выдержки, составленные Ушаковым, обдумывает сам Алек-

сандр Михайлович. Ничего не скажешь, точные вопросы, доказательные статьи. Государственный ум, напускная важность осанки – так не идет все это к его добродушным чертам.

Вот что составил за него Ушаков, а можно за этим видеть самого князя Голицына. Его, видите ли, смущают вести о том, что на пути в Санкт-Петербург арестантка едва не сбежала... Где-то, кажется, в английском порту Плимут, она бросилась вдруг на прогулке за борт, в какую-то, очевидно, ее ожидавшую шлюпку. И эту особу среди ее воплей и стонов удалось-таки водворить на корабль. И теперь князь обеспокоен тем, как бы кто-либо опять не вздумал ее освободить. Однако из Алексеевского равелина, еще никто не сбежал...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. *Вслух.* Сэр Том! Никто не сбежал, как ты думаешь?

Собачка тявкает дважды.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Поняла тебя, поняла. За себя и за леди Мими... А вот у меня, сэр Том, нет супруга. Некому тявкнуть. Сама несу свой крест. А вот еще одно донесение.

Сообщает князь Голицын после первых допросов.

Узница не отвергает, что ее зовут и даже считают всероссийской великой княжной. Более того, ею заявлено, что она, в силу своего детства и прошлого, привыкла считать себя тем лицом, о котором говорят найденные у нее будто бы завещание императора Петра Первого в пользу бывшей императрицы Елисаветы и будто бы завещание Елисаветы в пользу ее дочери...

Входит князь Потемкин – сановник, заменивший Григория Орлова при ней, императрице.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вскакивая в ярости*). Каково ее письмо на имя государыни, на мое имя! *Voilla une fieffié sapaille!* (франц). Вот отъявленная негодяйка!).

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*галантно изгибаясь*). О ком, матушка, вы изволите? И о чем?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Все о той же, итальянской побродяжке, о претендентке на наш российский престол.

ПОТЕМКИН (*смягчившись*). Несчастливая женщина, жертва этого графа Орлова.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*швыряя ему пачку французских, немецких газет*). Взгляните, что они пишут об этой вашей несчастной жертве графа Орлова!

Пауза. Сопенье сановника, шелест газет.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. (*Потемкину, нетерпеливо*). Ну, что?

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Непостижимо, Сколько сплетен, сколько всяких интриг. Одно ясно: против России.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Мне все ясно. Лгунья! Второе издание самозванца – маркиза Пугачева. В женском обличье... Да, да! А вот и еще одно донесение от князя Голицына. Плодовит же этот его секретарь Ушаков!

«Государыня! По вашему наставлению, мы поубавили тону этой авантюрьере. Сказали, что по извещению английского посла она, по всей видимости, не принцесса, а дочь трактирщика из Праги. Так арестантка вышла из себя!

«Дайте мне сюда его, – кричит, – кто меня так поносит! Я ему выцарапаю глаза!..»

Сомнение впервые посетили ее. Неужели, говорит, придется мне под давлением отказаться от своих убеждений? Нет, не будет этого! Я все превозмогу, устою!»

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*Потемкину*). Советовала им: дайте ей скудную пищу – не помогло. Ни просьбы, ни угрозы лишить ее собственной одежды, дневного света и одеть в острожное платье – тоже не вынудили раскаянья...

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*увещевательным тоном*). Ну, матушка, матушка-государыня. Ну, это же крайности, зачем вам это?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*не выходя из гневного состояния*). Вот упорство какое! А вы говорите – слабая женщина. Принялась еще и обольщать этого старика Голицына. Вот пишет: «... кричит, заклинает именем милосердного бога, мол, умоляю, не мучьте, сжальтесь надо мной».

И тут князь забыл мое поручение. Принялся ее утешать.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Да что ж он палач, что ли? Конечно, и я не знаю, как бы повел на его месте. Тем более, видите, пи-

шет о чем? Она говорит, «я беременна, погибну ведь не одна... отошлите меня, куда знаете, к самоедам, опять же в сибирские льды, в монастырь отпустите, но клянусь, я ни в чем не повинна. Я какой родилась, такой себя и представляю...»

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*перебив его неожиданно потоком собственных мыслей*). Слушайте, князь. Ну, и кто отец ожидаемого ею дитяти?

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Кто же? Граф Алексей Орлов.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вы вот, князь, не сомневаетесь. А этот Голицын высказал ей свои сомнения по этому поводу. Не стыдно ли так отвечать, мол, мне, старику, – доверенному лицу государыни? А она все кричит в исступлении: «Нет, не стыдно! Я говорю правду, как перед Богом! Свидетели тому – адмирал, офицеры, весь флот, все Ливорно, весь юг Италии... на сем князь Голицын и прекратил допрос.

Какая дерзкая тварь! Как изворачивается! Новое издание, выставленное поляками, этого Пугачева!.. Нагло клеветает...

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*убавляя тону*). Матушка, матушка! Государыня! Вы же тоже женщина, мать. И она может быть слабой, доверчивой женщиной, которую так легко увлечь, обмануть... Молода, а этот Орлов какой в этом опыт имеет...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вспыхнув*). Какой опыт! О чем вы говорите, князь? Не бросайте в краску свою императрицу... Впрочем, граф Алексей Григорьевич Орлов скоро придет сюда. Пусть придет, дам ему аудиенцию. Пусть объяснит поподробнее об этой арестованной им якобы Елисавете – претендентке на трон, а мы тут послушаем его, посмотрим, как он будет перед нами изворачиваться...

А вы, князь, тоже начеку будьте. В рыцарской защите женщин не забывайте главного – спокойствия государства. Мало мы с вами пережили в недавний бунт – пугачевщину. Этой авантюрьеры нам еще не хватало.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Матушка – государыня, вы, как всегда и во всем, прозорливы.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вот и пошлем письмо Голицыну Александру Михайловичу: пусть отнимет у арестантки из-

лишнее, переоденет в тюремное платье, удалит горничную и приставит к ней одного для бессменного надзора, даже двух часовых для надежности.

Сцена третья

Там же, в подмосковном Царицыно. Екатерина Вторая и дальше обустроивает новое приобретение тайными знаками европейского свойства, которые появились после царя Петра, пробившего «окно в Европу», кое-где уже и в Москве. «Скоро цыгане, евреи потоком хлынут», – следит императрица за их продвижением по Европе. А между тем, пишет Вольтеру во Францию в своем тоне первые письма, рассчитывая в будущем купить через него библиотеку Дидро.

Екатерина Вторая сидит все там же со своими собачками – сэром Томом и его супругой Мими. Остро отточенное перо отложено в сторону. Входит князь Потемкин – нынешний фаворит, заменил Григория Орлова.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (рассуждая вслух, князю). Нет, вы только подумайте! Сломлена Турция, Пугачев пойман и казнен принародно... а эта хворая, едва дышащая женщина, эта искательница новых титулов и богатств, ни в чем не сознается. Даже грозит мне, императрице, из подземелья, из своей крысиной норы...

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (мрачно, без всякой энергии). Плохо, матушка-государыня, связались мы с этим Орловым.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Да это, князь, припадок у вас вашей обычной хандры.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Нет, матушка. Христенек мне рассказал подробности ареста этой княжны. Каким образом Орлов заманил на корабль указанное ему лицо – с помощью предательства, венчания с этой, с вашего позволения, мадам... с этой «авантюрьерой»...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (раздраженно). Да знаю, знаю! Мне тоже это известно, из достоверных источников. Через мою камер-юнгферу Перекусихину. (Уже мягче Потемкину). Сначала я даже не поверила, резко выговорила своей

камеристке... Как это можно, через венчанье, вы только подумайте...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*презрительно, шепотом*). Недаром его зовут палачом... Скажет потом когда-нибудь, мол, пересослил из усердия... Впрочем, надо поправить дело. Эта потерянная – без роду и племени – игрушка в руках злонамеренных. У него же она будет бессильна. И ей, продававшей в Праге пиво... пельзенское пиво, да, князь?..

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*довольный*). Да, матушка, пельзенское пиво.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Так вот, ей продававшей пиво в Праге, чем не пара этот русский сановник, граф? Так говорит, князь, твоя императрица?

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*тихо, внутренне радуясь такому повороту мыслей в государыне*). Так, матушка, еще бы, конечно, так.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Завтра, князь, едем в Москву.

Москва. Китай-город. Архив коллегии иностранных дел. Начальник архива академик Миллер.

Входит Екатерина Вторая, низко кланяется ему.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*бросаясь к императрице*). Что вы, что вы, государыня! Зачем вы так к моей скромной персоне?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Как это скромной? Да вашу личность полмира знает, а уж Россия вся – это точно. Вы – автор «Опыта новой истории России», «Описания Сибирского царства», издатель академических «Ежемесячных сочинений», путешественник и историограф. Давно занимаюсь отечественной историей, сама не раз читала ваши сочинения, беседовала о них с другими учеными... Видите, сколько тут у вас старинных свитков, целая библиотека – не счастье...

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*склоняясь перед императрицей*). Екатерина Петровна, позвольте вас провести в свои скромные комнаты, где я живу. Пройдите за эту стеклянную дверь, к цветам моим и канарейкам.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*оживленно, следя за ним*). Да уж слышана про ваши художества в этой области, особо про

певчих птиц. Попугаи у вас не кричат: «Виват, царица!» Как у графа Орлова?...

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Попугаев не держим, болтливы слишком, память у них хорошая... (*Приоткрывая дверь в заветную комнату*). Вы сюда загляните: окна распахнуты, но завешены сетью. Птицы наши живут на свободе, летают, когда им вдумается...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*улыбнувшись, игриво*). Да, но не куда им вдумается, так?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Да уж не в Шлиссельбурге тут у нас.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*помрачнев как-то сразу*). Тем более, не Петропавловская крепость, не Алексеевский рavelин, разве не так?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*поспешно, целуя руку императрицы*). Простите меня, государыня! Что не так сказал. Огрубел тут, очертенел среди этого рая: роза и мирта. Канарские и мальтийские птицы...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Где, где мальтийцы? Вы держите их особо от всех?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*словно не расслышав ее*). Смотрите, какие розы и гелиотропы...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Как вошены полы, ровно зеркало. *Остановив засуетившуюся прислугу, пройдя в помещение ко всем этим розам и галиотропам, Екатерина Вторая, вспоминает вдруг неожиданно:*

– Я к вам, Герард Федорович, с просьбой.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*изогнувшись, дугой перед ней*). Слушаюсь, Ваше Величество. Чего изволите, Ваше Величество. Приказывайте, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*разулыбавшись*). Вы имеете данные и вполне убеждены в том, что на московском престоле царствовал не самозванец Гришка Отрепьев, а настоящий царевич Димитрий? Вы говорили о том... английскому путешественнику Коксу.

Улыбка съехала с лица академика, Миллер неожиданно и глубоко призадумался.

Императрица села, попросила сесть и его.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*после обмена любезностями и формальных вопросов о состоянии здоровья*). Вы обладаете изумительной памятью, так прозорливы при чтении и сличении летописей, для меня это важно... Не бойтесь. нас никто не услышит... Правда ли, что доводы к обвинению самозванца слишком слабы, даже ничтожны?

Миллер задумался. Седые волосы на висках его странно торчат, толстые, добрые губы, только что сосавшие янтарный чубук, бессознательно шевелятся.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*несмело*). Правда. Но это, простите, мое личное мнение.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Если так, то почему бы его не огласить?

Пауза. Академики усиленно трет то виски, то затылок, растерянно оглядываясь и подбирая упорно складки камзола.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*наконец-то собравшись с духом*). Я прочел розыск Василия Шуйского в Угличе. Он производил следствие по поручению Годунова и имел расчет угодить Борису, привезя ему сказки лишь тех, кто утверждал мысль об убийении истинного царевича. Другие, неприятные для Годунова, следы он, очевидно, скрыл.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*живо*). Какие?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Погиб другой, а мнимоубитый скрылся. Вспомните, ведь этот следователь Шуйский сам же потом признал всенародно возвратившегося цесаревича Дмитрия.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вставая*). Довод веский. Недаром генерал – фельдмаршал Потемкин, большой любитель истории, советует все это напечатать... Конечно, если вы, академик, в этом убеждены.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. *В сторону*. Откровенен. Как и подобает философу. *Вслух*. Хорошо. (*Присаживаясь опять*). Не будем тревожить мертвых, поговорим о живых. Генерал Потемкин, надеюсь, доставил вам список с допроса наглой претендентки, о поминке которой вы до того, вероятно, уж слышали?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Доставил.

Продолжая искать глазами очки, которые у него на лбу.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Что вы скажете об этой достойной сестре маркиза Пугачева?

Миллер, косясь за стеклянную дверь, где повис на ветке любимый им дрозд с перебинтованной ногой.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*рассеянно*). Как вы сказали – что-то о русской принцессе? Прочтя ее бумаги, я понял, что она плохо училась, мадам, русской истории... Воля монархини – важный указатель. Но есть другая, не менее высшая власть – Россия... Я лютеранин, а тело признанного Дмитрия покоится в Кремлевском соборе... Что случилось бы с моими изысканиями, если бы я дерзнул доказывать, что на московском престоле был не Гришка Отрепьев, а настоящий царевич Димитрий?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*настойчиво*). Так я говорю о претендентке.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. В плохом знании ее по русской истории, впрочем, более виноваты ее учителя.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Так вы полагаете, что в ее сказке есть доля истины? Допускаете, что у императрицы Елисаветы могла быть дочь, подобная этой и скрытая ею от всех?

Миллер хотел сказать что-то об одном таинственном, высокородном, молодом человеке, путешествующем под чужим именем в чужих краях, но, смутившись, уставился в свой стеклянный птичник, в дрозда со сломанной ногой и смолк, неподвижно глядя за стеклянную дверь.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*помягче уже, как-то женственнее, по-матерински*). Конечно, покойный Разумовский был добрый человек, хотя и тайно состоял в законном браке с Елисаветой... Однако отчего такое забвение природы, бессердечный отказ от родной дочери?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*глубоко вздохнув*). То был один век, теперь другой. Нравы меняются. И если новые Шуйские-Шуваловы столько лет могли держать в одиночном заключении неугодного им принца Иоанна, объявленном в детстве

императором, что же удивительного, если из той же жажды влияния и власти, они, на всякий случай, припрятали и другого младенца, эту несчастную княжну?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*настойчиво*). Но вы, Герард Федорович, забываете главное – мать! Как могла снести это императрица? У нее, нельзя этого отрицать, было доброе сердце... При том речь шла не о чужом дитяти, как царь Иванушка, а о родной дочери от законного, хоть и тайного брака.

Пауза. Размышленья с обеих сторон.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*собравшись с мыслями*). Дело простое. Ни Елисавета, ни Разумовский тут не при чем. Интрига действовала не на мать, а на государыню... Ей, без сомнения, были представлены важные резоны, и она согласилась... Тайную дочь спрятали, услали на юг, потом за Урал. В бумагах княжны говорится о яде, о бегстве из Сибири в Персию, потом в Германию и Францию... Новые Шуйские повторяли старую трагедию! Охраняя будто бы государыню, они готовили, между тем, появление, опять-таки на всякий случай, нового, ими же спасенного цесаревича, выходца с того света.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Помню, помню, в одном из писем Орлова содержится намек о русском вояжире, а именно об Иване Шувалове, а может, еще и ком-то, который тогда все еще находился в тех чуждых краях.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вставая*). С вами, Герард Федорович, не наговорись... Ваша память – бесценный архив, а русская история, как и сама Россия, прелюбопытная, непочатая страна... Приезжайте ко мне в Царицыно, Гримм прислал мне пару прехорошеньких кокаду. Один из них все кричит: «On est ba verité?» – «где правда?» А другой помалкивает. Какой умнее?..

Сцена четвертая

Подмосковное Царицыно – новое владение императрицы Екатерины Второй.

Появляется граф Алексей Григорьевич Орлов – бывший фаворит императрицы, победитель сражения при Чесме.

Алексей Орлов не узнает двора: с новыми лицами – новые порядки. Сразу бывшего фаворита не принимают: Ее Величество временно недомогает.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. *В сторону.* Действительно, новые времена – новые нравы. Но как все-таки добиться аудиенции? Пожалуй, надо обратиться к новому светиле – к князю Потемкину. Тот принял, сказав значительную фразу, пожалуй, даже очень значительную: «Нынче все, граф, без меры, через край!» Это, пожалуй, к тебе, Алексей. Ты со своим венчаньем, действительно, вылез некстати, нашкодил, братец.

Наутро граф Орлов был принят государыней.

Императрица как раз купала своих собачек. Мистер Том Андерсон только что вынут из ванночки, вытерт и уже греется в чепчике, под одеялом. А миссис Мими, его супруга, еще находится в ванночке.

Екатерина Вторая держит наготове чепчик и одеяльце. Перекусихина, в переднике, с засученными рукавами, усердно трет собачку губкой с мылом.

Появляется граф Алексей Орлов. Мими, увидев графа – такого огромного, глазастого, незнакомого – неистово лает на него из-под руки камеристки.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*кивнув Орлову, шутливо*). С воды – к воде. Добро пожаловать, граф. Сейчас мы будем готовы.

Садясь сама и указав стул Орлову.

ОНА. О друзьях, граф, первая забота. Так на чем мы с вами остановились: на Турции или на Италии?

ОН. На Италии, пожалуй!

ОНА (*доставая табакерку и медленно нюхая из нее*). А вы, батюшка, Алексей Григорьевич, пересолили.

ОН (*обеспокоенно*). В чем, Ваше Величество?

ОНА (*шутливо, пальцем ему*).

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*В сторону*). Шутит вроде, а мороз по коже. Недобрая, знакомая черта: злится. Круглый и плотный подбородок монархини слегка вздрагивает.

Вслух, засмеясь. Чем же вас, матушка-государыня, я прогневал?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Как же, как же, сударь... уж право, вы чересчур.

Глаза императрицы забежали: граф Орлов беспомощно огляделся, как бы ища подсказки со стороны.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*продолжая*). Ведь пленница-то наша – слышали вы? Скоро сам – друг...

ГРАФ ОРЛОВ (*В сторону*). Пропал, окончательно погиб, как генерал-майор Нагиб. Помяни, господи, царя Давида.

Вслух. От кого?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вам бы в Питер отправиться да свидеться с пленницей, к торжеству мира возвратиться бы женихом.

Поморщась, Орлов опускается на колено, целует протянутую ему руку и молча выходит. Аудиенция окончена.

ПРИДВОРНЫЕ (*за порогом*). Ну что, как государыня?

ГРАФ ОРЛОВ (*сдержанно*). Удостоен особого приглашения на торжество мира. Еду пока в Петербург.

Под предлогом свидания с братом – Григорием Орловым – Алексей собирается и выезжает в Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург – официальная столица России. Петропавловская крепость, Алексеевский рavelин. В камере-одиночке Княжна Тараканова.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. *В сторону, про себя.* С тех пор, как вставлена сюда, влачу в крепости жалкие, тяжкие дни. Острый, с кровохарканьем и лихорадкой, кашель переходит, на мой взгляд, в быстротечную чахотку.

Вслух. Между тем, фельдмаршал Голицын, появляясь, все учиняет допросы, чем бросает меня в неопикуемый гнев... В самом деле, какое право они имеют так поступать со мной, Великой Княжной? Какой повод я подаю к такому обращению?..

Про себя, в сторону. Фельдмаршал, а воюет со мной, слабой женщиной. Валит все на других. То говорит: «Предписание свыше, монарший приказ!» А то, мол, этот письмоводитель Ушаков,

он плодит кучу дел, изобретает новые доказательные статьи, водит за нос его, добряка, – князя Голицына... Князь говорит, Ушаков собирается на сбереженья от содержания арестантки прикупить себя новый домик к бывшему уже у него дому на Гороховой улице...

В очередной раз перед ней предстает князь Голицын.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*доставая платочек и вытирая уголки губ*). С чем пришли, мой фельмаршал? Какие предъявляете мне новые доказательства, Александр Михайлович?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Да вот, те же все: найденные в ваших бумагах подложные завещания.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Еще раз клянусь всемогущим Богом, не я составляла эти несчастные бумаги.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Но вы их собственноручно списали?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Может быть, это меня занимало.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Так вы не хотите признаться?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. В чем? В том, что меня предали, схватили обманом?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*В сторону*). Вот бесы к кому поселились в душу! Говори с таким камнем... Пишут, принять строгие меры. Попробовать, что ли?..

Вслух (вздыхая и почесывая переносицу). Ввиду вашего запирательства мне приказано отобрать у вас все, кроме необходимой одежды и постели... Лишить чтения книг... Держать на пище прочих арестантов...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А граф Алексей Григорьевич Орлов – мой венчаный муж, что с ним, Александр Михайлович? У меня от него будет ребенок.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*махнув рукой*). А-а, граф этот... братья Орловы... оба не в милости у государыни... нечего вам о них беспокоиться.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. В следующий раз зовите меня графиней Орловой, ваше сиятельство.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Оставайтесь лучше княжной, мы одного титула с вами, княжна.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Вы, князь, гол, как сокол. А я с тараканами дело имею, Княжна Тараканова.

Закашлявшись, вытирает платочком уголки губ.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*жалючи*). Не надо себя расстраивать так, княжна. Надо смириться с судьбой, и станет легче. Разберутся во всем, всем станет хорошо. И прежде всего нашей государыне, и вам, княжна, откроются врата к государыне.

Княжна тяжело дышит. Пауза.

Там же, через какое-то время. Те же.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*продолжая*). Покайтесь, мне жаль вас, иначе помилования вам не дождаться.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Приставили двух часовых. Торчат день и ночь тут в камере. Не спускают глаз... нечем дышать, господин фельдмаршал, уберите ваших солдат...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Одумайтесь, ваше сиятельство.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*закашлявшись*). Бог свидетель, мои страдания падут на головы мучителей.

На другой день опять появляется Ушаков – письмоводитель князя Голицына.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ УШАКОВ (*подкладывая газетку*). Еще один опыт, изволите увидеть, княжна.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Какой еще опыт?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ УШАКОВ. Вот предписывают: грубая сермяга вам, на ваши нежные плечи. Это вместо венецианского ночного шелкового пеньюара...

Письмоводитель уходит. Княжна Тараканова читает французскую газетку.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*вслух*). Несвежая газетка-то, из тех времен, когда Средиземноморская эскадра, держа путь в Петербург, оказалась у берегов Голландии, где корабли запасались водой и провизией. Ну-ка что тут писали тогда? Вот о русских, о графе Алексее Орлове... Негодяй какой! Он устроил ей это венчание на «Трех Иерархах», чтобы заманить ее на корабль. Притворялся влюбленным. Каков артист – глаза сияли, голос смягчался! Так, оказывается, каждый раз, как только добиться захочет чего-нибудь в жизни, переступил через жен-

щину, подлец! И я ношу дитя от него... Я уж привыкла к нему, к мыслям о нем, что он тоже страдает, думала, может, у него усилились неприятности из-за меня. И вот этот удар, я просто не переживу... Но нет! Ни измена этого негодяя, ни арест по его вине, ни само заключение в эту крепость не изменят моих убеждений, не отберут у меня моих прав! Смерть близится. Матерь Божия! Кто придаст сил, вразумит и спасет меня... от всех ужасов этой тюрьмы?..

Там же, в Петербурге, у Петропавловской крепости. Подъезжает карета с опущенными занавесками, из нее у комендантского крыльца выходит граф Алексей Орлов.

ЧЕРНЫШЕВ АНДРЕЙ ГАВРИЛОВИЧ – ОБЕР-КОМЕНДАНТ КРЕПОСТИ (*встречая Орлова*). Ваше сиятельство, плоха, уж плоха. Особенно в связи с этой сыростью. Вчера умоляла дать ей собственную одежду – уважили... Пройдите сюда, граф, со мной в Алексеевский рavelин...

Часовых вызвать из комнаты княжны! Граф, войдите туда, можно без провожатых, а я тут останусь, за дверью.

Граф Алексей Орлов входит в камеру. Железные решетки на окнах, два стула и небольшой стол. На столе несколько книг, прикрытая полотенцем миска с нетронутой едой. Направо ширма, под ситцевым пологом, железная кровать.

На кровати в белом чепце, прикрытая поношенной бархатной шубкой лежит бледная до неузнаваемости, полумертвая женщина.

КНЯЗЬ ОРЛОВ (*в сторону, в ужасе*). Неужто она? Недавно еще обворожительная красавица, с пышными волосами, с нежным румянцем... Эта поездка в Ливорно, пир на «Трех Иерархах»... Переодетые в церковные ризы Рибас и Христенек... Зачем тогда я разыграл с ней эту комедию? Она ведь была уже на корабле... Писал тогда ей на немецком: «Как только получу свободу, буду вас, княжна, искать по всему белому свету... найду и буду вечно служить вам, охранять...» Зачем я ей это писал?..

Прядь светло-русых волос выбивается у нее из-под чепца.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*очнувшись, уставив в него своим бездонными глазами, с трудом узнавая его*). Вы? Это вы?.. *Dia volo!* У меня, в этой комнате, чудовище... призрак...

Княжна откидывает голову, теряя сознание.

Граф Орлов стоит перед ней неподвижно.

Сцена пятая (продолжение)

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*поднимаясь с постели*). Замучили, все спрашиваете, кто я?.. Живу на свете, может, последние дни, даже часы и продолжаю твердить одно: ничтожный раб! Я – дочь твоей былой царицы. Слышь ли ты, подлый раб, я прирожденная ваша Великая Княжна...

ГРАФ ОРЛОВ (*припав перед ней на колени*). Ваше высочество! Ваше Величество!.. Элиз! Простите меня, клянусь, я глубоко виноват...

Зажав под мышкой треснувший треугол, граф Орлов бежит с камендантского крыльца Петропавловской крепости, садится в карету.

– К генерал-прокурору!

Сдержанно, в полнейшем самообладании – граф Алексей Орлов входит к князю Вяземскому Александру Алексеевичу. На столе горящие свечи. Орлов, чувствуя некоторую дрожь в теле, потирает руки.

ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР. Прошу садиться, граф. Что – озябли?

ГРАФ ОРЛОВ. Да что-то холодновато.

Князь Вяземский подает слугам знак, те приносят красивые графин и корзину с имбирными бисквитами.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ (*наливая душистого ликеру*). Откушайте, граф... Ну, что наша самозванка?

ГРАФ ОРЛОВ. Много с ней возятся, нужны бы иные меры.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Какие, батенька, меры? Она при последних днях... не придушить же ее.

ГРАФ ОРЛОВ (*опуская бисквит в следующую рюмку ликера*). Жалеть таких.

ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР (*глядя на Орлова из-за зеленого абажура. В сторону*). Это же убийца в душе! У него это сделалось скверной привычкой!

Вслух (шевелив густыми, кустоватыми бровями). А вам, граф, известны показания арестантки на ваш счет?

Из рук Орлова валится недоодеанный бисквит.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Не могут не удивить эти переодевания с ризами на вверенном вам корабле.

Граф Алексей Орлов выходит от Генерал-прокурора.

КНЯЗЬ ОРЛОВ (*тяжко вздохнув, о себе*). Старый ты, никому уже не нужный хлам! Остается желать одного: чтобы оставили в покое... Все, твоя летопись заканчивается! Очевидно, скоро окажусь на самом дне реки. В люк где-нибудь спустят, в Москву-реку, или куда подальше. Состарились мы, вышли из моды, надо новым давать пути, генерал.

Утром следующего дня, прежде чем выехать в Москву, граф Алексей Орлов отслужил молебен в церкви Всех скорбящих – радости. Даже гадал, говорят, на Литейном у какой-то армянки.

Москва, тринадцатое июля того же года. Торжественное празднование мира с Турцией.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. При этом вспомнили фельдмаршала князя Голицына, прислали ему в Петербург за очищение Молдавии от турок брильянтовую шпагу. Граф Алексей Орлов получил похвальную грамоту, богатый столовый сервиз, императорскую дачу близ Петербурга и прозвание Чесменского. В Петербург, однако, вслед за двором, его не пустили. Местожителство указано было в Москве, в числе других некогда первых пособников императрицы.

С падением фавора брата, князя Григория, граф Алексей Орлов-Чесменский так быстро отдалился от двора, что не знал и не смел допытываться о дальнейшей судьбе соблазненной им аванюрьеры – красавицы.

Однажды в Москве к графу Чесменскому заезжает за просто Московский главнокомандующий князь Волконский – поинтересоваться его конюшнями и лошадьми.

ГРАФ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ (за вечерним чаем осторожноенько). Михаил Никитич, и что там, в Питере, дальше с этой княжной?

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ (отвернувшись к окну). Да вы, граф, куда это клоните?.. Извольте историю. Генерал-майоршу Кожину знаете? Марья Дмитриевна... бойкая такая, красивая и говорунья.

ГРАФ ОРЛОВ (насторожась). Как не знать, знаю.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ. Ну-с, сболтнула она, говорят, где-то, будто бы, положим, Адашевы решили покровительствовать новому счастливому Петру Мордвинову, чтобы подставить ножку...

ГРАФ ОРЛОВ (замерев). Кому, Михаил Никитич?

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ. Да будто самому, батюшка, Григорию Александровичу. Поручили Шешковскому взять оную барыньку в маскараде, отвезти в тайную экспедицию, посечь ее там преисправно и доставить обратно с благопристойностью в маскарад, к менюэту или котильону... Так вот, болтовню ее как рукой сняло...

С тем Московский главнокомандующий от Орлова-Чесменского и отбыл.

Вызывает граф Алексей Орлов, чтобы как-то развеять своего управляющего из Хренового Кабанова. Хоть и из крепостных, а мудер, на язык-то востер, всегда при параде; в камзоле и с черным шелковым кошельком на пучке пудреной косы.

ГРАФ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ (наливая ему заморское вино). Как, Терентич, у нас там дела, в Хреновом?

УПРАВЛЯЮЩИЙ КАБАНОВ. Мы что? Рабы... А вы, батюшка, слыхом слышать, иногда бываете даже сумнительны.

ГРАФ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ. Вот ты, в прошлую осень хвалил всходы, а что вышло? Сказано, считай не по рости, а по зерни... Много у меня всякого разъезду и ко мне приезжают, а ничего, как бывало прежде, не знаю. Был Филя в силе, все в други к нему валили...

УПРАВЛЯЮЩИЙ КАБАНОВ (глядя куда-то мимо). В сторону. Ишь ты, обходят.

Вслух. Золото огнем искушается, а человек напастями... Женитесь, ваше сиятельство, и все как рукой сымет.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Между тем, судьба Княжны Таракановой не улучшалась. После окончания московских празднеств в честь мира с Турцией ей предложили новые обвинительные статьи и вопросы. Был напущен на нее тот самый Шешковский. Добиваемая болезнью и душевными муками, княжна в присутствии бессменных часовых, чахла, таяла с каждым днем.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*про себя*) Днем и ночью терплю в моей комнате мужчин, кавово? *Вслух.* Вот набросала письмо императрице: «Днем и ночью в моей комнате мужчины. Мои страдания таковы, что вся природа во мне содрогается. Отказав в Вашем милосердии, Вы откажете не мне одной»...

В августе фельдмаршал Голицын опять посещает узницу, заключенную в крепость.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Матушка-государыня сообщает, что не может оставить Москвы и лично видеть вас, княжна. Вы вызываете в ней по-прежнему то сильный гнев, то невольное сожаление, выдавая себя то персиянкой, то родом из Аравии, черкешенкой, наконец, нашей княжной. Уверяли, что знаете восточные языки, мы давали ваши письма сведующим людям – они в них ничего не поняли. Простите, княжна, но и это обман?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*закашлявшись, с презрительной усмешкой*). Как все это глупо! Разве персы или арабы учат своих женщин грамоте? Я еще в детстве выучилась кое-чему там сама.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*едва смигивая слезы*). Послушайте, мне не разрешено, но я велю перевести вас в другое, более просторное помещение, давать вам пищу с комендантской кухни... Не желаете ли духовника, чтобы... понимаете... все мы во власти божьей... чтобы вам приготовиться...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*откинув голову*). Пришлите.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Кого желаете? Католика, протестанта или нашей, греко-российской веры?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*почти шепотом*). Я – русская, пришлите русского, православного.

Санкт-Петербург, домишко отца Петра – старшего священника Казанского собора. Крыльцо на улице за собором, бокom ко двору бызшего тут гетмана Разумовского.

ОТЕЦ ПЕТР АНДРЕЕВ (*поглядывая в сторону*). Что значит – первое декабря. Зима уже. Снег, выпавший утром, растаял. Всюду лужи, ненастье. Быть буре, Нева вздулась, жди наводнения.

Слышится в крепости пушечный выстрел. Пес во дворе отзывается лаем. Сквозь гул ветра раздается стук в калитку.

ОТЕЦ ПЕТР. Кто там?

Входит мокрый от дождя, в треуголке и при шпаге, невысокий, полный человек, с красным лицом.

ЧЕЛОВЕК ПРИ ШПАГЕ. Вы – священник?

ОТЕЦ ПЕТР (*струхнув*). Да.

ЧЕЛОВЕК ПРИ ШПАГЕ. Я секретарь главнокомандующего Ушаков! Имею к вашему высокопреподобию секретное дело.

Отец Петр зажигает свечу. Указав незнакомцу стул, садится сам, собираясь слушать вошедшего.

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ (*показывая на книгу, лежащую на столе*). Проповеди – Массильона? Изволите знать по-французски?

ОТЕЦ ПЕТР. Да маракую маленько.

В сторону. И что ему надо в столь поздний час?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Изволите знать и по-немецки?.. Кстати, может быть, и по-итальянски?

ОТЕЦ ПЕТР (*медленно, туго соображая*). По-немецки-то обучался, итальянский же близок к латинскому.

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Вот что! Господину главнокомандующему князю Голицыну Александру Михайловичу благоугодно, чтобы ваше высокопреподобие, взяв нужные святости, тотчас и без всякого отлагательства потрудились отправиться со мной в одно место... Там иностранка – ... греко-российской веры... необходимо совершение двух таинств...

ОТЕЦ ПЕТР. Что именно? Необходимо подготовиться.

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Сперва крещение, затем исповедь с причастием.

ОТЕЦ ПЕТР. Сейчас же, ночью?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Карета ждет вас.

ОТЕЦ ПЕТР. Взять причетника?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Без свидетелей... Едем...

Отец Петр разбудил привратника, вошел в церковь и взял дароносицу.

Карета останавливается у дома Петербургского главнокомандующего. Выходит князь Голицын, приглашает отца Петра в дальнюю комнату.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Извините, батюшка... Дело важное, воля высшего начальства.

ОТЕЦ ПЕТР (*положив руку на сердце*). Я буду верен монархине и без клятвенных заверений.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Понимаете, слышали о такой – об авантюрьере?

ОТЕЦ ПЕТР. Да так, слыхано стороной.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Государыня в тревоге, враждебность в иностранных партиях... поддельны завещания... понимаете?

ОТЕЦ ПЕТР (*оглядчиво*). Понимаем.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Доктор более не ручается за ее жизнь. Не только дни, но и часы ее сочтены.

ОТЕЦ ПЕТР (*перекрестившись*). О Господи! Боже, будь милосерден.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*взволнованно расхаживая по комнате*). Она желает подготовиться. Как добрый пастырь доведете ее, вероятно, до полного раскаяния... в последние часы ее... кто она на самом деле, кто ее тому научил... есть ли вдохновители, батюшка?

Священник медлит с ответом.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГОЛИЦЫН (*настойчивее*). Даете слово помочь правосудию?

ОТЕЦ ПЕТР. Обязанности свои знаю, отечеству своему служу.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*делая знак рукой*). Можете ехать.

Сцена шестая

Карета у Петропавловской крепости, у крыльца Обер-команданта. Священника встречают Генерал-прокурор князь Вяземский и Обер-комендант крепости Чернышов с женой.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ (*ежась от холода*). Какая буря! Быть наводнению.

ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Господа, пройдемте вовнутрь.

Горят в высоких поставцах свечи, между ними стоит купель. Женщина в шубейке держит что-то завернутое в белое.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Приступайте, батюшка.

Отец Петр надевает ризу, берет кадило, раскрывает книгу, начинается обряд крещения новорожденного.

СВЯЩЕННИК (*спрашивая вполголоса*). Чье дитя?

Пауза. Молчание.

ОТЕЦ ПЕТР. Ну как, что записать мне в книгу? Кто родители?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Что – разве нужно, непременно?

ОТЕЦ ПЕТР. По долгу обряда...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Пишите: Александр Алексеев, сын Чемсменский.

Священник вздрагивающей рукой заносит имя в книгу крещения.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*указывая духовнику на Обер-коменданта*). А дальше что... вот ваш провожатый!

Князь Голицын выходит.

С дароносицей у груди отец Петр следует за Чернышовым во внутренние помещения крепости.

Большая женщина неподвижно лежит на кровати, но пока еще в памяти.

ЖЕНЩИНА (*едва слышно*). Святой отец... Помолитесь за меня...

Священник бережно кладет на стол дароносицу, наклоняется к женщине.

ОТЕЦ ПЕТР. Ваше имя?

ЖЕНЩИНА. Princesse Elisabeth (*Княгиня Елизавета*).

ОТЕЦ ПЕТР. Кто ваши родители и где вы родились?

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА (*глухо кашляя*). Не знаю. Что передавала другим, в том сама была убеждена.

ОТЕЦ ПЕТР. Вы – христианка?

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА. Я крещена по греко-российскому обряду.

ОТЕЦ ПЕТР. У вас найдены списки с духовных завещаний. От кого вы их получили и кем составлен ваш манифест к русской эскадре?

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА. Тайные друзья меня жалеют, стараются вернуть мои утраченные права.

СВЯЩЕННИК. Женщина, вы на краю... Тлен и вечность перед вами... покайтесь... между нами один свидетель – Господь... Кто ваши соучастники?..

Рука женщины судорожно тискает у рта окровавленный платок.

ЖЕНЩИНА. Все, что знала, я сообщила... клянусь Богом, в ожидании божьего суда и близкой кончины... Более ничего не знаю ... не знаю...

СВЯЩЕННИК. Вашего сына сейчас окрестили, поздравляю. Хороший мальчик. Господь милосерден, будете жить для него...

Едва заметная улыбка скользнула по сжатым, спекшимся губам женщины. Отец Петр осенил больную крестом, постоял над ней и, отложив таинство причастия, вышел.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ (*за дверью, бросаясь к нему*). Ну как? Исповедали, приобщили?

Священник возвращается обратно к больной.

ОТЕЦ ПЕТР (*дрогнувшим голосом, искренне молясь и крестя ее*). Разрешаю твои прегрешения, дочь моя.

ЖЕНЩИНА (*собравшись с силами, четко*). Я русская Великая Княжна! Дочь покойной императрицы!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Священника не оставили в покое. В тот же день его снова пригласили к главнокомандующему.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Ну что, докопались до истин? Сказала вам она хоть что-нибудь?

ОТЕЦ ПЕТР. Простите, ваше сиятельство... Сами понимаете, тайна исповеди...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*смешавшись, строго сжимая губы*). Да кто же она, наконец! Глубокой, государственной важности дело... не взыщите уж... Что ж, я один должен за все отвечать?

ОТЕЦ ПЕТР (*решительно*). Одно могу доложить вашему сиятельству. Пока жив, сдержу клятвенное слово, потребованное вами. Никому не пророню узанного надуху. Будьте уверены, ваше сиятельство, обет молчания блюсти буду неукоснительно... Одно скажу: многое об этой женщине выдуманно, приплетено... Вот мысль, что если...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*хватаясь за ниточку*). Что, ну что?

СВЯЩЕННИК. Что, если арестованная не повинна ни в чем? За что же она тогда все это терпит?

Как бы гром разразился над головой Петербургского главнокомандующего.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*озадаченно*). Как? Вы хотите сказать, что она не имеет сообщников, противу государыни ничего не злоумышляла? Так она, выходит, тогда и не самозванка, понимаете, а? Куда это ведет? Что ж она, выходит, прирожденная, настоящая наша княжна?.. Великая Княжна, дочь покойной императрицы Елисаветы, престолонаследница?.. Вы понимаете, о чем мы с вами тут говорим? Разве это, хоть на миг, можно нам допустить?

Отец Петр стоит молча, склоняя голову на ряску, на которой недавно у груди держал дароносицу.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН. Вы ошибаетесь. Это не может быть, этого, князь, нельзя допустить... Эй, лошадей!.. Сам попытаюсь поговорить еще, есть еще время...

Главнокомандующий мчится через весь город к Петропавловской крепости. Небо насело на Петербург, коней сечет мокрый снег

Нева уже вышла из берегов, кипит, пенится у моста, несет поверху льдины. Карета Голицына с трудом пробирается между смерзшихся луж.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГОЛИЦЫН (*входя в дом коменданта*). Где Чернышов?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ (*вытягиваясь в струнку*). С ночи находится в рavelине, ваше сиятельство! (*подавая бумаги*). Смотрите, каковы расходы на эту персону...

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН (*дежурному по караулу*). Ведите к арестованной... Как она, все еще в памяти?

ДЕЖУРНЫЙ ПО КАРАУЛУ (*пожимая плечами*). Да вроде пока еще в памяти.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*перекрестившись*). Сюда ко мне Обер-коменданта!

Входит Чернышов, он бледен, куда делась его обычная молодцеватость.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*не узнавая его*). Вы что же, Андрей Гаврилович, ночами, что ли, не спите? С ног, гляжу, сбились.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ ЧЕРНЫШОВ. Служу-с отечеству, императрице. Неотлучно при княжне, с вечера, как вы ушли...

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН. Был доктор, что говорит?

ЧЕРНЫШОВ. Заходил к ней лично несколько раз. Твердит непонятные слова, русские вперемешку со всякими: Орлов... принцесса... mio caro, gran Dio (мой дорогой, великий боже).

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*смягчившись*). А ребенок как?

ЧЕРНЫШОВ (*радостно*). Жив, ваше сиятельство, жив! Кормили недавно. Жена моя хорошую кормилицу нашла. Сразу двух кормит...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*шепчет*). Бедная, неужто умрет? (*строго, внушительно Обер-коменданту*). Заботьтесь, сударь, о ней. Чтобы все было, как следует. Чтобы все! Было у нее! Вы меня понимаете?.. По-христиански чтоб, по-православному... И на случай чего, вы меня понимаете? – здесь же ее, где-то поблизости, в тайности, без огласки... ведь человек тоже, страдалница, мать...

Князь хочет еще что-то сказать Чернышову; неожиданно всхлипнув, хватая себя рукой за горло; бодрясь, выходит на

крульцо комендантского дома. Смотрит ввысь: в сером небе, над Алексеевским рavelином, в вихре летящего снега, вьются крикливые галки. Надорванные ветром железные листы хлопают один о другой, скрипит крыша.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*вздыхнув глубоко*). Каков минор! Карету мне, карету! Домой!..

В сторону. Вот батюшка царь Петр! Прорубил ты «окно в Европу», а с моря вода против ветра. случаются наводнения... В прежние наводнения не раз заливало в крепости казематы. Кабы теперь не случилось, еще возьмет и утонет, бедная... Вернуться, что ли, высказать предположение Чернышову, пусть принимает меры.

Карета быстро несется сквозь косо летящий с неба снег, обгоняя обозы с дровами и сеном, щегольские экипажи и одиноких пешеходов, шагающих в согнутом виде, под снежную завихуру.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*рассуждая об арестованной, в сторону*). Несчастливая, скорее всего, игралище темных страстей. Самозванка ли – трудно решить. Так се Величеству матушке – государыне и отпишем... В случае чего, смерть русской княжны падет не на наши головы...

А карета все мчится. Мелькают все те же дома и церкви, все те же мосты и вывески, к которым он, уже старый, пожилой человек, с хлопотливой деловой озабоченностью начальника северной столицы, приглядывается многия лета. Вот и дом полиции, у Зеленого моста, на Невском, а вот и его собственная квартира. Старость не младость, тяжело на душе твоей, князь...

(Завидев у моста на Мойке место бывшего Елисаветина Зимнего дворца и далее, по Невскому, Аничковы палаты Разумовского). Вслух. А что, если она и впрямь не самозванка?

Князю Голицыну стало жарко. Он отер лоб ладонью, сказал еще громче:

Вспомним добрые старые времена!

Прошлое царствование Елизаветы Петровны!

Тогдашних сильных мира сего, а с ними свои изобильные связи, собственные молодые годы, – все кануло в Лету, унеслось невозвратно с теми годами.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Между тем, если бы Петербургский главнокомандующий остановился у дома полиции да расспросил бы эту царскую службу получше, там бы ему рассказали кое-что интересное, что касается узницы Петропавловской крепости.

С неделю назад где-то в устье Невы причалил корабль, скорее всего, из туманного Альбиона. Старики-бакенщики слышали, как моряки говорили не по-русски, называли часто слова «Плимут» и «Элизабет», а также «принцесса рашен». Потом перепились, передрались, сели на корабль и отчалили. А иные, как заметили востроглазые бакенщики, остались. Взяли какие-то снасти с собой и ушли.

Старикам показалось это подозрительным: если рыбу собрались ловить, то почему, взяв снасти, отправились в город?

Да и что у них там, в Европах, своей рыбы нет, что ли, чтобы плыть за ней в город Санкт-Петербург? Подгадали же самое время: когда тут у нас самая непогода, бушуют шторма, Нева идет вспять – может быть наводнение. А этим... из Альбиона... только такое и подавай...

– Резонно, – сказали в полиции и составили донесение и задвинули его в долгий ящик.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Ночью в окно старшему священнику Казанского собора отцу Петру (Андрееву) опять постучали.

ОТЕЦ ПЕТР (*обеспокоясь пуще прежнего, подошел к закрытой двери, но не отодвинул загова*). Кто там, чего изволите?

МУЖСКОЙ ГОЛОС СНАРУЖИ. Роза и мирт.

ОТЕЦ ПЕТР (*удивясь такому голосу*). Помилуйте, вы не туда попали. Пароли мне ваши неведомы.

ГОЛОС СНАРУЖИ. Пароль, может, и нет. Зато человек ведом.

ОТЕЦ ПЕТР. Какой?

ГОЛОС СНАРУЖИ У кого вы были вчера, человек тот жив?

ОТЕЦ ПЕТР. Был жив, если я крестил дитя.

ГОЛОС СНАРУЖИ. Он в Алексеевском равелине?

ОТЕЦ ПЕТР. Почему я должен вам сообщать, что она в Алексеевском равелине? Я ни вас, ни ваш пароль не рассчитываю, вас не знаю.

– Ха – ха – ха, – рассмеялись за дверью – не то грубый мужской голос, не то низкий ветер с Невы. А в Петропавловской крепости тут же ударила пушка.

Сцена седьмая

Петропавловская крепость, Алексеевский рavelин. Княжна Тараканова слышит, как близко где-то ударила пушка. Она встает, зажигает свечу, ставит светильник на стол.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА *Вслух.* Чувствую силы вроде бы прибывают. Умно сказал этот священник: ребенок теперь у меня, мать я, надо жить для него. Однако до поры до времени надо скрывать прихлынувшие ко мне чувства. Пусть моим палачам кажется, что силы таят во мне, как и прежде, истаяли до конца...

Что это – крыса пробежала по полу из одного в другой угол? И еще одна, и еще сразу три. Сколько же их тут! О Господи, они лезут сюда отовсюду, со всех сторон, со всего подземелья, со всего Алексеевского рavelина, со всей Петропавловской крепости, со всего, всего Санкт-Петербурга... Это, говорят, бывает при наводнениях. Значит, надо ждать наводнения. Может затопить казематы и твой каземат, и тебя. Боже! Этого еще не хватало. Крысы и наводнение, наводнение и крысы... Они уже лезут по мне, по телу моему, добираются до губ, головы... Я становлюсь на кровать, забиваюсь в угол, чтоб со спины хоть не лезли... Одна крыса смотрит глазами в глаза – умные, живые бусинки глаз... Это их «крулева», царствующая особа. Она хочет съесть меня, откусить нос, пуговицу, впиться зубами в горло... А я ведь женщина, я и мышей-то боюсь...

Вода плещется у ног, она достает уж до рта...

Боже! Или это все мне только кажется? Кто это там за окном?

Княжна берет свечу, подносит к окну – приплюснуто к стеклу белое лицо в черной ночи.

– Ой! – отпрянув, бросается княжна в угол к крысам.

– Роза и мирт, – слышится голос оттуда. – О тата mia! Пана Элисабет!

Княжна Тараканова теряет сознание.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Последнее, что слышит княжна, это топот ног. Приглушенные голоса. Ее куда-то несут, куда-то кладут и везут.

На другой день утром Обер-комендант Петропавловской крепости Чернышов Андрей Гаврилович записал следующее:

«Вечером, четвертого декабря 1755 года, Княжна Тараканова, она же dame d'Azow, Али мете и принцесса Владимирская – скончалась. Ее последних минут не видел никто. К ней вошли – она лежала тихо, будто уснула. Неприкрытые тусклые зрачки ее глаз были устремлены к образу Спасителя.

Сбоку валялась дохлая крыса».

ОБЕР-КОМЕНДАНТ ЧЕРНЫШОВ (*приказывая старшему из гарнизонных инвалидов, стороживших княгиню*). Антипыч! Видишь внутренний дворик Алексеевского рavelина? Возьмите ломы, кирки и вырубите глубокую яму, велено тайно зарыть тело умершей, закидать ее комьями мерзлой земли...

После, Антипыч, посадишь над этой могилой березку. Пущай напоминает о русской душе православной...

Часовым, оставшимся не у дел. Позвать ко мне горничную Мешеду и шляхтича Чарномского!

Приходят последние из малой свиты княжны.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ ЧЕРНЫШОВ (*обращаясь к ним, строго*). Даете клятву о вечном молчании, чему были вы тут свидетелями? Или, может, пойдете туда, вслед за ней?

ГОРНИЧНАЯ МЕШЕДЕ (*склонив голову*). Даю.

ЧЕРНЫШОВ (*шляхтичу глухо*). А ты?

ШЛЯХТИЧ ЧЕРНОМСКИЙ (*глухо*). Клянусь.

ЧЕРНЫШОВ. Тогда вверенной мне властью отпускаю вас. Валяйте с глаз долой, куда подалее – в чужие края. Чтоб вас в Питере больше не видели... Да держите язык за зубами... Если что, достанем из-под земли...

СТАРШИЙ СВЯЩЕННИК КАЗАНСКОГО СОБОРА – ОТЕЦ ПЕТР (*узнав о кончине известного ему человека, подумал про себя*). «А как же те, что стучали ему в окно, говорили пароль?» А вслух батюшка пропел молитвенно:

– «Узницы тьмы, долгою ночью связаны, упокоил вы господь!»

И без огласки отслужил в церкви у себя панихиду по усопшей рабе божьей Елисавете.

ПРИХОЖАНЕ. Да кто же, батюшка, она была?

ОТЕЦ ПЕТР. Неизвестная вам особа, многострадальная.

ПРИХОЖАНЕ. Титула какого – высокого или низкого?

ОТЕЦ ПЕТР (*загадочно*). Аз раб и сын рабыни твоя. – *И запел молитвенно*. – «Все мы под властией божьей, мудрые и простые, рабы и цари... сокровенная притчей изыщет и в гадании притчей поживет...»

В сторону, про себя. Тройка бешено промчала мимо, все-го-то малый возок... Вроде с теми, что стучали ночью в окно ему... Куда ее повезли, куда путь – на Москву, в южные степи или в Плимут – далее к морю?..

Фельдмаршал Голицын долго думал, как сообщить императрице о кончине оной особы, содержавшейся в Алексеевском рavelине. Вот берет, наконец, он перо, лист бумаги, и пишет, перечеркивает и снова швыряет написанное.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Э, была не была! *Вслух*. Пишем так: «Всклепавшая на себя известное Вашему Величеству неподходящее имя и природу, сего четвертого декабря, умерла нераскаянной грешницей, ни в чем не созналась и не выдала никого».

В сторону, про себя. А чтобы лишнее про нее не болтали, пустим слух, что ее залило наводнением. Кстати, стреляли с крепости, разгулялась Нева... Залило, и концы в воду...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. На другой день до главнокомандующего дошел пущенный им же слухок, что Княжна Тараканова утонула в Петропавловской крепости, в казематах, при наводнении. А еще через день до князя Голицына дошло и другое, будто бы в крепости похоронили не ту, кого собирались, а совсем другую... Инвалид горнизонный Антипыч вроде видел сам, как появились какие-то люди и, завернув в одеяло одно тело, другое подложили в другое одеяло. Унесли с собой ту, которую охраняли... И она была еще вроде живой...

Под Новый год в расчищенном Санкт-Петербурге появилась императрица. Вызвала к себе своего главнокомандующего, расспросила подробнее о кончине Княжны Таракановой.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*играя с ним, как бы вздохнула*). Пересолили, князь, мы с тобой! Переборщили!.. Отчего ты не был со мной откровеннее?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Долго еще по Санкт-Петербургу ходили всякие слухи по этому поводу. Одни склонялись к мысли, что узница в Европе, другие упорно держались того, что добрая матушка-государыня сжалилась над несчастной и, похоронив кого-то вместо нее, отправила княжну восвояси куда-то...

Екатерина Вторая велела, говорят, вызвать гарнизонного инвалида Антипыча и, при всех, напомнив про случай с генерал-майоршей Кожиной, приказала всыпать ему покрепче, чтобы брехал поменьше, да и отпустила его на все четыре стороны...

Через полгода все известное о Княжне Таракановой побулькало, побулькало да и отбулькало. Вот такие-то бывают страсти по власти; когда много, а когда потом ничего.

А еще через пару недель под Москвой, говорят, в Новоспаском женском монастыре, тайно появилась инокиня – монахи-

ня Досифея. И что примечательно, когда поволнуется, говорят, тоже слегка косит левым глазом, вздрагивая каждый раз, как только провозглашают акафист или принимаются за панихиду по насильственно замученным и убиенным.

Занавес.

17-22 октября 2010 г.,
г. Орел

ТАЙНА МОНАСТЫРЯ: МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ

(часть третья)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ – российский император с 1796 года.

ЕГО СУПРУГА МАРИЯ ФЕДОРОВНА – бывшая цесаревна.

НЕЛИДОВА КАТЕРИНА ИВАНОВНА – фрейлина цесаревны.

ПАЗИЕЛЛО – учитель музыки у цесаревны.

ГРАФ и ГРАФИНЯ СЕВЕРНЫЕ – имя, принятое во время путешествия по Европе будущего императора Павла Первого и его супруги – императрицы Марии Федоровны.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ – друг композитора Глюка, маг и вызыватель духов, может быть, граф Калиостро.

ПРИЗРАК ПЕТРА ПЕРВОГО – прадеда императора Павла.

ОТЕЦ ПЕТР АНДРЕЕВ – старший священник Казанского собора в Санкт-Петербурге.

ИГУМЕНЬЯ НОВОСПАССКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ПОД МОСКВОЙ.

ВАРЕНЬКА – дочь брата отца Петра, его крестница.

ЕЕ ПОДРУГА под именем Ирины Львовны – дочь бригадира Раkitина.

В ОТДАЛЕНИИ ПРОШЛОГО ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОДСТАВЫ (*в годы правления императрицы Елизаветы*):

ПАВЕЛ КОНЦОВ – якобы сын, чудом спасшегося Петра Третьего.

ИРИНА РАКИТИНА – якобы тайная дочь Елизаветы, Княжна Тараканова (Тьмутараканская) от законного брака императрицы с графом Разумовским.

Она же иногда ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ, затем вполне возможно МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ.

Действие происходит (как продолжение первых двух частей трагедии) то в годы правления императрицы Екатерины Второй, то, пятнадцать лет спустя, в годы правления ее сына – императора Павла.

Сцена первая

Санкт-Петербург, 1755-й год. Накануне появления тут претендентки на российский престол – принцессы Елизаветы, Княжны Таракановой.

Домик старшего священника Казанского собора – отца Петра в мещанской слободке, позади собора, боком ко двору гетмана Разумовского.

В домашнем подряснике, не зажигая свечи, бездетный отец Петр, овдовев несколько лет назад, любит под вечер, прохаживаться по гладкому холщовому полу от передней в приемную, до спальни – туда и обратно.

ОТЕЦ ПЕТР (вслух сам себе). Получил на той неделе письмо от Вареньки – от племянницы, дочери брата, моей крестницы. Пишет, что собирается приехать ко мне сюда вместе с подружкой своей. Подруге в руки попали листки, описано про персону такой важности, что и сказать о том – надо подумать. «Сперва барышня, полагала отправить посылку в Москву, прямо в руки Ее Величеству, да порешили с вами, мой крестный дяденька, посоветоваться». Имя барышни Ирина Львовна, дочка бригадира Ракитина... Едем, дядюшка, скоро будем»...

ОТЕЦ (ощипывая сухие листья со стоявших по окнам в горшках гераней). Вот ветрогонки, вертухи! Какое дело затеяли... Путешествие из Чернигова в Питер... Чтобы со мной посоветоваться...

Гости приехали. Дом ожил и посветлел. После первых радостных возгласов и расспросов о малой родине, о знакомых и путевых приключениях, отец Петр ушел ко всеобщей, а гости сходили с кухаркой в баню и, возвратясь, устроились у растопленной печки. Тут и застал их отец Петр, придя домой, где они сидели распаренными, с повязанными головами.

ОТЕЦ ПЕТР. Ну-с, государыни мои, где же ваши бумаги?

И девушки передали дядюшке сверток с надписью: «Дневник лейтенанта Концова». Отец Петр прошел к себе в спальню, поставил свечу к своему изголовью, прилег и погрузился в чтение.

Сгорела одна свеча, догорала другая.

ОТЕЦ ПЕТР (*лежа с открытыми глазами*). В сторону, про себя. Каково прошлое царствование! Море тайн и явных, неявных событий. Кстати, связанных с императрицей Елизаветой и соседом его гетманом Разумовским... С первых строк вот о ком! О загадочной княжне, о Княжне Таракановой... тоже из Тьмутаракани!.. История о коварно похищенной женщине, заманенной на корабль... И где теперь она, та бедная, бедная женщина?..

Все в доме давно уже спали, в том числе и Варенька со своей подругой Ириной. И тут этот настойчивый стук и твердый голос – от главнокомандующего, его письмоводитель – секретарь Ушаков. И вот он, священник – отец Петр Андреев, едет куда? Да ни за чтоб ранее не подумала куда: в Петропавловскую крепость, к этой княжне...

Весь дом всполошился и замер.

ОТЕЦ ПЕТР (*по дороге в крепость, думая о княжне*). Страдалица! Горестное сплетение дел, помоги ей, Господь... Лишь под вечер отец Петр вернулся домой.

А дома его дожидались с большим нетерпением.

ВАРЕНЬКА (*подлетев к дядюшке*). Ну, как, дядюшка, что там было?

ОТЕЦ ПЕТР (*вместо ответа*). Концов этот ... писавший дневник... он что – жених подружке твоей Ирине Львовне?

ВАРЕНЬКА, Брат этой княжне... Ой, дядюшка, что я говорю! Да, почти что жених. Он сватался к Арише, отец отказал...

ОТЕЦ ПЕТР. Как отказал? Молода, степенна, умница, вот была бы парочка тому лейтенанту...

ВАРЕНЬКА. Увез отец Ирину за тысячу верст и пробыл там с ней несколько лет, пока не помер. И она вот осталась одна...

ОТЕЦ ПЕТР. А где тот лейтенант?

ВАРЕНЬКА. Павел Концов? Эскадра пошла в Санкт-Петербург из Ливорно. Концов был на корабле, в котором везли имущество графа Орлова. Ну, и, видно, корабль утонул. Доставили с почты посылку Арише, с запиской на французском,

мол, рукопись найдена рыбаками в бутылке... где-то на морском берегу...

ОТЕЦ ПЕТР. Ну, а самого-то лейтенанта искали?

ВАРЕНЬКА (*всплеснув руками, горестно*). Да где там искать-то... Ракитино, глухие места... И Ариша одна ведь, как перст...

ОТЕЦ ПЕТР. И что же ныне?

Появляется Ирина Львовна, подсаживается к их разговору.

ИРИНА ЛЬВОВНА. В морской коллегии оказалась только справка о том, что фрегат «Северный Орел», на котором везли из Ливорно больных и остальных, имущество графа Орлова, действительно, был унесен бурей в Атлантический океан. В последний раз его видели у африканских берегов, недалеко от Танжера... Скорее всего, корабль разбился и утонул где-нибудь у Азорских или Канарских островов. Жив ли оказался Концов, спрашивать некого, весь экипаж в пучине. Бывший начальники эскадры Орлов и Грейг в Москве, тут тоже спросить некого...

ОТЕЦ ПЕТР. Молитесь, добрая моя, молитесь, Ирина Львовна. В этом наше спасение.

Снова явился от главнокомандующего секретарь Ушаков, увез отца Петра туда же, где тот и был в первый раз. Отсутствовал отец Петр теперь более длительный срок. Вернулся священник еще более мрачным.

ВАРЕНЬКА (*приласкиваясь к нему*). Что это вы, дяденька, не веселы, лица на вас нет. Опять в крепости были, у этой княжны?

ОТЕЦ ПЕТР. В тот раз назвала лейтенанта Концова братом Ирины Львовны, отчего?

ВАРЕНЬКА. Отчего вы, дядюшка, не расскажете нам, что там в крепости дется с этой княжной, тоже тайна?

ОТЕЦ ПЕТР (*гостье, Ирине Львовне*). Вы, я вижу, приехали не напрасно. Ездите то в одно, то в другое место, тревожитесь, наводите справки... Государыня, видать, будет в Петербурге еще не скоро. Написали бы, что ли, в Москву начальству Концова Павла Ефестафьевича.

ИРИНА ЛЬВОВНА. Благодарствую за беспокойство. Вчера граф Панин обещал разведать через иностранную коллегию: что там в Испании и на Мадере. Писатель Фонвизин тоже вызвался... Обожду еще, да и пора домой. Этот корабль, как призрак, все у меня перед глазами...

Время летит, как ядро из пушки. Вот уже гости собралась возвращаться к себе туда, на Украину, в свою Тьмутаракань.

Дома нет никого, даже кухарки Аксиньи. Священник входит к себе в кабинет. Растопив печь, он запирает дверь, вынимает рукопись лейтенанта Концова.

ОТЕЦ ПЕТР (*рассуждая сам с собой*). Так, еще раз осмотрим тщательно дневник Концова, перевяжем шнурочком, запечатаем, подписав на обложке: «Вскрыть после моей смерти». А сверток положим сюда, на самое дно сундука».

Едва священник замкнул тот сундук, в дверь постучали.

Входит племянница вместе с подружкой Ириной Львовной.

ВАРЕНЬКА. Что-то вы, дядюшка, какой-то сам не свой. Что случилось?

ОТЕЦ ПЕТР (*засмеявшись*). Да, так, не по вашей части это, дело для вас постороннее... (*Обращаясь к Ракитиной*). Ирина Львовна, простите великодушно. Времена смутные... привезенную вами рукопись опасно держать в доме... вы собираетесь уезжать, но и в деревне не безопасно... уж извините, простите старика...

ИРИНА (*побледнев*). Где тетрадь, неужто сожгли?

ОТЕЦ ПЕТР (*склонив голову*). Виноват, предал огню.

ИРИНА (*с горечью в голосе*). Что же мне теперь делать?

ОТЕЦ ПЕТР. А ничего. Живите спокойно. Как и до того. Пути господни неисповедимы, враг же сеет незнаемое... Когда-либо и без рукописи этой узнаете то, что вам нужно о женщине, о лейтенанте или... как его... вашем брате Концове...

Ирина Львовна отходит к окну, глядит в сумерки, упершись взглядом в стену двора гетмана Разумовского, да все думает, перегоняя мысли из одной стороны в другую.

ИРИНА РАКИТИНА. *Вслух.* Как они тут близко живут. Оба из Тьмутаракани, в столице. Кто кому помогал продвигаться, кто кому помогает и по сей день?..

Я кругом виновата. Пропадаю, горю в мучительных сомнениях, тревогах... Где Павел, с кем сейчас, на какой стороне? Мой вероятный защитник, стена моя. Может, из-за меня он впал в отчаянье, бросился помогать не столько мне самой, сколько моему доброму имени. Княжна Тараканова – это княжна Тьмутараканская, Элизабет, а Элизавет – это, возможно, я... Я тоже пыталась помочь той несчастной, посланной, очевидно, всеми сюда вместо меня. Какое игралище темных, всемогущих страстей... Мне искупать вину за их потерянную судьбу, мне молить у Бога прощения за все грехи мои тяжкие в этом затянувшемся деле. Я одинока с детства, мать отдала меня от себя, в мире мне нечего больше ждать... Так то рождаться под высокой звездой...

Дверь в комнату Вареньки и ее подруги была приоткрыта. Отец Петр приостановился, прислушался к тому, о чем говорили гости, в чем состояло, но их понятиям, их доля, женское счастье.

ИРИНА РАКИТИНА (*грустно*). Одиночество, тучи какие-то сгущаются над головой. В последнее время новые, странные молодые люди стали крутиться вокруг меня, наезжают в Ракитино. Чувствую, это опасно...

ВАРЕНЬКА (*приласкиваясь к ней*). Может, Ариша, это все женихи? Прознали, Концова нет, а поместье твое, тебе от отца богатые, тучные пастбища, хлебородные земли.

АРИША РАКИТИНА. У тебя-то как, Варюша, с этим учителем?

ВАРЕНЬКА. Взяли, говорит, в московскую семинарию, положили оклад, скоро, говорит, тебя заберу.

АРИША РАКИТИНА. В Москву, так в Москву. А я собираюсь, куда-нибудь там у нас, на Украине, может быть, в монастырь?

ВАРЕНЬКА (*в порыве чувств, обнимая подругу*). Что ты, Ариша? Зачем тебе в монастырь?

АРИША РАКИТИНА. Откровенно сказать, прошлым летом я побывала в нескольких монастырях. Смотрела условия жизни послушниц, прежде чем принять постриг... Их, к сожалению, больше интересуют мои земли, богатства, на которые они могут рассчитывать...

ВАРЕНЬКА. Что ты, Иришенька? Заладила в монастырь да в монастырь. Для чего хоть нужно это тебе. Еще молодой за-пирать себя в келью?

ИРИНА РАКИТИНА. Я виновата, Варенька, перед ним, перед многими. Мне надо молиться и вечно страдать...

ОТЕЦ ПЕТР (*стыдясь за подслушанный им разговор*). Вот вертихвостки! О чем думают – о женихах... И эта... постарше... тоже хочет быть невестой... Христовой...

Отец Петр поднял голову. Над липами гетманско – разумовского сада, раскричавшись, летали черные птичьи стаи.

СВЯЩЕННИК (*крестясь*). Нет числа бедам нашим, целые сонмы! Спаси, боже, нас и сохрани.

Сцена вторая

Там же, в Санкт-Петербурге, пять лет спустя. Май 1780 года. Варя, как и собиралась, жила в замужестве в Москве. Ирина Львовна, приехав в северную столицу, навестила отца Петра, по-прежнему состоявшего старшим священником Казанского собора.

ОТЕЦ ПЕТР (*встречая гостью с нескрываемым удовольствием*). Ну что, Ирина Львовна, есть какие изменения в жизни? Неужто его вы все еще ждете?

ИРИНА ЛЬВОВНА. И не говорите, батюшка. Я – однолюбка. Все отдам, всем пожертвую, чтобы получить о нем хоть какую-то весточку.

ОТЕЦ ПЕТР. Но это, сударыня, право даже грешно испытывать проведение, гадать язычески.

ИРИНА ЛЬВОВНА (*оживясь*). Точно, точно, отец мой, батюшка. Вижу тяжелые сны... Один особенно, несколько ночей подряд...

ОТЕЦ ПЕТР. Какой именно, матушка?

ИРИНА ЛЬВОВНА. Снится, будто подошел он к моему изголовью, такой же, каким я видела его в последний раз в нашей деревне... Добрый, красивый, и говорит: «А живу, Аринушка, я там, где шумит вечное море...» Где искать, кого спрашивать? К Государыне обратиться не решаюсь...

ОТЕЦ ПЕТР. Некого просить, матушка, некого. Кроме одного лица. Есть такое лицо. Это лицо – цесаревич Павел Петрович. Лучшего пособника, коли снизойдет, вам не найти. Тут все: и ум, направленный к вечному и таинственному, и связи с могучими и знатыми. А доброта? А рыцарская честность? Это не Тиверий, как о нем говорят враги, а будущий благодетельный Тит...

ИРИНА РАКИТИНА (*сдерживая дыханье, вполголоса*). Я слышала.

ОТЕЦ ПЕТР. Так поезжайте к нему на мызу, ищите аудиенцию... Вот вам, Ирина Львовна, письмо к моей крестнице – фрейлине дворца цесаревича... наймете кибитку и через Царское Село отправьтесь на собственную мызу цесаревича, Великого Князя – «Паульслуст», что переводится как Павловск.

Павловск. Великокняжеский парк. Диковинки сада: домики Крик и Крах, хижина Пустынника, гроты, пруды, переходные мосты. Ирина Львовна Ракитина сидит в ожидании на скамейке. Появляется фрейлина цесаревны Нелидова.

ИРИНА РАКИТИНА (*поднимаясь навстречу*). Катерина Ивановна. Мне, вам рекомендовано изложить суть моего вопроса.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*присаживаясь на скамейку*). На клавикордах играли, любимую пьесу цесаревича разучивали, гимн для концерта. Излагайте, я слушаю...

Ирина Львовна в кратких словах объясняет фрейлине, что до сих пор никак не может отыскать своего жениха – моряка, лейтенанта российского флота.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*рассеянно*). Павел Концов, говорите? И цесаревича зовут Павел. Матушка-государыня назвала так своего сына: Павел Петрович...

Мимо проходит молодой человек со скрипкой под мышкой, в камзоле и парике.

ИРИНА ЛЬВОВНА. Кто это?

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*подзывая его*). Подойди, скажи нам, кто ты?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*подойдя близко, церемонно раскланиваясь*). Я? Итальянский музыкант Поэзиелло.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*смеясь*). Смоленские мы, я недавно привезла его из деревни, мой крепостной музыкант. Ну что, Ваня, сыграй нам пьеску, которую вы только что разучивали с цесаревной...

Из-за деревьев показывается белокурая дама в голубом шелковом платье. Стройная, молодая красавица с нежным румянцем на лице. Алые и синие цветы в роскошных белокурых волосах вправлены для сохранения свежести в особые, крохотные бутылочки с водой.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*кланяясь, представляет Ирине Ракитиной*). Великая Княжна Мария Федоровна.

Ирина Львовна с восхищением провожает взглядом царственную особу.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*Ирине*). Идемте, что я вам покажу.

Ракитина с Нелидовой проходят во фрейлинский флигель, что рядом с гауптвахтой, поднимаются в комнату, украшенную вазами, блюдами из фарфора, медальонами на стенах.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА. Это все работа Великой Княгини. Взгляните, что за мастерица, как рисует она по фарфору, режет по кости и камню, тушует по золоту... И все дарит мне, видите – это подарки... Вот вышитая подушка. Смотрите, какая роза, а это мирт, что за тонкость узора... Вы молчите?

ИРИНА РАКИТИНА (*вздыхнув*). Роза и мирт, жизнь и смерть... Когда же кончатся мои поиски, осуществятся надежды?...

По знаку Нелидовой музыканты играют молящий гимн Ифигении в Авлиде. Ирина Львовна слушает с замиранием сердца, когда-то она сама пела его Концову...

Нелидова выбрала уголок, они присели.

ФРЕЙЛИНА (*обращаясь к Ирине Львовне*). Ну, что же вы? Продолжайте вашу историю.

Ирина Львовна переходит к рассказу о судьбе Княжны Таракановой. С каждым ее словом оживленное, обычно веселое лицо Нелидовой становится все пасмурней, строже.

НЕЛИДОВА (*вспыхнув*). Боже, какая драма, какие тайны! И это в наши-то дни!.. Мадам, благодарю вас за рассказ, очень вам признательна. Если позволите, я все сообщу их высочествам... И я убеждена, что государь-цесаревич, этот честный, правдивый рыцарь, ангел доброты и чести... все для вас сделает. Но кого он должен просить?

ИРИНА РАКИТИНА (*удивившись*). Как кого?

НЕЛИДОВА (*объясняя ей*). Как бы вам это сказать? Государь – наследник не вмешивается в дела правления, он может только ходатайствовать, просить... От кого зависит ваше дело?

ИРИНА РАКИТИНА (*вспомнив наставления отца Петра*). Князь Потемкин мог бы помочь. Этому сановнику легко предписать послам и консулам. Лейтенант Концов, может быть, снова где-то в плену у мавров, на атлантических островах... а может, и здесь, в России...

НЕЛИДОВА (*улыбаясь Ракитиной*). Такой разброс мыслей. Вы долго пробудете здесь, в Петербурге?

ИРИНА РАКИТИНА. Мои поиски в некоторых кругах уже осуждают, именуют грехом.

НЕЛИДОВА. Хорошо. Скажите, куда и как дать вам знать?

ИРИНА РАКИТИНА (*взглянув на подушку, вышитую самой Великой Княгиней*). Не пишите мне ничего, ни слова. Вот что! Вложите в пакет, если удача – розу, неудача – миртовый лист...

НЕЛИДОВА (*обнимая Ирину*). Поезжайте, милая, хорошая вы моя. Что узнаю, тут же вам сообщу.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

С удалением князя Григория Орлова и с падением влияния воспитателя цесаревича – Панина, новые советники императ-

рицы Екатерины, с целью устранить влияние на нее сына, Павла Петровича, подали ей мысль отправить цесаревича и его супругу для ознакомления с зарубежными странами, в долгий зарубежный вояж.

Их высочества оставили окрестности Петербурга 19 сентября 1781 года. В половине октября, под именем графа и графини Северных, они в украинском городке Василькове проехали русскую границу с Польшей. Здесь фрейлину Нелидову ожидала подъехавшая накануне по киевскому тракту женщина в черных одеждах. Она была введена в поместье Катерины Ивановны. Туда же, через сад, как бы невзначай, пока перепрягали коней, вошли граф и графиня Северные. Они оставались здесь несколько минут, но и этого было достаточно, чтобы граф вышел бледный, как полотно, графиня – в слезах.

НЕЛИДОВА (*махая рукой из кареты Женщине в черных одеждах*). Роза, роза!.. Не мирт!..

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Объехав Германию, граф и графиня Северные встречают новый, 1783 год в Венеции.

8 января. Великий Князь Павел Петрович в живописном итальянском плаще «табарро», а Великая Княгиня в нарядной венецианской мантилье утром посетили картинную галерею и замок дожей, а вечером – театр «Пророка Самуила», где для высоких гостей давали их любимую оперу «Ифигения в Тавриде». Дирижировал сам знаменитый маэстро – композитор Глюк.

После оперы публика повалила на площадь святого Марка. Там в честь высоких гостей – путешественников был устроен импровизированный маскарад. Площадь кипела народом, все были в масках, говорили, шутили – что хотели, не узнавая друг друга. Однако следил каждый за каждым. Все заметили, что, проводив супругу из театра в приготовленный для них палатко, граф Северный гулял по площади в маске, будучи в стороне от других, беседуя с каким-то высоким, тоже в маске, иностранцем (может быть, графом

Калиостро?), который ему был представлен в тот вечер Глюком в театральной ложе.

Был полный месяц. Всюду висели разноцветные фонари, гремела музыка. Однако все это не отвлекало от главного. Оба были увлечены друг другом, своим разговором.

– Кто это? – пробегали мимо них маски.

– Будущий Павел Первый и с ним друг композитора Глюка – маг и вызыватель духов.

Павел был взволнован и не в себе.

ПАВЕЛ. Говорят, вы – чародей, вашим словам уже тысячи лет. Уверяют, что вы имеете общение не только со всеми живущими, но и с загробной жизнью. Без сомнения, это шутка с вашей стороны, смешно верить сказкам. Но, знаю, сказка сказке рознь. Хотелось бы вас спросить об одном явлении.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Слушаю вас, граф.

ПАВЕЛ. Например. Меня всегда занимали вопросы высшей жизни, непонятные вмешательства в духовную область, осуществленного сверхъестественными силами... Мне хотелось бы, чтобы вы объяснили одну странную встречу...

Павел явно боролся с собой, стремясь подавить в себе тяжелое и томительное, что составляло одно из его тайных мучений.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ (*направляя Павла к полуосвещенной набережной*). Я слушаю, слушаю вас внимательно.

ПАВЕЛ (*взволнованно*). Однажды это было в Петербург перед самой поездкой сюда, за границу... Была лунная ночь, я шел с адъютантом по улице и вдруг почувствовал, что слева между нами и стеной дома движется какая-то фигура. В плаще, старомодном треуголе... Холодом обдало мне левый бок. Со страхом следил я за шагами призрака, каблуки стучали о плиты тротуара, как камни о камне. Незримый адъютанту призрак направил мне грустный, укорительный голос: «Бедный, бедный Павел! Не привязывайся к миру, ты недолго будешь в нем... Бойся укоров совести, живи по законам правды... ты в жизни...»

Помню, тень не договорила, с тем и исчезла.

Граф Северный поднял глаза и обмер: перед ним, освещенный яркой луной, стоял во весь рост его прадед – Петр Великий.

Сцена третья (продолжение)

ПАВЕЛ (*дрожа от волнения*). Я сразу узнал его... хотел его о чем-то спросить, но он исчез...

Обращаясь к Таинственному Незнакомцу.

Как вы думаете, сеньор? Была ли греза это или я, действительно, видел тень моего прадеда?

ТАИНСТVENНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Это был он.

ПАВЕЛ. Почему он не договорил?

ТАИНСТVENНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Ему помешали.

ПАВЕЛ. Кто?

ТАИНСТVENНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Оставьте, лучше не спрашивайте. Есть вещи, которых не следует знать... но надо догадываться...

В это время с большого канала послышалась музыка, очень похоже на гимн, каким угощала утрами фрейлин Нелидова.

ПАВЕЛ. Еще вопрос.

ТАИНСТVENНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Спрашивайте, граф.

ПАВЕЛ. Жив ли русский моряк с корабля?

ТАИНСТVENНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. «Северный Орел?» Павел Концов? Жив был, спасся у острова Тенериф... Пошлите особую, миртовую ветвь... Позвольте теперь один вопрос вам: будет ли граф Северный, взойдя на престол, более снисходителен ко мне, чем были когда-то министры его родительницы?

ПАВЕЛ (*оставляя вопрос без ответа. В сторону, про себя*). Скоморох! Какие басни плетет!

Вслух. Призрак прадеда Петра Первого только что видел я, видел!.. А вы его видели?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Теперь уже Таинственный Незнакомец оставляет вопрос без ответа. Корабль стоит на рейде с подвязанными парусами.

Завтра на этой шхуне супруги Северный покидают Венецию и отплывают на родину.

А маскарад продолжался. Маски смеялись друг другу в лицо. Гремела музыка. «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде» – какая разница, темные силы с этой стороны и с той. Граф Калиостро или его покорный слуга – таинственный маг, ночной незнакомец.

Прошло еще пятнадцать лет. 1796 год приближался к концу. Первые месяцы царствования императора Павла. В Петербурге чувствуется радость освобождения из крепости знаменитого Новикова, возвращение из Сибири Радищева.

Император Павел с августейшей супругой посещает собор Петропавловской крепости.

ПОЛИЦМЕЙСТЕР АРХАРОВ (*вытянувшись в струнку*). Государь-император! Прошу заглянуть сюда – на главное здание.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*в одном из казематов*). Здесь содержался кто-нибудь из итальянцев?

ПОЛИЦМЕЙСТЕР АРХАРОВ. Никак нет-с, Ваше Величество, раскольники.

ГОСУДАРЬ (*указывая на окно*). Вот надпись на стекле алмазом: «O, dio mio!» (O, мой бог!)

Архаров и Обер-комендант крепости молчат – новые, очевидно, не знают старых легенд.

ГОСУДАРЫНЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Любопытно узнать, кто это был тут? Почерк женский. Бедная! Содержалась в таких условиях.

ФРЕЙЛИН НЕЛИДОВА (*выглядывая из-за спин*). Уж не Княжна ли Тараканова? Помните, Ваше Величество, несчастье с моряком Концовым и ту девушку из Малороссии?

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. Тараканову, говорили, крысы тут съели.

ДРУГОЙ ГОЛОС. Утонула, говорили, от наводнения.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*подозвав Нелидову и указав за окно на одинокую березку среди рavelиновского глуховатого сада*). Вот ее могила! Но где же записки о ней? Я выясняла, ничего нет

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. Надо покрепче взяться, разузнать про это прискорбное дело... Были смутные времена: покушение Мировича, бунт Пугачева, потом эта... несчастная... Я видел слезы матушки – государыни... она до своей кончины не могла простить себе, что допустила допрашивать арестованную в свое отсутствие... в свое присутствие...

ГОЛОСОК В ГЛУБИНЕ СВИТЫ. Запутался! Отсутствие где – в Петербурге, а присутствие где – в Москве.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*подзывая фрейлину Нелидову*). Что вы скажете об этом, Катерина Ивановна? Вы за это уже брались, выясняли.

НЕЛИДОВА. Выясняла. У нас же все тут в двойном измерении: две столицы, два Павла – вы, государь, и моряк Павел Концов, две Елизаветы, две Княжны Таракановой...

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ (*с готовностью*). Два царевича Димитрия.

НЕЛИДОВА. И у меня в моих выяснениях два монастыря: один где-то под Киевом, другой тут под Москвой... Где была настоящая Княжна Тараканова – неизвестно. Рассказывали в глубине Украины, в небольшом уединенном монастыре, некогда поселилась та самая Ирина Ракитина из Тьмутаракани. Там она приняла постриг и тихо скончалась в немалых годах, горячо молясь за погибшего в море брата ли, жениха ли... раба божьего Павла.

«У покойной нашли свиток с надписью «От отца Петра», между бумагами засохшую миртовую ветвь, при письме одной важной особы...»

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*своей августейшей супруге*). Как же, помним, помним. Помните, Мария Федоровна, мы о ней хлопотали?.. Я еще этому, как его... графу Калиостро... в Италии о ней, о Концове тогда говорил...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. В Венеции когда были, у композитора Глюка. Это он вам вместо себя гроссмейстера ордена предложил...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*оглядчиво*). Мария Федоровна, ну зачем это? Кто вспомнит прошлое, тому глаз вон.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. А кто забудет, батенька, тому два. Миртовую ветку Ирине Львовне я тогда посылала...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Пора вспомнить и о графе Алексее Григорьевиче Орлове-Чесменском. В год путешествия по Европе графа и графини Северных он, наконец, женился. Его побочный сын от таинственной Княжны Таракановой, Александр Алексеевич Чесменский, умер в чине бригадира.

Пережив императрицу Екатерину и даже ее сына – императора Павла, граф Алексей Григорьевич оставил после себя единственную дочь и скончался в Москве в царствование Александра Первого в 1807 году.

Вызовем его тень и спросим:

– Ну как? Преследовали ль тебя при кончине угрызения совести за греховный поступок с Княжной Таракановой или в черствую душу твою, граф Алехан, до конца жизни не запала даже искринка с укором совести?

ТЕНЬ ГРАФА АЛЕХАНА. Самому сие неизвестно.

НЕЛИДОВА – ФРЕЙЛИНА ИМПЕРАТРИЦЫ. Впрочем, достоверно знаем, что предсмертные муки графа Алексея Григорьевича были невыносимы. Чтобы не было на улице слышно ужасных стонов и криков умирающего «исполина времен», было признано нужным заставить его домашний оркестр, разучивавший в соседнем флигеле похоронный гимн, играть «Ифигению в Тавриде», и как можно громче. Музыканты играли эту «Ифигению», а в уме держали другую – «Ифигению в Авлиде», а с ней вместе Княжну Тараканову где-то в Ливорно, где когда-то граф, говорят, отбил княжну у Концова.

Там же, в Петербурге, в Зимнем дворце, выстроенном Екатериной Великой. Император Павел Первый в царских покоях. После памятного посещения им со своей супругой

Марией Федоровной Петропавловской крепости голоса стали являться ему, царствующему императору. То матери – покойной императрицы Екатерины, то Таинственного Незнакомца из Венеции, с которым он встретился тогда еще, когда был графом Северным.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (обращаясь к супруге). Что делать, Мария Федоровна? Жить во дворцах этих Екатерининских – ни в летнем, ни в зимнем – не вмоготу. Все ее голос мерещится. В Гатчине, что ль, поселиться?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. В Гатчине хорошо. Но достанут, боюсь, и до Гатчины.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Кто – голоса?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Гвардейцы. Такие, как братья Орловы, поставившие мать на правление.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Армию мать твоя создала. Сама великая и армия великая, югом как прирастила Россию. Фельдмаршалство развела, приучила к победам, а теперь что делать с армией? Снова войой, и так без конца?.. Вон Потемкин говорит, что отец Александра Македонского Филипп, боясь вторжения персов, создал мощную армию, а она не воюя-то, и убила Филиппа... «любящего лошадей»...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Муштровать надо полки-то, во фрукт поставить и пусть маршируют... по Гатчине... Вот что с голосами мне делать? А теперь еще и призраки стали являться. И чаще, и длительнее. Сны снятся цветные, и с продолжением.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Дела государственные давят... говорят же, руби дерево по себе... отдыхать надо... на море ездить. Вон царь Петр сколько целебных источников пооткрывал.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. На той неделе мать – Екатерина Великая – привиделась. Сидит вот, как ты, явственным образом, зримо...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (замерев). И где же, батюшка, это было?

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Да у березы той, в крепости, у Алексеевского рavelина, где сидела та... несчастная... Да и говорит мне, сыну, ныне правящему императору: я, что ль, была счаст-

лива? Женщина, а сколько всего везла, какой воз? Да хотя бы и с этой «авантюрьерой» – Княжной Таракановой. С наследованием власти просто беда. Ты-то вот сел после меня на престол, а что получилось у предшественницы моей – императрицы Елизаветы Петровны? Я теперь ее понимаю, как она мыкалась, укрывала своих детей от нехорошего глазу... а на какую судьбу обрекла... хотя бы и дочь Лизавету... да и сына, если подумать, Петра...

Так-то, матушка – государыня, дорогая моя супруга... Сон этот просто меня доконал, кровь какая-то снится, подушка твоя, тобой вышитая – с розой и миртом... задыхаюсь от них...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это простым людям так. Сходят в церковь, свечку поставят – глядишь, все как рукой сняло... Заказать надо молебен по матери, панихиду. Побывать в месте, где бывала покойная императрица...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ, Что тот священник, отец Петр, служивший в Казанском соборе, при конце жизни говорить-то начал, слыхала? Говорит, покойная императрица, матушка моя, пожалела несчастную... Под березой лежит не княжна, а другая... А княжну, по ее собственному желанию, отправили в монастырь...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Поезжай в монастырь, отведи душу, царь.

Спустя неделю после достопамятного разговора со своей супругой император Павел Первый отправляется в Первопрестольную, в тот самый Новоспасский женский монастырь под Москвой, о котором был наслышан давно.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*прохаживаясь по аллеям тихого монастырского сада с изуменьей – настоятельницей святой обители*). Ну, и что вы скажете, матушка, по поводу высказанных мной мыслей об этой несчастной... о Княжне Таракановой? Была ли тут моя мать – покойная государыня-императрица? Была ли сама тут княжна?

ИГУМЕНЬЯ. Да ходят тут всякие легенды. Предшественница мне рассказывала... Будто осенью того же года, когда княжну привезли из Италии на корабле, к нам сюда, в Новоспасский монастырь, тайно доставили некую особу. Постригли ее тут в

монахини, дали имя ей Досифея. Поместили в особую, недоступную келью...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. А там, в крепости, выходит, сидела другая?

ИГУМЕНЬЯ. Монахини у нас тут шушукались, мол, Досифея эта – незаконная дочь покойной царицы Елизаветы и ее мужа в тайном браке Разумовского.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. И что же – была тут, встречалась тут у них Великая Княжна с императрицей Екатериной?

ИГУМЕНЬЯ. Да была, была... Вот так вот, как мы, тоже вдвоем ходили по садику...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Ну, и кто же из них умер первый, кого пережил? Говорят, ведь слабая была княжна, чахоточная, еще в крепости дышала на ладан.

ИГУМЕНЬЯ. То была слабая, чахоточная, что сидела... А эта Ирина, была ничего себе, крепенькая...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Ирина?.. Выходит, Орлов из Италии вез не княжну, а другую? И на корабле граф Чесменский венчался с другой?

ИГУМЕНЬЯ. А это уж вы как хотите, так и думайте.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. После игуменья Новоспасского женского монастыря, что под Москвой, говорила всем, кто ее спрашивал:

– Был государь Павел Первый, беседовал со мной, а как все разузнал, присел на скамейку да так и сидел, может, с час или больше... После Павел рассказывал все своей супруге Марии Федоровне...

«Сижу и смотрю вдаль, как в будущее, а оттуда, из прошлого, идет мать мол – покойная Екатерина и смотрит на меня, косит правым глазом».

Княжна Тараканова (Тьмутараканская) тоже, когда гуляет, слегка косит левым глазом, глядя от себя – от войны миров – в розовый окружающий мир.

Занавес.

23-25 октябрь 2010 г.,
г. Орел.

СЛАДКИЕ НОЖКИ КШЕСИНСКОЙ

(историческая трагедия с современностью)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ – царь-мироносец, Император Российской империи.

ЦАРЕВИЧ НИКОЛАЙ – наследник, его сын, затем последний русский император Николай Второй.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА – супруга Николая Второго, императрица.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ из дома Романовых:

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ – генерал от артиллерии, президент театрального общества в Санкт-Петербурге.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – президент Академии художеств.

ЕГО СЫН КНЯЗЬ АНДРЕЙ – молодой офицер.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ – директор Мариинского театра.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МУРОМЦЕВ – председатель Первой Думы России в Санкт-Петербурге.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА, следующего в Японию.

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА – КАПЕЛЛАН

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ – балерина Мариинского императорского театра, «генералиссимус сцены», балерина-красавица со «сладкими» ножками, обладательница сильной энергетики, сводившая с ума всех Романовых – от Императора Николая до всех троих Великих Князей.

РОДИТЕЛИ МАТИЛЬДЫ, СТАРШАЯ СЕСТРА ЮЛИЯ, ТОЖЕ БАЛЕРИНА.

БАНКИР ПОЗНАНСКИЙ – СОПЕРНИК РОМАНОВЫХ.

ЯПОНСКИЙ САМУРАЙ, РАНИВШИЙ КОГДА-ТО БУДУЩЕГО РУССКОГО ИМПЕРАТОРА.

ПАРИЖСКИЙ ШАНСОНЬЕ.

КОРЕЙСКИЙ АДМИРАЛ.

Призраки знаменательных фигур, возникающих по ходу событий.

РУДНЕВ – капитан героического крейсера «Варяг».

ПОП ГАПОН – провокатор царской охраны.

КЕРЕНСКИЙ – Председатель Временного правительства после Февральской революции 1917 года.

ТЕНИ – ПРИЗРАКИ РОМАНОВЫХ: Императора Николая Второго и Великого Князя Сергея Михайловича, а также

АГАПКИНА – капельмейстера Моршанского полка в Тамбовской губернии – автора вальса «На сопках Манчжурии».

Приближенные ко двору императора, маркеры казино в Монте-Карло, балерины кордебалета, революционеры-террористы и анархисты, жители Санкт-Петербурга, Парижа, Мыса Доброй Надежды, Токио. Солдаты и матросы, офицеры российского флота конца XIX – начала XX веков.

ПРОЛОГ

Время правления императора Александра Третьего, когда Россия впервые, еще от князя Тишайшего, ни с кем не воюет. Зато накопилось много того, что, рухнув, привело затем империю к краху. И как ни странно, ни дико, ни чудовищно даже, но именно «сладкие» ножки Кшесинской, балерины для царских спален, как голос из преисподней, подорвав и без того шаткие устои России, стали прелюдией потрясений: революций и войн, гибели миллионов.

Невероятно! Но именно через любовь, красоту и богатство Романовы продемонстрировали беспредел. «Сладкие» ножки Кшесинской, очаровав самого императора и еще трех Великих Князей сменили эпоху, перевернули Россию и мир. Таинственный польский «вопрос», начиная с Андрея Курбского, существовал и существует поныне, переключаясь непостижимым образом с современностью: в частности, смоленским лесом и Курильскими островами.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Санкт-Петербург и его окрестности. С одной стороны, дворцы и фонтаны, с другой – «Земля и воля», «Черный передел».

Перед глазами времен Льва Толстого разворачивается эта картина вакханалии в доме Романовых, накануне новой эпохи перед Русско-Японской войной, 1905 года.

Сцена первая

Окрестности Санкт-Петербурга. Дача Кшесинских. В артистической семье отмечают именины младшей, четырнадцатилетней дочери Матильды. На семейном празднике, кроме родителей, присутствует старшая сестра Юлия. Появляется звезда программы – молодой шотландский танцор Джон Макферсон со своей невестой Джейн.

Отец именинницы, раскрасневшись, усаживает иностранных гостей за столом на главное место, мать наставляет служанку:

– Анчоусы подавай, анчоусы... только что из Италии... из Венеции...

ОТЕЦ ИМЕНИННИЦЫ (*поднимаясь и провозглашая тост*). За молодых! За благополучное пребывание вас, дорогие гости из прекрасной Шотландии, тут у нас. Будьте как дома на гостеприимной земле Санкт-Петербурга... Как будто именно для вас, для вашего блистательного таланта наш Александр Пушкин написал такие слова:

«Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой».

ДЖОН МАКФЕРСОН. Почему «шипенье», «пунш»? Почему пунш голубой, он зеленый.

ОТЕЦ ИМЕНИННИЦЫ. Потому что это написал Пушкин. Слышите, в его фамилии тоже шипенье, пунш – «пш», «шп».

ДЖЕЙН. Но почему пунш не голубой, а зеленый?

ОТЕЦ ИМЕНИННИКА. Постарались уж, подобрали под цвет ваших глаз. И потом Пушкин любил зеленый цвет жизни и лета. Перстень у него был темно-зеленого цвета, пока, не разрядившись на поэзии, стал женским, светло-зеленым...

ДЖОН МАКФЕРСОН. Не так давно у вас в Петербурге поставили памятник, э... кому?.. Пушкину, Пушкину... Авторство Аникушкина? Хороший памятник... Очень поэтично, очень!..

Рука у поэта чуть в сторону, наотлет. Джейн, почитай что-нибудь из Пушкина по-шотландски в моем переводе. А я пока выйду, подышать... на терраску...

Вскоре встает и следом за шотландским танцором выходит виновница торжества – четырнадцатилетняя именинница. Их нет десять, двенадцать минут, четверть часа.

Джейн бросается на терраску: Матильда сидит на коленях у Джона Макферсона, он крепко обнимает ее. Крики, слезы, рыдания. Сконфузясь, шотландский танцор тут же покидает гостеприимный дом. Матильда, которой сегодня исполнилось все лишь четырнадцать, как ни в чем не бывало, садится на место, где сидела шотландка.

ОТЕЦ ИМЕНИННИЦЫ (*грозь пальцем*). Уфф, какая ты у меня! (*Глядя в окно*). Смотрите, они взяли разные экипажи, разъехались в разные стороны...

МАТИЛЬДА (*равнодушно, передернув плечами*). Шотландия – страна чудес. У нас и своих чудес хватает.

МАТЬ ИМЕНИННИЦЫ (*манерно, с печалью в голосе*). Ну, и куда ее энергию мы направим, как вы думаете?

ОТЕЦ (*решительно*). А туда же, куда и старшую сестру – Юлию. В Ваганьковское училище, пусть продолжает учиться на балерину. Вот где энергия ей пригодится... в балете... крутить всякие сальто-мартале... Да, мама?

МАТЬ ИМЕНИННИЦЫ. А куда же еще?

МАТИЛЬДА. Ладно. Ваганьковское так Ваганьковское, только потом на меня не обижайтесь

Спустя четыре года. В Мариинском театре должен состояться бенефис лучших выпускниц Ваганьковского училища. Будет сам императора Александр Третий с императрицей Марией Павловной и цесаревичем Николаем – наследником престола.

В театре за кулисами.

МАТИЛЬДА (*дергая старшую сестру Юлию за волосы*). А ты стань вон туда, за кулисы.

ЮЛИЯ (*обижаясь*). Почему это? Я все же первая ученица.

Расхохотавшись, Матильда убегает, ловко лавируя между балеринами кордебалета.

А, между тем, вот что происходит в Зимнее дворце, в доме Императора Александра Третьего и его супруги Марии Павловны.

ИМПЕРАТРИЦА. Что-то ты, Александр, опять сегодня веселый?

ИМПЕРАТОР. А почему бы и нет. Впервые так, при мне страна не воюет. Ни на Кавказе, ни с турками. Вот я и веселый.

ИМПЕРАТРИЦА. Зато внутри страны никак не успокоятся: то террористы, то анархисты... Говорят, освободил народ твой покойный батюшка, а земли не дал. «Черный передел» – переделить собираются землю.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР. Не переделят, сила пока что при мне.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА. Сыну надо сказать, наследнику, пусть приглядывает за отцом.

Покачав головой недовольно императрица уходит. Александр Третий – человек крупный такой, грузный, в огромных ботфортах с отворотами, специально изготовленными по его просьбе, как болотные, охотничьи сапоги; оглядываясь опасливо, достает из-за отворотов бутылку, открывает пробку и пьет прямо из горла.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР. На наш век здоровья хватает. А не хватит, займем.

Пауза. Подходит к окну, смотрит на Неву, на Петропавловскую крепость по ту сторону полноводной реки.

ИМПЕРАТОР. Николай этот – наш наследник не знает, куда себя деть. Вчера целый день гонял по Неве на яхте. Буря поднялась, штормовая волна, а он ходит под косым парусом, как какой-нибудь рыбак. Это опасно, опасней некуда... Что бы это придумать: чтобы и не опасно было, и чтоб развивало, на пользу было... Молодой человек, нет еще и тридцати. Надо его к женскому полу приохотить, не во дворце тут с фрейлинками,

жеманными кокетками, а где-нибудь на стороне... В театре, например... В Мариинском, кажется, бенефис затевается лучших выпускниц Ваганьковского училища? Вот и пойдем, пожалуй, туда всей семьей. Пусть покрутится наследник около балеринок этих – молодых, пока еще ничего не умеющих... А все равно хорошо развлечется с этими кокетками. Надо сказать супруге Марии Павловне, пусть собирается...

Мария Павловна похлопотала, и вместо Мариинского театра они, Романовы, всей семьей (сам император, супруга его и наследник) направились в Ваганьковское училище. Туда был перенесен из театра бенефис лучших выпускниц балета, туда они и приехали бы. Конечно, тут посвободнее, непринужденнее... Однако цесаревич – наследник Николай настоял на театре.

Император Александр Третий с императрицей Марией Павловной сидят в царской ложе. Сидят, как и положено царствующей чете важно, лорнеты на зал наводят и на них из зала наводят лорнеты. Оркестр тромбонами разыгрывает гаммы, скрипки пиликают. А цесаревича нет, куда-то ушел.

Начало спектакля.

ИМПЕРАТРИЦА (*шепотом спрашивая супруга*). Где Николай, куда запропастился?

ИМПЕРАТОР (*супруге, так же шепотом*). Да вон он за портьерой, занял позицию возле самого края сцены. Ножки чтобы лучше рассматривать у балерин.

ИМПЕРАТРИЦА. Что это – так интересно?

ИМПЕРАТОР (*усмехнувшись*). Ну, конечно.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. 23 марта 1890 года. Идет концерт. Номер проходит за номером. Все думали, что цесаревич к старшей из Кшесинских, к Юлии, сунется, будет к ней приглядываться, а он от ножек младшей из Кшесинских глаз не отводит. Сладкие ножки Матильды. Вот она делает па и как раз там, где цесаревич даже прилег на пол, чтобы лучше разглядеть эти сладкие ножки младшей Кшесинской. Серебряный браслет срывается с руки балерины и падает перед носом цесаревича Николая, наследника.

Цесаревич выскакивает из засады, хватает с полу браслет и как кавалер, припав на одно колено, подает этот браслет Кшесинской. В зале раздаются аплодисменты.

После концерта состоялся прием. Императорская чета во главе стола, рядом с императором Александром Третьим сын его – цесаревич, наследник.

ИМПЕРАТОР (*подзывая Матильду*). Вот вам с сестрой ваза с фруктами. От себя скажу: вы, мадемуазель, достигнете больших высот в этом деле, вы прекрасно танцевали сегодня.

Обращаясь к наследнику. Что скажешь, Николай?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*прижав руки к груди*). Нет слов, очарован. Навек, навсегда... Покорен, мадемуазель, вашим танцем, Вашими сладкими, ножками...

ИМПЕРАТОР (*улыбаясь Матильде*). Присядьте рядом, расскажите о себе, чтобы мы знали о вас...

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ (*присаживаясь рядом с Императором*). А что рассказывать? В коротких словах скажу, что родилась 19 августа 1872 года под Санкт-Петербургом, в театральной семье. Куда идти учиться? Вопросы для меня не было – в Ваганьковское, в балерины. И вот я сижу, Государь, рядом с вами... Невозможно даже представить, как я счастлива...

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ (*улыбаясь, махая рукой ей вслед*). Ну, иди, иди, голубушка. Очаровывай шелопаев.

И начались театральные будни.

В антракте приходит Матильда – в гримерную, а в гримерной – цветы, море цветов. И дорогие подарки. И так каждый вечер: море цветов и дорогие подарки. Как будто у нее в гримерке вечно зеленое лето.

Приходит однажды – устала, отработала половину спектакля. А в гримерке, как всегда, свежие цветы, а подарков нет, где подарки? Кто-то хват за ножку ее рукой из-под диванчика.

КШЕСИНСКАЯ (*испугавшись, затем полупритворно, жеманно*). Ах! Кто это?

Выбирается оттуда цесаревич Николай, наследник. И в руках его украшение в виде платинового орла.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Это вам за полет на сцене, орлиный полет.

КШЕСИНСКАЯ (*прижав украшение к груди*). Нет, каков комплимент! Даже выше орла.

ЦЕСАРЕВИЧ (*поднося к губам браслет*). Вы умна, вы красива.

КШЕСИНСКАЯ. Я всегда для вас готова летать. Знайте это... А сейчас мне на сцену...

Цесаревич уходит, Киесинская достает из шкафа толстую тетрадь и записывает: «Вчера была жемчужная змейка – стоит столько-то, сегодня – платиновый орел, бесценная вещь»...

В следующий раз торопится Киесинская к себе в гримерную, а у двери уже группа из кордебалета – стоят, шушукуются. Остановилась Матильда, прислушалась.

КШЕСИНСКАЯ (*в сторону, про себя*). Ох, уж эти люди, родной коллектив!

ФИЛИМОНОВА – *балерина из кордебалета*. Не ноги, а слезы какие-то. До плеч едва дотаскивает... И, вообще, едва ноги таскает. На старика какого-нибудь только и может рассчитывать....

КШЕСИНСКАЯ (*подойдя поближе, в сторону, про себя*). А что, это идея, попробуем когда-нибудь в будущем. А пока, а пока... Видали, как красиво ухаживают за мной?

Вслух. Видали, как красиво ухаживают за мной? Держу пари, что наследник скоро окончательно будет у моих ног, идет?

ФИЛИМОНОВА (*фыркнув*). Наследник?

И смолкла. На всякий случай. Мало ли что.

На другой день Киесинская перетащила из своей гримерки в кордебалет корзину цветов, сунув записку «Филимоновой от Матильды. Молодец, ты сегодня всех очаровала. Продолжай».

БАРИТОН (*в соседней гримерке во весь голос*). Кто может сравниться с Матильдой моей?

КШЕСИНСКАЯ. Надоел! Надо его куда-нибудь отправить (Пауза). Да нет, пусть поет, распевается. Славит меня, Матильду, на весь Мариинский театр...

Сама уже напевая. «Кто может сравниться с Матильдой моей?»

Ля-ля-ля, ля-ля-ля...

Ты вся опьяняющий сон...»

Кажется, победила! Пари выиграла.

КШЕСИНСКАЯ (в сторону, про себя). Этот Николай – царь, престолонаследник, а слабый... энергетически слабый... легко поддается, как простой человек... Как же он будет государством-то править, ворочать делами, миллионами жизней?

Сцена вторая

Санкт-Петербург, Зимний дворец. В торце дворца на втором этаже, с видом на Адмиралтейство, большой кабинет царя с большой библиотекой. Отсюда вход в малый кабинет, где Александр Третий, предавшись уединению, обмышляет самые сложные государственные проблемы, подписывает самые важные документы.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА (входя в малый кабинет). Приветствую тебя, пустынный уголок.

ИМПЕРАТОР. Запросто входишь, без стука. Чтобы застать врасплох?

ИМПЕРАТРИЦА. Зачем это? Знаю, в ботфортах носишь свои бутылки. Допьешься, государь, о здоровье не думаешь.

ИМПЕРАТОР. Наследник на это есть, если помру, цесаревич.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА (ворчливо). Наследника все по головке гладят. А он уже по невестам стал ходить, по балеринам ваганьковским. По Кшесинским... Познакомил ты их с младшей сестрой, с Матильдой на свою шею, а он все-рез. Боюсь, традицию кабы мы не нарушили.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. Какую традицию?

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА. Жениться нашим государям на немецких принцессах.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. С цесаревичем, Мария Павловна, ты права, надо бы разобраться. Ты, скорее всего, уж нашла ему невесту из Священной Римской империи. А Кшесинская это так... для ошибок молодости...

ИМПЕРАТРИЦА. С цесаревичем, отец, всерьез надо поговорить. Что же он не может себя в руках, что ли, держать? Дом Романовых не опускать, фамилию царскую, династию не подрывать...

Там же, те же. Появляется цесаревич Николай. Императрица Мария Павловна уходит, отец с сыном остаются одни. Сын стоит, опустив голову.

ОТЕЦ. Ведешь себя, как простолюдин. Все готов отдать за один только взгляд любимой. Как поется в народной-то песне?

«Окрасился месяц багрянцем,
Где море шумело у скал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал».

Вздыхнув поглубже. Это так только в песне поется, в идеале это, а в жизни? Да ведь и в людях, кто богат, старается взять богатую. Говорят, копейка рубль бережет.

СЫН (*приподняв голову*). Меня учишь, а сам пьешь украдкой, бутылку в ботфортах содержишь.

ОТЕЦ (*строжась*). Ну, и что вы с матерью за мной подглядываете?

СЫН. А ты что подглядываешь за мной?

ОТЕЦ. Тогда я тебя лучше в Англию направлю на обучение. Хоть сто раз говори человеку, не воспринимает, так хотя бы раз пусть сам увидит. Вот в Англии, чтобы капитал из рода своего не упустить, как правило, на двоюродных женятся...

СЫН. Вот у них болезнь такая и водится... наследственная, особенно у королей.

ОТЕЦ. Не вызывай духов, обернется против тебя же... Кшесинскую в покое оставь, пусть не строит планы относи-

тельно тебя, Николай, наследник российского престола. Мать твоя, императрица, говорит, нам, Романовым, нельзя нарушать традицию: русские цесаревичи женятся на немецких принцессах.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Сама немка, своих вперед выставляет. А у нас и своих хватает.

ИМПЕРАТОР. Русских, гордых полячек? Дело в том, сынок, что отклонения от традиции, от заведомой линии может грозить катастрофой. Непредсказуемый эффект. Сядешь на мое место, на трон – сам будешь потом рассуждать так же.

Это я говорю тебе, потому что отец. А то стал бы я силы попусту тратить, зачем? А так, в такой ситуации, кровно заинтересован в сохранении короны Российской империи. Держали Рюриковичи династию не так уж и долго, но все-таки. А мы, Романовы, не достигли еще и трехсотлетнего рубежа.

ЦЕСАРЕВИЧ (*гордо*). Достигнем.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. Видал картины известных русских художников? Иван Грозный у тела убитого им же сына... Петр Первый и царевич Алексей с явными признаками вырожденья... В обоих случаях глянь, сынок, на отцов: какой ужас, какое горе написаны у них на челе... неопишимо это внешне, в красках. А что творится в душе?.. Ты меня понимаешь, сын?..

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*опустив голову*). Понимаю.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. Какие-то дурные предчувствия терзают меня, сердце рвет на куски. Словно... словно... ну, в общем, как и родимую нашу страну. Вон куда протянулась с Востока на Запад, с Запада на Восток, а с Севера на Юг куда? Тоже невообразимо... А ведь еще и за пределами границ наши русские интересы...

И все это надо постигнуть умом, объять сердцем, сплотить и воплотить исторически уходящее впредь, так сказать, в пелену туманных времен... А ты говоришь, Кшесинская покоя тебе не дает. Это мне она не дает... покоя больше, чем даже тебе... Навязло в зубах, эффект то тайный, то явный, даже с военными амбициями, постоянный «презент» этот польский «вопрос»...

Полоса между Россией и Германией, «полоша», «польша» – вот что это...

Мы подумаем, что нам относительно тебя предпринять. Развеешься тебе надо, сынок. Предок наш Император Павел «вожировал» по загранице с будущей супругой своей, под именем графа и графини Северных. Царь Петр плотничать отправлялся в Голландию, Англию... Мы тебе выделим крейсер – боевую единицу Российского флота! И поезжай из Санкт-Петербурга, плыви по Балтике, по Атлантике, мимо юга Африки, через Индийский океан до Японии... Пока доберешься, все в тебе начисто вычистят «норды и зюйды», «осты и весты». Вернешься домой, в Россию, как новенький...

Принимай крейсер, мой сын Николай, цесаревич, престолонаследник, и курс в мировой океан на Японию, идет?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*отвернувшись*). Идет.

Санкт-Петербург, летний сад. Балерины Мариинского императорского театра Матильда Кшесинская и Филимонова прогуливаются по аллеям.

КШЕСИНСКАЯ. Ты красивая, я тебя выбрала. Ты одна такая в кордебалете, видная. Могла быть солисткой. Но что за фамилия для артистки – Филимонова. Да еще из кордебалета. Терпеть ненавижу... В кордебалете все притираются, все становятся одинаковыми, а балет – это раскрытие души, высших божественных качеств... Ты откуда сама-то?

ФИЛИМОНОВА. Смоленские мы, из крепостных.

КШЕСИНСКАЯ. Так тебе и кордебалет – высота достижения, предел?

ФИЛИМОНОВА (*язвительно*). Это тебе, Матильда, цесаревич – предел. Пари мы с тобой заключили. Ты сказала, что возьмешь его в руки, станешь любовницей, надолго ли? Это все-таки цесаревич, наследник престола, будущий царь.

КШЕСИНСКАЯ. Я же тебе говорила, мне это все по хрену. Главное – состязание души, я его победила.

ФИЛИМОНОВА. Ты – аристократка, не знаешь того, что знает там у нас каждая деревенская баба. В шорах надо держать мужика, как стоялого жеребца, чтобы что-нибудь не испугало его, не понесло. «Кони – звери!».. «Кони – звери!»..

Кшесинская кивает направо и налево проходящим мимо в основном из петербургской знати.

КШЕСИНСКАЯ. Из тех, кто с цветами ходит ко мне на сцену. Дамы в шляпах со страусовыми перьями, гвардейские офицеры... Да, а где же народ – крестьяне твои смоленские, мастеровые?..

ФИЛИМОНОВА. Работают.

КШЕСИНСКАЯ. Как работают?

ФИЛИМОНОВА. Чтобы все мы порхали по сцене, как бабочки.

КШЕСИНСКАЯ. Филимонова! Ты меня обижаешь своими намеками. Я – природный талант, я рождена для балета, для сцены. Каждому – свое: тебе хорошо и в кордебалете, а мне хорошо только солисткой. А в кордебалете я не могу: собьюсь с ритма, упаду, смешаю ансамбль, всю архитектонику, рисунок замысла... Этого тебе не дано оценить, никогда не поймешь...

ФИДИМОНОВА. Что тут понимать! Это как солнце: бывает белое, а бывает черное. Редко черное, но бывает... Вот ты этого беленького цесаренка-то и захомутала, взяла в руки и теперча покрепше держи... Как держать – сама знаешь. Женщине про такое не говорят, женщины сами знают... знают бабы. как держать мужика... Чтоб не пил, чтоб работал, чтоб ее лишь жалел, не таскался бы по дворам... по шлюшкам...

КШЕНСКАЯ. Завтра опять придет в гримерку ко мне. Как всегда с цветами, дорогими подарками... Походи, по-за кулисами, наведайся ко мне невзначай. Если что, встань за портьеру, понаблюдай. А я задержусь в антракте... Что он будет без меня там творить, как вести себя? После поговорим... Может, каждую непрочь за бочок схватить, заглянуть в другую гримерку?..

ФИЛИМОНОВА. Похожу. Погляжу. А вот стать за портьеру – боюсь... Еще шпагой проткнет, как в «Гамлете»...

КШЕСИНСКАЯ. Как-нибудь попробуй на себя внимание обрратить. Действительно, может быть, ловелас, на любую бросается?

ФИЛИМОНОВА. Мне это страшно. Это ты, Матильда, такая рискованная, сильная. Идешь в руки к нему, как на плаху. Мне так кажется. А я плахи боюсь... Для балета, выходит, не создана.

КШЕСИНСАЯ. Филимонова! Для балета ты, может, и создана. Не создана для солистки!

Мариинский императорский театр. Гримерка Киесинской. Озираясь, Филимонова входит в комнату, становится за портьеру.

В гримерку влетает Матильда, за ней вбегают Николай, престолонаследник.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Мой ангел, мой бог! Обожаемая Венера! Вы были очаровательны особенно на этих тактах тат-тата-та... тат-тата-та...

КШЕСИНСКАЯ (*бросаясь на диванчик и болтая в воздухе ножками в пуантах*). Ха-ха-ха!.. Хах-хах-хах-ха... Что вы, милый, понимаете в этом?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*целуя ножки*). Сладкие, сладкие какие! Теплые в пуантах, так и дрожат.

КШЕСИНСКАЯ. Устали. Пощадите, надо же им отдохнуть. Скоро опять на сцену.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Ухожу, ухожу.

Замечая офицерскую фуражку у зеркала.

А это что?! Фуражка? Но чья? Я ревную!..

КШЕСИНСКАЯ (*отбирая фуражку и прикладывая ее в своей груди*). Не знаю, кто ее сюда положил? Наверное, Филимонова – из кордебалета, она – шутница у нас. Всякое разное устраивает.

ЦЕСАРЬ НИКОЛАЙ (*неожиданно резко*). Отец дает мне крейсер и через Атлантику, обогнув юг Африки, посылает в Японию... Это чудовищно, плыть так долго, я буду страдать, вспоминать вас, Матильда, посылать воздушные поцелуи...

КШЕСИНСКАЯ. Мальчик мой, будущий царь! Берегите себя.

Сцена третья

Санкт-Петербург, Набережная Невы. У причала крейсер – военный корабль, боевая единица Российского флота. На сей раз он отправляется с мирной миссией в Японию, к восточным берегам России.

На набережной весь царский синклит. Романовы провожают цесаревича Николая, наследника престола, любимого сына Их Величеств Александра Александровича и Марии Павловны.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА (*сыну, в какой уж раз давая напутствия, дорожные наставления*). Коля, Николай Александрович! Экватор будете переходить, Нептуна встречать будете, так ты не купайся. Не то простудишься, схватишь насморк, а присмотреть некому, мать твоя далеко...

ИМПЕРАТОР (*супруге, увещательным тоном*). Ну, что ты, милая, что ты? В таком тоне, при всех... (*Сыну*). А ты держись молодцом! С трезубцем этого... как его, Нептуна... встречай, как и все: в воде. Крещение примешь, станешь настоящим морским офицером. Говорят, раньше-то, в прежние времена, через киль корабля первокрещенных протягивали...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*возбужденный*). Это пираты так поступали. С владельцами захваченных кораблей... Не волнуйтесь вы с мамой, буду телеграфировать... Обязуюсь! Все будет в порядке... все будет, как надо... Из круга Фру-Фру не выйдет, не собьется лошадка...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Крейсер аккуратно, как щука с острым носом, отчаливает постепенно отходит от стенки. Долгое плавание российского цесаревича к берегам Японии началось.

Матильда бросает букетик незабудок в пучину, в невиские воды. Николай с борта крейсера посылает телеграмму в Мариинку и узнает: вечером дирекцией назначен бенефис Филимоновой.

КСЕШИНСКАЯ (*под нос себе*).

«Кто может сравниться с Матильдой моей,
Играющей искрами темных очей?»

Атлантика. Белоснежный корабль. На мостике, рядом с капитаном, цесаревич Николай, наследник российского престола.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*восхищенно*). И какая же ширь! И еще расширяется, высчитали Атлантический океан раздвигается по одному сантиметру в год. Сейчас мы где-то между Европой и Северной Америкой. Еще ниже Азорских островов, и мы у берегом Африки... Где-то тут остров Святой Елены...

Капитан! Может быть, отклонимся от курса? Пройдем мимо острова этого изгнанника, Прометея судьбы, вы меня понимаете?..

КАПИТАН ПЕРВОГО РАНГА (*усмехнувшись*). Прометея?.. Вы имеете в виду узурпатора, Наполеона?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Помните оперу Рубинштейна?

«Я тот, чей взор надежду губит,

Едва надежда расцветет.

Я тот, кого никто не любит

И все живущее клянет.

Я бич рабов моих земных,

Я царь познания и свободы,

Я зло небес, я зло природы,

А ныне я у ног твоих».

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Капитан! Ознаменуем явление острова залпом боевых орудий крейсера.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Слушаюсь.

Гремит артиллерийский залп. Чайки взмывают над кораблем.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Пусть знают наших! Все наши враги!.. А чайки летят и летят следом от самой Европы. Ну, хорошо, чайки отдыхают, сидя на реях, на волнах, а соловьи? Я видел их где-то на Черном море, они летели в Египет...

КАПИТАН. Они, как Икар, впитывают энергию Солнца крыльями. Так и летят, нуждаясь только в божественных сферах, в высшей поддержке, даруемой Солнцем...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Как прекрасно вы говорите. А это все тот же Рубинштейн, его опера «Демон» (*напевая*).

«... И ныне я у ног твоих.
Тебе принес я уверенья,
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои,
Земное первое мученье
И слезы, слезы первые мои».

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Каковы слова! Кто написал – капитан?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*смутившись*). Нет... поручик...

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Вам в вашей ситуаций имя Цезарь очень подходит.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*откровенно*). Вы имеете в виду ситуацию с Кшесинской?

КАПИТАН КРЕЙСЕРА (*передавая управление кораблем старшему помощнику*). Вахта окончена... Я полагаю так, а как вы полагаете, царь?

Южная часть Атлантики. Белоснежный корабль продолжает мчаться вперед, рассекая синие волны. Сгущаются сумерки, ниже становится небо, чернеют тучи, надвигается шторм.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*в сторону, сам себе*). После экватора, где к нам на палубу являлся Нептун, где меня посвятили в настоящие моряки, я уже не боюсь шторма. Штормы нам уже ни по чем.

Вслух. «Тебе принес я уверенья
Молитву тихую любви».

Матильда! где ты? Почему ты так далеко? Я все думаю о тебе, я изнемогаю! Хотя уходим все далее, далее от тебя, от Санкт-Петербурга, а ты все ближе ко мне, вся во мне... вся во мне... А матушка все далее, далее... О Матильда!

«О Боже! Кто может сравниться с Матильдой моей,
Играющей искрами темных очей»...

Играющей звездами этих черных, ночных небесных провалов...

На другой день приглашает цесаревич на мостик корабельного батюшку.

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА, *(размахивая своим паникадиллом, цесаревичу Николаю)*. Освящаю и без того это священное капитанское место на корабле... Вам, Николай Александрович, когда заходят шторма или падает четкая южная ночь, лучше спускаться вниз в каюты. Отдыхать, опочивать. А на мостике быть лучше всего, когда светит божественно Солнце, лазурны океанские воды...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Спасибо, батюшка, на добром слове. Мы всегда будем учитывать его при наших решениях. Глядите, капитан! Это что – мы огибаем уж с юга Африку?

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Да, Цезарь. Это уже Мыс Доброй Надежды. И вон та плоская гора, со срезанной вершиной, – это уже так называемая Столовая гора. И тут имеется порт...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Так зайдем же в этот порт! Кажется, Йоганнесбург?

КАПИТАН КОРАБЛЯ. Предусмотрено пополнить запасы еды и воды. Спуск на воду, отдых команды.

Порт у Столовой горы. Таверна. В таверне русские матросы, за отдельным столиком цесаревич Николай и капитан крейсера. Вваливаются пьяные английские моряки.

АНГЛИЧАНИН – МОРСКОЙ ОФИЦЕР. Я – О'Брайен! Я – О'Брайен! Я в хмелю, черт меня побери, ну и что!.. А вы, рашен? Вы заняли наши места... Англичане, вперед! Применяем бокс, занимаем свои места!..

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ *(подходя к нему, по-английски)*. Офицер! Вы в порядке? Придержитесь курса на дверь...

ОФИЦЕР О'БРАЙЕН. За мной!

И бросается вперед головой, целит прямо в живот цесаревичу. Цесаревич изящно, как в бою на шпагах, отклоняется в сторону, и О'Брайен башкой своей врезается в стеклянную дверь. Звон стекла, стекло разлетается вдребезги. Русские матросы тут же выкидывают пьяную компанию вон.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА (*резко вставая*). На корабль! Преванье на Столовой горе окончено! Вода и провизия в трюмах. Взятый курс на Японию продолжается.

Индийский океан. Мадагаскар где-то выше по «норду», «норд-осту». Крейсер мчится, рассекая могучие волны. Цесаревич Николай все так же на мостике с капитаном крейсера – боевой единицы Российского флота.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*в сторону, про себя*). Неистовствую! Протестую! Выступаю против сил зла, охвативших душу мою, о Матильда! Ты явилась ко мне и не сходишь с глаз вот уже три дня и три ночи. Объяла всего меня, лежишь во всю ширь Индийского океана, глубиной с Черное море, красотой в город Санкт-Петербург... Матильда! Не мучай же, не истязай! Отец полагал, отсылая меня, что ты исчезнешь, сойдешь с души, но чем дальше, тем все ближе ты, все необходимее, какое-то уродство, вакханалия чувств... черный дьявол, провалы памяти... Солнечные затмение над океаном судьбы...

КАПИТАН КРЕЙСЕРА (*обеспокоенно*). О чем вы, Николай Александрович? Цесаревич наш дорогой!.. Бормочете, шепчете...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. (*Вслух*). О Петербурге думаю, о матушке и об отце.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Жениться надо вам. Николай Александрович. И как можно скорее... Пойду батюшку позвать, пусть побеседуем с вами о России нашей, о Петербурге...

Появляется корабельный батюшка опять же со своим никадилом. Размахивает им, освящая пахучим ладаном это священное для корабля капитанское место.

КОРАБЕЛЬНЫЙ СВЯЩЕННИК. Сын мой, прогони от себя земные суетности, живы нынешним днем, а не вчерашним. Перенесись в будущее, огляди себя оттуда со всех сторон, спустись с Голгофы на бrenную землю... Вера держит нас, верь в Бога, Бог же держит человека, не дает человеку пасть... Верь и тем спасешь свою душу...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Читал где-то в книжке: тут в Индийском океане, разломы земные. Полуостров индийский с Антарктидой составляли когда-то единое целое, а потом отошли друг от друга, а пространство это заполнил Мировой океан... Черные силы, я чувствую это, идут к людям и ко мне, грешному, из глубин необъясненного вечного... из океанских распадов...

ГОЛОС СВЫШЕ. Русская эскадра следом пойдет на Цусиму. Писатель такой, кажется, Сергеев-Ценский, напишет, как матросик запросто, одурев от похода, от солнца, от страха перед глубинами океана, запросто положит голову на плаху, а мясник также запросто, одурев от жары, перерубит шею ему топором...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Батюшка, вы – офицер?

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА. Да, Николай Александрович.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. А какая должность?

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА. Капеллан я – военный священник.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Вы, батюшка, за меня не беспокойтесь. С божьей помощью сами с собой как-нибудь справимся. И далее, к берегам Японии ведут все эти три ипостаси: вера, надежда, любовь. И еще четвертая ипостась: красота... Глядите, и тут каков океан! Красотища какая! Помните, в опере этого морского офицера Римского-Корсакова «Садко» – пели как про морские, океанские воды?

Напевая. «Не счесть алмазов в каменных пещерах,

Не счесть жемчужин в море полуденном,

В далекой Индии чудес...»

КОРАБЕЛЬНЫЙ СВЯЩЕННИК. Что это вы, батюшка, дорогой Николай Александрович, оперы все вспоминаете?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. В Мариинском частенько бываю. Балеринок люблю.

Сцена четвертая

Япония, Иокагама. Крейсер – боевая единица Российского флота – ошвартован в порту. Цесаревич Николай Александрович.

рович, наследник российского трона, со своей малой свитой сходит на берег, и тут же направляется в столицу японцев Токио.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*проходя по главной торговой улице Токио*). Глядите, сколько у них тут японцев! Сплошь японцы. Правда, кое-где есть и европейцы, как мы, например... Одежды, национальные и европейские, так и пестрят, мелькают перед глазами... (*Оборачиваясь назад*). А это что у них?

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. Рикши. Люди развозят на велосипедах людей.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Что – лошадок у них нет?

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. У них в изобилии рис и капуста, морепродукты.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А это что у них? Что за картина и сколько стоит, поинтересуйтесь.

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. Это гора такая у них, священная, – Фудзияма. Видите, нет на картине цены. Значит, не продается. Выставлено на показ – национальное достояние.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А это куда путь – дорога? В зеленые кущи?

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. Туда нельзя. Резиденция императора.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Как это нельзя. А нам можно, мы в некотором роде представляем тоже империю – самую крупную, самую мощную на земле.

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. У них, Николай Александрович, такие порядки. Как только появляется император в своем паланкине, все падают ниц. Нельзя смотреть на владыку откуда-нибудь выше его паланкина, с верхнего этажа... Следят строго...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А нам можно.

И делает шаг по направлению к императорской резиденции. Перед цесаревичем вырастает воин с мечом над головой. Молниеносный взмах меча и – цесаревич падает замертво.

В сознание цесаревич приходит уже в японской больнице. Врачи в желтых халатах хлопочут над ним, суеются.

ГОЛОС РУССКОГО КАПИТАНА (*тревожный, но и оптимистический*). Живой, Николай Александрович! Это он вас еще... можно сказать, любя... Вот он истуканом стоит. Самурай – фанатик своего дела (*обращаясь к Самураю*). Чуть что – так вы мечом по животу, как это у вас называется?

САМУРАЙ (*улыбаясь*). О да! Чуть что – у нас хакарири. Живот мечом пополам, и все. А русского я чуть-чуть... любя...

КАПИТАН РУССКОГО КРЕЙСЕРА (*заключая*). Нельзя есть нельзя, Николай Александрович. Даже для императорских отпрысков. Вот такие у них порядки, у самураев.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*слабым голосом*). Это как в опере «Чио-чио-сан», или «Мадам Батерфляй», как лучше?

КАПИТАН РУССКОГО КРЕЙСЕРА. Лучше, Николай Александрович, наше, отечественное: Михаила Ивановича Глинки «Иван Сусанин», или «Жизнь за царя»...

Там же, в той же больничной палате.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*откинув голову на подушку*). Матильда! Опять ты передо мной. Во всех тяжелых случаях жизни, в мои тяжкие поры ты возникаешь передо мной снова и снова!.. То балерина Кшесинская, то сладкие, божественно-легкие ножки ее рисуются передо мной... Спаси меня, вытащи из когтей смерти, отсюда из этой Японии, куда отец послал меня, чтобы я тут погиб вдали от тебя... Спаси меня и сохрани, ты – любовь моя и надежда...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Домой, в Санкт-Петербург, цесаревич Николай, наследник русского престола, возвращался через Владивосток и по железной дороге.

Год спустя, 15 ноября 1894 года, умирает Император Александр Третий. Ровно через месяц в брак вступает сын его Николай-цесаревич, женившись на немецкой принцессе Алисе. В честь коронации наследника под именем Императора Николая Второго в Мариинском императорском театре устроен

грандиозный концерт – бенефис, в присутствии всего петербургского света и иностранных гостей.

В центре спектакля – балет, в центре балета – Кшесинская.

После концерта сцена в Зимнем дворце. Первая семейная ссора Императора Николая Второго с молодой императрицей, названной Александрой Федоровной.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ваше Величество, пора собираться в театр, ехать на торжество по случаю провозглашения меня Императором.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Можете ехать, царь, а я не поеду. Кшесинская или я, Государь, делайте выбор.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*как можно спокойнее, мягче*). Как это можно не ехать? Мы, монархи, себе не принадлежим.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Вы можете ехать к этой своей Кшесинской... к любовнице, а я не могу. Не хочу ехать я к этой Кшесинской! Давайте с вами пойдем, хоть куда: в Исаакиевский храм, в Дворянское собрание. в Летнем саду погуляем... Отправимся с вами хоть в Генеральный Штаб, хоть на крейсер...

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Я настаиваю! Я кто – им – пе – ратор! И слово мок последнее! Корона ваша уже в карете, нас ждут... Спускаемся вниз по главной лестнице, выходим на Дворцовую площадь... Императрица, держите голову! Вы не в своем каком-нибудь маленьком Иссене, вы в грандиозной России! И тут все такое большое: от вашего шага, поступка до...

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*беря его за руку*). До моих слез?

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Да, и до больших слез ваших, императрица. А что делать? Мы под роком, прицелом судьбы.

После спектакля царь Николай подходит с царицей к приме-балерине Кшесинской.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Вы были сегодня в ударе!

КШЕСИНСКАЯ (*передернув плечами*). Не забыли меня?
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Вот вам мои традиционные цветы, а это подарок, украшение... так, безделушка...

КШЕСИНСКАЯ (*проявляя интерес к украшению*). Что это? Ах, змейка серебряная, серебряная змейка. Дежа вю – уже было. Вы уже дарили мне это, разве забыли?..

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*вспыхнув*). Забыл? Что забыл?

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*покраснев*). Нет, не забыл. И, надеюсь, никогда не забуду.

ГОСТИ, ПРИБЛИЖЕННЫЕ РЯДОМ. Какой пассаж! Какой пассаж!.. Серебряная змейка и императрица... Орден Серебряной Змейки надобно учредить, как в Англии королевский Орден подвязки...

Монаршья чета проходит далее между приближенными.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*раскланиваясь со всеми, особо Кшесинской*). Вас, милейшая, ждем на приеме. Вы, мадам, со своей Серебряной Змейкой будете украшением стола. Не забудьте надеть.

Зимний дворец, Тронный зал, Торжественный стол.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*подзывая лакея*). Передайте Кшесинской: мы ждем только ее, пусть танцует свое любимое «па». Мы же рады паркету, коснутся которого ее божественно легкие, сладкие ножки...

ЛАКЕЙ (*появляясь через минуту*). Ваше Величество! Она отказывается, говорит, мы тут отдыхаем.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ (*поведя вокруг себя взглядом*). С кем она отдыхает?

ЛАКЕЙ (*растерянно*). Со своими... этими... сладкими ножками.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*кланяясь супруге Александре Федоровне*). Пойдем просить эту капризницу. Таланты – они таковы! Это не полк гусарский и не военный корабль, это (*засмеявшись от предвкушения*) сладкие, сладкие ножки Кшесинской... Не какой-нибудь даже самый сложный

механический аппарат, это такое божественное, невероятное, непостижимое – это все она, дива, все они, сладкие ножки Кшесинской...

ЦАРЬ НИКОЛАЙ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ (*стоя перед Кшесинской, низко кланяясь*). Мадам, дежа вю – вы уже танцевали. Но нам всегда, а вот теперь и ей (*показывая на императрицу Александру Федоровну*), простите, доставляет чистейшее удовольствие смотреть каждый раз, еще и еще, бесконечно это вот «па»... как вы делаете это ножками в воздухе... трул-ля-ля, трул-ля-ля... Как будто стрижете ножницами пан-бархат или ассигнации цвета морской волны...

КШЕСИНСКАЯ (*вскакивая на стол*). Ну, хорошо! Чтобы прекратить ваш этот славянский базар, я станцую вам! Из «Кармен» Бизе, «Хабанеру»!

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*едва успев вставить*). И «Сегедилью!»

Как Кшесинская тут же делает ножками «па». И грянул оркестр.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*стоя под руку с супругой своей Александрой Федоровной*). Аплодируйте, аплодируйте! Дежа вю – уже было! Но как это прекрасно, каков темперамент! А техника? «У любви, как у пташки, крылья»...

ОДИНОКИЙ ГОЛОС *где-то возле оркестра*. Этот меломан нам когда-нибудь профукает всю империю.

ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ. Что такое «профукает»?

ДВОРЕЦКИЙ (*разнося вина по эту сторону зала, где военные и напротив них дипломаты*). «Профукать»? Это значит, проиграться в пух и прах в карты где-нибудь в Монте-Карло.

ДИПЛОМАТЫ. Царь – игрок?

ВОЕННЫЕ. Царь – поэт, господи! Как и Пушкин, происходит от слова «пушка».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Возвратаясь с театрального бенефиса по случаю коронационных торжеств, уже дома царица Александра Федоровна устроила супругу скандал, произведя

генеральную уборку царя Николая из спальни в соседние помещения. На другой день царь взял и приказал купить балерине Кшесинской особняк в центре Санкт-Петербурга. Это чтобы было куда ему временами скрываться от штормов, которые все чаще что-то стали добираться до Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

Проезжая как-то в коляске, царь Николай показал царице Алисе особняк, отделанный только что под морскую волну.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Чей особняк? Кшесинской?

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Видишь, рядом карета с позолоченными деревянными спицами?

ИМПЕРАТРИЦА (*супругу*). Ты подарил?

ИМПЕРАТОР (*расплываясь в самодовольной улыбке*). Ну, а кто же? Кто еще может сделать такую глупость.

ИМПЕРАТРИЦА. Главное – ради чего?

ИМПЕРАТОР. Ох, уж эти мне сладкие ножки! Сладкие, сладкие ножки Кшесинской!

После, когда по столице уже прошли празднества по поводу коронации и начались народные выступления, а в Белокаменной, Первопрестольной поп Гапон провел свою первую голодную манифестацию, вдовствующая императрица – мать Мария Павловна заглянула как-то запросто к своему царствующему сыну с невесткой Алисой да и сказала:

– И сколько, сынок, ты мог бы подарить таких особнячков Филимоновой... из смоленского кордебалета... на те деньги, что ты смог потратить на подарки Кшесинской?

ИМПЕРАТОР (*пожав плечами*). Же не се па – не знаю.

ИМПЕРАТРИЦА. Наверно, с пол-Санкт-Петербурга...

Сцена пятая

Там же, в городе Санкт-Петербурге – столице Российской империи. А по Санкт-Петербургу во главе с попом Гапоном рядом со второй манифестацией голодных, обманутых вкладчиков двигалась уже другая колонна, в которой пели «Мы наш, мы новый мир построим». А из Петербургского

университета исключили какого-то Ленина. Но Император по-прежнему ездил в Мариинский театр, посещал гримерку балерины Кшесинской. Хотя и без прежней ретивости и прежнего уровня драгоценных подарков Немецкая аккуратность супруги этого ему уже не позволяла.

КШЕСИНСКАЯ (после спектакля во всеуслышанье, прямо в зрительный зал, после аплодисментов, восхищаясь). Каковы в городе Санкт-Петербурге фейерверки! Глаз не отвратив, радуют и Императора, и простого человека, крестьянина!

На другой вечер в гримерке Кшесинской появляется Великий Князь Сергей Романов – куратор артиллерийского направления в Российской армии, Президент Петербургского театрального общества.

СЕРГЕЙ РОМАНОВ. Рад, мадам, слышать от вас такой «комплиман». Он стал достоянием Петербурга, дошло до самого Императора.

КШЕСИНСКАЯ. Я намеренно сказала, чтобы вы, князь, пришли сюда ко мне, я хотела вас видеть.

СЕРГЕЙ РОМАНОВ. И что сказать?

КШЕСИНСКАЯ (расхохотавшись). Вы еще не женаты? Вы же еще молодой человек – высокопоставленной, царской фамилии. Человек скромный, порядочный, даже застенчивый. Я хотела бы видеть вас чаще.

На другой день Великий Князь Сергей Романов появился снова с драгоценным подарком, качество и стоимость которого Кшесинская тут же занесла в свою книгу.

ФИЛИМОНОВА – СОЛИСТКА КОРДЕБАЛЕТА (Кшесинской). Ты счастливая, родилась под звездой. Не замечаешь уж «комплиманов», воспринимаешь как должное. А директор Мариинки теперь тебе по-особому кланяется... вот так вот... Почти как вдовствующей императрице. А вчера одна городская газета назвала тебя «генералиссимусом балета». Ох, уж эти Романовы!

КШЕСИНСКАЯ (шутливо пальчиком Филимоновой). Плуты! Но – который из них?.. Впрочем, я, действительно, премьер-солистка, первая балерина театра, Баядера, разве не так? Сама себе обязана, своему таланту и трудолюбию.

ФИЛИМОНОВА. Еще бы! «Генералиссимус сцены». Как Суворова, обозвал тебя какой-то стрекулист. Скажешь слово «генералиссимус» – и полки тебе, баталии, генералы мерещатся... Я – твоя протезе, дали соло мне, вывели из кордебалета. А теперь от этого «Корсара» – балета Адана уже все пуанты стерла о пол, ноги разбила, от бешенных ритмов. Сказала директору – князю Волконскому, мол, замените или меня, или спектакль, а он мне ни слова.

КШЕСИНСКАЯ. Что-нибудь придумаем, мэм. Какую-нибудь аферку. Вставим это ему куда-нибудь в же... зл...

ФИЛИМОНОВА, Да, но он же князь, благородной фамилии!

КШЕСИНСКАЯ. Напишу записку, отнесешь Великому Князю Сергею Романову – куратору от артиллерии. Поглядим, что будет, какой фейерверк на киятрах...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Через день директора князя Волконского в Мариинском императорском театре не стало. Зато появилось сразу два президента: Санкт-Петербургского театрального общества и Академии художеств, оба Великие Князья, оба Романовы: Сергей Михайлович – куратор артиллерийского направления в развитии армии, ближайший царский родственник и Владимир Андреевич – двоюродный дядя царя.

ФИЛИМОНОВА (*снова ушедшая в кордебалет*). Шушаррра... «Ра» – разве это Солнце у египтян? Это Кшесинская свергла директора. Теперь к ней и не подступись, она формирует репертуар... Великий Князь Сергей Романов зачастил к ней в гримерную...

ГОЛОС ПОТИШЕ, В ТЕНИ КОРИДОРА. А как же Романов... прежний-то Николай? Неужто сама сменила перчатки?..

ДРУГОЙ ГОЛОС, ШЕПОТОМ. Сменила пуанты. Ножки теперь свои бережет... для царя, для Романовых, для больших бенефисов и празднеств...

КШЕСИНСКАЯ (*подтверждая слухи*). Красиво же могут ухаживать эти Романовы! И сам царь, и особенно Великий Князь – куратор артиллерийского и театрального направления в государстве и обществе...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ, *наподобие фейерверка*. И вот произошло чрезвычайное событие, которое повернуло все в Мариинском театре, да что в театре – во всем городе Санкт-Петербурге, да что в городе Санкт-Петербурге – во всей, может, великой России, в такое русло, о каком невозможно было представить самому пылкому воображению какого-нибудь театрального критика или даже писателя, например, Надеждина или даже Николая Васильевича Гоголя с его инкогнито из Петербурга, а скорее всего, с мешком Солохи из «Сорочинской ярмарки», куда Гоголь складывал дорогие подарки, а кузнец Вкула хотел отвезти их на черте в столичный город Санкт-Петербург.

В гримерную Кшесинской, пока балерина пребывала на сцене, явился с цветочками Великий Князь Сергей Романов. И тут послышались чьи-то мужские шаги. Сергей Михайлович нырнул за портьеру и замер. Глядь, а в гримерную входит сам царь. Шутливо этак, как на пуантах. И тоже с цветочками. А следом тут же влетает и сама балерина Кшесинская.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Голос откуда-то свыше, уже наподобие артиллерийского направления. И тут эпизод распадается надвое: до того и после того. С Императором и без Императора.

Первое с Императором.

КШЕСИНСКАЯ. (*Влетев в гримерную после спектакля и увидев в ней царя Николая Второго*). Ах! Николай Александрович! Наконец-то вы тут у меня, в моих объятьях, и я у вас на коленях!

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*обнимая и целуя Кшесинскую*). Занят был, теперь у меня, твоего котика, государственные дела.

КШЕСИНСКАЯ. Ну, а как, царь, Алиса – твоя благоверная, успокоилась?

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Поставил на место. Ее немецкое Ваше Величество.

КШЕСИНСКАЯ. Почему вы, батюшка, титул такой себе взяли – «Николай Второй»? Ведь вы, царь, всегда у меня тут первый: и тогда, и сейчас.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Да, но Николай Первый уж был. Во времена, так сказать. Отчакова и покоренья Крыма. Еще при Пушкине, в пушкинские времена.

КШЕСИНСКАЯ. Видите? Сам царь говорит: пушкинские времена, а не николаевские. А что скажут, царь про ваше время, обожаемый мной вы, любовник (*обнимая его и целуя*).

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*слегка отстраняясь*). Времена-то? При мне? (*улыбнувшись*). Да Кшесинские времена назовут, в честь тебя...

Настораживается, услышав шорох за портьерой. Что это тут у тебя? Мыши? Пожалуй, как у Шекспира.

КШЕСИНСКАЯ. Не знаю, откуда тут мыши?

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*поднимаясь с диванчика*). Ну-ка взглянем, что тут у нас?

ГОЛОС СВЫШЕ. Всего мог ожидать Николай Второй от подобного рода случая, но только не самого Вакулу с мешком – со смешочком от Гоголя, а тем более, тут сейчас, при таких обстоятельствах своего ближайшего родственника из дома Романовых – Великого Князя Сергея Михайловича – куратора артиллерийского направления.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*оторопев*). А ты зачем тут, Сергей?

СЕРГЕЙ РОМАНОВ (*едва живой, пролепетав первое, что пришло на ум*). По делам театра... по театральному направлению...

ЦАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*уже гневаясь*). Смени, голубчик, свое амплуа... Послать тебе надо в Японию, там как раз тебя не хватает...

И, хлопнув, как говорится дверью, уходит в гневе, с явной мыслью о том, чтобы расторгнуть контракт.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Второе в эпизоде, после того уже без Императора.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ РОМАНОВ – куратор артиллерийского направления в развитии российских вооруженных сил (*надвигаясь на бедную женщину сразу со всеми своими орудиями – морскими и сухопутными*). Ну, и как все это мне понимать?!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ, С ГРУЗИНСКИМ АКЦЕНТОМ. Но Кшесинская есть Кшесинская, это тебе не какая-нибудь

Филимонова – синенький скромный платочек. Утром дает себе поцеловать, чтобы вечером повязать себе же платочком тем шею.

КШЕСИНСКАЯ (*в сторону, про себя*). Почему голос мне подается откуда-то сверху, с грузинским акцентом?

А вслух, Великому князю Сергею (подыскивая слова).

– Вот вы, Сергей.

– Ну, Сергей.

– Вы Великий Князь.

– Ну, Великий Князь.

ОНА. Заметьте, не я это выдумала, не из моей головы извлечено: вы – Великий? Ну, и будьте Великим, великодушным. Извольте этому соответствовать, сударь. Вы – сударь, а он – Го – сударь (*резко уже*), и этим все сказано.

Я вам, Сергей Михайлович, не князь Волконский – бывший директор театра. Я в ваши иерархии не посвящена. У меня – видите вот? – пуанты стерты, пальцы сбиты на сцене... Вот они каковы, видите? В натуре если – эти сладкие ножки Кшесинской...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*бледный, как полотно*). Просите, мадам. Я ничего плохого вам не желаю... Я просто люблю вас, ни на что не надеюсь... Ну, я пошел?

КШЕСИНСКАЯ (*подняв вверх чайник*) молча пьет из носика простую воду, падающую ей то в рот, а то на лицо. *Вслед, раздраженно*. Ходят тут всякие! Поклонники Мельпомены. А тут подметай за ними, половики вытряхивай. Надо Филимоновой сказать, пусть займется...

ГОЛОС СВЕРХУ (*ехидно*). Чем или кем? Великим Князем Сергеем?

КШЕСИНСКАЯ. Половиками.

А утром по Санкт-Петербургу пошло, полетело, тут же докатилось и до театра: террористка какая-то стреляла в главного полицмейстера, а в «Храме на крови», возле которого убили когда-то Александра Второго – деда нынешнего Императора – уже отслужили молебен по новопроставленному, православному, убиенному атеистами.

Санкт-Петербург, Зимний дворец. Спустя несколько лет. Император Николай Второй – русский царь – в малом кабинете, укрытом от внешнего мира.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*раздумчиво*). «Мон репо – мой от-дых». Вот теперь и поймешь своего отца – Александра Третье-го, мирноосца. В самом деле, ни одной войны при нем не было. Это значит и внутри страны царь с делами справлялся, не надо было внутренние проблемы сбрасывать на какую-нибудь вне-шнюю войну, связываться с каким-нибудь государством.

А у меня на царство хоть волком вой: тут и там тонко, а где тонко, там и рвется. Вал какой-то катится, стихия собы-тий. Поп Гапон провел манифестацию, полиция разогнала манифестантов, раскричались, поп этот тайно стучал поли-ции. Полиция кровь пролила, попа сочли провокатором. а во всем виноват царь, обозвали царя Николаем Палкиным, пуще того Николаем Кровавым.

Ну, кто бы мог подумать о таком обороте? Надо хоть дома, в семье держаться, делать всяческие маневры. Алиса Алексан-дра Федоровна, оказавшись вроде спокойной, выдержанной, каждый год приносит по девочке, их уже трое, а наследника никак не предвидится. Из чего я заключаю, что не так-то все у Алисы в порядке. По-прежнему аж задрожит вся. как только услышит о Мариинском театре. А я уже и не помню, когда навещался к Кшесинской... В особняк, какой ей тогда пода-рил, я и вовсе носу не кажу какой уже месяц.

Однако доносят мне, говорят о дома Романовых черт знает что... Да, о доме, но не обо мне Николае Романове, хотя тоже непрочь позлословить... И все же мозги сверлят: три прокля-тых вопроса: кто виноват и что делать? И добавим: воевать или не воевать? Но с кем тогда и когда? Какая-нибудь малень-кая, победоносная война. Она разрядила бы обстановку... Япония – вот что стоит у меня перед глазами...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Санкт-Петербург – «Северная Пальмира», средоточие всех искусств, в том числе и, прежде всего, оперы и балета... Представьте себе, здесь живут не только цари, Петровы отпрыски, его дальние и ближние родственники. Но и также еще говорили про какие-то цветочки в гримерную «Мариинки» да про Серебряную Змейку на шею Кшесинской.

Сцена первая

Мариинский театр, гримерка примы-балерины Кшесинской – «генералиссимуса» русской сцены. Кшесинская сидит перед зеркалом, изучает свое лицо.

КШЕСИНСКАЯ. Делаю инспекцию собственных глаз. На лице главное – это глаза. Штампом стало, расхожей метафорой, глаза – это зеркало души. лучше сказать глаза – недра души, ностальгия, провалы, откуда порой невозможно выбраться... Оба Романовых попали туда навечно...

Появляется Великий Князь Сергей Романов – как всегда, уравновешенный, человечный.

КШЕСИНСКАЯ (встречая его). В сторону, про себя. А тут глаза, совсем наоборот, сути своей не отражают. Глазки князя Сергея простоватые, маленькие какие-то, а человек он хороший. Искренний, душевный. Даже играть с ним, плутовато вести себя и обманывать чисто по-женски как-то неловко.

Такие подарки делает, что стыдно брать. Страшно за него делается: а вдруг разорится, дотла все раздаст. Это как игрок в карты или в рулетку где-нибудь в Монте-Карло... А он наивен, этого даже не понимает, думает, что если он Великий Князь да еще из рода Романовых, то это его как бы индульгенция... Самозащита, чтобы не продать черту душу...

Вслух (всплеснув руками). Князь Сергей! Как я рада вас видеть! Вы меня огорчаете, мы с вами так редко видимся. Да не носите вы ничего, не носите, кроме букетика незабудок. Розы – с шипами, я их боюсь. Розы и мирт, любовь до умопомраченья... Вы царя вовсе отвадили, вы – победитель!

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Николай Александрович просто порядочный человек. Такой семьянин оказался, сам от себя, очевидно, этого не ожидал. Дети есть дети, привяжут к себе хоть кого... К тому же он теперь царь, по горло занят государственными делами... Такая текучка среди министров. Поставит одного, глядишь, пора снимать этого и ставить другого. Снимет первого, а он обижается...

КШЕСИНСКАЯ. Князь, мне это неинтересно. Мне интереснее даже артиллерия ваша, все, чем вы, князь, занимаетесь, не говоря уже о театрах...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Особенно музыкальных. Что касается балета, то я... покорен навсегда... и кем?.. не скрываю, говорю откровенно... «Кто может сравниться с Матильдой моей!»

КШЕСИНСКАЯ (*игриво положив пальчики на губы князю*). Я не ваша, Сергей. Я сама по себе...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Но когда же, когда же?

КШЕСИНСКАЯ (*кокетливо*). Это знают только на небесах.

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*искренне и откровенно*). Я уж строю к себе, в свои владенья, железную дорогу через Стрельню. Поближе к вашей даче, чтобы наведываться к вам почаще. Чаще теперь будем видаться с вами... Как только колея до Стрельни будет готова, я приглашаю вас на первый же поезд. На праздник первого поезда через Стрельню до Балтийского моря...

Мы сядем рядом, вот так (*обнимая Кшесинскую*), и будем лететь друг с другом навстречу свежему морскому ветру, вы будете танцевать в душе своей для меня свои прекрасные «па».. падекатр, падэспань, падепатенер...

КШЕСИНСКАЯ. Вы вечный юноша, вы никогда не состаритесь. И кто мог только додуматься до того, чтобы дать вам артиллерийское направление в развитии Российских вооруженных сил? Скорее, надо было отдать эту вашу артиллерию, например, Филимоновой нашей – артистке кордебалета. Когда вслед за мной появляется этот кордебалет, я вздрагиваю: так грохают они о пол своими ножищами, как будто за спиной у меня рвутся снаряды... Вы представляете, рвутся снаряды. а я должна танцевать в миноре...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*подсказывая*). Какой-нибудь пасодобль?

КШЕСИНСКАЯ. Дольче вита, дольче вита, дольче вита-а-а...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Вы должны танцевать «сладкую жизнь»? «Сладкую, сладкую жизнь»?

Там же. После ухода князя Сергея Кшесинская продолжает сидеть у зеркала, разглядывая свое лицо. Смеется, строя себе всякие рожицы. Показывает язык вслед ушедшему только что князю.

Встает, потягиваясь, делая плавные движенья руками, закидывая ноги как можно выше, прямо перед собой.

КШЕСИНСКАЯ. *В сторону, сама себе.* Надо идти в зеркальный зал, там гораздо свободнее, хоть и занимается кордебалет.

Вбегают Филимонова, за ней весь кордебалет, заполняя сразу все помещенье гримерки Кшесинской.

ФИЛИМОНОВА. Что он принес тебе, что? Интересно все-таки.

АРТИСТКИ КОРДЕБАЛЕТА. Он тебе пол-Петербурга сюда перетаскает... Театр расширять надо... музей открывать... Эрмитаж...

ФИЛИМОНОВА (*Кшесинской на ушко*). Князь Сергей вышел какой-то неузнаваемый, хмурый... Задел вот ее (*показывая на артистку кордебалета*) плечом и даже не извинился. Это на него не похоже... Вроде недоволен чем-то, но чем? Вдвоем они ходят по-прежнему или теперь уж по одному?

КШЕСИНСКАЯ (*пропуская последнее мимо ушей*). Собой недоволен князь Сергей. Недоволен своей нерешительностью. Обещал покатать на поезде.

АРТИСТКИ КОРДЕБАЛЕТА (*подпрыгивая и хлопая в ладоши*). И нас тоже! И нас, Матильда, и нас!

ФИЛИМОНОВА. На каком поезде?

КШЕСИНСКАЯ. Специально строит железную дорогу на Стрельню. Чтобы ездить к себе туда, к морю, мимо нашей семейной дачи. Почаще будет ко мне заглядывать...

ФИЛИМОНОВА. Может, что-нибудь у вас с ним и получится. Царя бы ты все разыгрывала, Николая Александровича

ча. Небось выходит теперь из себя, помирает от ревности... не знает, куда себя деть.

КШЕСИНСКАЯ. Не троньте Николай Александровича, он теперь очень несчастен. Родился, наконец, долгожданный наследник, да все не то... Болезнь нехорошая, по наследству передается – гемофилия... белокровная и так далее... От англичан идет, от виндзорских затворников...

АРТИСТКИ БАЛЕТА. Почему хоть от англичан-то? Императрица вроде спокойная, никого не принимает.

КШЕСИНСКАЯ. Да хватит вам, хватит! Растрещались, сорочки! Кыш отсюда! Стены тоже имеют уши.

Артистки кордебалета поспешно покидают гримерку Кшесинской. Кричат вслед Кшесинской.

– «Жизель» разучиваем. В репертуар вводят «Жизель»... опять тебе главная партия...

Кшесинская с Филимоновой остаются одни.

ФИЛИМОНОВА. Верно, чего царя трогать, теперь ему не до нас. Ты этого князя Сергея приручай. Влюби себя по сильнее и брось...

КШЕСИНСКАЯ. Да мать у него всевластная, а он матери все рассказывает. А мать его третье лицо в Петербурге, после жены царя и вдовствующей императрицы.

ФИЛИМОНОВА, Все рассказывает, такой размазня? Ну, тем более разыграй его с кем-либо из их шатии-братии. Из того же дома Романовых, но с тем, кто постарше...

КШЕСИНСКАЯ. Владимир Андреевич – тоже Великий Князь, двоюродный дядя царя. Уж пробовала: неподступный, камень, об дорогу не расшибешь.

ФИЛИМОНОВА. Еще кого-нибудь попробуй. Сделай какой-нибудь пируэт... Сальте-мортале... елки-моталки...

Санкт-Петербург. Балтийский вокзал. Отсюда отправляется поезд, который идет и до дачи Кшесинских. В вагоне Матильда Кшесинская и Филимонова.

ФИЛИМОНОВА. Вот чудо! Как в русской народной сказке. И какие впряжены в железа лошадиные силы!

КШЕСИНСКАЯ (*показывая в окно вагона*). Вон посмотри, кто на платформе! (*Вскочив вдруг и неожиданно похоросhev*). Идите сюда!.. К нас сюда, к нам!..

В вагоне входят сразу два Великих Князя – князь Сергей Романов и князь Владимир Андреевич тоже Романов – двоюродный дядя царя.

КШЕСИНСКАЯ (*приглашая обоих к себе*). Я вас жду! Я вас жду! Будем попутчиками...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Может, ко мне поедем? В мои владения, за Стрельню?

КШЕСИНСКАЯ. А мы к себе, на нашу семейную дачу. Приглашаю, познакомлю со своими родителями – тоже театральные люди, драматические актеры...

Великий князь Сергей делает знак слуге, идущему следом, и тот тут же расстилает в соседнем купе скатерть-самобранку.

Князь Сергей еще молод, сверстник Мариинских кокоток. Князь Владимир Андреевич чуть ли не вдвое старше Сергея. Он сидит как-то спокойно, чересчур отстраненно, наблюдая за более молодыми, что у них между собой получается.

ФИЛИМОНОВА (*толк Кшесинской в бок, на князя, какой постарше*). Наблюдает, как это вытанцовывается что-то у вас с князем Сергеем... Подцепи его, закадри... Ишь, какой боров – пожилой, неподступный... Ты с такими не можешь, такие тебе, Матильда, скорее всего, не по зубам...

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Лучшие зубные врачи – это немцы. В немецкой армии даже у солдат зубы все запломбированы...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*вставая*). Предлагаю бокал шампанского за прекрасных дам!

«И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне».

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*привстав, князю Сергею*).

«Ты право, пьяное чудовище!

Я знаю: истина – в вине».

Предлагаю тост за истину, она тоже женского рода.

Скользнув с груди, салфетка падает к его ногам. Князь Владимир Андреевич силится поднять салфетку, но ах и ох! – простреливает спину ветерану. Сидя близко, Кшесинская тут же подхватывает его и усаживает рядом с собой.

Поднимается и начинает массировать спину князю, насмешливо глядя на князя Сергея. Массирует и смотрит, массирует и смотрит. Князь Владимир Андреевич наконец почувствовал теплоту и особую ласку молодых женских рук.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Великий князь Владимир Андреевич Романов смущен. Он уж здоров, все как рукой сняло!

КНЯЗЬ – ДВОЮРОДНЫЙ ДЯДЯ ЦАРЯ (*неожиданно помолодев*). Каков пассаж! Пассаж каков!

ФИЛИМОНОВА (*тихо*). Каков массаж, таков и пассаж.

КШЕСИНСКАЯ (*метнув на князя Сергей убийственный взгляд*). Каков пассаж! Без дураков!

Каков массаж! Массаж каков!

По вагону вдруг прошелестело: Вяльцева! Анастасия Вяльцева в нашем вагоне!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И головы одни за одними высовывались из купе и провожали взглядами певицу – исполнительницы русских романсов – до самой двери!

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*мечтательно*). Детка! Так и ушла она, шелками схваченная, в соседний вагон...

КШЕСИНСКАЯ. А я сижу тут с вами, и никто не видит, не замечает меня.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Конечно, конечно, как это печально.

Сцена вторая

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Малый кабинет Императора Николая Второго.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. (*Размышляя вслух, сам себе*). Малый кабинет чем хорош? А тем, что стенки близко со всех четырех сторон. Убежище «Мон репо» – «Мой отдых». Отсюда не видно ни Адмиралтейской иглы, ни Петропавловской крепости. Однако отдыхать не приходится. Эти малые четыре стены кабинета требуют концентрации воли, невероятных усилий в работе ума... Стены эти сдают силы, здоровье в думах о благе отечества...

Россия напряжена, земля звенит под ногами.

Надо спросить Кшесинскую: слышит, ли она этот звон, этот стон земной, чувствует ли его своими легкими, забавными, сладкими ножками? Требуют реформ, передела земли. Эти за реформы, те против. Требуют учредить Думу мы ее учредили. А в Думе одни только слова, все слова, слова; когда-нибудь они уничтожат, затопят Россию, как наваждение...

Эти требуют передела земли, те ее отвергают, им самим земли предостаточно. Ввел такое положение: в Российской армии: как только дослужился до чина майора, так получай дворянское звание и небольшой земельный надел на тех пустошах, какие пока еще есть по губерниям.

Эти требуют соблюдать права человека, те бросают бомбы, взрывают, стреляют, расстреливают, при чем самых видных, чиновный аппарат, опору Государства, России... Те вопят о кровавом царском режиме... О каком режиме идет речь? Где они его взяли?..

Входит императрица без короны, в простых одеждах, она просто русская женщина, не подумаешь, что родом из остзейских немцев.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*в сторону, про себя*). Однако как осунулась в последнее время, изменилась в лице.

Вслух. Александра Федоровна! Как ты считаешь, есть у тебя, у нас какие-либо права? Или, как и многие из них, (*махнув рукой куда-то неопределенно за стенку*) тоже считаешь меня ти-

раном, что у меня не власть, а кровавый режим, что я Николай Палкин, Николай Кровавый?

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*пугаясь*). Да что ты, что ты! Зачем ты так. Николай Александрович? Это я живу тут, как в клетке, берегу, спасаю детей...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. Как ты считаешь, может, этого фанатика, что из Сибири, приблизить ко двору? Может, это поможет тебе, наследнику – цесаревичу Алексею... легче будет бороться с его неизлечимой болезнью? Кажется, этот сибирский мужик из Тобола, Распутин? По-твоему чародей и колдун?..

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Распутин. Пробовал несколько раз заговаривать сына...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*заинтересованно*). Ну, и как?

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Кровь как хлынет из горла, уж и не знаешь, чем ее и остановить. А Распутин брал наследника на руки, носил на руках, лелеял, говорил ласковые слова, и кровь останавливалась, Алексей засыпал...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Говорят, что Распутин твой – конокрад. Что били его мужики, не добились за конокрадство.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Так зло-то какое по миру разлито, вот и надо на кого-то валить, сваливать все в одну кучу.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. Революционная ситуация – это, когда низы не хотят, а верхи не могут... Россия у нас пока что крестьянская. А Распутин – из крестьян, олицетворение России.

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Верхи особенно его не хотят, из ревности. Высокородные. Не хотят подпускать ко двору. Сами желают быть при царе, торчать, как бельмо в глазу... Да и низы тоже не хотят. И по той же причине...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Следи, мать, за детьми, особенно за цесаревичем, за Алексеем – наследником.

Там же, только уже в большом кабинете с большой библиотекой, с томами в золотых и темных корешках. еще, наверное, времен императрицы Екатерины Второй, из библиотеки, купленной у Дидро.

Царь стоит у стола. Входит Председатель Думы России Муромцев.

РУССКИЙ ЦАРЬ. Сергей Николаевич, сюда, садитесь.

МУРОМЦЕВ. Ничего, ничего, Николай Александрович, вы стойте, и я постою.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Что стоять-то – в ногах правды нет. А правда нам с вами нужна. Что скажете о Государственной Думе? Просили, добивались ее учреждения – мы учредили. И что теперь?

МУРОМЦЕВ. Да что теперь! Едва держу, как на удилах... Пробрались в Думу с пяток таких, как поп Гапон, – провокаторы... И гнут свою линию, а за ними остальные, как стадо баранов... Мистификациям всяким, слишком, слишком подвержены... депутатский корпус...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ну, и в чем это выражается?

МУРОМЦЕВ. В главном вопросе. Муссируется главный вопрос.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. И какой же?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МУРОМЦЕВ. Малой кровью хотят добиться для России успеха. Такое проглядывается: малой, успешной войной сбить в стране большое внутреннее напряжение.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*сразу же настораживаясь*). Это с кем же ваши думские попы Гапоны собираются воевать?

МУРОМЦЕВ. А с японцами.

ИМПЕРАТОР. С японцами? (*Уставясь в Адмиралтейскую иглу за окном*). В сторону, про себя. Однако в курсе. Помнят, что меня там самураи когда-то подрезали.

И вслух. Сергей Николаевич, вы-то сами что по этому поводу думаете?

МУРОМЦЕВ. Да что я! Наше дело протокол вести, да все по протоколу от точки до точки. Это партии там неистовствуют, сшибают друг друга.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ну, и что полагаете, надо делать царю? Что предпринимать мне как Императору с такой огромной, часто рассогласованной в разных вопросах империей? Кратенько, резюме, Сергей Николаевич.

МУРОМЦЕВ. Согласовать и повести.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. «Верхи не могут, низы не хотят? Так, кажется? И называют это «революционной ситуацией»? По-моему все дело в нас с вами, Сергей Николаевич. Главное – былое и думы, пока они не перешли в демагогию.

МУРОМЦЕВ. Да, но они уже переходят.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Дайте Думе обратный ход. А мы тут тоже подумаем. А если части формулы поменять местами? «Низы не хотят, верхи не могут»? Вот это уже все по-другому, революционная ситуация, которую следует нам с вами не допустить.

МУРОМЦЕВ. Да, Николай Александрович. Это вы здорово сказали! Формулировка хорошая. И всего-то поменять части местами. Если не секрет, что придает вам сил держаться и пока что справляться... с такой, извините, империей?.. Откровенно если, попроще...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*рассмеявшись*). Как это пишут в газетах «сладкие ножки Кшесинской».

МУРОМЦЕВ. Желтая пресса.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*задержавшись на миг*). Ну, до этого мы с вами не доживем. Будет желтая, будет красная, будет всякая пресса, когда не будет империи. И это страшно для России – страны разношерстной, разновременной! Очень страшно!

ГОЛОС СВЫШЕ. Война началась, говорят, с нападения японцев на Порт-Артур и сразу же приняла необратимый характер. Это был уже не театр боевых действий, а харакири, самурайская мясорубка; главные силы русских от мест сражений находились так далеко. Оказывается, Восток – дело не только тонкое, но и в тонкости своей «непрозрачное». Это сказал Председатель Думы Муромцев. И пока доехало на паровозе до Владивостока то, что было в Европе тут «непрозрачным», там у Страны Восходящего Солнца окончательно перевернулось, замутилось. Белое стало черным, а черно-белым.

Одни сделались патриотами, а другие стали желать отчизне окончательного поражения.

МУЖСКОЙ ГОЛОС СО СТОРОНЫ. На Восток через всю страну потянулись длинные зеленые червяки поездов: на дровах повезли в теплушках вчерашних деревенских и городских парней, одетых в серые шинели, с винтовками и без винтовок.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И пришли поражения, сообщения из-под Мукдена.

И капельмейстер Маршанского полка в Тамбовской губернии Агапкин написал своей бессмертный Вальс «На сопках Мончжурии»

А на запасных путях Балтийского вокзала северной столицы появился известный всей провинциальной России голубой вагон Вяльцевой – замечательной русской певицы. В этом вагоне, превращенном в живые воспоминания, иногда прямо с порожков на каком-нибудь глуховатом полустанке Анастасия под гитару пела романсы, русские народные песни.

Голубой вагон появился в Санкт-Петербурге. Вяльцева добивалась от властей права отправиться на КВЖД, в район боевых действий. Где-то там, под Мукденом, в госпитале, угасал от ран ее муж, штабс-капитан... Вяльцева была уже в белых одеждах сестры милосердия с красным крестиком на белой косынке. Говорят, с просьбой разрешить отправиться под Мукден ее принимал сам Император. А пока они с матерью мыли полы

в вагоне, закупали лекарства, продукты. Иногда собираясь с духом, Вяльцева ходила в Мариинку, на спектакли с участием примы – балерины Кшесинской. И все ждала разрешения властей отправиться под Мукден. Но никто пока не брал на себя ответственность отправить туда, в смертельную мясорубку, ее – человека, не имеющего цены, наше национальное достояние...

ОТ АВТОРА. Да и тут, в Санкт-Петербурге, у голубого вагона Вяльцевой собралась толпа поклонников. Вот и я был как бы там, среди них. Мы поем с Анастасией Вяльцевой вместе. Вот кому, думаю, надо ставить памятник в Брянске – Вяльцевой на вечные времена. И в душе моей, переполненной «Катится, катится голубой вагон»...

Толпа на Балтийском вокзале в Санкт-Петербурге дрогнула. Стоит, аплодирует. И будут люди стоять так, аплодируя, пока не выйдет она, не поклонится, не запоет своим мягким, грудным человеческим голосом. Говорят, в хоре том видели даже Кшесинскую. – Неужто Кшесинскую? – А чего бы вы хотели? Талант к таланту тянется, одиночество к одиночеству... на вечные времена...

Толпа перед «голубым вагоном», скандируя:

– «Калитку», «Калитку»!

«Лишь только вечер опустится синий...»

Наконец-то выходит Вяльцева. Привычно кланяется, привычно прислоняет к груди гитару:

– Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой

(Сопки покрыты мглой, – повторяет толпа).

Вот из-за туч блеснула луна.

Могилы хранят их покой...

– «Не брани меня, родная, – запекает Анастасия, –

Что я так люблю его.

Скучно, грустно, дорогая,

Жить одной мне без него».

И все знают: теперь она будет петь до утра.

Сцена третья

И опять город Санкт-Петербург – столица Российской империи. Опять Балтийский вокзал. Спустя несколько лет. У поезда, отправляющегося куда-то на Стрельню, двое – оба в офицерской форме, молодой и пожилой человек. Появляется Кшесинская.

КШЕСИНСКАЯ (*старшему офицеру*). А-а, это вы, Великий Князь Владимир Андреевич? (*Тут же указывая на молодого*). А это кто? Познакомьте.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А это сын мой Андрей, офицер. Отправляется на фронт. На германский. Теперь уже война европейская, мировая.

КШЕСИНСКАЯ (*быстренько взглянув на Андрея*). Не отправляйте, не надо. Хоть самого царя упрошу, самого Господа Бога... Вам куда? Туда же, на Стрельню?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Едет вот... с матерью попрощаться...

КШЕСИНСКАЯ. Я туда же, на нашу семейную дачу. Как родителей не стало, пусто там теперь, никого. Иногда вот я появляюсь, наведу там порядок и обратно сюда в Санкт-Петербург.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*не спуская глаз с Кшесинской*). А вы все в театре, танцуете?

КШЕСИНСКАЯ (*не спуская глаз с князя Андрея*). Ну, а где же? Что еще я умею?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Императрица одела костюм сестры милосердия, с фрейлинами ходит по госпиталям... Появился поезд специальный – братьев и сестер милосердия. Да вон от стоит на путях... Говорят, какой-то Есенин туда зачислен – новомодный поэт... из крестьян...

КШЕСИНСКАЯ. Ну, и что же – всю нацию в мясорубку?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*оживясь*). Остается знамя – сформирует-ся новый полк.

КШЕСИНСКАЯ (*кокетливо, князю Владимиру Андреевичу*). Молодым нужны сражения, битвы. Это ведь слава, подвиги, ордена. Кстати, вашему сыну, Великий Князь, не помешало бы на грудь

святого Владимира с лентой... *Глядя на князя Андрея.* Не помещала бы?..

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Это надо еще заслужить. На полях ратных, на поле брани.

КШЕСИНСКАЯ. Э, мальчик мой! Над заслужившими черные птицы выются, мимо нас Бог пока что несет, да, Великий Князь?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Вы, мадам, прозорливы. Мыслите категориями.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. С того памятной встречи молодой князь Андрей, приезжая с фронта сюда в Санкт-Петербург, непременно отправлялся на Балтийский вокзал, откуда ехал до фамильной дачи Кшесинской. Тут он иногда и встречался с Матильдой, о чем отец его Великий Князь Владимир Андреевич и не подозревал.

Великий Князь по-прежнему проводывал приму-балерину в ее примерной в «Маринке».

Маринский театр, гримерка Кшесинской – «генералиссимуса» русской сцены.

КШЕСИНСКАЯ (*сидя у зеркала*). Ножки кое для кого еще сладкие, тело пока что летает. А первое, что напоминает о возрасте, прожитом времени, так это вот шея. Кожа теряет упругость, становится дрябловатой, надо уже придумывать всякие женские хитрости, например, прикрываться платочком... И на лице появляются первые паутинки... У глаз особенно...

Разглаживает лицо аккуратненько пальцами, делая легкий массаж.

Надо прикладывать свежие огурцы. Говорят, здорово помогает...

Кто-то обхватывает ее сзади, притягивает к себе. Это князь Владимир Андреевич. Войдя незаметно в гримерную, он подкрался к Кшесинской, обнял ее, целует прямо в сочные влажные губки.

КШЕСИНСКАЯ (*освобождаясь от объятий*). Ой! Как вы меня испугали!

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ! Пригласи меня на новоселье. Хотя, если не пригласишь, сам приеду... с хорошим

подарком. Я все же Великий Князь, двоюродный дядя царя – в конце концов. украшение стола.

КШЕСИНСКАЯ. Украшение стола – это я, женщина, балерина! А вы, князь, в крайнем случае, можете быть украшением общества. И то этого следует заслужить... на поле брани...

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Ну, и язва же ты, Матильда Феликсовна. Язычок твой, как жало змеиное.

КШЕСИНСКАЯ. Зато, сами говорите, я умна и красива. Звезда моя пока еще светит, не закатилась.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Что это у тебя тут на шее?

КШЕСИНСКАЯ. Вот, сапфировая змейка. Подарок князя Сергея.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Его змейку носишь, а мой кулон где?

КШЕСИНСКАЯ. Вот тут, в пеньюаре.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. В перпендикуляре! Балерина, много ты в чем разбираешься.

КШЕСИНСКАЯ. А нам в этом и не надо. Как сказал, Пушкин, поэзия должна быть чуть-чуть глуповата. А балет, балерина тем более. Нам это сам Бог повелел.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Так какой мы особняк обмываем? Какой царь тебе подарил или тот, что Великий Князь Сергей Михайлович?

КШЕСИНСКАЯ. Царский подарок. А князю Сергею я сказала: живи сам в своем доме, в собственном особняке. Когда купишь такой мне, как Таврический дворец, может, на твой подарок и соглашусь.

Особняк Шестинской, подаренный царем. За столом сам Император Николай Александрович с императрицей Александрой Федоровной и шесть Великих Князей.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*поднимаясь, чтобы открыть застолье, провозгласить первый тост*). Тут я самый старший по возрасту, мне и слово. (*Оглядев собрание*). Видите, сколько тут нас, Романовых? Во главе с самим Императором Николаем Александровичем. Такому со-

звездию имен мог бы позавидовать каждый из европейских монархов.

КШЕСИНСКАЯ (*перебивая*). Уточняю! Мог бы гордиться таким собранием...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*продолжая*). ... таким собранием достойных мужей. Предлагаю тост за династический Дом Романовых, за нашего государя – императора с его дражайшей супругой и...

ИМПЕРАТОР (*вставая*). ... и за очаровательную владелицу этого дома Кшесинскую Матильду Феликсовну, разбившую не одно-то сердце мужчин, покорившую весь Санкт-Петербург. Виват!

Князь Сергей! Приглашайте мадам на полонез, вы, я полагаю, тут самая подходящая пара для Матильды. Мы уж как-нибудь к вам пристроимся, за прямой пойдем, за Кшесинской...

Гремит оркестр. Кшесинская ведет за руку князя Сергея, а сама не спускает восхищенных глаз с Императора. Так и идет прямо перед собой, так и шла бы, так и въехала в стол перед Императрицей...

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*вытирая салфеткой забрызганную шампанским свою высокую грудь*). Голубушка, надо смотреть не на Императора, а под ноги. Балерины в столы не влетают.

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*пытаясь прийти на выручку, чтобы разрядить ситуацию*). Матушка Императрица! Это она на вас загляделась. Вам она благодарна за такой ценный подарок, как дом, это вы сподвигли Николая Александровича на такую щедрость, так отметить заслуги святого искусства.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*сделав большие глаза*). В сторону, про себя. Что это он лепит-то? На себя не похож, неутешенный грешник.

Вслух. Вот вы, князь, как способны, оказывается, на «комплиман». Цицерон! С языка слетает и влетает... куда...

КШЕСИНСКАЯ (*иронично*). Прямо в стол влетает вместе со мной. Простите, государыня-императрица... припадаю к ногам вашей милости...

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*значительно мягче*). Вы, милочка, в другой раз, когда будете танцевать свою, например, «Жизель» или «Мадам Баттерфляй», глядите, не вылетите со сцены в дверь да прямо на улицу. Как артистка кордебалета Филимонова – назад туда к себе в Смоленскую губернию.

КШЕСИНСКАЯ (*вспыхнув*). Я тут родилась, матушка. До Курляндии далеко, а до... а до..

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*Кшесинской*). Что, мадам, вы хотели этим сказать?

КШЕСИНСКАЯ (*резко, глядя на Императора*). А до Японии близко.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*твердым голосом*). Смотря кому и когда, в каком положении.

И повернулся боком к Матильде, стал приглашать Императрицу Александру Федоровну на Вальс Штрауса из «Голубого Дуная».

ГОЛОС СВЫШЕ. Когда у Кшесинской родился сын, на фамильную дачу к ней под Санкт-Петербургом прибыли сразу трое: сам царь и два Великих Князя – Сергей и Владимир Андреевич.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*чмокнув новорожденного в щечку*). Дарю тебе бумагу на деньги в банке... целое состояние...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*чмокнув в щеку Кшесинскую*). Дарю мальчику отчество.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*кланяясь новорожденному*). Дарю тебе имя свое, нашу фамилию.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Но, когда из действующей армии на фамильную дачу Кшесинской вскоре прибыл молодой князь Андрей – сын Владимира Андреевича и Кшесинская, несмотря на войну, объявила, что все втроем, естественно, с малышом, они отправляются на медовый месяц в Париж, оба Великих Князя, онемев, не знали, куда себя деть.

Эйфелева башня была уж построена. Она стояла, выражая иную эпоху: не хватало этих троих из России, чтобы стать символом еще и туризма, обладая титулом грации всего Большого Парижа.

Шла мировая война. Официально князь Андрей ехал на линию Мажено отдавать почести русским солдатам до смерти защищавшим эту прекрасную Францию.

«Тихо вокруг.

Сопки покрыт мглой.

Вот из-за туч блеснула луна,

Могилы хранят покой».

ГОЛОС СВЫШЕ.

А в России в это время все стало происходить с калейдоскопической, фантастической быстротой. Произошла Февральская революция, во главу страны встало Временное правительство Керенского. И монарха российского Николая Второго вместе с семьей арестовали. И пожелали предать суду, но царь, уже будучи арестованным, отрекся от трона в пользу своего брата. Но и тот отказался.

И повисло глухое молчание, тишина в ожидании выстрела из орудия главного калибра «Авроры», крейсера стоящего у Петропавловской крепости.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ – ДВОЮРОДНЫЙ ДЯДЯ ОТРЕКШЕГОСЯ МОНАРХА (*оповестив обо всем этом всех Романовых*). Голубчики мои дорогие, надо спешно покидать Россию, бежать, нет, драпать сейчас же, сию минуту, поспешно... уезжать за границу. Все, что тут происходит, надолго. И чем дальше, тем, я полагаю, будет все хуже и хуже... Вернемся, когда кипятик в чайнике отключится...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*глядя на Кшесинскую, которую позвали тоже сюда, к Романовым*). И куда? Куда едем?

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Не знаю, как другие Романовы, но я предпочел бы прекрасную Францию.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. И мы вот... с Кшесинской... тоже решаем.

КШЕСИНСКАЯ (*твердо поставленным голосом*). Что вы титулами себя тут обзываете? Революция! Титулы новой власти отменены. И надолго, если не навсегда, навечно.

Вслух, при всех. Вот вы... вы, гражданин Сергей Михайлович, вы, гражданин Романов... Князь Сергей, у меня к вам деликатная просьба.

В сторону, про себя. Князь Андрей с сыночком уже в автомобиле, а автомобиль рядом тут, на углу Мойки... срочно, сию минуту, пока не схватили...

Вслух, при всех. Да, князь Сергей, я прошу вас убедительно... У меня тут собой кое-что из фамильных драгоценностей, главное же там, на даче... Прошу вас, съездите и заберите. Вот ключи от дачи. Приедете и привезете в Париж...

Сцена четвертая

Санкт-Петербург, переименованный в Питер. По Невскому проспекту по направлению к Дворцовой площади движутся колонны. Звучит «Марсельеза», слова «Интернационала» – нового гимна, написанные тоже французом:

«Мы наш, мы новый мир построим.

Кто был никем, тот станет всем.

Это есть наш последний

И решительный бой!

С Интернационалом

Воспрянет род людской!»

СЛЫШАТСЯ ГОЛОСА: «Хлеба, земли! Хлеба, земли!..»

«Мир – хижинам, война – дворцам!»..

Среди демонстрантов попадают полицейские, знать, высшие чиновники, даже кое-кто из Романовых.

ГОЛОСА, КРИКИ. Расплодился эти Романовы... В сторону и расстрелять... К Зимнему дворцу... В сторону и расстрелять... расстрелять, расстрелять... Хлеба и зрелищ!..

На углу Невского и Мойки куча людей в серых одеждах. Почувствовав приближение колонны, они читают Блока.

Первый человек – в серой солдатской шинели, скорее всего, офицер.

Из драмы «Роза и крест».
БЕРТРАН. «Всюду беды и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди.
Странная песня о море
И о кресте, горящем над вьюгой...
Смысла ее не постигнет
Рыцаря разум простой.
Голос мой глух и бессилен
Темный напев передать»...

Второй человек – в черном морском бушлате, тоже, скорее всего, из поэмы «Возмездие». Юность – это возмездие.
Ибсен.

«В глазах любого офицера
Встают видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, среди вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый
Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Ташить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся

Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...»

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК – В СЕРОЙ СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ. Кажется, эти толпы прошли.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК – В ЧЕРНОМ МАТРОССКОМ БУШЛАТЕ. Да, кажется.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я – Соколов, посланный Колчаком. Я участник расследования в Алапаевске... Массовой гибели всех Романовых. Сброшены в шахту... Последним вытащили Великого Князя Сергея Романова. На груди нашли медальон с портретом этой Кшесинской.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Я – поэт, Николай Гумилев, офицер.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тоже будешь расстрелян.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК (*не обращая вниманья на реплику*). Медальон? С Кшесинкой? Знаю, знаю всю эту историю... Послала князя Романова Сергея на дачу к себе спасти ее драгоценности, и он был арестован...

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Какая жестокость.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Какая любовь. Ну, и что теперь будет?

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Пробираюсь к границе. Имею поручение от самого Колчака: передать все это там, куда следует... Чтобы стало известно всей Европе, всему миру, каждому человеку...

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Белое движение начинается?

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Началось.

Видя проходящих мимо людей в кожанках, с пулеметными лентами, скрещенными на груди.

И каждый вечер, в час назначенный, –
(Иль это только снится мне?),

Девичий стан, шелками схваченный,

В тумане движется окне.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ МАТРОССКОМ БУШЛАТЕ. Эти стихи он читал когда-то Кшесинской.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОЙ СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ. Князь Сергей. Ее несчастливый любовник!

ГОЛОС СВЫШЕ. Обманутый вкладчик...

Эхо, катаясь по каналу у Мойки. ... чик... чик... чик... Где-то откуда-то с неба

ГОЛОС КШЕСИНСКОЙ: Мой мальчик! Когда тебе будет плохо, вали все на меня...

Париж. Елисейские поля, Эйфелева башня, Триумфальная арка – фоновые места французской столицы.

Дама под черной вуалькой прогуливается под ручку с молодым человеком у Александровского моста. Это русская балерина Кшесинская, а молодой человек – ее сын.

Прохожий, тоже из русских эмигрантов первого поколения. Но где же князь Андрей?

КШЕСИНСКАЯ. Колесит на такси по Парижу. Зарабатывает на жизнь.

СЫН КШЕСИНСКОЙ. Мама, зачем же ты так? Так и сказала бы, что мой отец, князь Андрей, погиб на войне против красных, тут это можно... Что – у нас уже нет денег, не хватает средств к существованию?

КШЕСИНСКИЙ (*резко*). Да есть, есть! Фамильные драгоценностей хватит нам на всю жизнь. Не хватает – поедем с тобой в Монте-Карло, я сяду к столу за рулетку и обязательно выиграю... Я обязательно во всей этой жизни выигрываю... выигрываю... выигрываю...

Кшесинская, не сдержавшись, рыдает. Ни мужа, ни родины, ни сцены.

СЫН КШЕСИНСКОЙ (*улавливая ее настроение*). Да, но у тебя есть я – твой любящий тебя, преданный тебе, твой замечательный сын... Они тут забыли, что этот, Александровский мост, между прочим, построил за свои деньги наш русский царь Александр Первый, когда мы, русские, после изгнания Наполеона, оказались тогда тут, в Париже...

Идем же к Эйфелевой башне. Что я тебе покажу.

Прогуливаясь по Елисейским полям, они оказываются у Эйфелевой башни – этой Мекки, самым посещаемым иностранцами местом Парижа.

Долго-долго, отдыхая на видовых площадках, поднимаются они до самого верха.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ, ОН ЖЕ РОМАНОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Редкая птица долетит до середины Днепра, да, мама?

КШЕСИНСКАЯ (*устало улыбаясь*). Да, сынок.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. А теперь посмотри, что я буду делать тут. И гордись!

Снимает пиджак, передает его матери и, став вверх ногами на самый край башни, идет на руках по бордюру на виду всех, кто с ними там – всех этих разноязыких людей, на виду всего Парижа, оказавшегося где-то внизу, на высоте чайки, летящей отсюда до Сены.

Кшесинская стоит бездыханно, боясь слова молвить, не зная, что делать. Молодой Кшесинский – Романов соскакивает с края башни на твердую почву, кладет фуражку перед собой.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР РОМАНОВ. Господа! Не обессудьте... «Же не манж ра де рюи си жур – я ничего не ел шесть суток»... Да здравствует Учредительное собрание! «Вив ля ви – да здравствует жизнь!» Французы – наши друзья... (*Обращаясь к матери*). Ты довольна?

КШЕСИНСКАЯ. Ты забыл, кто я: твоя мать – балерина, а не воздушная гимнастка. Я не в цирке работаю, князь, а в театре.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. Я не князь, мама, а ты не в театре Дягилева. Нас, Романовых, туда не приглашают... Считают тебя едва ли не виновницей русской революций – самой злодейской и самой кровавой...

КШЕСИНСКАЯ. На днях приходил Соколов – офицер Колчака. Принес печальную весть: твоего ближайшего родственника из Дома Романовых, можно сказать, твоего крестного отца... вместе с другими Романовыми... сбросили в Алапаевске в шахту. На груди Великого Князя Сергея нашли медальон...

СЫН КШЕСИНСКОЙ (*резко, нетерпеливо*). Ну, и что? Ну, и что? Говори...

КШЕСИНСКАЯ. В медальоне был мой портрет, фотография твоей матери.

СЫН КШЕСИНСКОЙ. Слава Богу, не застрелился хоть. Не своими руками...

КШЕСИНСКАЯ. Пойдем, сынок, свечку поставим.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. Куда?

КШЕСИНСКАЯ. Да в храм.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. Не знаю такого храма тут, все католические.

КШЕСИНСКАЯ. Ну, давай сходим на кладбище Сен Жене-вьев де Буа. Поклонимся хоть, там лежат много русских.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Через какое-то время Кшесинской сказали, что в России, где-то под Екатеринбургом, расстрелян был гражданин Романов Николай Александрович вместе с семьей. Впервые, наверно, за весь свой век прима-балерина не стала к станку. Так и отсыяли ее эти сладкие, сладкие ножки, из-за которых, говорят, и случилась вся эта заварушка в России.

«Шипенье пенистых бокалов

И пунша пламень голубой».

А офицер Соколов, посланный в Европу самим Колчаком, так и остался в Париже. Взял в руки гитару да и запел на весь Париж, так и поет до сих пор:

«Соколовский хор из бара

Был когда-то знаменит.

Соколовская гитара

До сих пор в ушах звенит.

Всюду деньги, деньги; деньги,

Всюду деньги, господа!

А без денег жизнь плохая,

Не годится никуда».

ГОЛОС СВЫШЕ. Похоронили Кшесинскую в Париже на том же кладбище Сен Жене-вьев де Буа, где лежат многие русские. Сын ее, уже тоже немолодой, но Романов, без всяких

титулов просто Владимир Романов, долго мучился: чтобы это написать на надгробном камне? В Швейцарии как раз осквернили могилу всемирно известного артиста Чарли Чаплин – тоже гения сцены, кинематографа.

Владимир Романов получше всяких реплик, так что фамилий не надо, не надо наносить Кшесинскую золотом на могильной плите. Просто и в то же время грандиозно так начертал: «Генералиссимус сцены».

Сцена пятая

Москва, Кремль. 1945-й год Великой Победы.

Грозный в своем кабинете, на привычном месте, под портретом Ивана IV (Грозного).

ГРОЗНЫЙ (*В сторону, про себя, размышляя*). Эти экстрасенсы нас заколебали и предсказывают, и предсказывают! Советники мои без них никуда. Но этот советник хорош: предсказал нам победу! Великую Победу!

ВОЛЬЕР МЕССИНГ – *экстрасенс на все времена*. Помню, я спросил его; а как я узнаю, что вы говорите правду, что вы экстрасенс?

Он ответил: смотрите в это окно вниз туда, на ворота в Спасской башне. Я пройду мимо часовых ваших без всякого пропуска...

Вслух, на весь кабинет. И прошел!

Тут же раздается звонок телефона.

ГОЛОС БЕРИИ. Он пришел?

ГОЛОС ГРОЗНОГО. Кто?

ГОЛОС БЕРИИ. Этот Вольф, это Волк по-русски.

ГОЛОС ХОЗЯИНА КАБИНЕТА. Этот Мессинг прошел, показав часовым просто бумажку. Я это видел сам лично.

ГОЛОС БЕРИИ. Вот вы мучаетесь над главным своим вопросом по итогам Великой Победы. Вы начинали с ним вместе: он ефрейтором, а вы в простом френче, никто. А теперь вокруг вас одни маршалы и вы маршал.

ГОЛОС ХОЗЯИНА КАБИНЕТА. И я.

ГОЛОС В ТЕЛЕФОННУЮ ТРУБКУ. Как мне только что доложили, в Париже на русском кладбище появилась плита,

на которой написано: «Генералиссимус сцены». Прикажите стереть второе слово, пускай останется так, просто и конгениально.

ГОЛОС ХОЗЯИНА КАБИНЕТА (*в сторону, про себя*). Это наводит на мысль.

И вслух, по другому телефону. Приказываю: Хозяину главного кабинета в Кремле присвоить самое высокое звание...

Пауза. И тихим, тихим голосом.

Такое звание: «Генералиссимус».

И учредите для этого огромную звезду на погонах.

ГОЛОС ОТТУДА. А китель какой?

ГОЛОС ТУДА. А китель маршала.

Кладя телефонную трубку. Вслух.

Экстрасенсы! Что хочешь сделают, даже вырвать готовы Победу. А пустяка сообразить, какой надо китель, – не могут.

ГОЛОС СВЫШЕ. Вскоре обладатель Кителя Маршала с погонами Генералиссимуса по одной, но огромной, во весь погон Золотой Звезде на каждом плече, сидел под своим же портретом.

А к концу века другой Хозяин того же кремлевского кабинета велел отыскать останки последнего русского Императора где-то под Екатеринбургом и перенести в город Санкт-Петербург, перезахоронить те останки в Петропавловской крепости, в некрополе храма, рядом с Петром Великим. Как известно, Петр так и остался Полковником преображенцев. После него все Романовы были только Полковниками, как и последний из русских монархов почетный гражданин Петропавловской крепости Николай Александрович Романов.

Этого у него не отнять.

Занавес

ЭПИЛОГ

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И теперь сама она в Париже, явно призрачно все еще тут! «Сладкие ножки Кшесинской – это же всего один шаг, одно «па» длиной в тысячи километров. На Западе – Польша, на Востоке – Курильские острова. Не успело смолкнуть эхо от взрыва президентского самолета в смоленской Катюни, как Япония озвучила притязания на Кунашир. А вскоре и саммит великолепной «двадцатки» в Южной Корее и новые соглашения с Сеулом.

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ПОРТ (*бывший Чемульпо*). На рейде новый российский крейсер «Варяг». С корабля несутся звуки Вальса «На сопках Манчжурии». В белой парадной форме матросы и офицеры. Перед ними тени предков – капитана Руднева с бывшего «Варяга», капельмейстера Моршанского полка в Тамбовской губернии – автора этого Вальса Агапкина.

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ АДМИРАЛ (*вручая прежний гюйс того героического «Варяга»*). Это и наше национальное достояние.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ (*принимая реликвию*). Сто пять лет ждали мы этого часа! Настоящий Андреевский флаг! Пусть снова плещет он на ядерном крейсере. Флаг жив, существует, значит, традиции живы... Здравствуйте, товарищи!.. Урра!..

– Уррр-а-а! – несутся по рейду.

И грянули сотни крепких, просоленных океаном мужских голосов.

– Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает.

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает.

ГОЛОС СВЫШЕ. Говорят, морские ветры перенесли эти крепкие голоса через Японию на Курилы. И там, на Кунашире, откликнулось матросское эхо.

Все вымпелы выются, и цепи гремят.

Наверх якоря поднимают.

И стал наш суровый и гордый «Варяг»

Подобен кромешному аду.

Ножки Кшесинской, сама Кшесинская дожили до весьма преклонных утешительных лет, то почему бы и мне не вспомнить, что первой песней, которую мы, пацаны, запели тогда, в сорок третьем, в Малоархангельске – в самом пекле Орловско-Курской дуги, когда нас освободили, была эта – самая песня, она! Как грянули мы ее еще, братцы, мальчишками, так и поем до сих пор:

– Наверх вы, товарищи, все по местам!

И ничего, что мы были тогда, пацанами, что не знали тогда ничего – про голубой вагон Вяльцевой, про сладкие, сладкие, сладкие ножки Кшесинской!

ПОСТ СКРИПТУМ – ОДИН. И когда как автор я познакомился с переписью населения России в 2010 году. За какие-то шесть лет нас стало меньше, ничего себе – на четыре с лишним миллиона (а это четыре Воронежа и чуть меньше четырех Волгоградов, а всего одиннадцать таких мегаполисов, как Москва, на всю нашу (хвалимся – самую-самую в мире) огромную территорию, я не выдержал и заплакал. *Такая-то демография с географией. И пусть мои слезы капаят на этот занавес с горьким финалом на всех нас и на самого меня, грешного, а я все про них.* – Ох, уж эти сладкие, сладкие, сладкие ножки Кшесинской, тенью павшие на Романовых, на всю империю, императорский дом!

А все-таки, все-таки, все-таки –

Вулкан Кракатуа, Попокатепетль.

Кто-то как-то сказал: «Когда тебе плохо, валя все на меня».

ПОСТ СКРИПТУМ – ДВА. Кшесинская жила долго. Когда враги подступили к Парижу, Кшесинская сама уехала на юг и увезла с собой сына. Чтобы не дай-то Бог его взяли воевать против России. Так где-то там они с сыном и, говорят, затерялись.

г. Орел,

15-17 ноября 2010 г.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

Предисловие. Ключ к лиризму

Как восприятие окружающего мира основано на пяти органах чувств (зрении, слухе, обонянии, осязании, вкусе), как музыка, базируясь на слухе, создается на семи нотах в различных тональностях, темпах, каденциях и т.д., так и литература истекает всего-то из двух начал: метафоры (гармонии, красоты) и глоссы (соответствий, остранныйности, иного ряда гармонического мира, таких пар, как солнце и мрак, день и ночь, ад и рай, лед и пламень и т.д.).

И если исторические трагедии, в основном, зиждутся на глоссах как на парадоксах времени и событий, на фактах из жизни царей и знаменательных личностей, то современные мелодрамы, типа чеховских лирических драм «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад», в простом, но тонко организованном человеке вызывают, прежде всего, к метафоре, усилению лирического в романтике психологически-одухотворенного, возвышенного над житейскими буднями.

Известны слова А.С.Пушкина о том, что «гений – парадоксов друг». Отметим лиризм, метафоричность, прогрессирующую депрессивность духовных героев А.П.Чехова, за которыми, как эхо, возникает дуновение инобытийности, проглядывается глосса и остраннение, а в музыке слов возникает щемящее ощущение от несовершенств человека, стремление к более благоустроенной жизни, совершенной гармонии бытия.

В таком же ключе и во мне самом, как мне кажется, звучат эти мои камертоны к современной лирико-психологической драме («Вяхирь», «Сестры Рощины, или Три года времени», «Абрикосова просека»).

От автора

ВЯХИРЬ

(лирическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЛАТОШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – по прозвищу Вяхирь, бывший агроном, ныне сторож на асфальто-битумном заводике, переставшем дымить на виду всего Малого райгородка.

ФАИНА АКИМОВНА ПЛАТОШКИНА-МАГДАЛИНИНА – преподаватель Детской музыкальной школы, жена Платошкина.

ПЛАТОШКИН КОЛЮНЯ – их сын, студент Областного классического университета.

БАЛАГУРОВ ДЕНИС КУЗЬМИЧ – редактор местной газеты «Звездочка», друг Платошкина.

МАГДАЛИНИН ЛИР СТЕПАНОВИЧ – егерь природного заповедника, специалист по дикой флоре и фауне, старший брат Фаины.

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ – его жена, учительница литературы, в недавнем прошлом приезжая из Баку.

РУБАКИН – бывший офицер, ныне Судебный пристав, сын Гоминбели от первого брака.

СЕМАШКО ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ – врач, друг Балагурова.

ВЕРШИНИН РУСЛАН ТИМОФЕЕВИЧ – Мэр Малого райгородка.

БУЗОТЕРОВ, СЛОБОДКИН СТАС – муж, **СЛОБОДКИНА ГЛАФИРА** – жена, все трое дачники.

ТРАКТОРИСТ.

БРАКОНЬЕР – ОХОТНИК.

ПАСТУХ.

ДОЧКИ – ДЕВОЧКИ ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Событий особо выдающихся нет. Однако героев связывает нить жизни в ее внешнем и внутреннем выражении на виду этого Малого райгородка и ближайших его окрестностей в Приволье, где и обитает наш главный герой Платошкин под уличным именем Вяхирь.

Сцена первая

Приволье – усадьба бывшего сельхозпредприятий, ликвидированного за ненадобностью. Полуразваленный дом, огород, в саду несколько ульев. Под бугром начинается озеро, уходящее куда-то вниз по широкой озерной долине.

Подъезжает «уазик», выходит Балагуров – редактор местной газеты. С пчелиной рамкой в руках навстречу выходит хозяин этих владений Платошкин.

БАЛАГУРОВ (*Платошкину*). Живой, Колюня? Не одичал тут окончательно? Вот хлеба тебе привез из города, вот колбаски.

ПЛАТОШКИН. Озеро каскадами вниз, сколько воды! А жизни никакой.

БАЛАГУРОВ. Не обобщай, Колюня, не обобщай. Вон у тебя тут под бугром ключ-колодезь. Жизнь бьет ключом...

ПЛАТОШКИН (*смеясь*)... и все по голове! Ну, проходи, проходи, Кузьмич, сюда – в сад. Прилупись, присядь к столику, вот тебе рамочка. Ешь свежий медок, а я на липу вон тот улей – ловушку пока водружу... Как знамя над рейхстагом русский – рядовой Семенов или... Петров, что ли? Уж забывать стал... И грузин – сержант Кантария...

БАЛАГУРОВ (*присаживаясь*). Грузина-то помнишь, а русского позабыл.

ПЛАТОШКИН (*обхватив улей и таща его к липе*). Грузина-то Грозный не дает позабыть, торчит бельмом в глазу.

Платошкин подставляет к стволу длинную лестницу, принаемается тащить «ловушку» на липу, к первой развилке.

Вчера, Денис Кузьмич, пролетел мимо рой... позавчера рой...

БАЛАГУРОВ. Пчелка воду ищет. Жара стоит, сушь-то какая!

ПЛАТОШКИН. Да как взялось с середины июня! Так и стоит, засуха прямо-таки... Ну, вот и приладил «ловушку». (*Озирая с липы окрестности, глядя вниз туда, по озерной долине*). Что еще надо душе человека?.. Городишко-то наш, как на ладони! Фотоснимок сделаешь – получится, как с вертолета. Как в редакции фото у тебя за спиной на фоне города: справа – Губернатор, слева – наш городок...

БАЛАГУРОВ. Понимаю, на что намекаешь: председатели далеко, бригадиры близко... А медок твой, Колюня, хорош. Но слегка уже сахарист. Сахару, что ли, пчелкам подкладываешь?

ПЛАТОШКИН. А куда денешься? Вишь, трава вся сгорела. А на липе не было цвету... Греча за ливадой одна и цвела, пчелка оттуда взятки носила... Вот веселый народ, вот умный народ – эти пчелы! Душу лечат, спасают от всяческих дум. Сколько ни гляжу на них, все удивляюсь: до чего же все у них обустроено, в пчелином-то царстве. Так тонко организовано и распределено, такая трудовая дисциплина... Трутень выполнил свою функцию по охране государственных границ, тут же крылья ему и откусят...

БАЛАГУРОВ (*поддерживая друга*). Пчелка-труженица взятки носит и носит. Хоть куда полетит на цветок, за многие километры.

Пьют чай из старинного самовара, извлеченного Николаем Ивановичем из недр небольшого амшаника, притулившегося к ветхому дому.

БАЛАГУРОВ (*кивая на дымящуюся кружку*). Душица?

ПЛАТОШКИН. Не сеголетошная, прошлогодняя.

БАЛАГУРОВ. И кружки алюминиевые где-то откопал. Еще те, от правления?

ПЛАТОШКИН (*засмеявшись*). Не забыл... От правления. От хозяйства «Приволье», когда тут была контора правления, а я служил агрономом... Помнишь, в углу коридора была бадейка алюминиевая и к ней на цепи прикована была

насмерть эта самая кружка. В любое время бери и пей, сколько влезет – ключевой, родниковой... Даже не верится, по телевизору говорят, что если к двадцатому году человечеству и угрожает что-то навряде голода, так это не от нехватки продуктов питания...

БАЛАГУРОВ (*насторожась*). А отчего, по-твоему, Коля?

ПЛАТОШКИН. А опять-таки от нехватки воды. Воды! Вот чего уже сейчас не хватает всему человечеству...

БАЛАГУРОВ. Эту мы басню слышали. Теоретически. Странницу какую развалили, добрались вот и до твоего хозяйства. А теперь сидишь тут, кукуешь, сторожем состоишь при АБЗ (асфальто-битумном заводике). А все началось с поворота Северных Рек. И заводик твой не дымит, отдымился. Придумали тебе работенку, чтобы ты дотянул до пенсии... Все Реки Северные хотели повернуть вспять – в южные, засушливые районы страны, а реки те поворачивать люди не захотели. Жалко стало заливать водой огромные такие пространства...

ПЛАТОШКИН (*грустно*). Да я про другое, про человека. Про малую воду, что в самом человеке. Вот умерла моя мать Мария Герасимовна и знаю, тело ее стало на пять граммов легче. Ушли влагой в воздух эти самые граммы, столько весит наша душа... Вот и моя, и твоя, и всех, всех – у каждого душа весит всего-то по пять граммов. И все они, эти граммы души каждого, витают над нами. И, когда надо, проливаются с неба... И вот оно перед нами, целое озеро. И ключ из него истекает в Оку, в этот Пояс Богородицы.

Вот такие стишки про нее написал Колюня мой, Николай Николаевич, сынок мой, как ты знаешь, студент прохладной жизни Областного госуниверситета.

«И мне интересно доселе,

А было ведь невдомек.

Все руки России –

На Юг и на Север,

И только Ока поперек.

В высокие Веды глядели отцы –

В Путь Млечный, с парным молоком.

И вот подпоясали Русь молодцы
Глазастым таким кушаком».

На дороге, ведущей над озером в Городок, появляется Ольга Гоминбели – учительница литературы местной гимназии. В руках ее велосипед, на руле сумка. Увидев приятелей в саду за самоваром, выкладывает перед Платошкиным пару буханок хлеба и пакет с сушками.

ОЛЬГА (*взглянув ласково на Платошкина*). Душицу пьете?
От слова «душа».

ПЛАТОШКИН (*весело*). А чего не в школе, Оля?

ОЛЬГА. А у меня выходной. Два раза в неделю работаю, не хватает часов. Как приехала сюда из Баку, так на трети ставки и сижу.

БАЛАГУРОВ. А чего переехали-то, если начистоту?

ОЛЬГА. Да мужа стали преследовать. Тут теперь егерь и там был егерем ... насели браконьеры проклятые...

БАЛАГУРОВ. А почему у вас разные фамилии? Ты – Гоминбели, а он – Магдалинин.

ОЛЬГА. У меня мать русская, отец – азербайджанец. А у него наоборот... Лир поет здорово, голос есть у него – баритон. Ей богу, святой истинный крест! С детства учился в одном классе школы с Муслимом Магомаевым. Да разошлись дорожки в разные стороны... Ну, и жесток он, этот егерь! Всегда готов выстрелить даже в косулю, и я его не люблю.

БАЛАГУРОВ (*улыбаясь*). Чересчур откровенна, Оля. Говоришь, небось, каждому встречному и поперечному.

ОЛЬГА (*глядя в глаза Платошкину*). Я не каждому, я говорю вот ему... Николаю Иванычу... Я жалею его. Он сосед наш, мы с Магдалининым домик купили рядом с его матерью, на Второй Подгородней... (*Балагурову*). Он все тут, в Приволье, а жена его Фаина там, в городе. Он квартиру свою на нее записал, так она с хахалем спуталась, с одним там милиционером. Ну, и давай в шею гнать вот его, Николая, с квартиры. Особо после того, как Николай потерял место, зарплату... К матери своей Николай стал ходить ночевать, а там сестра выразила протест. Вот так в бомжей люди и превращаются.

ПЛАТОШКИН (*глядя на нее исподлобья*). Бомжи – это не те, что «без определенного места жительства». А те, что без «определенного мира жизни»: без людей, без идей... одиноки...

БАЛАГУРОВ. Одиноким можно быть и среди людей. Одиночество – это что-то врожденное, тяга к себе самому, в свои внутренние стихии... Хорошо помню тебя еще со школьных времен. Мы тогда были в пятом или шестом классе. Начинали гонять мяч ранней весной, почти по снегу, где-нибудь на проталине. Была у нас такая горка Голинка... не Галинка, а Голинка – голое место...

Помнишь, Николай Иваныч, нас трое было, еще был Володя Ефремов. Мы тогда на горку ту ходили через сад, что за райотделом милиции, помнишь? Помню, наигрались, умылись в копани с зеленой водой, уселись на бугре и давай выдумывать всякие небылицы, истории. У кого больше фантазии, у кого получится понебывалее. Так разошлись, раздухарились со своими историями, чуть ли не с кулаками друг на друга полезли. У тебя лицо сделалось красным, аж жуть... От воды ли зеленой, от футбола ли на горке Голинке, или, может, от напряжения, пылких фантазий?

ПЛАТОШКИН. Аллергия проявилась. Как взяла меня тогда, так до сих пор и держит.

ОЛЬГА (*заглядывая уже в глаза откровенно Платошкину*). Ну, и расскажи, Николай Иваныч, нам что-нибудь про свою аллергию.

ПЛАТОШКИН. Что – это так интересно?

БАЛАГУРОВ. А ты придумай, как тогда, что-нибудь, пофантазируй...

ПЛАТОШКИН. Вон Балагуров у нас балагур!

БАЛАГУРОВ. Если бы пошел тогда по другой стезе, а не в агрономию, ты бы, браток, наверное, тут на АБЗ сейчас не сидел. Был бы со своей фантазией востребован.

ПЛАТОШКИН. А мне и агрономом хорошо, нравится. Я считаю, три профессии всегда хороши: учитель, агроном, врач... Учителем был Иисус Христос, Лев Толстой, американский писатель Эрнест Хемингуэй...

ОЛЬГА (*нетерпеливо, Платошкину*). Ну, расскажи нам, Коля, про аллергию-то, расскажи.

ПЛАТОШКИН (*Ольге, показывая на Балагурова*). Видишь, мой друг закадычный! По грибы, по ягоды мы вместе любили ходить, в урочище Мурашиху. И вот, помнишь, Денис, однажды ты нашел под дубом бутылку вина?

БАЛАГУРОВ (*оживившись*). Помню, как же. «Земляничная наливка», вот была хороша!

ПЛАТОШКИН. А знаешь, кто и каким Макаром ее туда определил?

БАЛАГУРОВ. Сама нашлась.

ПЛАТОШКИН (*грустно улыбаясь, Ольге*). Да не сама. В том-то и дело, что не сама... Пошли мы с кем-то, не с тобой в лес по ягоды, по землянику. Захватил я с собой «Земляничную», потом, думаю, мы ее продегустируем. Набрал я земляники трехлитровую банку доверху, стал собирать в ладошку и в рот с ладошки давай запихивать, есть. И тут как кольнет в животе, закрутило всего, замутило, прилег я под дуб вековой, а он винтом перед глазами, винтом – до самого неба, половину леса в оборот глаз себе захватил... Ужас какой-то, страхи объяли, подумал, что конец мне пришел, помираю...

Очнулся в поту весь. Лежу, вспоминаю: где я и зачем тут? Все стало сходить постепенно. Ушло. Засыпал я бутылку лиственной, заметил местечко до лучших времен. А потом и привел тебя, Денис, до этого самого места.

БАЛАГУРОВ. Ах ты, обормот! И молчал.

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ. Молодец! Интересно, аллергия, бывает от земляники? А земляника от аллергии?

ПЛАТОШКИН. Нет, я не шучу, я серьезно.

Сцена вторая

Там же, неделю спустя. Платошкин лежит на железной кровати, в саду, накрывшись ватным одеялом.

ПЛАТОШКИН (*В сторону, про себя*). Знобит что-то, трясет всего. Хотя жарынь, стабильно каждый день прибавляет по градусу. Жарит и жарит, дышать нечем, беспощадное

Солнце... Что-то может случиться, произойти. Сердце что-то стучит и стучит, аритмично. Никакого здоровья не хватит на сушь такую. Пчелки и те замерли, не летают. Поставил водички им возле ульев – пусть пьют... А к вечеру, как дело к закату, Солнце повисает в мутном каком-то апельсиновом мареве, как огромная алая сковорода. Фосфоресцирует, висит, не хочет уходить за горизонт...

Раздается автосигнал, подъезжает японский «недорожник» – черный, с никелированными блестяшками. Это прибыл Вершинин – Мэр Городка на своей огромной, тяжелой машине.

ВЕРШИНИН (*Платошкину*). Чего это ты тут разлегся, ай заболел?

ПЛАТОШКИН. На иномерке ездешь, а сам ведь Руслан... Руслан Тимофеич...

МЭР ВЕРШИНИН. Сторожем оформлен на АБЗ, а валяешься тут, на чужих тюфяках.

ПЛАТОШКИН. Во-первых, сторожем только оформлен, зарплаты не получаю. Лишь для стажа, на пенсию. Во-вторых, как это я на чужих тюфяках – огородах? Я работал тут агрономом, даже замещал председателя. Это место мне не чужое, даже родное... А вам-то какое дело, что я тут лежу?

МЭР ВЕРШИНИН. Районный глава вызывает меня да и говорит, что это, гырит, АБЗ этот дымил, дымил на город твой, хвост свой лисий показывал, и вдруг как отрубил. Езжай, гырит, погляди, что это там случилось? Может, человеческий фактор: с этим Платошкиным что-то стряслось? Жарища такая, даже кошка чужая пришла к нам в гараж и сдохла. Караси на озере из воды до пояса вылезали, ртом воздух хватают. Хоть руками бери, собирай, хватай за головы да лупи по гладкой водной поверхности...

ПЛАТОШКИН. Зачем?

МЭР ВЕРШИНИН. Небось, этим тут и занимаешься? Рыбу руками ловишь. А тут заехал на АБЗ, зашел в твой вагончик – дверь настежь, а там за окном ласточка, гнездо себе свила, летает по всему периметру помещения.

ПЛАТОШКИН. Я, Руслан Тимофеич, лежу и как раз думаю про нее, эту самую ласточку. В свою «Красную книгу» ее заносу, пишу вот.

МЭР ВЕРШИНИН (*насторожившись*). Писарь нашелся, на это у нас есть редакция, газета «Звездочка», а в ней твой друг закадычный Денис Кузьмич. Хватит нам и одного. Нечего вас плодить, борзописцев... Ну, и про что твоя «Красная книга»? Про вымирание птиц, животного мира? Или еще людей кое-когда цепляешь, человеческий фактор?

ПЛАТОШКИН. Книга у меня историческая. Отметили двести тридцать лет городу, а я недоволен. Слишком мало годиков показали – всего-то от Екатерины Второй, которая тут проезжала, от нее отсчет идет. А что ж, до этого нас, что ли, не было? Вон Тамань отметила уж двадцать шесть веков. А ведь греческий город – полис был, оттуда хлеб везли в Грецию. А откуда на полисе хлеб этот брали? Отсюда, от нас. Что же хлеб-то из ничего тут рождался? Из воздуха?

МЭР ВЕРШИНИН. АБЗ твой на всю округу коптил, слава богу, коптить перестал. Так ты теперь взялся мозги нам коптить... ком-пос-тировать...

Во двор сверху от огородов влетает на велосипеде Ольга Гоминбели, едва не врезается в «недорожник» Вершинина.

ОЛЬГА. Ставят тут черте где свои «кабриолеты»... Едва догнала вас, Руслан Тимофеич.

МЭР ВЕРШИНИН. Могла бы и не догонять. Кабинет мой всегда открыт для народа.

ОНА. Тут наглядно все. Это вот он (*показывая на Платошкина*), а это его владенья (*показывая на все эти брошенные дома, на сады, огороды к лесу, с видом на озеро, уходящее вниз по широкой озерной долине*). И все это он охраняет, приглядывает за всем как дневной и ночной директор, все к нему обращаются. Приезжают в город за справками, а к нему сюда за советами едут, проверяют свои забитые ставни, он за все отвечает. А платить ни копейки не платят. Хоть бы кто-нибудь тебе, Николай Иванович, в карман наплевал... Стаж идет! Да до пенсии он не доживет!.. А тут французы эти как одурели: то были в социальных вопросах

всегда впереди, а то с шестидесяти до шестидесяти двух стали пенсионный стаж увеличивать...

МЭР ВЕРШИНИН. Тебе французы нужны? Своих проблем не хватает?

ОЛЬГА. АБЗ этот – асфальто-битумный заводик – почему коптить перестал? Да заказов не стало, вроде дороги все сделаны! Пусть коптит, город пусть асфальтируют! Лисьим хвостом своим мозги вам сифонит, напоминает об этом вот человеке...

МЭР ВЕРШИНИН. Что это вы, Ольга... как вас по отчеству... Ольга Гоминбеловна?.. Вы учительница по литературе, а слова какие употребляете? «Просифонить», «в карман наплевать»? Мы подумаем и о вас, чтобы и вы прошли какие-нибудь курсы по переподготовке...

Обращаясь к Платошкину.

Денис Кузьмич, не обижайся, если что, заходи.

И черный с блестяшками японский «кабриолет» – «недорожник» запылил по дороге в ту же сторону, откуда и прикатил. Ибо дальше тут ехать некуда: все заросло ракутником, подтопило болотцем.

Попрыгав на одной ноге, на другой, Платошкин растирает руками грудь, шею, направляется к АБЗ – с блестящей металлической цистерной, чуть выше усадьбы его, за огородами.

ПЛАТОШКИН (*открывая дверь в вагончик*). Вслух. Ну-ка где она тут, моя дорогая Ласточка? Все летает, все бьется в окна, а дверь настезь – распахнул перед ней, так вылетать не желает.

Напевая.

«Мне вчера дали свободу,
Что я с ней делать буду?»

Присаживается на скамеечку.

В сторону, про себя. Тут моя главная резиденция – промышленное производство, город с его лисьим хвостом, клоака Парижа, а там (*кивая на домик пониже, к озерцу, под созвездьем Козерог – усадьба с садом и столиком*) – душа моя, земля, там я все еще агроном...

Помню, попал я в сельхозинститут совершенно случайно. Прошел на агрономический, почти не было конкурса. А когда

прислали агрономом сюда в Приволье, на Малую родину, когда впервые впряг лошадку в двуколку и на зорьке отправился в поле, так, помню, онемел от восхищенья. На ржаные снопы по-особому глянулось, с точки зрения агронома, практической пользы. Взял я колос и давай считать зерна: сколько усатых колосков выйдет в пересчете на каждый гектар, сколько хлебных коврижек из этого можно испечь и скольких теми ковригами можно людей накормить?.. Задохнулся прямо-таки от удовольствия, от того, что именно я, а не кто-то тут работает агрономом... А потом хозяйство слили с другими...

Это лето особое. До середины июня все было нормально: и дожди перепали, и Солнце не так усердствовало. А потом что-то там, в небесной канцелярии, сломалось, как с цепи сорвалось. Сухмень начала набирать силу: и Солнце словно оцепенело, ни единой дождинки... плазма на Солнце, говорят, что ли, взорвалась...

Первой, по ком заметил, что не все в порядке с живой природой, так это была кошка. Пришла с раздутым животом, потом ее вырвало всю: брр, птичьи перья, кровавое месиво... На другой день в саду у бочки с водой увидел воробьиную стаю, и кошка к ним по траве крадется на цырлах... И такое полезло в голову, как с телевизора: и секта японская какая-то «сенрикё», что вещает конец света, как только наступит «миллениум», и прогнозы ученых: две эпохи совпадут – Водолея и еще какая-то более древняя... восемь и тридцать восемь миллионов лет...

И тут аллергия моя разыгралась. Обозначилась сердечная недостаточность, астма, приобрел ее еще в молодости, на лыжных соревнованиях. И темные тучи на небе ночном стали мерещиться, обозначаться каким-то почерневшими ликами; лишь под утром, с восходом Солнца, стали лики те уходить, растворяться в первых лучах... Вот и сейчас, как чугунное, тело чешется, сердце стучит невпопад, и черная кошка крадется из-за угла... Козий рог...

ГОЛОС С ОГОРОДОВ. Эге-гей!.. Платошки-и-ин!..

Платошкин приходит в себя, отправляется к дачам тут же поблизости, за асфальто-битумным заводиком. Двое бе-

гут к нему, размахивая кулаками. Это дачники Слободкины: Стас и Глафира, всегда на все готовый народ.

ГЛАФИРА (бросая перед ним пустые помидорные плетя). Опять обокрали! Взяли самые красные! Едва зарозовеют, как нате вам... И капуста пять кочанов срубили...

СТАС. В другой раз с топором приду! Головы всем поотсеку.

ПЛАТОШКИН (морщась от головной боли). Кому это?

СТАС. Да хучь тебе. Ты тут сторожем, а не глядишь. Сам, небось, и порубил нашу капустку, вон жареным от тебя так и прет.

ПЛАТОШКИН (заслоняясь лопухом от Солнца). Да ты что – одурел? Какой капустой прет? От кого? Уж и не помню, когда капусту-то ел.

СТАС. Мы тут поливаем, поливаем, рыхлим, от бабочек брызгаем... пот проливаем, сколько трудов... А эти р-раз, и готово дело! Нажрутя и кверху кобылкой, спят себе без задних ног в саду на железных кроватях...

ПЛАТОШКИН. Город близко, ездят тут всякие на машинах. Кабы даже платили, и то бы сторожить ваши дачи не взялся... Вишь, Солнце какое?

СТАС. Ну, и что?

ПЛАТОШКИН. Вот с него и спрашивай. С японской секты «сенрикё».

ГЛАФИРА. А что, и такая секта в городе у нас завелась?

ПЛАТОШКИН. В Москве завелась.

СТАС СЛОБОДКИН. А при чем тогда «сенрикё»?

ПЛАТОШКИН. А при чем тогда я, короли и капуста?

ГЛАФИРА СЛОБОДКИНА. А при чем короли?..

ПЛАТОШКИН. Мэр Вершинин приезжал к нам сюда на своем «кабриолете». Так у него двери, гывырит, всегда настежь для трудового народа.

СТАС СЛОБОДКИН. А при чем тут его «кабриолет»?

ПЛАТОШКИН. Потому что он черный, и ночью на небе возникают черные кошки... и Козий рог...

СТАС СЛОБОДКИН. Ты что, ненормальный?

ПЛАТОШКИН. А это нормально? Спрашивать со сторожа АБЗ за все то, что происходит на дачах. Был агрономом, знаю, как ты, Стас, сам таскал на своем мотоцикле с коляской свеклу, зерно с полей... для своих поросят... Я стараюсь, выращиваю, мотаюсь по всем этим широченным, необъятным полям, а ты как только заведает, дай только черные лики обозначатся в тучах, так мотоцикл в зубы, с коляской – «воровкой», и айда...

ГЛАФИРА. Жито в поле сами комбайнеры ссыпали, а свеклы в коляске много ли увезешь?

ПЛАТОШКИН. Полстраны развезли так-то вот. Вон что от Приволья осталось? Хоть это-то охраняю... Вишь? (*кивнув в сторону*).

СТАС СЛОБОДКИН. Что «вишь»?

ПЛАТОШКИН. Стоишь и не видишь. Вон пошел Бузотеров, ваш сосед.

ГЛАФИРА. Ну, и что?

ПЛАТОШКИН. Посмотри, куда хоть свернул. Не к себе же на дачу, а в посадку.

Через полчаса в поселке слышатся крики. Стас с Глафирой тащат оттуда соседа с мешком, не свободным от бузотерства.

СТАС (*Платошкину*). Составляй протокол!

ПЛАТОШКИН. Этого еще не хватало. Что я вам милиционер?

СТАС (*Платошкину*). Гнилая интеллигенция! Вон бумаги на столе сколько, хоть завались, а протокола составить не можете?

ПЛАТОШКИН. Можем, бузотеры мои, можем! Но в другом месте и совсем по другому поводу.

Сцена третья

Там же, в Приволье, но чуть ниже, в садочке, у железной кровати. Дело к вечеру. Платошкин один, пребывая в глубокой задумчивости.

ПЛАТОШКИН. *В сторону, сам себе.* Отчего это тело все колет, как искрами просыпано тело? И кошка черная начи-

нает сверкать глазищами... А мы не дадим ей разгуляться... Силой воли и духа мирского... Гнилая интеллигенция! Еще скажи, бомжи на босу ногу...

Вслух, сам себе. Видишь, колодка на липе пустая. Рой сегодня не пролетел, не пролетит, скорее всего, и завтра. Зачем я же тогда ее с таким трудом туда водружал? Сколько пустых затей бывает у каждого человека, а сколько у того же мэра Вершинина? А если в масштабах области? А если взять всю страну, человечество?.. Густо кладут реформы, одна на другую, как масла на бутерброд. Плохо, когда всего много: и масла, и реформ, настигает одно другое и изменяет вкус жизни. Кажется, Александра Второго – Освободителя семь раз собирались убить, а хватило всего одного раза...

Сынок приходил как-то на днях, кровинушка моя родная, тоже Колюня, Николай Николаевич. Так что сказал он, надо записать в свою «Красную книгу». А вот что. В университет к ним, в большой город, приезжали французы – трое, так что говорят? Всю Африку проехали, половину Юго-Восточной Азии, добрались теперь и до нас. Вроде как миссионеры. Двое мужчин и одна женщина. Два Мишеля и одна Мария-Антуанетта. Так вот, приехали два Мишеля с Антуанеттой на двух машинах, машины после продали, а деньги отдали на крышу школе в глухом, богоспасаемом месте. И проводят везде, где бывают, уроки французского. И знают эти французы-мужчины, что скажут им в чиновных кругах, каким лицом сами люди к ним поворачиваются, все скажут, что надо, как надо, приучены... А женщина эта, Мария-Антуанетта, ходит по магазинам, на рынок, сидит с простым народом в кафе и все подмечает. И как-то при встрече сказала студентам: «У вас, что говорят вверху, где госаппаратчики, а также бюджетники-учителя и врачи, – это одно. А что говорят внизу, в магазинах и на рынках, – то совсем другое. Друг друга они не понимают...»

ПЛАТОШКИН (*усаживаясь за стол и доставая тетрадь*).
Вслух, сам себе. Надобно записать: «Новое – это повторение давно забытого старого, но на современной волне. Что-то вро-

де о двух «культурах» в России: о дворянской и народной. Занесем в свою «Красную книгу»: «Два Мишеля и женщина, Ленин о Льве Толстом. Листы и корни, без которых нет древа жизни»...

Платошкин подходит к липе с колодой-ловушкой на первой большой развилке. И, подтянувшись, начинает заглядывать в пчелиный леток: есть там пчелки живые, ползают или не ползают?

ПЛАТОШКИН (*В сторону, полузакрыв глаза*). Вот божье творенье! Вот умное, благородное – что?.. Насекомое? Нет, не муха же... Животное? Нет, не корова, не млекопитающее... Так что же все-таки? Какая труженица! Как человек? Однако не ест мяса себе подобных, питается только нектаром... Так кто же ты – пчелка, загадка живой природы, переживаешь и холодную зиму, и жаркое лето и, не разочаровавшись в себе самой, продолжаешь носить себе и людям то, что носила вечно, всегда...

Вслух. И, однако, ближе всего к человеку! К хорошему человеку.

Чуть позже, уже в ближе к сумеркам, появляется Ольга Гоминбели. Высыпает из сумки на стол грибы.

ОЛЬГА. Вот ходила тут по посадкам. Свинухи! Какое некрасивое название, но грибы вкусные. Нажарим с капустой.

ПЛАТОШКИН. У меня нет капусты.

ОЛЬГА. Вон сколько капусты на огородах.

ПЛАТОШКИН. Ночевать, что ли, тут у меня собираешься?

ОЛЬГА. Ночевать, врачевать. Темно уж, еще свалюсь где-нибудь в кручу.

ПЛАТОШКИН. Так оставь тут у меня свой велосипед, завтра придешь за ним... Да у меня и не на чем спать. Вот разве железная кровать, но я на ней сплю.

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ. Ничего, вдвоем как-нибудь уляжемся.

ПЛАТОШКИН (*вспыхнув*). Очень даже чего? У тебя есть муж, вот с ним и спи. Что ты меня искушаешь?

ОЛЬГА. Я уж сказала тебе: мужа я не люблю!

ПЛАТОШКИН. А чего живешь с ним?

ОЛЬГА. Да так, по привычке. Я тебя люблю, Коля, Николай Иванович Платошкин. Почему? А не почему, это записано на небесах.

Обнимает Платошкина, тянет его в постель.

ПЛАТОШКИН (*освобождаясь от нее*). Распутная женщина! Блудница...

ОЛЬГА. Но сам же сказал ведь: Женщина! А что нужно Женщине, если честно, без всякого лицемерия? То же, что и Мужчине.

ПЛАТШКИН. У меня есть жена.

ОЛЬГА (*саркастически*). У меня муж, объелся груш. А у тебя жена объелась чего – белены.

ПЛАТОШКИН. Это тебе так кажется.

ОЛЬГА. Все знают, только ты один, как ослеп. В конце концов, почему же ты не живешь дома, а мотаешься то к матери, то сюда вот... в это свое убежище...

ПЛАТОШКИН. Я был тут агрономом, я привык к этому месту, я Приволье люблю.

ОЛЬГА. Ну, и люби! (*Опять обнимая Платошкина*). И место это, и меня, грешницу. Ты – мой, мой!.. Я греха не боюсь...

Платошкин бьет ладонью наотмашь ее по щеке.

ОЛЬГА (*стоя перед ним, покачиваясь, словно пьяная*). Ничего-ничего, еще сильнее буду любить... Ты – мой, мой, мой, любимый... Хочешь, я расскажу тебе, что твоя жена вытворяет с этим милисьёнером?..

Платошкин убирает со стола свою «Красную книгу», берет спички и идет разжигать костерок, приготовленный им заранее из садового сушняка.

ПЛАТОШКИН (*под нос себе, но чтобы было слышно и ей*). Сейчас мы затравим тут пламечко...

ОЛЬГА. Пламя любви.

ПЛАТОШКИН. ... и организуем чаек.

ОЛЬГА. Так вон самовар.

ПЛАТОШКИН. А мы в чайнике, на костерке. Особый чаек, с костровым дымком.

ОЛЬГА (*подсаживаясь к нему, на корточках*). Романтизм? (*Прижимаясь плечом*). Алеко! Ну, полюби меня, полюби... Какая же ночь после дневной жары! Прохладная летняя ночь! Слышишь, звенят цикады и горят светлячки. И стучит мое сердце, и стучит твое сердце...

ПЛАТОШКИН. Обычно в заводах турлычут лягушки.

ОЛЬГА. Тритоны?

ПЛАТОШКИН. Нет, лягушки.

ОЛЬГА. Тебе все не так, лишь бы наперекор. Кукушки турлычут. И я, кукушка, турлычу.

ПЛАТОШКИН. «Ярославна громко плачет,

В Путивле, на городской стене, причитая...

А полечу-ка я зигзицей-кукушкой...»

ОЛЬГА. Я еще и «зигзица»?.. Чайник вскипел, разливая свою душицу, хозяин, будем с тобой до утра тут говорить по душам.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Солнце застало их спящими вместе в железной кровати. Платошкин побежал умываться из бочки. А когда вернулся, умывшись и отфыркиваясь от свежей воды, Ольга стояла уже, отвернувшись, простоволосая, и расчесывала деревянным гребнем свои длинные, бесконечные русые волосы.

ОЛЬГА (*с тенью улыбки, самой себе*). Как конь фыркаешь, жеребец застоялый.

ПЛАТОШКИН (*принимаясь чистить грибки*). Русалка! Где это ты речений таких нахваталась?

ОЛЬГА. Мама же русская была, в Россию – в свои родные места – с детства меня возила. Сама я этого не замечаю. Это люди удивляются, при такой фамилии говорю такие слова...

ПЛАТОШКИН. А чего не сменишь фамилию?

ОЛЬГА (*фыркнув*). На Магдалинину? Да в гробу я видала эту фамилию. Кабы фамилия была бы другой, может, и мужа любила бы. Вот «Платошкин» мне нравится, и ты мне нравишься, тебя я люблю. Я в бомжа тебе не дам превратиться. В

крайнем случае, сама к тебе сюда перееду. Совьем тут гнездышко, заживем с тобою на славу... тут же смену фамилию...

ПЛАТОШКИН. А как же та – жена моя?

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ. Та, как хочет. А может, за того милиционера выйдет, возьмет его фамилию. Кстати, а как его-то фамилия, знаешь?

ПЛАТОШКИН. Почему же не знаю. Городок маленький, тут все про друг друга все знают, всю подноготную.

ОЛЬГА. Ну, и как его... того милисьёнера-то?

ПЛАТОШКИН. Бузотеров.

ОЛЬГА (*раскрыв широко глаза*). Бузоте-е-ров?! Нет, серьезно. Это тот, что по дачам тут промышляет?

ПЛАТОШКИН. Брат его.

ОЛЬГА. Двоюродный?

ПЛАТОШКИН. Почему же двоюродный? Родной.

ОЛЬГА (*раздумчиво*). Крыша, значит, у брата имеется. Этот ворует, а тот его прикрывает.

ПЛАТОШКИН. Вон друг мой редактор Балагуров Денис Кузьмич напечатал когда-то в своей «Звездочке» рассказ про милиционера, как тот сделал аэросани и гонял по глубоким белым полям, так его за это чуть с редактора не прогнали. Говорят, напечатай сызнова, но героя сделай пожарником...

ОЛЬГА (*с нескрываемым любопытством*). Давненько было... Ну, и что тогда? Переделал?

ПЛАТОШКИН. А то! В другой раз уж пожарник у него гонял на аэросанях по тем белым полям, по снегам глубоким, а отчего глубоким? От того, что свеклу не убрали и она осталась под снегом, производя собой это самое... снегозадержание... чтоб другой урожай был еще больше...

ОЛЬГА (*рассмеявшись*). Да он у тебя агроном, оказывается, твой приятель! Не хуже, Коля, тебя! Во всех таких делах тонко, хорошо разбирается...

ПЛАТОШКИН (*подойдя к липе и заглядывая наверх*). Вишь, ловушку поставил на рой... «Красную книгу» пишу...

ОЛЬГА (*Платошкину*). И пиши, пиши, Коля! Но по своим законам и правилам.

ПЛАТОШКИН. Законы одни, а сюжетов с десяток всего.

ОЛЬГА. А как же Агата Кристи нахреначила штук двести романов?

ПЛАТОШКИН. Феномен. Десять сюжетов с двадцатью модуляциями.

ОЛЬГА (*всплеснув руками*). И всего-то ты знаешь, Коля!

ПЛАТОШКИН. Во-первых, я живу – пою, как в раю. Во-вторых, с детства пишу, как грешу. Потому и пошел в агрономы. Русское поле! Урожая все с неба ждем, а не от земли-матушки, от своих собственных помыслов, рук своих.

Сцена четвертая

Там же, те же.

ОЛЬГА (*Платошкину*). А почему, Коля, по-уличному тебя зовут «Вяхирь»? А у Чехова – «Чайка».

ПЛАТОШКИН. Чехов из Таганрога, там море, главная птица-чайка. А у нас степи, земля, дикие голуби. И вроде при людях, приручены, и в то же время дикие... По-разному называются, у нас тут «вяхирь», в других местах – «горлинка», «витютень». Сынок мой, тоже Колюня, студент прохладной жизни, такие стишки сочинил, почитать?

ОЛЬГА. Ну, конечно.

ПЛАТОШКИН (*откашлявшись*). «Горлинка» (то бишь «Вяхирь»).

«Как приеду в городок свой маленький,
В Малый городок свой на Святой Руси,
Расцветет в душе цветочек аленький,
Бога о чем-нибудь попроси.
Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березу сядет под моим окном,
Запоет, заухнет птица запоздалая,
В горле остановится, на сердце моем.

Как взгляну на местность небогатую,
Песне жутковато, улица пуста.
Горлинку, сизую, птицу диковатую,
Приютили милые места.

Горлинка, горлинка – птица неудалая,
 На березе ухнет, как из-под земли.
 Русь моя великая, сторона бывалая –
 Ну, кого еще сегодня отнесли?

Как приеду в городок свой стольненский,
 В Малый городок свой на Святой Руси,
 Попрошу я боженьку, попрошу я горлинку –
 Отдохни маленько, пой – не голоси.
 Горлинка, горлинка – птица судьбоватая,
 Не вещь нам, мимо пролети.
 По – за каждым окнушком, над любой хатой,
 Мой цветочек аленький, свети!
 Мой цветочек аленький, свети!»

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ. Хороший сынок твой, Платошкин!
 И фамилию носит твою, хорошую.

ПЛАТОШКИН. Открою секрет: это даже не стихи, это
 песня.

ОЛЬГА. Хорошая песня, Платошкин.

ПЛАТОШКИН (*В сторону, раздумчиво*). Лыжи себе сам не
 смажешь, далеко не уедешь, Платошкин.

Появляется сын его – тоже Коля, Колюня, Николай Николаевич, тоже Платошкин. Подходит к одинокой липе на краю сада, над самым озером. Долго всматривается в куцу дерева, что-то ему не так.

КОЛЯ ПЛАТОШКИН. Ах да, ловушку отец поставил. Рои ловить. Но какие рои – жара ведь, пчела не летает... Колодка кривовато поставлена...

По приставленной лестнице собирается лезть на дерево.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Не надо, не лезь. Пусть, как есть, остается.

ГОЛОС СВЫШЕ. Но Платошкин – сын все же лезет по лестнице. Берет колоду и с усилием тащит ее еще выше, на

другой сук, на следующей развилке. Успокоясь, спускается с дерева. Страх непонятный, который объял отца, когда сын тащил колоду на дерево еще выше; не отпуская, страх этот держит Платошкина старшего, не дает успокоиться.

ПЛАТОШКИНА-СЫН (*глядя искоса*). Пусть она не ходит к тебе.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Кто – Ольга? Ее уже нет. С утра уехала домой на своем велосипеде.

ПЛАТОШКИН-СЫН. Пусть не приходит.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Ну, хорошо, хорошо, Колюня. Больше она не придет.

ГОЛОС СВЫШЕ. Коля, Колюня стоит на краю на бугре, по-над озером. Какие глаза у него синие... синие-синие... И такие огромные, и все больше и больше становятся, разрастаясь, превращаются в синее-синее море...

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. *Вслух*. Но почему, почему?

ПЛАТОШКИН-СЫН. Что, отец, почему?

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Почему озеро называется Беленькое, а оно ведь, как море, синее-синее, как глаза у тебя, Колюня?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*глядя на него как-то странно*). А у тебя какие глаза, отец?

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. У меня черные, как у кошки.

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Карие.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Да, карие, карие! Коричневые, как грибы, и продолжают светлеть... Жарынь-то какая! Пчела не летает, грибы не растут.

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Да вон же грибы в кастрюле, а кастрюля, отец, на столе.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Эти-то? Свинушки? Я знаю, где они растут... В ливаде, по темным, сырým местам, вдоль урочища, где водятся дикие кабаны... Идем отсюда, мне тут что-то страшно. Такое гиблое место. Всегда было тут хорошо, а сегодня сини много, а чудится белое, белое...

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Это зимой оно белое! Белое-белое, Беленькое! Когда ходишь на лыжах по глубоким белым снегам.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. А на аэросанях?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*вздвигнув от этого слова*). Не говори, отец, больше ни слова, не надо. Пойдем-ка лучше с тобой по грибы...

Платошкин-отец берет лукошко, сплетенное им самим в то лето из ивовых прутьев. И совсем было уходит туда, к посадке, за сыном, но возвращается. Разворачивает на столе свою толстую тетрадь «Красную книгу» – в коленкоровом переплете. И заносит в нее такие строки:

«Приходил сын. Жара стоит, сушь какая! Но глаза у Колюни, оказывается, синие-синие, а озеро белое-белое, называется Беленькое. А подо льдом тоже синее, как и глаза».

Задержавшись, Платошкин пробежал глазами все это написанное и перечеркнул. Черная кошка вспрыгнула ему на спину и стала лизать ему кисть руки, которой он писал следующее:

«Не гасить в друг друге энергию, а соединять ее для всеобщих усилий».

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*подойдя к отцу и заглядывая ему через плечо*). Вяхирь! Москва по погоде нам не указ.

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ. Почему?

ПЛАТОШКИН – СТУДЕНТ. У них там гораздо прохладнее, а у нас тут жара.

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ. Ты говорил мне что-то про французов в университете, а я подумал о нас. Об ихнем и нашем менталитете. У них есть принципы, индивидуализм, стремящийся к личности, теперь вся их «Европа-плюс» движется к общему, получается, к нам. А мы тут всегда в «родном коллективе». У нас вечно жара, вечно нам не хватает воздуха... Нам хочется выделиться; высунувшись, мы как караси, хватаем ртом воздух с поверхности озера... И движемся к ним, они к нам... Мы – гнилая интеллигенция. Неустойчивы мы, все мечемся, все туда-сюда. О нас когда-то сказали: «гэ» мы на палочке...

ПЛАТОШКИН КОЛЮНЯ, СЫН. Папа! Патриарх Кирилл говорил по телевизору что-то о миссионерстве.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Православие, миссионерство и светское – это как божие и людское. Веры разные, да дух один.

Идем, сынок, по грибы! Пройдемся по кривым в жару, влажным, кабаньим следам.

У ливады, за лесом, Платошкин встречает человека с ружьем – незнакомый Охотник. На опушке отыскиали тени.

ОХОТНИК (*показывая себе за спину*). Не идите туда, там овраг. Лиса только что шмыганула. Вот (*показывая цифровой фотоаппарат*), успел ее зафиксировать. В жару лисы особо опасны. Сумасшедшие. Укусит такая – горя не оберешься.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (*трогая приклад «тулки» – охотничьего ружья*). Браконьер, что ли? Сезон пока не открывался.

БРАКОНЬЕР-ОХОТНИК. А-а, это так я, для виду. На всякий случай. Вот у меня что главное – фоторужье! Книгу делаю о природе...

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*насторожась*). А Магдалинина знаете?

БРАКОНЬЕР. Егеря-то, из Малого города? Знаю. И тебя знаю (*указывая на Платошкина-старшего*). Ты – Вяхирь, агроном, живешь тут один, как перст, на отшибе. А это твой сын.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Чужой вроде, а так осведомлен.

БРАКОНЬЕР. Я не чужой, я свой. Только давно когда-то в Москву уехал. По оргнабору.

ВЯХИРЬ. А-а, лимита! Это вы по лимиту строили после войны столицу?

БРАКОНЬЕР. Родом я из того вон села, из Гнилуши. Иногда сюда из Москвы приезжаю, навещаю свою Малую родину. (*Вяхирю*). Ну, а ты?

ВЯХИРЬ. Я однолюб. Как сундук, на одном месте.

ОХОТНИК. Не то, что лисьи, – волчьи эти места. С детства к ним прикипел. Волки эти, говорят, опять развелись. Есть зайцы, будут лисы; есть лисы, разведутся и волки. А то ведь уже из Канады в страну начали завозить санитаров этих... Позалетошним годом целую отару овец на ферме волки там, за

Гнилушей, порезали. Говорят, один такой, дюже кровожадный, попался. Перехватит горло и бросит, перехватит и бросит. А одну овцу на спине унес. Охотники собрались – из области, со всей округи приехали... Лисицын тут испокон главный охотник... Знаешь, такого, Вяхирь?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Знаю. В сезон-охотник, остальное время – фотограф. А приезжий егерь, Магдалинин этот, так – для виду егерь...

ОХОТНИК. А я не для виду, я – большой любитель охоты! Так вот, говорят, умен был тот волк. Матер. Выходит из логова ночью и идет по дороге, по которой машины ходят. Туда прошел, порезал там овец и назад возвращается с овцой на спине. Идет обратно по той же самой дороге, след в след, лапа в лапу. Пойдут машины с зерном с утра, сотрут и эти следы... Да Лисицына не обхитришь, на то он Лисицын, хитрый Лис, тоже матерый!

ВЯХИРЬ. Ну, и что же волк-то?

ОХОТНИК. Волчицей волк оказался. Лисицын логово вычислил, забрал волчат – целых семь штук. Сдал их в заготконтору, там приняли волчат, как за пушнину. Так волчица ночью сама за ними пришла. Как завоюет под окнами!.. Директор тут же это волчье семя в мешок да в кабину, да в область. Отвез, куда надо... Чтобы и тут у нас росли, разводились, а не из Канады за валюту сюда их через таможенно ввозили...

А теперь хожу вот с фоторужьем. А ружье держу на всякий случай, для близиру, для самозащиты.

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ *(свысока этак, как постоянный житель тут, абориген)*. Ну, ходи, ходи, фотографируй, приятель.

И не стали Платошкины лезть на рожон, в этот самый овраг, где сыро, где возможны грибы, но возможны и волки, а вернулись к себе, в свои сады, восвояси.

Подходят они к Приволью и еще издали слышат голос – красивый такой баритон. Стоит себе мужик на крутом берегу и вот поет, разоряется, из себя выходит.

ПЛАТОШКИН *(сыну)*. Это Магдалинин! Исполняет арию Демона. Слышишь?

«Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине...
Я тот, кого никто не любит,
И все живущее клянет».

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Какой же это егерь? Это артист.

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Арист погорелого тетра. С такой фамилией Магдалинин егери не бывают.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действие происходит то в Приволье, напротив Малого райгородка, то в самом Малом райгородке, напротив Приволья, где главным героем выступает Платошкин Николай Иванович – агроном по профессии, по призванию – Автор, по прозвищу Вяхирь, человек, который как и дикий голубь, то приручен людьми, а то, по своей природе, диковат в своем одиночестве.

Сцена первая

Тот же дом в саду, столик, железная койка. Платошкин, под именем Вяхирь, усердно пишет, что-то заносит в свою «Красную книгу», плывет, как в лодке, по волнам своей памяти, по туманным скрижалям веков.

Кто-то кричит с того берега:

– Э-ге-гей, Вяхи-и-иррь!..

Лодку подавай, лодку!

ВЯХИРЬ (*под нос себе*). Лодку, молодку и водку...

Вслух. Однако! Это сейчас или лет пять назад? Кто этот – Магдалинин? Народный артист? Хвалится, что он прототип Муслима Магомаева. учился с ним в Баку, в одном классе школы... В одном классе, да разного класса...

Обращаясь к Липе вековой с колодой пчел где-то там наверху. Однако помнят, что тут когда-то был перевоз. Ходила лодка, а до того существовал и паром.

ПЛАТОШКИН (*сложив ладони в рупорок, в ответ на тот берег громко*). На плотину иди! (*Тихо в сторону, оглядчиво*).

Иди на асфальт! Там дорога досюда, ай забыл? (*И значительно тише, опять же под нос себе*). Егерь, тудуть твою мать! А дороги твердо не знает.

Пауза. Через какое-то время появляется Магдалинин – старший брат жены Платошкина.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Фаина Платошкина живет где-то в городе, в приватизированной ею квартире. Выгнала мужа, и одна теперь там, без Платошкина.

Платошкин спешит навстречу старшему брату жены

МАГДАЛИНИН (*облапив Платошкина, широко улыбаясь*).

Ну, и как ты тут, Вяхирь? Окончательно одичал?

ПЛАТОШКИН (*освобождаясь от братских объятий*). Окончательно.

Вскоре они уж сидят за столом и пьют из медного самовара чаек. От постоянной, ни на день не прекращающейся жары Магдалинин совсем отсырел, даже распух. Конвульсивно морщится, попеременно – то правой, то левой рукой вытирает большим клетчатым платком то лоб – то шею, то под правой – то под левой подмышкой.

МАГДАЛИНИН (*вкрадчиво*). По стопарику врежем?

ПЛАТОШКИН. Ты и так могучий. Прямо как боров. А то, вообще, не будешь скоро в ворота влезать.

МАГДАЛИНИН. Жалеешь? Жалей жену свою греховодницу да себя, что тебе такая жена досталась. Хоть и сестра мне, а скажу откровенно: помоги мне, боже, с друзьями справиться, а с родичами я и сам как-нибудь разберусь.

ПЛАТОШКИН (*невесело, поглядывая на свалившуюся напасть*). Радость какая слушать тебя! Ну, что ты мне скажешь хорошего? Постельные разговоры я не люблю, питейные тоже. Неинтересный, Лир Степанович, выходит, я тебе человек.

МАГДАЛИНИН. А ты не спеши, поперед батьки в пекло не лезь... Уф, жарница! (*вытирая платком себе шею и открытую грудь*). Градусов сорок наверняка, не меньше (*вопросительно глядя на Николая Ивановича*).

ПЛАТОШКИН. Не делай гримасы, не намекай. Все равно не налью. Не держим мы у себя ни наливки, ни водки, а магазин далеко.

МАГДАЛИНИН. А как же ты с хлебом обходишься?

ПЛАТОШКИН. Как Петр Первый при основании Питера. Привез камень: слагбаум открыт, не привез – до свиданья.

Ставит перед Магдалининым миску с жидким медом, кладет кусок хлеба.

МАГДАЛИНИН (*кивнув на ульи в глубине сада*). Носят пчелки-то?

ПЛАТОШКИН (*с досадой*). Да какое там! Майский еще, с первоцветом. Вся гречиха сгорела.

МАГДАЛИНИН. А липа?

ПЛАТОШКИН. Совсем не цвела.

МАГДАЛИНИН (*неожиданно резко*). А вот Фаина, жена твоя, цветет, как картинка!

ПЛАТОШКИН. Да знаю, знаю, что скажешь. Спуталась с милисьёнером?

МАГДАЛИНИН. Это еще полбеды. Квартиру твою, на себя ею записанную, проживают с этим хахалем. Скоро в сарай переедут... кризис, говорят, это называется.

ПЛАТОШКИН (*вспыхнув*). Со своей женой сперва разберись, прежде чем к другому соваться.

МАГДАЛИНИН (*живо наклоняясь к нему, шепотом*). Ну, и что моя Гоминбели?

ПЛАТОШКИН. Косуля дикая... Слышать и в городе, небось, как косуля эта кричит вечерами. И на велосипеде ездит.

МАГДАЛИНИН. Как это на велосипеде?

ПЛАТОШКИН. А так ездит и ездит. Хотя об этом ее никто и не просит. Слышал? Волк за Гнилушей порешил стадо баранье. Прошел туда и обратно след в след, лапа в лапу – по той же дороге, где ходят автомобили и... ездят велосипеды. Целую ночь гонял овцу одну под Мурашихой, аж до крика довел. А ты, егеря, вроде бы специалист по дикой флоре и фауне, а повадки косули не знаешь. Рога косулины один джентльмен – объективный фотоохотник собирался лично тебе подарить. Все спрашивал егеря, фамилию запоминал...

МАГДАЛИНИН. А чего ее запоминать? Бери том Маршака и читай Редьяда Киплинга в его переводе.

«На далекой Амазонке
 Не бывал я никогда.
 Только «Дон» и «Магдалина» –
 Быстроходные суда –
 Только «Дон» и «Магдалина»
 Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
 Всегда по четвергам
 Суда уходят в плаванье
 К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
 Бразилию,
 Бразилию.
 И я хочу в Бразилию –
 К далеким берегам!»

ПЛАТОШКИН (*рассмеявшись*). Так вот, пока ты, егерь, бродишь по нашим северным лесам в поисках броненосных черепах, там в солнечной Бразилии косуля твоя ездит на велосипеде, понял?

МАГДАЛИНИН (*с апломбом*). Скоро куплю «иномарку» – какой-нибудь «Ситроен», и тогда косуля будет ездить сюда на «Ситроене»... Проведи, Николай Иванович, по владеньям своим, покажи хоть, что из домов у тебя тут осталось? С месяца тому, на сессии горсовета, приняли решение еще нарезать под дачи ближние к городу земли. А зачем, думаю, строить дачку, когда тут, в Приволье, они уже есть? В виде фонда брошенного и забытого... раскрытого и забытого...

«Только «Дон» и «Магдалина»
 Ходят по морю туда».

Для туризма – самый цимус. Раи летают, хоть санаторий строй, открывая грязевую лечебницу...

ПЛАТОШКИН. А врачей они где возьмут?

МАГДАЛИНИН. Из районной поликлиники. Прямо сюда. На машине мигом, каких-нибудь два километра... Удочки в озеро прямо их окон будут забрасывать, понял?..

ПЛАТОШКИН. Вот зачем на днях заезжал сюда Мэр Вершинин на черном своем «кабриолете».

МАГДАЛИНИН (*собираясь уходить*). Вот тебе моя лапа, а я пошел домой... кошулю гонять.

ПЛАТОШКИН (*поморщившись*). Не надо, егерь, кошуля тоже все-таки человек.

С удочками в руках сюда на бугор, к дому Платошкина, поднимается сын его – Колюня, Николай Николаевич, тоже Платошкин.

ПЛАТШКИН – ОТЕЦ (*радуясь ему*). Рыбу, что ли, пришел ловить? Или это так... для прикрытия?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Давно не виделись, батя. Все думаю о тебе. Жара такая, сухмень окаянная, просто дышать нечем. А у тебя сердце, сердечная недостаточность. Да и других болезней уже целый букет... А тут еще ты за свою «Красную книгу» взялся.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Книжку писать благодатно. После удачных страниц радостней жить, сил прибавляется, а убывают силы от неудач... Ну, что дома, Колюня? Как у тебя там в университете?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*смутившись*). Да так как-то, вроде мимо несет. На журфаке же учусь, хотел было в редакцию попроситься, да зарплата уж больно мала. А гонораров вообще никаких. Всех расходов, работая, не покрыть.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (*насторожившись*). А какие расходы, а? Может, дома что не в порядке?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. В университете больно дерут. То на ремонт храма, то на юбилей хама. На День всех Татьян, на симпозиум, на проведение Международной конференции... а стипендия – мизер, а то возьмут и совсем не дадут. Говорят, все деньги пошли на строительство нового здания гуманитарного образования...

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (*обеспокоенно*). Ну, и что будем делать, сынок?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Да что! Я уже взрослый, у нас в группе есть и такие... Неплохо зарабатывают сами себе на учебу, на жизнь. Я подумаю... а ты, папа, обо мне особо не переживай.

Платошкин младший собрался уже уходить домой, обратно туда – к матери, в Городок. Платошкин-отец взметался по огороду, по саду: что бы это дать ему туда с собой из съестного? Все неважно на вид, некрасиво, погорело, пожухло.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (сыну). Вот, кой-чего подсобрал, положил в рюкзачок: яблок, огурцов, молодой картошечки... А это вот нашел в сарае: спиннинг еще тех времен, когда твой отец был тут агрономом... Сунул спиннинг тогда под застреху и забыл... А он еще ничего, глядится... послужит еще отечеству, забери.

ПЛАТОШКИН-СТУДЕНТ. Оставь тут, зачем он мне туда? Буду чаще ходить сюда, ловить щуку, сазана, дело пойдет... Стану носить к столу и тебе, и маме. Говорят, в неделю должно быть два рыбных дня, остальные – мясные...

Сцена вторая

Малый райгородок, что напротив Приволья, трехэтажный панельный дом. Платошкин старший, по-уличному Вяхирь, звонит в квартиру, где он жил не так давно. Дверь открывает Платошкин младший.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (*проходя в дверь и передавая сумку*). Привет, Колюня! А где мама?

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН. Скоро придет.

Тут же появляется Фаина Платошкина, ныне свободная женщина, трудящаяся своего дома.

АКИМОВНА (*сходу набрасываясь на Платошкина*). Вяхирь! Я же тебе запретила ступать за порог! Тут моя собственность, моя!..

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*растерянно глядя на сына*). Акимовна! А мне сказали, что вы уж в сарае живете.

АКИМОВНА (*дерзко*). Как это в сарае. И кто это сказал?

Раздается звонок. В дверь входит Магдалинин Лир Степанович – брат Фаины.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*реагируя*). Да вот он и сказал.

АКИМОВНА (*поставив руки в боки, старшему брату*). И почему мы в сарае живем? А кто живет тут в квартире?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Вы пока что с любовником. А потом продадите, смените эту на меньшую площадь, и привет семье! Поживете в сарае.

АКИМОВНА (*засучивая рукава*). Марш отсюда! Оба выметайтесь! (*На брата*) Ты, прежде всего, выметайся! (*На мужа*). А ты погоди, мы с тобой поговорим... Что же это ты, голубчик, алименты не платишь? Двоих детей сумел сотворить, а деньги на их содержание с дяди брать? Вяхирь! Не виляй, устраивайся на работу, корми детей...

ПЛАТОШКИН. Акимовна! Где работать-то в этом богоспасаемом городе? Последний заводик закрыли. Бомжи, как лунатики, бродят по улицам...

АКИМОВНА. И ты укрылся в своем логове, волк?!

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Сыну уже девятнадцать, он получает стипендию, а дочь пяти лет, к сожалению, только твоя. Пусть ей платит отец ее... твой постоянный любовник...

АКИМОВНА. Не твое дело, кто у меня временный, а кто постоянный. Может, полгода все они меня добиваются. Ты на себя хоть глянь: на кого ты похож? Рожа вся в пятнах, волосы вылезли... свинья шелудивая...

КОЛЮНЯ, СЫН ПЛАТОШКИНЫХ. Мама, не надо так. Не надо так на него, я не хочу! (*Топая ногами*). Не смей так! Я не хочу! Не хочу-у-у!!

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Квартиру отдай, деньги гони... А вы с хахалем будете их проживать... А ей, видите ли, теперь моя морда не нравится... Акимовна, нельзя же так. Мы же все-таки люди, хоть и гнилая, но интеллигенция. Нельзя же до такой степени опускаться... Ты же все-таки мать, как выглядишь перед детьми?..

Там же, в Малом райгороде, в редакции районной газеты «Звездочка». В кабинете – редактор Балагуров Денис Кузьмич,

друг Платошкина. На стене, за спиной Балагурова, два портрета: слева – Президента, справа – писателя Н.С.Лескова.

Балагуров за столом, читает газету. Платошкин входит осторожно, как-то оглядливо, останавливается перед столом буквой «Т».

БАЛАГУРОВ. А, это ты, Вяхирь? Наконец-то. С чем пожаловал?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Да вот гляжу, у всех с одной стороны портрет Президента, а с другой – Губернатора. А у тебя справа – писатель Лесков.

БАЛАГУРОВ. Наш земляк, писатель. Единица постоянная в нашей русской культуре.

ВЯХИРЬ. А Чехов? Чехова бы тоже сюда, на стенку.

БАЛАГУРОВ. Что тебе тут картинная галерея? Это я и так тут повесил – писателя, а не какого-нибудь вождя.

ВЯХИРЬ. Так вожди к «звездам» не относятся.

БАЛАГУРОВ. А к кому же они, по-твоему, относятся?

ВЯХИРЬ. К Солнцу. Видишь, сухмень какая. Жара, жарит и жарит. А все это Солнце. Оно испортит вам окончательно все районные будни: и по зерну, и по свекле, осенью до молока доберется.

БАЛАГУРОВ (*снимая очки и обнаруживая усталые, по-детски наивные глаза*). Ну, что еще у тебя, Платошка?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Бюрократию и ты у себя тут развел. Стол буквой «Т», а не круглый, как у Президента.

БАЛАГУРОВ (*вздыхнув*). И где я тебе столько столов наберу, да и помещение не позволяет... Ну, принес свою «Красную книгу»? Ну-ка, что у тебя тут последним записано?

ЧИТАЕТ. «И за что я люблю черного лебедя, так это за то, что у него красный нос».

Вот как! А раньше писал про черную кошку, что у нее какие-то там глаза... не фосфоресцирующие, а коричневые. Разряжаясь на нас, они становятся все светлее, светлее. Рыжими делаются, как грибы – свинухи.

ПЛАТОШКИН. Запомнил!

БАЛАГУРОВ. И про что ты еще тут пишешь, из черного? Все у тебя тут, гляжу, какие-то пустяки. А тут тигры

как популяция вымирают. Из ста тысяч за десять лет на земном шаре осталось только пять тысяч, из них около пятисот живут у нас в стране – уссурийские тигры, на Дальнем Востоке...

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*переминаясь с ноги на ногу*). А ты на людей погляди: сколько хотя б за последние пять лет осталось у нас тут в Малом райгородке, а в районе по деревням? Скоро отсидишься тут под своими портретами. Некому будет газетку твою читать...

БАЛАГУРОВ (*пропуская буркотню друга мимо ушей*). Ну-ка, что еще у тебя тут в твоей «Красной книге» почета?

«Земля, скипевшись, становится белой от удобрений, а сахар из сахарной свеклы – черным».

Так, что еще?

«Жена сказала, что у меня красная рожа, с такой рожей жить не могу. И спуталась с одним милиционером с постоянной зарплатой, а меня, как слили хозяйства и я сделался безработным, так взялась выгонять из квартиры. А теперь требует еще и алименты на девочку от Ивана Ветрова, чтобы со своим милисьёнером на мои деньги вести разгульный образ жизни»...

Ну, это совсем никуда не годится. Вяхирь! Откуда ты знаешь, твоя девочка или не твоя? И потом, что ее кормить, обувать, одевать, что ль, не надо, если она не твоя?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Так денег нет у меня. Что мне жалко, что ли, я бы давал... Ах, да, где наше не пропадало!.. Слушай сюда, что я придумал, Денис Кузьмич: дай займы. Глянь, у тебя сколько денег, сейф набит ассигнациями, в том числе, небось, и валютой. Мне б только перевернуться. а осенью за мед выручу и отдам тебе взятую сумму... Ты же друг мне, мы с тобой друзья закадычные. В первый раз прошу и последний... Девочку в школу нужно собрать, сын Колюня – студент, там тоже поборы. Что ни месяц – давай... Куда бедному агроному податься? А, Кузьмич? На детей ведь – дело святое. Бог все видит, он тебя за меня отблагодарит.

Балагуров достает из сейфа пачечку денег, перекрещенных бумажной лентой, подает Платошкину.

БАЛАГУРОВ. Не унижайся. Терпеть не могу униженных и оскорбленных. Это я тебе свою зарплату отдал, теперь и меня будут дома преследовать.

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Твоя жена верная, знаю. Да и милисьёнеров с постоянной зарплатой на всех наших баб не хватит...

БАЛАГУРОВ-РЕДАКТОР. Ты вот что, всерьез свою «Красную книгу» писать начинай. Про историю хотя бы Приволья, что интересного знаешь про Малый наш райгородок, какие раи тут витают? Опиши озеро свое Беленькое, какое оно, действительно, синее от ясного, мирного неба, а белое – от облаков... А я тебя буду потихоньку публиковать, гонорарчик кое-какой начислять, так потихоньку мы с тобой и выплатим жене моей эту мою зарплату... Согласен, Платоша?..

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*прослезившись*). Ах, ты... слов нет... друг ты мой... друг ты мой закадычный... Главное – человечность, такое не забывается, а то в кризис этот все как одурели, даже в войну, отцы говорят, люди помогали друг другу. А сейчас, вон показывали по телевизору, от участников Парада Победы одни крохи, всего сорок человек и осталось...

Хочешь, Кузьмич, я стихи тебе почитаю. Ну хоть бы... если не про озеро синее-синее, а все равно про озеро, про глаза... Хочешь, спою...

БАЛАГУРОВ. Что и музыку очиняешь?

ВЯХИРЬ. Тебе открываюсь: в критический момент кое-когда сочиняю.

«Синеглазая»

«Увижу синеглазую
Под вечер голубой
В косыночке-то газовой,
Как облак над собой.

Возьму родную, русскую
За талию за узкую.
Косынка пала с плеч,
Да как ее сбережь?

От вешней бури Русь мою
Укрой, спаси нас, Бог.
Пойдем под ручку с чувствами
Размывами дорог.

И любитя, и плачется,
И песне далеко.
Весь путь наш обозначится,
И так легко, легко».

ГОЛОС СВЫШЕ. Вяхирь вышел из редакции и побрел, незнамо куда, от трепетания чувств. Остановился у колонки, попил водички, сполоснул горлышко, рожу эту свою проклятую, ставшую красной, для семейной жизни негодную. Хотел сразу же отнести Фаине Акимовне всю эту сумму: пускай забирает намного вперед, да огляделся вокруг, удивился, куда это его занесло?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. Не помню, когда уж был тут я, в центре всего мироздания, в своем райгородке, у «Зеленого шума». Зайти, что ли, отметить это благородное дело?

Зашел, выпил сто граммов. Да и передумал идти к Фаине Акимовне.

ВЯХИРЬ. *В сторону, про себя.* А вдруг она там как раз со своим хахалем «ихахошкается», в моей комнате, на моей подушке, в постели? И тогда от разочарования нервы распустят-ся окончательно, в кучку себя после не соберешь.

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ. *Вслух уже, далее сам себе.* Пойду-ка лучше к себе туда, на Приволье. А деньги потом отнесу, на День рождения девочки или самой Акимовны, недолго ждать – Восемнадцатого октября.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Вышел Вяхирь на дорогу из своего Малого райгородка. Прислонился к раките и задумался крайне сразу обо всех смыс-

лах жизни. Такая-то наша планида, планидушка. Подумал: а сколько хоть денег-то в пачке, сколько надо будет корячиться после, чтобы долг вернуть? Разорвал бумажку, а тут, откуда ни возьмись, ветер, вырвал одну бумажку из пачечки. Наклонился Вяхирь за этой бумажкой, да все остальные бумажки шмыг на землю, так и просыпались. И ветер подхватил их, понес.

Проходила машина. Выскочили двое мигом пособирали все эти дензнаки, денежные купюры, и укатили.

Вот тут Платошкин и завыл по-собачьи, заголосил, заухал, как горlinka, вяхирь, завыл по-волчьи, заплакал по-человечески. Воет-то человек, оказывается, по-волчьи тогда, когда не знает, как ему быть, к кому притулиться.

Сцена третья

Приволье, что напротив Малого райгородка. В том же саду, за тем же столом. Платошкин сидит, обхватив голову руками. И что теперь делать, и кто виноват?

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (в пространство, прямо перед собой). Что ж, надо жить, надо работать. Никто за тебя ничего не сделает из того, что можешь ты в этом мире людей и идей. Концепции, говорят, нет, идеологии. Как же нет, начни только что-нибудь делать, как только вылезешь, чуть приподнимешься, так голову с тебя и норвят сорвать. И сверху, и снизу. Начальство и подчиненные массы, власть и толпа. Это вот, скорее, антиконцепция: нам много не надо. Ни в чем, ничего. Ни таланта, ни дел настоящих, надо делать лишь вид, что делаешь что-то, чтобы много не было ничего: ни идей у людей, ни людей у идей. Много надо лишь денег, монетарное государство. Включат станок и готовы печатать хоть сколько, до упаду, пока Солнце не закипит, а котелок не перестанет варить.

Куда бедному агроному податься? Не влез ни в какой бизнес – ни в средний, ни даже в мелкий. Там голову отшибут скорее, чем где-то. Не даешь спонсорские по назначению, не поддерживаешь государство – плати жизнью и смертью. У олигархов хоть охрана есть, дворцы имеются за границей, самолеты стоят с заведенным мотором. На всякий пожарный слу-

чай... Целый пароход с интеллигенцией ушел туда после всяких революций и переворотов, которым они же, интеллигенты, и споспешествовали. Лучшие, талантливейшие, честные люди, а не нужны, бегут за границу. Так и идет волна за волной, назад же ни один еще вернулся. Кроме Солженицына, да и у того сыновья там остались...

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*осекая себя*). Хватит! Хватит тебе куковать, токовать, боговать, разглагольствовать. Надо работать, встать и идти, браться за поливалку – поливать огород, горящий под Солнцем, разводите в воде сахарок – помогать пчелке, этой божьей коровке, ставить верши на карася, прилаживать дверь в старой хате, тесать топором, рубить дрова, собирать сухую листву, – словом, жить... А там поглядим, что надо делать с этими деньгами...

Слышен сигнал автомобиля.

ВЯХИРЬ. А-а, вот кто приехал! Друг мой закадычный, редактор этот, только что расстались, и уже опять прикатил... Денис Кузьмич! Проходи, проходи, дорогой. Той устроим, «варить» будем чай по-сибирски – крепкий, стоячий, чтобы ложка стояла, будем готовить плов. Устроим встречу старых друзей. Жизнь к себе будем поворачивать лучшей стороной, если она сама к тебе не поворачивается...

БАЛАГУРОВ (*проходя в сад, к ульям*). Чего это ты Лазарято запел? Вяхирь! Деньги отнес?

ПЛАТОШКИН. В деньгах все и дело?

БАЛАГУРОВ. Ну, и не относи. Вот привез тебе другую пачку, прямо из банка. А ту себе оставь. Вишь, перепутал их. Там рубли одни были – так, на мелкие расходы, а в этой пачке – настоящие деньги, крупные купюры, гляди... Чего растарашился, Вяхирь?..

Платошкин-Вяхирь стоит, как вкопанный, не зная, что и сказать Балагурову. Абракадабра какая-то, чушь собачья... И уже после того, как они погнали по третьей из алюминиевых кружек, из старого медного самовара, подливая побольше заварки из благодатной своей душицы, только после того Платошкин все рассказал другу, своему еще с молодости – Коту, как звали тогда они, все ребята, этого Балагурова.

ВЯХИРЬ. Ты, Балагуров, как был тогда балагуром по фамилии, навроде таким и остался. А всамделишным балагуром, болтуном, хвастуном, брехуном, это я, твой покорный слуга, являюсь.

БАЛАГУРОВ-РЕДАКТОР. Скажи, как от слова «алюминий» будет прилагательное?.. Так, правильно... А как пишется? Вот листок тебе, напиши.

Платошкин выводит старательно, крупно, по буквам: «А – лю – мини – е – вый».

БАЛАГУРОВ. Правильно. Этого я и хотел. Грамматически верно. Значит, пиши, создавай свою «Красную книгу», приноси свои заметки в газету... Ну, я поехал, а то время – деньги, а деньги – вовремя (слитно, вместе пишется), и куда надо. И теперь уже, Вяхирь мой дорогой, денешки не теряй. Против ветра не распространяйся, выводи свои письма грамотно и культурно.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

На сей раз Платошкин действовал куда осмотрительнее. Деньги есть деньги, все-таки монетарное государство. От них горе и радость, гротеск страха и невероятный кураж, воздуху невпродых и свободное дыхание. Платошкин тут же смотался в Малый райгородок, к Акимовне, вручил лично ей эту Балагурову пачку банкнотов, предназначенную на развитие журналистики, эссеистики, а также, возможно, драмы и кинематографа. И тут же, довольный, вернулся к себе на Приволье.

ГОЛОС СВЫШЕ. Но Боги неподкупны и строги, они не всякие деньги не любят, деньгами их не урезонишь. И делают с людьми их имеющими, что хотят. У Богов с деньгами свои выкрутасы.

К вечеру на Приволье появился Платошкин младший – сынок Николая Ивановича, тоже Колюня, но только Николай Николаевич.

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ, АГРОНОМ. Ты чего прискочил, чего надо?

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН, СТУДЕНТ. Деньги тебе обратно привез.

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*оторопев*). Да ты что!

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН. Во сне мне приснилось, примерщилось, голос такой: возврати ему, говорит. Он же тебя рабом своим делает, а твой отец – свободный художник.

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*вздыхнув глубоко, разочарованно*). Художник? Какой я художник! Вовремя надо было брать перо и садиться за стол. Художник один на миллион, даже на миллионы! Национальное достояние. Однако каждый, готов сковырнуть тебя, ибо ты – «много», а они – «немного», по «чувточку» или даже совсем «ничего».

ПЛАТОШКИН-СЫН. Поэтому, папа, я и принес тебе деньги. Взял у матери и принес. Верни ему, не хочу, чтобы ты, отец, становился рабом!..

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*рассмеявшись*). Ленина знаешь?

ПЛАТОШКИН-СЫН. Знаю, а что?

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ. Вот что, есть слова у него о Льве Толстом: «Нет художника, свободного от денежного мешка, от подкупа, от содержания». Сурово, но такова жизнь. А с Котом не как со скотом, мы с ним дружим с детства... Кот и Вяхирь, Вяхирь и Кот... Деньги – дело житейское, у нас с ним, Колюня, деньги – дело не главное!..

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И когда Колюня уехал, Платошкин расстелил по столу газету своего районного значения, наложил на нее, словно вето, чистый лист и десять раз, сверху вниз написал:

«Алюминиевый».

Потом по пять раз слово «вовремя» (в смысле не опоздал) и «во время» (в смысле в оное время). А потом вообще, стал писать, подхихикивать, представляя все в лицах и откровениях, начал смеяться, прежде всего, над собой, оттого что деньги нашлись, никуда не девались, и теперь возвратятся обратно в тот сейф на развитие подвига журналистов и журналистики в хлипких районных условиях. И что сын у него, тоже Коля-Колюня и тоже Платошкин, растет все-таки человеком. И все сам

себе удивлялся, как это ловко бегут у него строка за строкой, как все это у него получается, все живо – больное, здоровое, жуткое – все подряд...

И тут его как прострелило, вот оно, то ружье, что висело у Чехова на стене. А как же с Акимовной быть, с девочкой той, может быть, и нагуленной, от Ивана Ветрова, но, хоть и мала она, маленечка, наперсточек, а тоже, если подумать, ведь Человек, и средства на нее тоже необходимы...

ГОЛОС СВЫШЕ. Вяхирь одевается тщательно. Ищет свежую рубашу, достает из сундука глаженные штаны, надевает свой лучший пиджак и идет на большак. «С Богом!» – осеняет он себя перед попутной машиной. Ехать-то что тут до Городка, каких-нибудь два километра, но он останавливает «газель», вручает водителю банку меду да и говорит ему, подбирая слова:

– Праздник у меня сегодня, сынок! Это как День рождения... перерождения... подвези...

ВОДИТЕЛЬ. Вяхирь! Мне некуда больше спешить, однако времени нет.

И «газель» срывается с места. Вяхирь – Платошкин смотрит вслед заднему номеру, не шелохнувшись. Появляется трактор – слава богу, не гусеничный – «Беларусь», на резине.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*обращаясь к Трактористу*). Слушай сюда! У меня Праздник сегодня, сынок! Это как День рождения одновременно: у дочки моей и у меня.

ТРАКТОРИСТ. Ты, Вяхирь, уж старый! Какие тебе дни рождения? И через центр мне на такой дрзине нельзя, там «гаишники».

ПЛАТОШКИН. Ну, не День рождения, а как бы День рождения – перерождения... всеобщего нашего перерождения... всей страны, всей России... Чтобы лучше мы друг друга видели, слышали, понимали и осознавали... чтобы жизнь была лучше... Я тебя, дорогой, в свою «Красную книгу» впишу. Знаю твоего отца, деда и пращура, всех на одной ниточке, до несметных колен... Что же это мы, что ль, нелюди, едем друг

к другу все время спиной, а не ликом... Хучь и красная морда стала у меня, как работу потерял я свою агрономскую... никаких работ не дают, из квартиры гонят взашей, что же, я теперь с мордой такой уж и не человек?.. Уфффф, сынок, сынн-оок!.. – заскрежетал он зубами.

ПЛАТОШКИН (*не помня себя*). В глазах какие-то черные кошки, черные лебеди с красными носами, а теперь вот еще что то черное... черное... черное... не уловлю...

ТРАКТОРИСТ. Ладно, садись, Вяхирь! Голубь ты мой сизокрылый! Едем за твоей дочкой... Отвечать перед ГАИ будем вместе...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Вот был праздник в Приволье, так праздник! Вяхирь водил девочку по всей усадьбе, по всем этим местам, все показывал и рассказывал. Воодушевлялся, кричал, пел, изображал. И был в этот день, наверно, самым счастливым, удачливым человеком на этой брошенной, обезображенной, но им же пока не отстраненной от всех дел, не позабытой земле.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*беря девочку за руку*). А это АБЗ – завод такой, с лисьим хвостом.

ДЕВОЧКА. Плохой завод, нехороший.

ВЯХИРЬ. А это тут, в вагончике, Ласточка. Видишь, летает.

ДЕВОЧКА. Хорошая Ласточка. Дверь откроем, пусть высоко-высоко в небо летит.

ВИХРЬ (*распахивая дверь*). Лети, Ласточка.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*проходя мимо ближней дачи*). А это тут волчьи следы, видишь? И Красная Шапочка живет рядом.

ДЕВОЧКА. Следы плохие, а Красная Шапочка очень, очень хорошая. И Солнце хорошее, его много-много. И озеро тоже хорошее, много-много воды...

ГОЛОС СВЫШЕ. И пили чай они вместе с пчелками. И пели песни втроем, вместе с Ласточкой, которая, летая, про-

носились свободно над ними. И смеялись они просто так, ни с чего. И так целый день провели, они до самого вечера. И был у Платошкина-Вяхиря этот день, наверно, самым хорошим, самым удачным, самым счастливым днем в его жизни. И, когда приехал за девочкой Тракторист на большом и красивом тракторе «Беларусь», все втроем поехали они в райгородок и приехали в то местечко, где брали они у мамы ту девочку...

ВЯХИРЬ (*возвращаясь, уже перед самым Привольем*). Господи! А как зовут-то хоть девочку, дочку мою? (*Подумав, сказал, да так громко, что слышно было, наверно, аж до самой редакции, а может, и до самой Америки*). Файночка? Валентина? Нина, Танюша? Скорее всего, одно из них, а может, все вместе. Так еще лучше Вера, Надежда, Любовь.

Сцена четвертая

Малый городок, что напротив Приволья. Платошкин в Городке, на том самом месте, где должен он встретиться с сыном. А сына Колюни все нет.

ПЛАТОШКИН (*размышляя*). Зайти, что ли, к редактору, к другу своему закадычному? А что сказать, когда спросит, от чего от денег его мы отказались?

Бежит мальчишка по улице, бумажки всем раздает – направо и налево.

ПЛАТОШКИН (*так же весело и игриво*). Что ты делаешь, мальчик?

МАЛЬЧИШКА. Видите? Счастья всем раздаю.

Глянул на бумажку Платошкин, а там красным по белому напечатано:

«Сколько денег вам нужно для Счастья?»

И черным по белому, более мелко:

«Банк хоум кредит».

(С 250000 до 500000 рублей).

И совсем уже неизвестно где (мелко и на обороте, где-то внизу).

«Кредиты по ставке 19,9% годовых...

по ставке 24,9% годовых...»

Влетел Платошкин, как на крыльях, в редакцию, к другу своему Кузьмичу, Балагурову Денису Кузьмичу, по-уличному Коту, показывает ему эту бумажку.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*спрашивая*). И что бы все это значило?

БАЛАГУРОВ-КОТ (*замурлыкав, поверхностно рассмеявшись*). А, вот ты про что. Я тебе просто так деньги давал, без процентов.

ВЯХИРЬ (*кружась над ним и не отступая*). Этот все банк. Все-таки, все-таки, все-таки... Попокатепетль...

БАЛАГУРОВ (*окончательно рассмеявшись, утверждая свой собственный вердикт*). Это такая «яма», откуда не выбраться. Попал в долговую яму Сервантес, написал своего «Дон Кихота».

ПЛАТОШКИН. Вот и я пишу, уже начата «Красная книга».

БАЛАГУРОВ. Ты – не Сервантес, «Красная книга» – не «Дон Кихот».

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Но счастье одно...

КОТ-БАЛАГУРОВ (*закончив мысль*)... на всех.

ГОЛОС СВЫШЕ. Как хочешь, так и понимай, Не сравнивай себя с Чеховым, Булгаковым и Балагуровым, с их персонажами и прототипами.

Выходит Вяхирь-Платошкин от редактора – друга своего, останавливается посреди улицы, в зоне движения автомобилей, которых и тут теперь как собак нерезанных, и думает думу, додумывает ее до своего завершения.

ПЛАТОШКИН (*в вихре мыслей*). Не надо нам Гарри Потера, «Ситроена» и «Банка хоум кредит» (*И тут же пробивается в нем такая мыслишка*): «А как же, в таком случае, царь Питер со своим «окном» в Европу?»

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И все же в Платошкине утверждается прежнее: «И хорошо, что Коля-Колюня, сыночек мой, тоже Платошкин, подумал о свободе, отдать хочет деньги назад... Но как быть? Деньги в семье все же нужны».

Проезжает мимо «недорожник» японский, большой черный «кабриолет» Мэра Малого райгородка Вершинина Руслана Тимофеевича.

ПЛАТОШКИН (*вспоминая посещение Мэром Приволья, слова, вколоченные в мозги, словно гвозди*): «Мой кабинет всегда открыт для посещения народа». (*Вслух, наполовину улицы, до самой редакции*). Мы – город свободный, должны иметь доступ к Вершинину.

Входят в кабинет с разных сторон, но вместе, синхронно с Вершининым.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*с высоты птичьего полета, успевая охватить взглядом все помещение*). Сколько охраны у вас, у каждой двери. Не хватает под окнами бронетранспортера.

МЭР ВЕРШИНИН (*рассмеявшись*). Милый мой, это все мифы! Каждый двухметроворостый у наших дверей – это человек-легенда со своей биографией... Чечня, Афганистан, Южная Осетия...

ПЛАТОШКИН (*про себя*). Нет, это уже не действительность.

Вслух (продолжая, как заведенный). Финляндия, Польша... «На Дону и в Замостье тлеют белые кости...».

Мэр Вершинин вырубает радио, а Платошкин – себя.

МЭР ВЕРШИНИН. Ну, что, поговорим нормально? С чем пришел?

ПЛАТОШКИН. Да вот что, Руслан Тимофеич, народ говорит. На Приволье сколько домов, пустых, брошенных, а место, сами видели, и какое ж красивое! Лес рядом, одно лебединое озеро чего стоит. В народе говорят, санаторий кто-то собирается строить, может, вы, Руслан Тимофеевич, знаете?

МЭР ВЕРШИНИН (*захохотав, бия себя в грудь кулаками*). Санаторий?! В первый раз слышу. От такого натиска мыслей не знаю, что и сказать... Это личная твоя просьба или всеобщая, мирового значения?

Платошкин, всегда чужая в себе Вяхиря – вещую птицу такую, особо когда дело касается общественных перспектив, все его куда-то несет, поднимает, когда вверх по стенке поднимают портрет, тут их тоже два, но – слева лицо Президента, а справа – пятно темное, мысль еще не определилась.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*понимая Мэра, его ситуацию*). И за кого, Руслан Тимофеевич, будем ныне голосовать?

МЭР ВЕРШИНИН. Повешу портрет – так увидите.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. В телевизор надо показывать вашу берлинскую стенку, чтобы все видели.

МЭР ВЕРШИНИН. Почему «берлинскую»? Почему «в телевизор»? Ах да, по первому вопросу: «берлинская» – потому что евроремонт, немецкие обои, стройматериалы. По второму вопросу – у нас Малый городок, есть такой рупорок, что если слева, в одном месте, пукнет начальник, например, директриса «базарная» по собиранию денег, то справа, в другом уголочке, – аукнется...

МЭР (*поднимаясь*). Ну, кажется, все у тебя, Платошкин?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. А к вам ходить можно только лишь по вопросам или можно и так, когда дело доходит до точки?

МЭР. До точки не надо, мы расшиваем узкие места заблаговременно. «Сельхозтехнику» закрывают, так мы даем визу в область, в Москву, в Набережные Челны, в Турцию, даже на Мадагаскар. Пожалуйста, милости просим... уезжайте...

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Семен Лосин – семью восемь – милости просим... Как Мичурин сказал: «Не ждате милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

МЭР ВЕРШИНИН. Мичурин – хороший человек.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*собираясь уходить*). И Красная Шапочка тоже хорошая, очень хорошая девочка! Приволье – очень хорошее место, я работал там агрономом. Но морда подвела меня краснощекая... Заношу себя в «Красную книгу», а сам думаю о санатории среди красоты природы, русских полей...

МЭР ВЕРШИНИН (*вставая*). Очень хорошая мысль.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Вяхирь пробкой вылетает из Мэри, останавливается посередине дороги, куда, как и птицы, туда-сюда по Малому райгородку, летают теперь и тут ретивые инобытийные иномарки. И глубоко задумывается он, пробуя стать на мес-

то своей бывшей жены Акимовны: а чем ей завтра кормить свою Красную Шапочку, если хахаль не принесет ей в клюве из фонда своей постоянной зарплаты, а пчелка-труженица, одурев от жары, от пожаров, не наносит нектара – с каждого гектара – гречи – перспективе навстречу. Что тогда делать школе, семье, частной собственности и государству?..

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*В сторону, про себя*). Засиделся у этого мавра, аж померкло сознание. Про Колюню-сыночка своего позабыл. Заждался, небось, ждет меня у святого колодца, освященного батюшкой из храма Михаила-Архангела перед тем, как провожать наших парней служить в армии, в Южную Осетию и на работу – в Северную Дакоту.

Вслух. Разброс мыслей неопиcуемый! Прекрати, Вяхирь! Люди, тебя не поймут. Сын должен быть на месте, где и договорились: у святого источника, священного родника. Однако его пока нет.

Окраина Малого райгородка. Часовня над трубочкой, куда за водой обычно сходится и съезжается добрая половина местных органов и недобрая – две трети отечества. Сегодня многолюднее, чем обычно. Пришли новобранцы осеннего призыва с родителями, друзьями, соседями, просто знакомыми, тут же налоговая инспекция и школьные учителя.

ПРОХОДЯЩАЯ МИМО СТАРУШКА. А санврач не пришел. Раз в год проверяют ради такого случая воду. На холеру и сифилис.

ДРУГОЙ ГОЛОС. Сифилис вспомнила. Другая эпоха, первая мировая война.

СТАРУШКА. Ты-то откуда знаешь? Ты еще молодой, из этой эпохи.

ЕЩЕ ОДИН МОЛОДОЙ ГОЛОС (*наверное, тоже оттуда, из новобранцев*). Эпохи все наши! Мы их все подряд сначала куем, Родине передаем, а уж после того защищаем.

СТАРУШКА. Вот молодец! Хоть ты правду сказал. (*Громко, на всю окрестность у Священного Родника*). Вот он один сказал правду! Которой теперь нигде не услышишь. Завод по переработке скифского золота закрыли, и все как в рот воды. Некому защищать и чем идем защищать свою Малую родину – молчанием и извращением фактов?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*улыбаясь*). Ах, какая партийная бабушка!

СТАРУШКА (*живо и остро реагируя на всякую остро-ту*). В «Справедливой России» мы все боремся, сопротивляемся, боремся за справедливость.

ПЛАТОШКИН (*отходя в сторону*). А побеждают другие. Забьют тут голову всякой небылью, ночами спать не дают, заставляют все в мозгах туда-сюда перемалывать... Да где же это Коля, Колюня, Николай Николаевич, тоже Платошкин?..

Завидев сына, Платошкин старший пробирается к нему сквозь собрание этих народных трибунов, горемык и счастливых, удачников и неудачников – всего этого набора присутствующего тут населения, ждущего отца Василия – благочинного местного храма Михаила-Архангела...

Встретились Платошкины – отец с сыном, обнялись как покруче, выпили под иконой святой водички да и отошли в сторонку. Присели на бугорок, чтобы лучше видеть все, что происходит, и в то же время поговорить по душам, по былому и думам...

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ, ОТЕЦ. Ну, что там в последнее время еще у тебя, в твоём государственном классическом университете?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ, КОЛЮНЯ, СЫНОК. В том-то и дело, что ничего. А так, как чума болотная, бадяга какая-то. Только каждый второй способен быть самим собой... Все тянут резину, одну и ту же мелодию: дай, дай, дай. Знание – дай, деньги – дай, уважение преподавателю – дай. А что тебе как студенту? Кафедра языка, а филологии нет, а в соседнем городе, между прочим, филология эта имеется. Называется у нас

уни – вер – ситет, а пединститутским мохом все поросло. В почете методики всякие, педагогики всевозможные с психологией, психикой, всяческой неодоушевленностью. Как защитились еще в пединститутские времена, захватили высоты с самого верха донизу, так и держатся... Круговая порука называется, для отвода глаз – строительство зданий для факультетов... О Господи! заколебали... И у ППС – в профессорско-преподавательском составе – тоже не все в порядке. Строят всяческие препоны по основным наукам, делающим лицо университету как средоточью наук... Особенно тормозя по докторским...

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ, ОТЕЦ. Ух ты! Как ты всего нахватался. Если вставить в «Красную книгу», никакого места не хватит, да еще и малохудожественно, слишком много болота...

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Ничего, ничего, места всем хватит, потом все забудут.

ВЯХИРЬ (*сверкнув глазами*). Это опасно, сынок. Да и я... смотри на меня... агроном... вроде сижу на земле... а кому это нужно?

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Книжку пиши, отец. Создавай свою «Красную книгу». Это пища пока для ума, как жена – ад или рай для души.

ОТЕЦ (*иронично*). Чистилище для кармана.

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Я, отец, тебе в тягость не буду. С деньгами я хоть что-то придумаю. Буду учиться и буду работать, даже тебе помогать стану, чтобы мечта твоя осуществилась. Чтобы в твою «Красную книгу» заносились не вымирающие виды животных и вымирание людей, а свобода, равенство, братство всего человечества.

ПЛАТОШКИН – ОТЕЦ. Православие, справедливое самоуправление и народность.

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*рассмеявшись*). Теория официальной народности?

ОТЕЦ. Хороший ты у меня, Коля. Как Ласточка в том безмолвном вагончике.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие опять переносится в Приволье – предместье Малого райгородка, что за большим синим озером, именуемым Беленьким. Тот же главный герой Платошкин-Вяхирь, те же люди, почти те же проблемы, но в развитии мыслей и чувств.

Сцена первая

Приволье. Тот же сад с огородом Платошкина Николая Ивановича, АБЗ – асбестово-битумный заводик с замершей трубой. Платошкин старший, под уличным именем Вяхирь, хлопочет у себя в саду с ульями. Встал с утра пораньше, пока Солнце не поднялось к зениту и не взялось за свое – жарить, неистовствовать, иссушать.

Прогоняя мимо отару овец, Пастух заглянул сюда к Вяхирю, перекинуться парой слов.

ПАСТУХ (Платошкину). Ну, и как твой прогноз: долго еще это жаркое лето протянется?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (с граблями, собирая сухую листву). Готовь на зиму, парень, дровишки. Бабье лето протянется до Покрова.

ПАСТУХ. Ишь ты! В курсе, а я совсем одичал! Бегаю как оглашенный за овцами тут у вас по буграм. Говорят, Мэр этот, что в городе, газ ведет сюда на Приволье.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Какой газ! Что ты говоришь? Мэр городка – этот Вершинин – собирал анадьсь избирателей, так что говорил?

ПАСТУХ. Ну, и что говорил этот Мэр?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Нечего газ вести таким, как мы, гэвэрит, «анклавам». Снизить надо пользователю коэффициент за электроэнергию, и пушай этот пользователь топит электропечку, наслаждается жизнью и чистотой.

ПАСТУХ. Ну, и снизили хучь бы тебе, Вяхирь?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (весело, отмахнувшись рукой от Пастуха). Иди ты! Снижать, гэвэрит Мэр, не его прерогатива...

ПАСТУХ. Ну, я пошел, Николай Иванович. А то овцы скрылись уже за посадкой.

ПЛАТОШКИН КАК ХРАНИТЕЛЬ ПРИВОЛЬЕВСКОГО ОЧАГА. Час добрый тебе, человек. За водичкой заходи, всегда пожалста.

Поджигает сушнячок из сухих листьев затевает аккуратный костерчик. Мимо проезжает тот самый трактор – голубой «Беларусь». Спрыгивает наземь тот самый парнишка – молодой Тракторист.

ТРАКТОРИСТ (*подходя к Платошкину*). Ну, и как ты тут, Вяхирь?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Да стою на стреме! Кому куда надо – распределяю. Вон Пастух с овцами, за посадкой только что скрылся... А тебе чего?

ТРАКТОРИСТ. Пахать еду под зябь. Гляди, позади «Беларуса» – плуг. Как бритва. Режет землю я те дам да набавлю.

Пауза. Потянуло ветерком с озера. Слышно, как хлопает форточка. Да Магдалинин, этот егерь, поет где-то там, в том конце бывшего поселка Приволье. Говорят, домик тут где-то егерь купил.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*приостанавливается, заходя мыслью в тупик*). Купил, говоришь?.. Этот егерь?..

ТРАКТОРИСТ. У Карпушкина.

ВЯХИРЬ. Так Карпушкин теперь в Москве. К сестре дожидать уехал, говорят, рак съедает.

ТРАКТОРИСТ. Стало быть, егерь ездил в Москву. Купил, говорят, дом у Карпушкина по дешевке.

ВЯХИРЬ (*поднимаясь к своему АБЗ, чуть повыше огорода*). Вот отсюда лучше видать. (*Показывая*). Вон за теми ракетками второй с краю дом – Карпушкина. Придется тебе срезать и ракетник – все заполонило, весь огород.

ТРАКТОРИСТ. Ну, я пошел, Николай Иванович.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. С Богом! Еще один дом на Приволье станет живой. Оживет сторона, станет уже не пустой...

Пауза. Платошкин длительно смотрит вслед Трактористу.

Размышляя. С чего бы это Магдалинин сюда навострился, в дебри эти? На Подгородней, что ль, земли не хватает? Это она все крутит им, Гоминбели эта, приезжая из Баку.

После полудня у Платошкина появляется Балагуров Денис Кузьмич – редактор, закадычный друг, тоже деятель районного масштаба.

БАЛАГУРОВ (*Платошкину*). Вяхирь! Вишь, на новой машине к тебе прикатил! Из области дали редакции.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. А себе взяла, небось, иномарку. Бронированный «Мерседес»... «бенц»...

БАЛАГУРОВ ДЕНИС КУЗЬМИЧ. «Мерседес-бенц»... Я тебе газетку вот номерочек субботний привез. В отделе «Развлекаловка» пропустил заметку из твоей «Красной книги».

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Ты бы лучше Колюню моего напечатал, тоже Платошкин. Засунул в долгий ящик его стихи и держишь.

Проходят привычно в сад, к ульям, усаживаются привычно за стол.

БАЛАГУРОВ. И все-таки зря ты это, Вяхирь...

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Об чем речь, Кузьмич? Что ты хочешь сказать?

БАЛАГУРОВ. Да, насчет денег. Вернул мне их твой отпрыск, принес назад. А ведь давал тебе не последнее и от всей души, от чистого сердца.

ВЯХИРЬ – ПЛАТОШКИН (*затевая самоварчик*). Знаю, знаю. А все, Кузьмич, как-то верится и не верится.

БАЛАГУРОВ. Во что, в Бога?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. В этом я уже перестал сомневаться, как только атеисты ушли. Я о другом.

БАЛАГУРОВ. И об чем?

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Деньги силу такую заимели, что страшно. В глазах аж темнеет.

БАЛАГУРОВ. Ты мне зубы не заговаривай. Назад привез тебе эту пачку...

ВЯХИРЬ (*просвечивая друга четким, чересчур точечным взглядом*). Кто ты – спонсор?

БАЛАГУРОВ. Первое – не режь глазами, не просвечивай, как рентген. Второе – для тебя, Николай Иванович, я, может, и спонсор. В малых дозах района.

ПЛАТОШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Большие масштабы были ранее, еще когда. Третьяков покупал картины – спонсировал живопись. Фон Мекк подарила Чайковскому дом в Клину – спонсировала музыку и т.д. А ныне...

БАЛАГУРОВ. Футбол спонсируют. Пишут на майках «Газпром».

ПЛАТОШКИН (*не унимаясь*). А теперь как по телевизору? Прежде три кита называли: медицина, образование, культура. А ныне называют короче: образование и медицина... Ну, еще кой – когда приплюсуют науку. А где культура? Выпала, нет ее. У Ленина было две культуры: дворянская и народная, а тут ни одной... А ведь история и литература – генофондообразующие штуки, они показывают, что Русь непрерывна...

БАЛАГУРОВ. Вяхирь! Сколько раз тебе говорить: не обобщай, не о – боб – щай! Пока крапивой попу не настегали... Так и тянет тебя схватиться за пистолет. Глянь, мордой весь аж покраснел от натуги...

ПЛАТОШКИН (*улыбаясь во всю свою красную физиономию*). Наоборот. Это Гитлера тянуло схватиться за пистолет. Как не обобщать? Теорию «малых дел» проповедуешь? А страна у нас великая, человек привык к большому, серьезному... Огромные неосвоенные территории... Их осваивать надо... Коллективное самосознание есть, а человека нет... А кто же без человека-то освоит просторы такие... Кладовая Солнца... Ишь, как жарит! Гневается за что-то на нас...

БАЛАГУРОВ. Не тужи, Вяхирь! Не турлычь, Горлинка! Бед нам не накликай! Что говорила императрица Екатерина Великая, помнишь? Если ты Автор...

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Ну, и что говорила твоя царица?

БАЛАГУРОВ. Автор! Фамилий не называй, пороки только перечисляй, без фамилий. Или употребляй в каком-нибудь иносказательном виде... Это я говорю тебе уж как перспективному селькору нашей газеты... Вот Екатерина и поставила

памятник одному – еще живому писателю... И где ты видел, чтобы живых писателей обласкивали, а тем более ставили при жизни памятники? Нет такого ни у нас, ни за границей даже... А ты сразу Гитлера называть, а у него город в Австрии существует, лично им спроектирован... Грозный, то бишь Иван Четвертый – первый, кто у нас начинал с публицистики в письмах Курбскому. Царь! А живопись словом ваял ранее протопопа Аввакума...

ПЛАТОШКИН (*вскакивая из-за стола*). Ты что мелешь! Очнись! Кот! То мурлыкал, мурлыкал, а то в волка превратился... Грозньего тебе захотелось, «тираниченького...»

БАЛАГУРОВ. Слова такого нет.

ПЛАТОШКИН. Слова нет, зато стихи есть – Пушкина! Александра Сергеевича.

«Анчар как грозный часовой
Стоит один во всей Вселенной»...
«Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом.
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.
Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на муки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки».

БАЛАГУРОВ. На «лыки», Вяхирь! «Под сводом шалаша на лыки!»

Сказал Кот-Балагур свое и, как говорится, хлопнул дверью, которой, естественно, тут в саду не было, и укатил восвояси.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А Платошкин попереживал-попереживал маленько – пятнадцать минут, затем взял и попережевал-попережевал все ржаные лепешки, привезенные ему из города Балагуровым, и успокоился.

Расстелил на столе райгазету «Звездочка» с заметкой «О Беленьком, синем озере и белых снегах».

И стал писать сверху вниз:

«Попереживал» (о себе) – «попережевал» (о лепешках).

И написал так десять раз подряд сверху вниз, как китайцы пишут свои иероглифы.

ГОЛОС СВЫШЕ. Потом взял посох (Балагуров говорит, с посохом ходили писатели – и в девятнадцатом, и в двадцатом веках, и сейчас, когда выходят на лоно природы: это, чтобы их не укусила какая-либо злобная тварь отвязанная, такие тоже околачиваются возле серьезных писателей, особенно драматургов) да и отправился на тот конец Приволья, где с утра стояли ракиты. Теперь ракиты валялись, а огород был вспахан и проскорожен (одна культура слова), прокультивирован (другая культура, а дело одно и то же, но сделано разными инструментами).

У поваленной, кругленькой такой, оформленной хорошо ракиты-красавицы Платошкин стоит в глубоких переживаниях, думая о соответствиях и несоответствиях. Как у французского Бодлера, поэта-символизма или импрессионизма, а также у поэтов нашего «серебряного века».

И тут Платошкина осеняет, напрягается весь он от электричества, что бьет во все его поры, в его живое, а значит, земное, многозначное тело.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. (В сторону). Надо с сыном все-рез поговорить. Стихи пишет, а с книжкой давненько что-то я его не видал.

ГОЛОС ИЗВНЕ. Зачем ему теперь книга, если есть Интернет?

ВЯХИРЬ. Живая книга сразу в двух измереньях: то и это, Вяхирь-Платошкин. А Интернет: мы – тут, а он – там.

Сзади подходит Магдалинин. Кладет руку ему на плечо. Подъехал незаметно, проказа, подобрался еще незаметнее. Егерь все-таки – ходит, как волк какой: след в след, лапа в лапу.

ВЯХИРЬ (поворачиваясь к нему, ликом в лик). Чего тебе, егерь?

МАГДАЛИНИН. Еду, смотрю, стоишь перед ракитой, как столб какой, как святой.

ВЯХИРЬ. И какая ж была красавица!

МАГДАЛИНИН. Кто – Ольга?

ВЯХИРЬ. Разве ее звали Ольга?

МАГДАЛИНИН. Кого имеешь в виду?

ВЯХИРЬ. Да ракиту эту, описанную моим сыном в стихах. Тоже Коля, Колюня, Николай Николаевич, тоже Платошкин.

МАГДАЛИНИН. Зачем ты все это повторяешь, говоришь неоднократно, не уверен?

ПЛАТОШКИН. В чем?

ЕГЕРЬ. В своих силах.

ПЛАТОШКИН. А ты, Магдалинин, уверен?

ЕГЕРЬ. В ком?

ПЛАТОШКИН. Да хотя бы во флоре и фауне, в Фаине и Понтии Пилате.

МАГДАЛИНИН. К чему ты это?

ПЛАТОШКИН. *В сторону, про себя.* Потому что «ф» в русском языке восходит к другому языку – древнерусскому, где «ф» – это уже или «хв» или «п». Понял меня, Лир Степанович?

Теперь уже Лир остается стоять столбом у лежащей ракиты, о которой Вяхирь говорит, что это его отпрыск, тоже Платошкин, пишет, между прочим, тоже стихи. А стихи те Вяхирь не прочитал, почему?

Платошкин-отец уходил, удалялся от Магдалинина, думал: «Надо Колюне посоветовать больше читать, размышлять, больше знать и страдать, сострадать, плакать, слезы лить над прочитанным, чтобы все оно становилось твоим. Иначе разлад души, двойное измерение, страх перед словом, в окончании – зависть и крах».

Если нет этого, лучше стихи на писать.

Сцена вторая

Там же, в Приволье. Те же Вяхирь – Платошкин и Магдалинин. Но еще месяц спустя.

ПЛАТОШКИН (*Магдалинину*). Ну что – взошла у тебя хоть картошка-то?

МАГДАЛИНИН. Да я и не сажал.

ПЛАТОШКИН. Врешь! Я видел – сажал.

МАГДАЛИНИН. Ну, тогда сажал слишком поздно. Да к тому же стоит такая жара. И семена плохие – мелкая, сморщенная, прошлогодняя картошка. Царица эта полей, огородов.

ПЛАТОШКИН. Пехота в войну была «царицей полей». А артиллерия – «бог войны». А знаешь, кто я?

МАГДАЛИНИН. Известно кто – Вяхирь! Дикий голубь, горlinkа, витютень.

ПЛАТОШКИН (*щедро улыбаясь*). Нет, я – жук навозный на своем огороде, и еще Дерсу Узала. Сын мой – Коля, Колюня, тоже Платошкин, имя такое мне в своих стихах при-способил.

МАГДАЛИНИН. Почитай, если помнишь. Память у тебя лошажья. У тебя должок еще про ракиту, обещал почитать.

ПЛАТОШКИН. Да ладно тебе, перебьешься.

Появляется Ольга Гоминбели, жена Магдалинина. Радостная и цветущая.

МАГДАЛИНИН (*подозрительно*). Что это ты цветешь, как майская роза?

ОЛЬГА (*глядя на Платошкина*). Хорошо тут, на лоне природы. На Юг ездить не надо, раи тут летают.

МАГДАЛИН (*выделяя цепким егерским взглядом пчелиную «ловушку» на Липе*). Вон где рои – на это тут у него «ловушка». (*На Платошкина*). «Ловушки» у него везде тут расставлены.

ПЛАТОШКИН. Вяхирь – я! А еще и Дерсу Узала. Собралась аудитория из двух человек, можно и почитать.

ОЛЬГА (*глядя прямо в глаза Платошкину*). Кого почитать?

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ. Кому, от кого? Всем вам – от сына мово... Стихи от Колюни, «Дурсу Узала». Но читаю их я.

МАГДАЛИНИН. Еще не известно, как сынок твой на эти выкрутасы посмотрит.

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ. Свои люди, сочтемся. Читаю.

«Дерсу Узала»
(огородные стихи)

«Я в деревне живу,
Я – Дерсу Узала,
Для меня все растения – люди.
У меня этих подданных –
Куча мала.
Как живут, как растут, что-то будет?»

Я пою их водой,
Тороплюсь напоить.
Знаю, ждет с нетерпением каждый.
У меня их права.
Не могу ущемить,
Если кто-нибудь что-нибудь жаждет.

Поднимаюсь чуть свет
И бегу к ним туда:
Может, надо чего – не обижу.
Как живут, как растут,
Кого тянет куда –
В день по тысяче раз это вижу.

– Ты, приятель, взошел?
Ишь, какой молодец!
Я взрыхлю тебе почву в округе
Лишь усы протяни –
Станешь ты, огурец,
По росе красоваться подруге.

– Вы редиска, мадам?
Как бордов ваш бочок!
Влагу пьете, наверно, без меры.
А вот ты, мой любимец,
Мой славный лучок!
Повышаю тебя в кавалеры.

А капуста – она
 Фаворитка жены.
 Выводитель пятна, радиаций.
 Что ж, побольше полью,
 Ты важна для страны,
 Йод нам твой, как Шекспиру Гораций»...

МАГДАЛИН (*перебивая Вяхиря*). А про картошку? Забыл?
 Нет ничего у тебя про картошку!

ПЛАТОШКИН (*глядя Ольге прямо в глаза*). Ладно, потом
 прочитаю.

На другое утро Ольга Гоминбели бежит с того конца Приволья, где были ракиты. Несет Платошкину что-то в целлофановом пакете.

ОЛЬГА (*радостно*). Вот тебе, Дерсу Узала! Петрушка, петрушечка!.. Какая петрушка растет – своя! На своем огороде!

Отрывает листья и ест. Платошкин тоже отрывает листья и ест.

ПЛАТОШКИН (*смеясь*). «Дерсу Узала» (огородные стихи).
 Продолжение. Про картошку уже дописал и так далее...

«А царицей всему
 Куртагу моему –
 Дорогая, родная картошка.
 Без нее – я к тому –
 Нет улыбки в дому,
 Сирота на столешнице ложка...
 ОЛЬГА (*не выдержав*). Господи! Как естественно,
 хорошо.
 И хохочет сорока,
 Глядит свысока,
 Где я тут, с кем дружу, кто мне важен?
 Мол, не то, что летать,
 Но и с места слегка
 Не умеют, мол, сдвинуться даже.

И кукует кукушка,
 Поет соловей.

Счастья годы, столетья пророчат.
Я – Дерсу Узала,
Среди гномов и фей
Провожу все свои дни и ночи.
Не язычник, но тоже
Пляшу у костра,
Если вечер, комарик летает.
Как Шекспиру – Гораций,
Рубахе – дыра,
Просто здесь мне
Людей не хватает.
Кто-то тихо окликнет
С ракиты меня,
Кто-то ночью сегодня приснится –
Вся моя от земли
Городская родня,
Деревенские милые лица.
На Руси я живу,
Как какой президент.
Плети длинные тянутся в душу.
Им по плечи трава,
У меня их права,
Ни за что никогда не нарушу!»

ОЛЬГА (*на все Приволье*). Молодцы вы, Платошкины!..
Надо было Медведеву прочитать, когда был у нас в городке с
рабочим визитом 2-го октября 2009 года.

*И, подбежав к Дерсу Узале, поднялась на цыпочки и, никого
не стесняясь, даже этого противного старшего брата – про-
тотипа егеря, поцеловала Платошкина прямо в его сочные,
соленые губы.*

ГОЛОС СВЫШЕ. И когда через пару деньков Магдали-
нин вернулся с охоты на волка, в соседнем регионе, было уж
поздно. Ольга уже без стеснения, в открытую любила Пла-
тошкина, как Ольга у Пушкина Ленского, а Татьяна – Онеги-
на. А Онегино – что тут? Всего за бугром, на каком-нибудь
втором километре.

И жена Вяхиря Фаина Акимовна, словно почуввав что-то, перебежала сюда к ним из Малого городка. От хахаля – «милисьёнера» с постоянной зарплатой. Да-да, прибежала сюда на Приволье к нему – своему Вяхирию, Дерсу Узале, к этому старшему, но тоже Платошкину, Николаю Ивановичу. Но и тут было поздно. Все дело, оказывается, во времени года: весной все течет и изменяется, а осень жизни тоже величина постоянная, данная раз тебе и навсегда.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Целую неделю она к нему не приходила. А когда стала являться ночами в абсолютной темноте в виде ярких галлюцинаций, он понял, что она идет и идет сюда к нему, но никак не дойдет, что-то ее на пускает. Пошел Вяхирь к дому Карпухина, оглядел его со всех сторон, заглянул даже в чистые, незанавешенные окна, и тут опять же его осенило. А осеняет случай, а случай, как у Пушкина, опять-таки «парадоксов друг».

На дорожке, протоптанной к лежащему на траве дереву, под ракушкой, он нашел медальончик с женским портретом, на другой стороне буква «Ф» переходила не то в «П», не то в «ХВ». И догадался, где надо искать Акимовну, а где – Ольгу.

Малый райгородок. Подгородненская слобода. Усадебка, домик, где живет Магдалинин, егерь этот, со своей строптивой женой.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (описывая круги возле этого дома). В сторону, сам себе. Замчище какой навесил! Амбарный! Свеже написано на железных воротах: «Не входить! А то во дворе злая собака».

Вслух. А мы во двор и не войдем. Мы в окошко будем стучать, пока не достучимся.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Вяхирь так и делает: постучит – отойдет, постучит – отойдет. Наконец, занавеска дрогнула, форточка отворилась, и из форточки к его ногам пала связка ключей. Платошкин подобрал подарок небес, подобрал к двери серебряный ключ. Подобрался к главной цели и остановился... на объятых Ольги, завершивших его сомненья...

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ (*наконец, оставив объятья Вяхиря*). Я знала, знала!.. Ждала тебя. ожидала... Приготовила вещи, чтобы уйти...

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН (*вспомнив расстроенное, почти плачущее лицо сына*). Егерь где?

ОЛЬГА. На облове, в другом конце области, волка-санитара гоняют с собаками. Еще не приехал. Будут обсуждать экологию на симпозиуме...

ПЛАТОШКИН (*решительно*). Бери вещи и пошли!

ОЛЬГА (*нерешительно*). Куда?

ПЛАТОШКИН. Туда, к раките, где ты дала знак мне, оставила свой медальон, вот этот?

ОЛЬГА (*взглянув, улыбнулась*). Этот.

Через час, перейдя по плотине за озеро, они уже были в Приволье. Сразу же прошли к дому Карпушкина, присели на табуретки.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Изгнанники судьбы.

ОЛЬГА. Сама сделала выбор, сама за все отвечаю.

ПЛАТОШКИН. Табуретки свежепокрашены. Кто красил – он?

ОЛЬГА (*засмеявшись*). Разве заставишь его хоть гвоздь забить... в дуб... хотя бы...

ПЛАТОШКИН. В дуб гвозди не забиваются. И, вообще, гвозди, как и Восток, – дело тонкое. Смотри куда забивать...

ОЛЬГА. Да уж ты на это способен. Гляди, двое детей. А у егеря я, наверное, третья. И у первых двух не было никого, все бездетные.

ПЛАТОШКИН. Фантазия на ту же тему, но разные вариации: кто виноват и что делать?

ОЛЬГА. Чаю нет, сахару нет. Одна тебе только постелька с гарантией чистоты.

ВЯХИРЬ – ПЛАТОШКИН. Пошли ко мне У меня есть медок, душица. Затеем самоварчик... отметим событие в нашей незалэжной, независимой жизни.

ОЛЬГА (*решительно*). Пойдем! Посидим, попьем чайку, а там видно будет....

Сидели, чаевничали в Платошкином саду, наливали уже по третьей в алюминиевой кружке.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. *Вслух. Ольга! Как пишется слово «алю-мини-ева-я»?*

ОЛЬГА. Тут четыре слова в одном: «але» (телефон), «мини» (противоположное максимуму), «ева» (женщина – из ребра Адама, человека из глины) и «я» – это я, Ольга – твоя любовница, надеюсь, будущая жена.

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ. *Ловко ты! Как все распределила...*

И тут за спиной у Ольги Платошкин увидел сына Колю, Колюню. Его бледная, жалкое, испуганное лицо. И кружка сама упала из рук Вяхиря.

Сцена третья

Там же, в Приволье. Те же и сын Платошкина старшего – Коля, Колюня, тоже Платошкин.

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ (*обращаясь к отцу*). Папа, мне надо с тобой серьезно поговорить. Давай отойдем в сторонку, вон туда к родничку.

Они уходят в конец сада, за вишневую посадку, которая до того разрослась, что можно принять ее за дикие, таежные заросли. Где-то поблизости любимое местечко Колюни, где он может часами сидеть в одиночестве, записывая сочиненное ранее или пришедшее на ум уж сейчас. Годы считает кукушка: «Раз, два», – голос поперхнулся, будто колосом ржаным подавился и сник.

Платошкин – отец прислоняется к камню, под которым говорливо хлопочет ручей, сын молча стоит перед ним.

ПЛАТОШКИН-СЫН. Пап, кто она тебе, эта женщина? Почему она тут у нас? Я не хочу, не хочу!.. У меня есть мама, отец, это так? Или у меня нет уже никого?.. У нее же есть муж, этот егерь, господин Мармеладов... Гиацинтов, или как его...

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Магдалинин, Лир Степанович Магдалинин. Теперь они, Колюня, наши соседи, вон их дом – второй с того краю, дом Карпушкина.

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН. Вот и пусть уходит к себе туда жить, пусть живет у себя, на своей даче. А мы с мамой не хотим, чтобы эта егерша к нам сюда приходила. Смотрит на тебя томными глазами, говорит, такие слова, какие может говорить тебе только мама...

Платошкин слушает сына молча. Скажи – окажется что-то не то. И голос Колюни зазвенит, как в тумане натянутая струна, вдруг еще и оборвется.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (*голосом тихим-тихим, словно откуда-то, неизвестно откуда*). Знаешь, какие-нибудь слова на букву «Ф»? Ну, и какие?.. Федерация... фингал... Фатьянов... А Фаина? Не знаешь?.. А это, между прочим, имя мамы твоей. Так вот, она не хочет знать меня, отца ее сына, то есть в какой-то мере тебя. Потому что мы с тобой оба Платошкины, оба Николай, Коли, Колюни. А сама она знает и хочет знать того «милисьёнера», который получает постоянную зарплату и приносит ей деньги...

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН (*опустив хворостину в ручеек, выбегающий из бетонного кольца*). Между прочим, откуда мне знать, что мама моя Фаина? Ты зовешь ее просто Акимовна, а в паспорте у нее Федосья, Федосья Акимовна. Это она сама себе так придумала.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Между прочим, не было такой буквы в древнерусском алфавите – «Ф»; «фита» была, «ф» переходило в «п» и в «хв»... Значит, Хведосья... Родилась твоя мама в такой день, священник, крестивший дитя, выбрал ей такое имя, а на другое имя либо денег не дали священнику, либо попросить, потребовать у родителей не хватило характеру...

ПЛАТОШКИН-СЫН. Вот, видишь в руке – форостинка.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Хворостинка! Вот тебе ею, вот, негодник!

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН. Секи, отец, пока, я лежу не вдоль, а еще поперек... И все равно, пока что не в деньгах счастье. Не все на них можно, не все без них и нельзя... И все равно пусть она, эта женщина, если и ходит к тебе, то только тогда, когда тут с тобой нет никого...

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Хорошо, я скажу. Что она мне скажет на это... будет ли ей все равно... Кто это там – у АБЗ? Стоит, машет рукой – не разгляжу без очков. Ну-ка, приглядишься, у тебя глаза поострее.

КОЛЮНЯ ПЛАТОШКИН. Кто ж еще – твой дружок закадычный, редактор. Человек, который держит мои стихи в долгом ящике. А проходит к тебе, улыбается. Вместе читаете, да смеетесь...

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ. Что ж ты, Николай Николаевич, между прочим, тоже Платошкин, и мысли такой не допускаешь, что стихи твои могут быть непубличными, тебе нравятся, а редактору нет. Привыкать надо к поворотам судьбы, ты уж не маленький.

ПЛАТОШКИН-СЫН. Папа, труба на АБЗ почему-то стала большая и черная, совсем черная и такая большая. И по ней лезут мыши, их много, они чернеют, растут и становятся, как лебеди, черными...

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ (*вздыхнув глубоко*). Иди, Коля, приляг на топчан, отдохни. Шел из города все по Солнцу, под Солнцем и, скорее всего, устал... А мы пока с твоим кровожадным редактором поговорим...

И Платошкин старший направляется туда, за свой огород, к АБЗ.

БАЛАГУРОВ (*идя навстречу ему*). Здорово, брат!.. Вяхирь, из области поступила информация: планируется расширение и ремонт важной межобластной магистрали. Собирают все силы в кулак, чтобы взвинтить темпы... выделяются федеральные средства, вспомнили даже о нашем маленьком АБЗ... Так что, может быть, труба вскоре опять зачадит, аж за город опять протянется твой этот лисий хвост...

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ. *Вслух, как бы про себя*. Фост, фост, фост.

БАЛАГУРОВ. Вяхирь! Что ты?

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ. Да, пословицу вспомнил: пришей кобыле фост... Это я так: чужу... чудю... словами играю, как в мячики... Послушай, как это сказать... Чудю, чужу...

ты – редактор, тебе такой неуч попался, что ты скажешь на это?

БАЛАГУРОВ. Я – Балагуров, а балагуришь ты...

ПЛАТОШКИН СТАРШИЙ. Не уходи от вопроса. Подумай и скажи.

БАЛАГУРОВ. Уж успел подумать. Это я хочу почудить... это я начудил... Вяхирь! Я чудил бы с тобой, кабы не был рябой...

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ. Не накликай беду на мою красную морду. Не то ухо себе отрежу... А все-таки, что ты все разглядываешь АБЗ? Видишь, Ласточка летает в вагончике.

БАЛАГУРОВ. А что – взглянуть нельзя, военный объект? Проверяю готовность к работе, что тут осталось от прежнего, не растащили последнее? Поручено доложить администрации...

Балагуров уехал, Платошкин – Вяхирь сел на порожки своего строительного вагончика и крайне задумался. И главное – не о себе, а о сыне. Впервые посмотрел он на все не своими глазами, а глазами Колюни, тоже Платошкина, тоже крайнего во всей этой катавасии жизни.

Платошкин сидит, нахоясь, как Вяхирь – дикий голубь: и людьми приручен вроде бы, и в то же время один, весь в своем одиночестве.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. *В сторону, про себя.* Такая жизнь, такие штучки-дрючки. При живом-то отце. Был агрономом в хозяйстве, после института не попал сразу в номенклатуру. Задумчивый – все ходил пешком по полям, урожай по зернам в колоске считал да высчитывал. А другие мимо, да по головам, по темечку таким, как ты, да к кассе, к чинам, по ступенькам, ступенечкам, в нашем деле и веревочка пригодится...

И Колюню воспитал таким же задумчивым, рассчитывай лишь на себя, свои силы. Человек есть человек, цельный, а не простая – арифметическая дробина, где числитель – это то, что ты думаешь сам о себе, а знаменатель то, что думают о тебе другие. В итоге получается мелкая ходячая тварь, млекопитающее, неспособное на свершения. Вот жена это, в конце

концов, и поняла, раскусила тебя. И куда далес ехать? Когда слили хозяйство с хозяйством, потерял и последнее...

Сына заслонял, сына берег от всего, от всякого давления и дуновения. Даже именем назвал таким же, какое имел у себя. Полный, как говорится, «пердимонкль». Твой портрет, твоя походка и твоя тень. К слову, и у него к человечности тяга, тоже будет биться лысиной о паркет, и этим можно было бы даже гордиться, если бы... если бы... если бы вокруг не такая стена двухметроворостых, топчущих и вытаптывающих, беспощадный народ.

«От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови –
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви».

Монетарное государство... Сам так и не научился деньги зарабатывать и Колюню тоже так ведь и не научил...

Вяхирь достаёт из кармана семечки, всегда держит их при себе – для птичек, и начинает рассыпать их по полу, по полу. «Это для Ласточки, чтобы ниже летала, не билась крыльями о потолок».

ПЛАТОШКИН-ВЯХИРЬ (*напевая*).

«Соловей, соловей – пташечка,
Канареечка жалобно поет».

Появляется сын Колюня, тоже Платошкин, студент. Присаживается рядом, прислоняется подбородком к отцову плечу.

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Папа, прости меня, я тебе нагрубил... Не хотел этого, так получилось... Я вместе с мамой вас представляю, обоих люблю...

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Всяко бывает, сынок, студент нашей прохладной жизни...

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Я уже не студент.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Как не студент?!

И Ласточка, кажется, голоском своим: «Как не студент... как студент... как не студент?..»

И, кажется, дверца шкафа с хлебницей: «Как не студент... как студент... как не студент?..»

И голос где-то в ржаном поле: «Как не студент... как не сту...»

ПЛАТОШКИН МЛАДШИЙ. Я учился, одновременно пошел подрабатывать, чтобы маме помочь.

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Вагоны разгружать на Москве – товарной?

КОЛЯ ПЛАТОШКИН – СЫН. А потом, вообще, отставил учебу. Дай, думаю, поработаю годика два, заработаю деньжонков на жизнь, продолжу учебу, ну и поехал...

ОТЕЦ. Куда? В Москву?

СЫН. Куда и все у нас в городке: после Москвы в Набережные Челны.

Пауза. Тишина. Слышно, как Ласточка бьется в форточку.

ОТЕЦ. Ну, и что потом?

СЫН. Поработал, поработал, пошел за расчетом – денег не дали. Сказали, вышлем потом.

ОТЕЦ. Ну, выслали?

СЫН. Всем, кто был там со мной, тоже не выслали... *(Всхлинув).* Хотел помочь вам с мамой...

Воздух от постоянной жары раскалился, аж звенит, когда говоришь: «Такая жара! Когда она только кончится?..»

ПЛАТОШКИН-ОТЕЦ. Ну что ты!.. Будь же мужчиной!..»

Платошкин младший так и ушел от отца с низко опущенной головой.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

А к вечеру зашла туча. Тяжелая, мрачная, роковая. Не то белые искры где-то в грозах, не то мелкие серые мыши перебегают в разрывах туч из облака в облако. И брызнул дождь. Первый за столько дней засухи. И сердце расширилось, возликовало. Ласточка спряталась в дырке своего глиняного гнезда в углу под потолком вагончика, а Вяхирь стал принимать трудное решение – прятаться ему или не прятаться от дождя в стремительном шуме вагончика при АБЗ, а то, может, пробежаться под дождливыми струями вниз до дому, нырнуть в приоткрытую дверь и только там уже успокоиться.

И, связанный с ним нервами накрепко, успокоится сын.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. *Вслух, сам себе.* Но где же сын?

Сына не было ни в доме, ни в амшаннике, ни в подвальчике, где же он?

ПЛАТОШКИН – ВЯХИРЬ *(обеспокоенно).* Ушел, скорее всего, к своей матери, Фаине Акимовне. Скорее всего, отлежаться, отоспаться, отдохнуть после учебно-трудового процесса в Набережных Челнах.

Возникли вокруг голоса: отдохни от разочарований, «нет уз святлее товарищества», нет уже тех, кого ты, Вяхирь, любишь...

С Колюней что-то не то: перед глазами лицо его почернело, померкло.

ВЯХИРЬ *(делая усилия).* «Да здравствуют, юные девы, Любившие нас!»

И молнии, молнии, уже не любившие или уже отлюбившие тоже...

Сцена четвертая

Там же, в Приволье, в том же саду. Но еще почти месяц спустя. На Казанскую – осеннюю сюда пришли, съехались люди из Малого райгородка. Под конец остались самые закаленные. А тут еще подъявился День рождения Коли, Колюни, Николая Николаевича, тоже Платошкина.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. А на то объявляется перерыв. Как в театр называется это?

ВСЕ ХОРОМ. Антракт!.. Антракт!..

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН *(перечисляя всех, кто остался тут, поименно).* Балагуров Денис Кузьмин, Фаина Акимовна – мама, для сына самая дорогая, любезная Колину сердцу, Магдалинин Лир Степанович, Ольга Гоминбели – его жена, дачники – наши соседи Бузотеров – Бутозеров, Слободкины Стас и Глафира, Тракторист, Браконьер-Охотник, Пастух... Все в сборе?..

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И еще черное что-то, в черных одеждах, являющееся во снах Платошкину – Вяхирю в виде Памятника солдату, на окраине деревеньки Гнилуши, что за урочищем Мурашихой.

КТО-ТО СИЗЫЙ (*выходя нереально из кустов диких, таежных зарослей вишняка*). А я?.. (*И как эхо по озеру*). А я?.. А я?..

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. Это Семашко – новый врач, из поликлиники, приглашен Балагуровым – друг его, будем знакомы.

КТО-ТО СЕРЫЙ (*выходя из тех же кустов вишняка*). А я?

ВЯХИРЬ. А тебя кто приглашал?

ГОСТИ (*наперебой*). Да, кто его приглашал?

ЭТОТ СЕРЫЙ. А я сам пришел, я такой! Прихожу ко всем без приглашения. Я, как все вы тут, наверное, знаете, сын Гоминбелиной от первого брака. Рубакин – отставной офицер! Но тут я на работе, в качестве Судебного пристава, исполняю решение суда, которое гласит...

ГОСТИ ВСЕ (*хором*). Потом! Потом!

РУБАКИН (*настоятельно*). ...которое гласит: описать имущество за хроническую неуплату коммунальных услуг в Малом райгородке, по ее улице ... вот ее дома (*указывая на Акимовну*). Но, согласно ее же заявлению, та сумма перенесена сюда, на эту дачу в Приволье... начинаю описывать...

ГОСТИ ВСЕ (*хором*). Потом! Потом!..

МАГДАЛИНИН (*беря на себя управленье*). Начинаем пить и есть. Питие есть веселие на Руси, где последнего, особо уважаемого гостя, делают первым. И потому, открывая новый приток сил, наливаем ему такую вот бадью – Кубок Большого Орла. В честь именинника...

ГОЛОСА. Дня рождения.

МАГДАЛИНИН. В честь Дня рождения именинника...

ГОСТИ ВСЕ (*хором*). Пей до дна! Пей до дна!

МАГДАЛИНИН. И, согласно обычаю, повторить это надо трижды.

РУБАКИН (*уже коснеющим языком*). Тррриждды... это мы можем... мы пока не в отставке...

ГОЛОСА (*подсказывая*). И ныне и присно,
 РУБАКИН (*валясь на стол*). И веки веков...

И его отнесли в сторонку, наложили, как вето, на сушнячок из листьев. мелкого хвороста и бумаг, приготовленных к костерку.

ВЯХИРЬ (*поднимаясь сызнова, неутомимо*). Так вот, как мы сказали – что бывает в театре?

ГОСТИ ВСЕ (*хором, хором*). Антракт!.. Антракт!..

ВЯХИРЬ. Ну, так вот. Объявляется перерыв. Для интимного согласования с природой и исполнения всяческих, сами понимаете, мелких дел.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Так и сделали. Как в гармонии мехи. Сначала разошлись, разъехались во всю ширь, раскатились в разные места, а потом и давай собираться опять вовнутрь, и опять же с новыми силами все засели за стол.

ОДНИ ГОЛОСА. Кто у нас тамада?

ДРУГИЕ ГОЛОСА. Кто ж – вот он, кто и был. Мармеладов... Как тебя зовут?.. Шариков?.. Ах да, Магдалинин ты, егерь... Ну давай – оглашай...

МАГДАЛИНИН (*поднимаясь из-за стола*). Мы живем по принципу: две культуры тут у нас, две, так сказать, стихии: воля народная и воля верхов. Это вот они: Пастух, Тракторист тут со своим «Беларусом», и вот они: редакторы, дипломаты – важные, в сюртуках и бедные агрономы... Что и об чем будем петь? Предлагаю в программу народные песни и жестокий романс... С чего начинается родина, кто чего предлагает?

ОЛЬГА ГОМИНБЕЛИ. Это он по себе меряет, на себя одеяло тянет, он у нас баритон, что в переводе «красивый голос».

ДРУГОЙ ГОЛОС, ИЗ МАСС. А-а, знаем, прототип Муслима Магомаева, в классе с Муслимом вместе учился в Баку. Тот тама, а этот тут. Ну, да начинай...

МАГДАЛИНИН (*широко, напевно*).

«По Дону гуляет,
 По Дону гуляет,
 По Дону гуляет
 Казак молодой.

Об чем дева плачет,
Об чем дева плачет,
Об чем дева плачет
Об чем слезы льет?»

ВРАЧ СЕМАШКО (*из поликлиники, приятелю своему – Балагурову, редактору, к нему близко сидящему*). Шепотом, на ухо. Диагноз ставлю: все неадекватны, сильно возбуждены, много пьют.

БАЛАГУРОВ. А Вяхирь?

СЕМАШКО (*редактору, также шепотом*). Совсем не пьет. Надломлен, психика разбалансирована. Требуется более длительное и тщательное наблюдение.

БАЛАГУРОВ (*Вяхирю*). А мальчик где, сын твой, наш именинник?

ТРАКТОРИСТ. А в чем дело? Не пьете да все шепотом, шепотом. Другая культура, да?

СЕМАШКО (*поднимая стопку*). Нет, почему же, мы такая ж культура... «Ой, вы, кони, вы, кони стальные»...

ТРАКТОРИСТ (*успокоясь*). Пейте и пойте, как все, нечего выделяться.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН, ОТЕЦ. Нечего выделяться.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И чувствовал он магнетизм времени, будущей ситуации, странности текущего положения, а душа отказывалась верить, веселиться и петь. «Где же Коля? – оглядывался он постоянно. – Почему его нет?» – «Да за медом куда-то пошел», – сказал ему кто-то рядом, по другую сторону стола, напротив сидящая, морда краснющая – его зеркальное отражение, а ведь по-настоящему еще и не пили.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. *Вслух*. А где-то Коля, Колоня мой, Николай Николаевич, тоже Платошкин, где хоть он? Встать, что ли, да пойти поглядеть, пройтись туда – к АБЗ, где летает по вагончику Ласточка, сама себя заключившая в клетку. А может, это не ласточка уже, а канарейка?

ГОЛОСА. «Канарейка! Жалобно поет,

Раз поет, два поет, горе не беда.

Канареечка! Эх, жалобно поет».

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН, ОТЕЦ. Что за жизнь? Не успеешь родиться, поискать какого-то счастья, как уже помирать начинаешь. Готовишься к смерти... Рубакин к земле присосался, пластом лежит – сын Ольги от первого брака...

Акимовна! Где хоть наш сын-то, Коллюня наш, где? Поглядела бы, меня вот зажали тут, не дают, выйти...

Рубакин пошевелился. Дай встанет, опять за свое возьмется: описывать помещение, сад этот, яблони, антоновские яблоки... Вон их тут сколько валяется, добра этого, тонн пять. Хоть была и жара, а все же антоновку уродило. Правда, год на год не попадает...

Слышишь, Тракторист, что говорю? Год на год, говорю, не попадает, в прошлом лете яблок не было вовсе, а в этом годе навалом, бери – описывай... Лежи, служивый, гляди... Подсуетился я и выгнал из яблочек самогоночки, этого питья народного, а то что бы и пили... А интеллигенции мы казенную, из магазина, поставили... Гнилая интеллигенция! От гнилых слышу. От гнилой антоновки вся духота, духовитая, рассыпчато-вкусная. Недаром писатель Бунин в рассказе ее описал – «Антоновские яблоки»... Ем антоновку каждой осенью как впервые. Как полегит, пожелтеет – есть с хлебом люблю. Вкусно и сытно... Да только слабая она, век недолог, как, можно сказать, и у всякого хорошего человека...

«Не обобщай, не обобщай!» – так говорит мне редактор, друг мой, Балагур – мой закадычный, испытанный друг. Вон с Семашкой сидит, с врачом из поликлиники, как сычи, на меня поглядывают... Не смотрите, не страшайте, не вертите зенками – не боюсь! Что для вас ненормально, для нас Платошкиных, в самый раз... Грозного прославляли как самого здорового, здравомыслящего человека – отца нации, а он оказался больным, весь в паранойе, так-то вот. Жизнь такова, какова она есть...

Акимовна! Да где же Коллюня наш, сын, тоже Платошкин?! Гордился им, был он студентом, а он взял и от всего отказался, поехал в Москву, потом в Набережные Челны. Как в Америке, легка на ногу молодежь: где деньги, туда и все притяжение... А они ему даже не заплатили, сволочи – крупные или мелкие... мелкие сволочи первыми разоряются... И вот этот Рубакин лежит на траве, сраженный зеленой, народной... Сегодня описан как в прозе – мимозе, завтра встанет, начнет описывать сам...

Акимовна!.. Где наш Колноня?..

АКИМОВНА (*Вяхирю, через стол*). Да, говорят, за медом куда-то пошел. За рамочкой.

ВЯХИРЬ-ПЛАТОШКИН. За рамочкой, где?

«По Дону гуляет

По Дону гуля...»

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И тут слышится какой-то шум деревьев, какой-то особый, непонятно какой. И плдох оземь – глуховато так, тоже совсем непонятно. Редактор с врачом встают и уходят. А все остальные сидят, слушают этого... Мармеладова, то бишь Магдалинина, прототипа Муслима Магомаева, баритона этого, егеря, пудрящего всем тут мозги...

ГОЛОС СВЫШЕ.

Врач с редактором, Семашко и Балагуров, стоят возле липы, а у ног их что-то, плдохнувшись, лежит неподвижно. Это же Коля, Колноня, тоже Платошкин – именинник, виновник всего торжества. Он лежит, обхватив мертвой хваткой колоду – «ловушку». Рядом обломанный сук.

СЕМАШКО. Надо отцу как-то сказать. Не знаю, право, ей богу не знаю, как это сделать.

БАЛАГУРОВ. Не надо, нельзя, потом когда-нибудь, после скажем. Увезти аккуратно... Позовите сюда Тракториста...

Подходят вдвоем к Акимовне. Редактор шепчет ей на ухо, врач стоит неподвижно.

– А – а – а.....

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Падают замертво женщины – мать Колнонина, Акимовна, тоже Платошкина. А сам Платошкин там, поверх огородов, включает свой АБЗ и никак не включит, ходит зигзагами, боясь ступить Ласточку, сидящую вот уже третий день на розовых, теплых, слегка вздрагивающих птенцах.

Занавес.

20-25 ноября 2010 г.,
г. Орел

СЕСТРЫ РОЩИНЫ, ИЛИ ТРИ ГОДА ВРЕМЕНИ

(лирическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РОЩИНЫ, ТРИ СЕСТРЫ:

АННА, АННА СЕРГЕЕВНА – тридцати лет, учительница.

ЛЕНА, ЕЛЕНА – двадцати семи лет, вечная студентка.

ЛИДОЧКА, ЛИДИЯ – двадцати трех лет, медсестра «Скорой помощи».

ДОМОГАЦКАЯ НАТАШКА, ИХ СОСЕДКА – восемнадцать лет, после окончания гимназии.

ДОМОГАЦКИЙ КОСТЯ, КОНСТАНТИН – брат Наташки – двадцати пяти лет, журналист.

ЕВФРОСИНЯ СЕРГЕЕВНА – их мать, пятидесяти шести лет, бывший налоговый инспектор.

ДИПЛОМ ГРИГОРЬЕВИЧ – их отец, пятидесяти пяти лет, инженер– машиностроитель.

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ, ЮРИЙ СТАСЕВИЧ, ИВАН ВОЛЬНОВ – курсанты Военной Академии связи.

ТЁМА ЛЁВУШКИН – курсант Юридического института ГАИ.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНОВИЧ КРАТНЫЙ – дорожный автоинспектор, сержант.

БУРКИНА ФАСО – СОФЬЯ – Директор музея писателя Португалова федерального значения.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БЕСПОДОБНОВ – Директор музея литераторов-конфедератов.

АНГАР КАРЕНОВИЧ ПОЛИЦИМАКО – Директор областной картинной галереи без никакого значения.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕЕВИЧ – Начальник (ЖКХ) вся Мононастырки, затем Помощник депутата Областной думы.

ХОЗЯИН ТОРГОВОЙ ПАЛАТКИ.

ПРИЗРАК МАТЕРИ – всех трех сестер Рощиных.

На окраине губернского города О. под названием «Монастырка» живут в частном секторе сестры Рощины, и все, представьте себе, незамужние. Мечтая о серьезной семье, они не

видят для себя вокруг перспектив. Привлекательные внешне, они всегда готовы к разговору по направлению к настоящему мужчине. Не встречая ответной реакции, они всегда готовы бежать хоть куда: в Москву, Париж, даже на север Австралии, где, по слухам, у русских существует диаспора. Остальное все в руках Господних, в русле сопутствующих идей.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первый год времени. Сестры Рошины, как они считают, в почти критическом возрасте, в сферах внимания Музея писателя Португалова федерального значения, где все настолько привыкли к себе, к своему собственному значению, что считают себя предметом восхищения и поклонения, гордости своего среднерусского города.

Сцена первая

Монастырка. Улица Тупиковая. Частный дом сестер Рошиных. Тихая, уютная обитель на фоне железобетонных конструкций жилого квартала напротив. Тут же, по пустошам, торчат, как редкие зубы во рту у старой монашки, эти с одним подъездом «карандаши» до неба. Московский проект.

СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР АННА, *копаясь с цветами у себя в полисаднике, перед собственным домом. Наневая.*

«В том саду, где мы с вами встретились,

Мой любимый куст хризантем расцвел.

И в моей груди расцвело тогда

Чувство яркое нежной любви.

Отцвели уж давно

Хризантемы в саду.

Но любовь все живет...»

«Ромашки спрятались, завяли лютики...»

Появляется Начальник (ЖКХ) всея Монастырки по кличке Кратер – самый тут, на этих улицах, большой человек.

КРАТЕР (*начальственно, строго*). Ты чего тут творишь?!

АННА РОЩИНА. Да вот цветы сажаю. Хризантемы и лютики.

КРАТЕР (*не выходя из роли*). Не сажай. Полисадники перед домами будем уничтожать, расширять улицу, асфальт класть. А то все жалуетесь на свою ничтожную жизнь. Принцип, мол, такой у нас торжествует: мы у вас «чужие», а те «свои». Мол, в квартале напротив, где большие дома, там дворы делают, детплощадки, а у вас, мол, тут ничего... грязьща бывает ни пройти ни проехать... А налоги, мол, все одинаково платим... этой налоговой инспекции...

АННА. Кто это вам так сказал? Мы так с сестрами не говорим, мы с властью не воюем.

КРАТЕР. Ну, так ваши соседи сказали. А нам пылью на ухо ложится. К нам все доходит.

АННА. К вам, как в кратер, все падает в вашу яму. Все втекает – ничего хорошего не вытекает. Как в колонке нашей. Из нее, вообще, с месяц уж ничего не вытекает, бегаем с ведрами на соседнюю улицу.

КРАТЕР. Квас пейте. Квасную бочку к вам подвезем.

АННА. К-вас... к-вам... лучше до – вас... До вас подвезем...

КРАТЕР. Что ты хохлушка, что ли? Это они так у себя говорят: пошел до витру, до дому, до вас... А у нас, русских: квас – к вам... Хризантемы, тем более с лютиками, не сажай, Анна, Анна Сергеевна. Хризантемы с лютиками не совместимы. Как Солнце с Луной, как мужик с женщиной... Обещают женскую гимназию в квартале тут у нас открыть. Вот тогда будешь одних девчат там учить...

АННА СЕРГЕЕВНА. А ребят куда? Всех на горку – в мужской монастырь?

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ЖКХ (*жилищно-коммунального хозяйства*) ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Не шути так мрачно, Фемида!.. Я тут у вас самый большой начальник, полномочная власть, представитель, экзарх.

АННА СЕРГЕЕВНА. Наболтался-то как! Начальник (ЖКХ) всея Монастырки! А ни черта у тебя не работает: ни колонки,

ни само ЖКХ... Вон ходи в большие дома, а у нас тут печное отопление. Когда газ нам проведете? Областной центр, а без газа... Хоть в Австралию убегай...

КРАТЕР. В Австралии ливни, затопило половину Австралии.

АННА СЕРГЕЕВНА. Нашу половину не затопило.

КРАТЕР (*настороженно*). Какую эту «нашу»?

АННА СЕРГЕЕВНА. Ну ту, где русские, где Миклухо-Маклай. Там, говорят, он и умер. Доживал на свободе, на стыке своих и чужих. Вовремя отсюда туда смотался...

КРАТЕР. Учителыша в школе, а так говоришь. И из сестер ведь старшая, Аня.

АННА. Соседи из квартала напротив бумажку показывали. Сама видела. какие ты у себя там пули отливаешь... Систему свою дробишь надвое... с номером и без номера... И цену по коммунальным услугам вдвое подняли: плати тем и тем. Две структуры, а карман один... Издевательство! Начальник (без ЖКХ) вся Монастырки! Кратер вся Руси!..

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Не обобщая, без тебя обобщат, кому следует... Вот и я, вишь, в данный момент, разговариваю с тобой, Анна, как Начальник (просто) вся Монастырки. А когда я начальник еще и ЖКХ вся Монастырки, то больше по делу говорю... про колонки, систему водоснабжения в домах, газовые трубы, тепло по трубам покамест для вас мимо текущее... много чего... Но одно, граждане, уясните: теперь я один, но в двух лицах. Поняли, граждане, какую я нагрузку на себе двойную несу?..

Появляется еще одна из сестер Роциных – Елена.

ЕЛЕНА РОЦИНА (*прислушиваясь к разговору*). Вот так считали, считали, насчитали перед самой Войной в армии у нас семь миллионов. А кабы считали, как следует, до Мало-архангельска тут, до самого сердца Руси, немцев бы не допустили.

КРАТОР (*Анне*). И где ж это она (*на Елену*) так у вас тут наблатыкалась, всему цену знает.

АННА НИКОЛАЕВНА. Она у нас все учится, учится, вечная студентка. После института торговли учится в Академии художеств – государственной службы...

КРАТЕР. Значит, тоже будет начальником. Выйдет замуж, разведет полноформатное племя.

АННА. Почему вы так думаете? А сейчас почему нельзя?

КРАТЕР. Что – не знаете? Ветер в кармане гуляет. А у начальства там вверху денег полно. Женись – разводишься – снова женишься... На алименты всем хватит... Троллейбус будем пускать у вас тут по Тупиковой, чтоб ездили все тут «до витру»...

ЕЛЕНА – ВЕЧНАЯ СТУДЕНТКА. И что, Кратер, тебе тогда делать? Гальюны чистить?

КРАТЕР. Невменяемость! Посажу тебя рядом, вместе будем сидеть, по Монастырке со стражей ходить. Сиди в своей кунст-камере, как таракан!

Начальник всяя Монастырки, в двух лицах, следует далее по своему назначению, а сестры Роцины остаются.

АННА. Может, действительно, не надо цветы сажать? Пустят троллейбус.

ЕЛЕНА. Да ты что! Куда ехать, ведь Тупиковая же, далее ехать некуда: дамба и речка, и конец губернскому городу, степь...

АННА. Ты, Леночка, еще молодая, моложе меня, а так рассуждаешь. Словечек таких нахваталась... А ведь имя тебе наши покойные (царство им небесное) мама с папой дали: самое лучшее из всех нас троих – Елена Прекрасная, как у античных греков.

ЕЛЕНА. Зато теперь Елены на каждом шагу. А тогда Прекрасная эта была поводом для войны в Трое. Между теми и этими греками... Ты, Анечка, учишь в школе своих деток, ну и учи, совсем с ними там закрутилась, до умопомраченья.

АННА. Действительно, Леночка, может, и так. Кручусь там, торчу здесь, день и ночь, света белого мало вижу. Может быть, отстала, некогда на мужика взглянуть лишний

раз. А чуть ослабь – наше психологическое, педагогическое внимание чертеням этим, они головы враз друг другу поотрывают... Зато ты, Лена, у нас все знаешь, понимаешь, вечная студентка – все учишься, учишься... А тоже не замужем. Там же у вас, в академии, мужиков-то хватает. Не то, что в школе – раз, два и обчелся.

ЛЕНА. Мужики-то какие? Выбирают. Кого побогаче теперь, да и помоложе... Теперь мы такие, есть и помоложе, вступающие на поприще... А мы с тобой уже «лютики»...

Запевая. «Ромашки спрятались, завяли лютики»

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Появляется третья из сестер Роциных – Лида, Лидия, самая младшая. Улавливает, последнее, о чем говорит эта преподобная Елена, видите ли, с самым лучшим, прекрасным именем на земле – хоть в Европе, хоть тут в Евразии, хоть в античной истории, а хоть сейчас тут, сию минуту. Лида – медсестра на «Скорой помощи», в самом деле, самая младшая, но тоже не самая молодая, одна из трех сестер без высшего образования. У нее – Лидии – ни одного высшего, зато у Леночки вот-вот будет два...

ЛИДА, ЛИДИЯ (*В сторону, про себя*). А у меня тоже имя, что надо. Мама назвала. Также греческое, античное, так провинция там у них тогда называлась... самая младшая, в институте еще можно. Вот кто может быть вечной студенткой – это я! Шесть лет, в медицинском, да еще после два года – в ординатуре, по специализации. А там, пока оботрешься, пристроиться к делу, к медицине своей – глядишь, жизнь молодая и кончилась... Также взглянуть «налево» некогда. То черепа изучаешь, латынь штудируешь, то истории всяких болезней. А для самой себя, своей истории времени нет...

Подходя к сестрам, вслух.

Что это вы тут создаете? Дефицит какой? Ах, цветочки сажаете?

Запевая. «Ромашки спрятались, завяли лютики»...

Так ромашки с лютиками нельзя сажать вместе, несовместимы.

АННА. Это мы уже слышали... от одного тут...

ЛИДА. От кого же?

ЛЕНА. Да от Кратера, Начальника всея Монастырки! Вишь, сажаем что: хризантемы и лютики.

ЛИДА (*оттопырив нижнюю губку*). А чего ж он так написал?

ОБЕ РАЗОМ – АННА и ЛЕНА. Кто хоть, кто посмел написать и куда, на кого?

ЛИДА, ЛИДИЯ. Автор этот. Слова для песни кто писал? Поэт. Вот к нему и адресуйтесь со своими претензиями.

АННА С ЛЕНОЙ (*смеясь*). Это можно, все на Авторов велят. Сами гвоздя не могут забить, а, тоже мне, вершат революции.

ЛИДА. Вон куда вы! В несусветную чушь! Вызову «неотложку» и в «палату номер шесть» вас, неадекватны.

ЛЕНА (*вспыхнув*). Тебя в твою же «неотложку», в палаты номер шесть, семь, восемь, девять...

АННА. Ну, девочки, девочки! Мы уже с вами дамы. Мама, от нас уходя, что завещала: слушайте больше друг друга, а слушайтесь вот ее... то есть меня... старшую...

ЛЕНА и ЛИДА (*разом, вместе*).

«Ромашки спрятались, завяли лютики»...

АННА (*присоединяясь*). «Отцвели уж давно

Хризантемы в саду,
А любовь все живет
В моем сердце больном».

Кто-то сбегал за табуретками, кто-то поставил их тут же, у самого полисадничка. И присели, запели они, запричитали, завелись по-русски, по-бабьи-то, с подголосками.

«Степь да степь кругом.
Путь далек лежит.
Как в степи глухой
Умирал мужик...»
«... Липа... липушка, ах да липушка...
Ах, липа вековая
Над рекой шумит.

Песня удалая

Вдалеке звенит...»

ЛЕНА (*глядя туда – напротив, в большой квартал, в каменные эти «джунгли»*). Свои они там ему, у Кратера всея Монастырки, а мы ему тут чужие... А налоги платим ведь одинаково... Аничка, да? Одинаково...

АННА. Зато скоро проведут общий троллейбус.

ЛЕНА. А куда ехать-то? Тут же у нас Тупиковая.

ЛИДА (*сменяя пластинку*). «Не брани меня родная, Что я так люблю его.

Скучно-грустно, дорогая,

Жить на свете без него».

Сцена вторая

В губернском городе О. Музей писателя Португалова федерального значения. Мероприятия, связанные с двумя датами: Днем рождения Португалова и Днем рождения самого Музея.

В уютном актовом зальчике, увешанном фотоэкспонатами всех времен и народов, среди активистов все три сестры Роцины, мать которых когда-то состояла тут гидом, водила по залам экскурсии.

Из боковой двери выходит Буркина – Директор музея, по традиции говорящая на французском, ибо Португалов когда-то был тут тоже директором и говорил даже на португальском.

– Буркина Фасо, Буркина Фасо, – прошелестело по залу, что в переводе с африканского (если, конечно есть и такой язык) означает «Берег Слоновой Кости», а фактически, переставив на первый слог ударение и прибавив отчество, получается полное имя директорши Буркина Фасо Семеновна.

АННА РОЦИНА (*сидя между своих сестер*). Да, если совсем полностью...

ЛИДА (*шепотом, за спиной Елене*). А почему хоть Фасо?

ЕЛЕНА (*Анне, тоже шепотом*). А почему хоть Фасо? Ты же учительница литературы, все должна знать про писателей.

Там раздаются аплодисменты, тут пауза, длится пауза. Наконец, АННА СЕРГЕЕВНА говорит Елене:

– Про писателей знаю, а она же директор. «Фасон», наверное, давит. А окажется «Софья», что в переводе – «мудрая»...

ЛЕНА (*шепотом, Лиде*). Ничего себе.

ЛИДА (*вслух*). Ничего себе.

А со сцены эта Буркина уже обращается к залу, ставит вопрос, ставит другой вопрос, вернее, два вопроса вместе.

У нас два дня рождения: писателя и музея. Что будем ранее отмечать – писателя или музея?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Писателей этих, особенно современных, как собак нерезаных...

БУРКИНА (*реагируя*). Да, но тут особый случай: Португалов – бывший директор...

ДРУГОЙ ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А музей что вам? Горсовет? Говорите, первой категории, федерального значения? В 1918 году Ленин декрет подписывал... сам видел в Старой Руссе на стенке у входа в музей Достоевского. Что Ленин?

ТРЕТИЙ ГОЛОС. И подписывал он еще в 18-м для чего? Чтобы усадьбу в Спасском-Лутовиново не сожгли. А все равно сожгли...

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОС. И у Лескова в Старом-Горохово тоже сожгли. И еще ранее в Тарханах... Одного у Льва Толстого не тронули... его Ясную Поляну...

БУРКИНА ФАСО. Селянс, селянс – тишина. А то у нас тут получается слишком живая дискуссия, горячее обсуждение. Сделаем перерыв. Пойдем к Дому, где родился писатель, тут недалеко, возложим цветочки. К мемориальной доске. Скажем слово, выразим юбиляру свое признание и вернемся в зал сюда... Отметим День рожденья Музея.

Там же, в губернском городе О. Дом на улице Португалова с мемориальной доской, на которой весьма тусклые строки сообщают, что тут был другой дом, в котором когда-то родился русский писатель.

Все три сестры Роцины в первом ряду, у самой мемориальной доски. В руках у них цветы запоздалые, белые хризантемы.

«В том саду, где мы

С вами встретились»...

«Утр седое, утро туманное»...

БУРКИНА (*открывая короткий митинг*). Видите, это сестры Роцины, какие красавицы! Жорзандовские наши девушки, сливки общества... Пусть кто-нибудь скажет слово писателю Португалову... Ты, Аня?..

Слово Анне Сергеевне Роциной – учительнице русской литературы...

АННА. Вот цветы ему принесли – белые хризантемы. Сами вырастили, в своем палисаднике. Мы теперь сюда к нему на троллейбусе будем ездить, как в Португалию, где сегодня там в Лиссабоне у них тоже мероприятие – саммит «НАТО – Россия»... У нас тут еще только «утро седое, утро туманное», а там у них уже ночь...

Снова в музее Португалова. в том же актовом зале, где все сегодня и начиналось.

БУРКИНА ФАСО СЕМЕНОВНА (*продолжая*). И тут, в этом святом месте России (*глядя с некоторым осуждением на сестер Роциных, особо на Анну Сергеевну*), ирония в некотором роде недопустима. Повторяю, Музей наш федерального значения, а не какой-нибудь филиал... Как например, даже в Москве, тоже музей Португалова, но открыт значительно позже. Мы на память им подарили покрывало...

СНОВА ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Покрывало Изиды? Для придания мистического ощущения?

ДРУГОЙ ГОЛОС. Это он хочет взять нас под свое покрывало.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. Под какое покрывало, кто он, где он? Все какая-то тайна, иносказание.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОС. Дом Лизы Калитиной на Дворянском гнезде он уже, можно сказать, приватизировал. Выделяет средства, каких у нас нет, и присваивает исторический дом. А ведь в лунную ночь тут на скрипке Лизе Калитиной играл божественный Лемм.

ПЯТЫЙ ГОЛОС. К Португалову слово «божественный» не подходит, он бывший директор.

ШЕСТОЙ ГОЛОС. Да кто хоть, кто прихватизировал «бережок»? Тот, кто в Спасском? Интересно, кто филиал: мы у него или он у нас?

СЕДЬМОЙ ГОЛОС. У кого деньги, тот и заказывает музыку. Он – музей-заповедник, к нему из Москвы со всей страны едут автобусами. А к нам сюда ходят пешком...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И все в зале встают, принимаются шаркать ногами, говорить, общаться друг с другом, потому что главное в такого рода музеях – это общение, сообщение и реакция. Буркина Фасо смотрела, смотрела с трибуны на все это, а потом видит, что общение переходит границы, да и давай читать на французском.

Достала книжечку такую «Путешествие из Грасса на Соловки» на двух языках – на французском и русском. И стала показывать фотографии французов и русских паломников на Соловках. И читать под фотографиями подписи на французском.

БУРКИНА. *Вслух.* «A bord du bateau «Vassily Kossiakov»,
«Le chimen du port au Kremlin»,
«Le boilla, le Kremlin de Solovki!»
«La bobliothègе de Solovki»,
«Le ctoi bénite, le patriarche Alexis en souveniz des victimes du règeime» и т.д.

БУРКИНА (*В сторону, про себя*). Думала, утомонятся, все же интересно послушать, как звучит французская речь. А они еще более разошлись... Чем же их привести в чувство?..

Буркина Фасо Семеновна открывает сумочку, достает самый большой, самый яркий пакет.

Вслух. Вот! Вот бумаги, приготовленные к обсуждению. Письмо – руководству. Чтобы, наконец, успокоили этого «парня не из нашего города», претендента.

ЛИДА РОЩИНА. Опять это он?.. Все он да он... Претендент на что? На дом Лизы Калитиной?

АННА РОЩИНА. Приватизирует, говорят, сделает евроремонт. Посадит туда билетершу.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. С иностранцев – дороже.

АННА СЕРГЕЕВНА РОЩИНА. Да, длинный маршрут из Москвы, девочки. Мы так думаем... станет он привозить туристов сюда к нам из Спасского. Вот и все. Такая логика, возможный вариант. Начальник всяя Монастырки только обрадуется, да, девочки?

БУРКИНА СОФЬЯ СЕМЕНОВНА. Кто это: «Начальник всяя Монастырки»?

АННА СЕРГЕЕВНА (*густо покраснев*). Да это у нас свое... Хризантемы и полисадники. Есть там у нас один Начальник Чукотки...

БУРКИНА. А-а, так бы и говорили. Вон Чукотку приватизировали, а теперь и до нее добираются, до Монастырки... Так что, выходит, у нас филиал, кто главный: мы или он?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Дальше уже не интересно. Как всегда. Обсуждали вопрос, вносили предложенья, поправки. Голосовали за отдельные части и в целом. Сидели все потом опустошенные, не зная, куда себя деть. Потом вспомнили что все же призрак бродит по Европе – по Португалии. Сегодня целых два праздника – два дня рождения: Португалова и Музея, да и пошли себе в разные комнаты: одни пить кофе за Португалова, другие – пить чай за Музей. Потом вышли в холл, постояли, подумали о классической литературе, подвергающейся ныне опасности со стороны то массовой культуры, то Интернета, поменялись и обратно вошли в те разные комнаты. Только теперь пить за Португалова стали чай со слонем, а за Музей – кофе с цикорием, десятилетней давности, который принесли сюда сестры Рощины – еще из тех, мамочкиных «заморочек», когда их мама работала тут

гидом для иностранных гостей, а Буркина Фасо была тут у нее переводчицей.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Вернулись сестрицы домой из Музея, где были там у них всегдашними. Идя по маминой стезе, они считали себя, очевидно, сливками общества. Пришли сестры домой, присели за стол. Там начали чай пить, а тут допивали. И что-то их надоумило: деньги у всех троих общие, взять их да и посчитать. Тут же избрали «министром финансов» старшую, самую опытную из сестер Анну, какой доверяли больше всего.

Та взяла все на карандаш: общие доходы, общие расходы, тут же выявила золотую середину и, обрисовав финансовую картину, сделала следующее заявление.

АННА (старшая из сестер – министр финансов, председатель семейного банка). Замуж, девочки, мы выйти не можем! Никто не может: нищету разводить, влачить жалкое существование.

ЕЛЕНА (с замиранием сердца). Неужели никто?

ЛИДА, ЛИДОЧКА (самая молодая). Никто, ни одна? Ни одна живая душа? А ведь годы летят.

АННА СЕРГЕЕВНА (вздыхнув глубоко). И уже отлетели.

Пауза. Принимается дуть ветер, тучи летят, мчат за окном над их домом, над всем этим железобетонным кварталом напротив, над всей разбитой вдрызг улице. Шквалы за шквалом бросают горстями крупный град с мелкими брызгами, да прямо в стекло в окне.

Раздается стук в дверь. Все трое – сестры Роцины – вздрагивают, натянуты, как струна.

Входит Начальник всяя Монастырки по прозвищу «Кратер». Снимает свой французский берет, отряхиваясь, проходит из сенец сюда к ним. Стоит во весь рост перед сестрами.

АННА СЕРГЕЕВНА. Какой большой! (Бросается навстречу ему). Какой красивый берет! Начальник Чукотки! Какой красивый мужчина!

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*в некотором смущении*). Да вот шел мимо. А тут дождь. Думаю, дай зайду... к девчатам... Посмотрю, как они тут живут...

ВСЕ ТРОЯ (*тоже смущены, не зная, куда его усадить*). Проходите, проходите! Вот сюда или вот сюда... на любое местечко...

АННА СЕРГЕЕВНА. Лидочка! Чайник... Елена! Печенье, конфеты!..

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*преодолевая смущение*). Зашел вот сказать, поделиться новостью... Говорил тогда, не сажайте цветы: лютики и хризантемы.

ЛИДОЧКА. Пригодились. Только что возлагали их к мемориальной доске... там, в центре... писателю...

НАЧАЛЬНИК (ЖКХ) ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Так вот, я только что от руководства города... по коммунальной линии... добился приема... так вот, включают в план расширение улицы, будут класть тут асфальт. Действительно, пустят троллейбус, соединяет нашу окраину с центром.

(*Сам себе, захлопав в ладоши*). Урра-а-а!..

Пауза. Все сестры молчат.

ЕЛЕНА. (*Вставая*). В самом деле? Даже как-то не верится.

АННА, АННА СЕРГЕЕВНА (*сдержанно, глядя куда-то вдалеку, за окно*). Моя школа близко, мне ездить не надо. Но я тоже рада за всех, за сестер. Я всегда всем желаю добра, успехов и счастья. Теперь я вижу, что говорю все это не зря...

Елена с плачем бросается в другую комнату.

ГОСТЬ (*пожимая плечами*). Что это она так расстроилась?

АННА СЕРГЕЕВНА (*печально*). С тех пор, как не стало папы, у нас тут не было никого из мужчин... таких красивых, да еще столь высокого ранга... Включи, Лида, свет, пусть у нас будет светло. Праздник продолжается...

ЕЛЕНИН ГОЛОС (*из другой комнаты*). Нет, лучше пусть он пойдет и выключит град, сделает небо снова высоким,

Сцена третья

Там же. Монастырка, дом сестер Роциных. Все ушли по своим делам, кто куда. Анна остается одна. Сидит в своей

каморке у окна, глядя на большие крупнопанельные дома напротив, куда, перейдя дорогу тоже ушел, исчез, растворился в сумерках Кратер – начальник (ЖКХ) всяя Монастырки.

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЩИНЫХ (*про себя, едва слышно*). Да, Кратер! Так зовут его все: и тут, в частном секторе, и там, в этих «каменных джунглях». А мужик как мужик, неплохой ведь, кажется, даже красивый. А зовут почему-то не по имени-отчеству, не по фамилии, а Кратер, и все... Интересно, есть у него жена, дети, семья?.. Ах, да какая разница! Есть ли, нет ли, не все ли равно...

Раздается стук в калитку.

ГОЛОС С УЛИЦЫ. Здесь проживают Рощины?

Анна встречает молодого человека в курсантской форме.

КУРСАНТ (*козырнув*). Антон Бредухин – курсант Военной Академии связи.

СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР (*подавая руку*). Анна Сергеевна, здесь проживаем, я – Рощина.

АНТОН БРЕДУХИН. Я из города Архангельска... Это форпост, северный край России. Поступил в вашем городе О. в Академию связи. Мама дала мне ваш адрес. Дело в том, что она подруга сестры вашей мамы...

АННА СЕРГЕЕВНА. К сожалению, нашей мамы нет, умерла, мы без мамы живем, одни.

АНТОН БРЕДУХИН (*с печалью в голосе*). Выражаю вам искреннее соболезнование.

АННА СЕРГЕЕВНА. Дело в том, что она умерла несколько лет назад. И мы ее дочери – три сестры – живем тут одни, самостоятельно.

АНТОН БРЕДУХИН. Это ничего, что одни, но живете ведь, дело в чем? Я зачислен в Академию связи, видите, шинель черная. На первом, втором курсах у нас шинели такие, нам выдали черные. А на остальных курсах шинели, как были, армейские, обыкновенные... Соответственно на первых двух курсах курсанты живут в казармах. Проходят курс молодого бойца... Дают увольнение кое-когда по субботам-воскресеньям. Выходим в город, куда идти? По центральным улицам, в

городской парк, а тут военные патрули. Из наших же офицеров и старших курсантов. Во-первых, надоедает руку тянуть, увольнительную из кармана вытаскивать, и, вообще, нет никакой свободы.

АННА СЕРГЕЕВНА (*сочувствуя*). И чаю негде попить. Зайти к кому-нибудь... обогреться...

АНТОН БРЕДУХИН – КУРСАНТ ПЕРВОГО КУРСА. Ну да, конечно. Легенды такие у нас в Академии, от старших товарищей. Найдите, советуют себе такой адресок: заходите к местным, переодевайтесь. Снимите форму, переоденьтесь в гражданское. И тогда ходите по городу, хоть куда. Кто догадается спросить у вас увольнительную, вы – в гражданском, вы – простой человек.

АННА СЕРГЕЕВНА. Всегда пожалуйста, всегда пожалуйста. Есть и ванна. Можно искупаться, чайку попить, прикорнуть на диванчике...

АНТОН БРЕДУХИН. Ребята говорят, это город невест. Половина женского населения города замужем за нашими выпускниками. Найдут ребята себе девушку на первых курсах, а как заканчивать Академию, так две звездочки на погоны, звание лейтенанта, невесту – в жены и айда служить в любую точку России...

Сколько жен у офицеров – связистов из этого города О. по нашим точкам – связь межправительственная, международная, кабель отсюда из Европы по всей Сибири до самого Дальнего Востока – всюду, по горам – по долам, по сибирским просторам – всюду наш брат – связист, а через одного, через два на третий с ними жены из этого города О.

АННА СЕРГЕЕВНА (*кокетливо, поглядывая в соседнюю комнату, откуда только что вышла средняя сестра Лена и ушла в свою Академию художеств – государственных служащих*). Да вы что... да ты что, Антоша?.. Нет, серьезно?..

АНТОН БРЕДУХИН. Конечно, серьезно. Ну, я пошел, Анна Сергеевна? В принципе договорились? Мама будет звонить, что сказать?

АННА СЕРГЕЕВНА. Может, чайку?

АНТОН БРЕДИХИН. Да нет, времени в обрез. Заскочил на секундочку чтобы договориться.

АННА СЕРГЕЕВНА (*проводжая его до калитки*). Что сказать маме? Да скажи, что мы все тут не против, все трое, все сестры Рощины... Приводи, Антоша, друзей своих, пусть и они у нас снимают шинели... Посидят, поговорят с нами, отдохнут от казарменной жизни...

Курсант Бредихин Антон уходит. Анна снова одна.

АННА (*себе, в сторону*). Все переводим на деньги, монетарное государство. А не все-то на них переводится. Есть еще и другое, невидимо-тайное в человеческих отношениях, особенно между мужчиной и женщиной. Может, одну какую-нибудь из нас надо бы все-таки выдать замуж? Младшая Лидочка, может еще подождать, я уж, наверное, пролетела, поздновато мне, возраст на излете... Вот среднюю – Леночку если?.. Увидела этого Кратера – мужик, красавец. И что-то во мне произошло, инстинкты какие-то разыгрались, включились программы внутренние, скрытые женские чувства...

И тут как раз этот Бредухин Антон – курсант Академии, парень не из нашего города, в своей черной шинели...

АННА. *Вслух*. А мы все по маминим стопам, по мероприятиям: День рожденья писателя Португалова, День рождения Музея. А у нас самих праздник на носу. Тоже день рожденья, кстати, Леночки, нашей Елены Прекрасной. Надо подумать, прикинуть, кого пригласить... Если что, можно перенести на субботу или на воскресенье, когда ребятам дают увольнительную...

Лучше так. Подгадать к субботе или воскресенью, а еще лучше всегда быть готовыми, если кто-то придет.

Воскресенье. Во дворе дома сестер Рощиных. Анна Сергеевна поливает из бочки капусту на своем небольшом огорожке.

Появляется Кратер – Начальник всея Монастырки.

АННА СЕРГЕЕВНА (*вздвогнув, ведро само валится из ее рук*). Ой! Как это вы прошли?

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Да вот прошел, калитка открыта.

АННА СЕРГЕЕВНА. А, это Наташка, соседка, калитку открытой оставила. Эта всегда пожалста. Бегаёт к себе через наш двор, все у нее нараспашку. Видите, дом в глубине? Это дом Домогацких – наших вечных соседей.

КРАТЕР. Что – не ладите? Как всякий сосед с соседом, за какую-нибудь между?

АННА СЕРГЕЕВНА. Что вы, Иван Сергеевич! Отец с мамой старались ладить. Уходя от нас, мама завещала и нам тоже ладить. Ни на что не поддаваться, ни на какие условности и уловки.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. И кто такие они – Домогацкие, что за семья? Что-то не знаю.

АННА СЕРГЕЕВНА. Да вон же они у забора. Тоже поливают. (*Шепотом, Кратеру*). Наташка эта, вертихвостка, тайком иной раз таскает воду из нашей бочки...

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ *проходит к соседям (Подавая женщине руку)*. Небось, сами знаете, кто я.

СОСЕДИ (*улыбаясь*). Знаем, знаем, Кратер!.. А мы – Домогацкие. Я вот – Евфросинья Евсеевна, дорабатываю до пенсии. В налоговой служу, налоговый инспектор... а это мой муж Григорич...

КРАТЕР. А как зовут-то его?

ЕВФРОСИНЬЯ ЕВСЕЕВНА. Да несуразно как-то. Да как и тебя.

КРАТЕР. По паспорту?

ГРИГОРИЧ (*подходя поближе и подавая руку Начальнику всея Монастырки*). По паспорту – по физиономии?

КРАТЕР (*добываясь своего*). А все же как?

ГОРИГОРИЧ. Полностью?

КРАТЕР. По паспорту, полностью.

ГРИГОРИЧ. Диплом Григорьевич Домогацкий.

КРАТЕР. Видали как? Фамилия с благородинкой, с каким-то дворянским, даже с польским отливом, а имечко...

ГРИГОРИЧ. Отец начудил, зато сразу видать, с высшим образованием. Наш технический университет закончил, как

и отец, когда-то... Инженер-машиностроитель, специалист по стиральным машинам...

АННА СЕРГЕЕВНА. Опять у нас из бочки кто-то воду вычухал.

ГРИГОРИЧ. Кто же еще? Небось, вертиховостка наша, Наташка. Кто бегаёт черед ваш двор, тот и вычухал. А ты, Аня, поостроже с ней, не разрешай.

ЕВФРОСИНЬЯ ЕВСЕЕВНА (*иронично*). Я на нее налог наложу... непосильный...

АННА СЕРГЕЕВНА. Что – поступила куда после гимназии? Наташка-то? Со стипендии налог-то?

ГРИГОРИЧ. В технический университет не поступила. С осени будет ходить на подготовительные курсы... на другой факультет...

ЕВФРОСИНЬЯ ЕВСЕЕВНА. Плати за нее, мама-мамочка, а она зимой замуж выйдет. Смотри, сколько ребят за ней всегда тянется – целый карагод. И что в ней такого находят?

ГРИГОРИЧ. В тебя вся, ты была такая же крученая. Отбила меня у другой соседки – Апрятовны... Ну, ладно, я пошел с ведром к колонке, а вы тут постоите, потолокуйте.

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Ну, я тоже пошел.

АННА СЕРГЕЕВНА (*в порыве сожаления*). Куда же вы, Иван Сергеич?

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Да близко тут... за аккордеоном, на улице, за вашим забором, машина моя, в машине – аккордеон...

АННА СЕРГЕЕВНА (*всплеснув руками*). Смотрите-ка! Все баяны да баяны везде и всюду, а тут аккордеон.

Начальник всея Монастырки живо возвращается с аккордеоном, разворачивает во всю ширину плеч яркие, цветные такие – свободные мехи. Запевая.

«Осень. Прозрачное утро.

Небо как будто в тумане,

Ясная даль перламутра,

Солнце холодное, дальнее»...

В калитку стучат, появляется знакомый уже Антон Бредухин – курсант.

АНТОН. Можно к вам сюда, Анна Сергеевна?

АННА СЕРГЕЕВНА. Не можно, а нужно... О, да вас столько там!

АНТОН БРЕДУХИН. Еще двое, друзья мои – тоже курсанты: Юра Стасевич и Иван Вольнов... Ну, и я – Антон Бредухин – Карамышев, если полностью...

АННА СЕРГЕЕВНА. Тоже переодеться? Ну, проходи! Все проходите... Воскресенье сегодня, а у нас как раз День рождения средней сестры – нашей Леночки. Она дома, а младшая – Лида – после дежурства скоро обещала подъехать...

АНТОН БРЕДУХИН. На каком дежурстве?

АННА СЕРГЕЕВНА. Да на «Скорой помощи» ездит, на реанимационной машине. Знаете, такая «газель», на ней мотает по вызовам...

В калитку вбегает Наташка Домогацкая – совсем еще молодая, лет восемнадцати.

НАТАШКА. Ой, что тут? Что за пикник, что за веселье у наших соседей?

И бежит далее по боковой стежке за роцинской сад-огород к себе туда, в глубину, к своему огороду. Антон Бредухин, не раздумывая, бросается за ней. Тащит ее за руку сюда назад.

АНТОН (живо). Гулять будем! Кадры такие... (Анне) Аккордеон есть? Есть. Стол есть? Есть... Как тебя – Наташка? Наташка тоже есть. Под аккордеон Наташка на столе для нас сбачает, спляшет.

Сцена четвертая

Там же, те же. Внутри помещения. В уютном квадратном зальчике под портретами Отца и Матери сестер Роциных.

НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (продолжая начатое у калитки).

«... Солнце холодное, дальнее.

Где наша первая встреча?

Острая, жаркая, тайная.

В тот летний памятный вечер

Милая. Слово прощальное.

Все хором.

Не уходи, тебя я умоляю.

Слова любви сто крат я повторю.

Пусть осень у дверей, я это твердо знаю.

А все ж не уходи, тебе я говорю».

ЛИДА, ЛИДИЯ (*появляясь, незаметно, с порога*).

«... сто крат я повторю...»

Всем. Знаю, почему зовут его Кратер!

Вступая в общий хор. «Наш уголок нам никогда не тесен.

Когда ты в нем, то в нем цветет весна.

Не уходи! Еще не спето столько песен,

Еще звенит в гитаре каждая струна-а-а...»

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ. А гитара тут есть?

ЛЕНА, ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ. Есть, есть.

И несет гитару откуда-то из боковой комнатухи.

НАТАШКА ДОМОГАЦКАЯ (*пытаясь вырваться из его рук*). На стол, на стол хочу!.. «Барыню». «Русского»!..

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ. Тустеп! Тустеп!..

И делает переборы на гитаре. Объявляет торжественно:

Алексей Будищев.

«Калитка».

«Лишь только вечер затеплится синий,

Лишь только звезды зажгут небеса,

И черемух серебряный иней

Уберет жемчугами роса...»

Голоса всех, кто тут, в этом зальчике.

«Уберет-уберет, уберет-уберет...

Жемчугами... жемчугами... роса...»

ГИТАРИСТ АНТОН.

«Отвори потихоньку калитку

И войди в тихий садик, как тень.

Не забудь потемнее накидку,

Кружева на головку надень».

АККОРДЕОНИСТ КРАТЕР (*захватывая инициативу*).

«Там, где гуще сплетаются ветки,

У беседки тебя подожду...»

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР (*восхищенно*). Лида, Лидочка! Ставь самовар! Авдеич приехал!

КРАТЕР (*заканчивая на пианиссимо*).

«И на самом пороге беседке

С милых уст кружева отведу.

Все, хором. Отвори потихоньку калитку

И войди в тихий садик, как тень.

Не забудь потемнее накидку,

Кружева на головку надень».

НАТАШКА ДОМОГАЦКАЯ (*порываясь, настойчиво*).
Нет, я на стол, на стол хочу!

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Граждане, граждане! Расступитесь! Самовар к столу едет... Лена, Леночка, ставь на стол самовар!..

АННА (*Кратеру, топнув ножкой*). Если «самовар» сказано, Иван Сергеич, то он, а не кто-то, должен стоять на столе!

ЛЕНА, ЕЛЕНА – СРЕДНЯЯ ИЗ СЕСТЕР. Дорогие гости! Садитесь, кто с кем, кто где. Все к столу!

ЛИДА, ЛИДОЧКА (*подлетая с дополнительными стульями, взятыми в передней*). Тут у нас полная свобода совести и вероисповеданий... (*Указывая на Кратера*). Вот злодей кто! Не дает нам воды, Начальник всея Монастырки! Колонка часто бывает пуста...

ЕЛЕНА (*обводя глазами всех курсантов, останавливаясь на Кратере*). Начальник! А будет с таким перламутровым аккордеоном – Губернатором всея Провинции.

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Откуда хоть он у вас, Иван Сергеич? Где взяли?

ГУБЕРНАТОР ВСЕЯ ПРОВИНЦИИ Аккордеон-то? Из Германии. Но итальянского строя. Дядька мой служил когда-то в Германии, привез – я купил. В школе тогда я работал, в деревне. Две зимы и три лета горбачил, чтобы купить... Это сейчас все легко...

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР (*сдержанно*). Не сказала бы. И, густо покраснев, отвернулась.

День рождения, на ночь глядя, только лишь начинался.

Все сидят и пьют чай за общим столом.

АННА СЕРГЕЕВНА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЩИНЫХ. Мама у нас была из сферы культуры, а отец плотничал. Мальчика все дождался, а родились мы вот... с сестрами... Мама в Музее гидом работала, водила экскурсии. Рассказывала, даже французы иной раз приезжали...

ЮРИЙ СТАСЕВИЧ – КУРСАНТ. Интересно, что такое слово «культура»? Что хоть оно означает? То было в программе правительства три приоритета: здравоохранение, образование, культура, у культуры остаточный принцип финансирования. А теперь вовсе слова такого нет в приоритетах. Говорят так: образование и здравоохранение, ну, еще кое-когда добавят слово «наука»...

КРАТЕР (*солидно, с апломбом*). Культура, я так полагаю, как говорит один мой приятель, – это у древних греков означало «мышление». Это уж после, древние римляне мышление перевели в «культуру»... говорит мой приятель. Такой оригинальный ход эти римляне применили: от земли мол, от сельского хозяйства само это слово «культура». Зерно, гречка – все, что растет под солнцем, – это «культура». А Солнце выводится из этого слова так: «культура» – «ур» – суффикс, «а» – окончание, основа слова «культ» – коло, соло – солонце, Солнце... Соловки, соловей – пташечка и т.д.

ИВАН ВОЛЬНОВ – ТОЖЕ КУРСАНТ. Что у вас приятель – ученый, что ли?

ЛИДА, ЛИДОЧКА (*младшая из сестер, живая ртуть*). Что – не понял? Он же сказал, сам когда в школе работал, в деревне, зарабатывал себе на хлеб, на аккордеон. Значит, был учителем, возможно, русского языка... А теперь тут в городе работает в ЖКО – Начальник (ЖКХ) всея Монастырки.

ЛЕНА, ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ (*сидя то молча, а то говоря невпопад*). Если кадры такие у них в ЖКХ, то что же такое «бардак»?

АННА СЕРГЕЕВНА. Ты, Леночка, пей чаек, пой, голубушка, голос у тебя замечательный. А про кадры – у нас Лида на то.

ЛИДА. Как это Лида? Лена у нас в Академии... государственной службы... чиновником будет, стало быть, это ее прерогатива.

АНТОН БРЕДИХИН – КАРАМЫШЕВ (*пытаясь обнять Наташку, та сбрасывает с плеч своих его руки*). Ого, какие словечки тут знают, отмачивают! Политика, высшие сферы...

АННА СЕРГЕЕВНА (*сдержанно*). Политику в доме не держим. И домик мал для того, и живут тут одни женщины.

КРАТЕР. Политика – это бульдозер, то ямы на дороге равняет, а то гребет все подряд, всякий мусор.

АННА СЕРГЕЕВНА (*подыгрывая ему*). И подметает, и подметает. Наоборот, чистит дорогу от мусора.

КРАТЕР. Нет, подметает уже другая машина. Есть такие у нас – «подметалки». Валики с железными щетками...

ЛИДА, ЛИДОЧКА – МЛАДШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Что это ты приуныла, Леночка?

АННА СЕРГЕЕВНА. Да она сегодня не в форме.

ЕЛЕНА. И вот он, этот Антон Карамышев, тоже не в форме?

ЛИДИЯ. Этот? Антон-то? Видишь, он к Наташе клеится, а Наташка к Кратеру жметя, ему все внимание.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ (*вспыхнув*). С чего это вы взяли, притих, да? Что я вам – конферансье? Я только что пел, играл на гитаре.

КРАТЕР (*поворачиваясь к Антону, дыша горячо Антону в лицо*). Послушай! Вот ты на гитаре играешь хорошо, даже здорово! А музыку, песни сам пишешь?

АНТОН КАРАМЫШЕВ (*кивнув на аккордеон*). А ты?

КРАТЕР (*разочарованно*). Бог не сподобил.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ (*оживясь*). А я сочиняю! Иной раз, по настроению.

КРАТЕР. Ну, например.

АНТОН. Например? Вот хотя бы это. Поступил в Академию связи, и такое вот как-то само собой написалось.

ЛИДИЯ. И слова твои?

АНТОН. И слова.

ЕЛЕНА. И музыка?

АНТОН КАРАМЫШЕВ. Само собой.

КРАТЕР. Ну, давай, браток. Не стесняйся, мы все тут свои.

Играй, мы послушаем.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ. А я пою а' капелло.

То есть просто так, своим голосом, без гитары.

Итак, **«Марш военных связистов»**.

«Мы – дух времен, мы – связь, мы – нервы слова.

Шаг офицерский, с полушага – взлет.

Мы к Богу близко, связь – побед основа,

А мы – куда нас Родина пошлет.

Присяга. На плацу вся Академия.

Штабной народ. Элитные войска.

Один к пяти. Наш клан – военный гений,

Багратиона крепкая рука.

ПРИПЕВ. Литавры, бейтесь с тучею!

Так грянем про могучую,

Про Русь в огне кипучую,

В горячую железную пургу!

Кратер, хватаясь за аккордеон, начинает подыгрывать

Антону.

Все активнее, жарче, захватывая мелодию.

Ты – славная, победная,

Тянись, золотая, медная,

К сердцам любвеобильная,

Святая Русь, любимая –

На всю Орловско-Курскую дугу».

КУРСАНТЫ СТАСЕВИЧ ЮРИЙ И ИВАН ВОЛЬНОВ.

Анна Сергеевна! Есть у вас деревянные ложки?

Анна бежит на кухню, несет оттуда расписанные под хохлому деревянные ложки. Ребята на коленке начинают лихо выстукивать ложками, улавливая ритмы аккордеона.

ЛИДА, ЛИДОЧКА (восхищенно). О! Да у нас тут целый оркестр Будашкина!

ЕЛЕНА. И хор имени Пятницкого.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ (*лихо так*). Запевай!

«Мы – косточка военная, мы – эхо.
Бойцы эфира, мирное лицо.
Соратники армейского успеха,
Наследники богатырей отцов.

Мы тут в Орле, а там за Поньярами –
Наш Малый город держится, стоит.
Морзяночка из той великой драмы,
Из тех окопов, все еще кровит.
Все хором. Да будет связь! Вперед, вперед, Россия!
Да будем мы – военные связисты!
Тяни носок, шагай, связист, красиво!
Равнение – на Россию, обелиски!»

АНТОН КАРАМЫШЕВ. Припев! Припев, братцы!

«Левой, левой, левой!

Левой, левой, левой!»

Раздается телефонный звонок. Это мобильник.

ЛИДА – МЛАДШАЯ ИЗ СЕСТЕР (*прикладывая его к уху*). Да, это я. На вызов? Уже подошла «скорая»? Я сейчас, выхожу... (*Обращаясь ко всем*). Ну, все, я пошла. Всем привет, до свиданья.

Лида уходит. Анна Сергеевна начинает собирать со стола и носить на кухню посуду. Елена тоже уходит к себе в комнатушку. Все трое курсантов выходят за дверь, перекурить. Анна Сергеевна выносит помойное ведро. А когда возвращается, что она видит: Наташка сидит на коленях у Кратера, обхватив его крепко за шею.

Увидев Анну Сергеевну, Кратер (Наташке, стряхивая ее поспешно, освобождаясь от нее). Иди, иди, курочка, помогай Анне Сергеевне. Водичку из бочки носи, полы будешь мыть.

НАТАШКА (*фыркнув*). Я и дома-то полы не мою. На то у нас мама, мамочка.

Кратер – Начальник всяя Монастырки собирается и уходит. Курсанты одевают свои черные шинели, подпоясывают ремни.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ (*торопя их*). Ну вот! Наверное, опоздаем к положенному часу, завтра на «губу» попадем!

ИВАН ВОЛЬНОВ (*тоже курсант*). На первый раз, может, простят, помилуют?

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ. Не рассчитывай.

Попрощавшись, все троя уходят. Анна Сергеевна, старшая из сестер Роциных, снова остается одна. Выходит во двор. Во дворе уже ночь. Чистое небо, крупные, яркие звезды. Глубокое, черное небо.

АННА СЕРГЕЕВНА (*шепча себе*). И мама, мамочка смотрит оттуда, как призрак, из этих глубоких провалов. Как будто шинелью одной эти молодые ребята – курсанты закрыли нам все это выпуклое звездное, звездное небо.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Год спустя. Второй год времени. Действие происходит там же, в губернском городе О., на той же окраине под названием «Монастырка», в частном доме, где по-прежнему живут сестры Роцины: Анна – старшая из них, учительница литературы в ближней гимназии, Елена – средняя из сестер, вечная студентка и Лида – медсестра на «Скорой помощи». И все трое живут в ожидании, грезах.

Сцена первая

Монастырка, дом сестер Роциных. В комнате за книгой Лена, Елена – средняя из сестер.

ЕЛЕНА (*перелистывая страницы*). В сторону, про себя. Все учусь и учусь, застряла где-то в середине этой Академии госслужбы. А зачем хоть учусь-то? Это только так кажется: престижная должность – государственный человек, в будущем чиновник, весьма приличная зарплата и пенсия. А на самом деле к чему все свелось? Первые выпускники Академии заняли всю «клубничку», расселись по местам и теперь не пускают таких, как я, следом идущих. В замысле была конкуренция, а на

практике? Какая уж конкуренция... Вот тебе и кадровый «голод». Академия есть, а кадров нет. Все превратилось в курсы повышения квалификации, в школу председателей, в бывшую областную «академию имени Ляшко»...

Господи! Надоело учиться, мозги крутить, засорять память всякой цифирью, статистическими выкладками, которые завтра уж будут другими. Крыша едет от них. А работы нет, некуда сунуться. Вот и учусь, учусь. А еще обозначилось: высшие чиновники, какие побогаче, стали вкладывать средства в своих детей, посылают их на учебу в Англию, а потом рассаживают тут по хорошим местам... А мы со своим образованием – мусор, который, как говорит этот Кратер – Начальник всея Монастырки... пассия нашей Анечки, Анны Сергеевны... мусор мы, который гребут по дороге бульдозером, вот и все...

Вслух. О Господи! Тяжко что-то. Бессонница одолевает, ночами стала являться в виде призрака мама, мамочка... Вот и сейчас...

ПРИЗРАК МАМЫ ВСЕХ ТРОИХ СЕСТЕР (*проникая сюда в комнату через окно*). Что с тобой, Леночка?

ЛЕНА. Да вот Леонардо ди Каприо явился, стоит перед очами. Но говорят, по фамилии он Смирнов, дедушка с бабушкой у него были Смирновы... из Одессы... Леонардо – наш человек в Гаване...

ПРИЗРАК МАМЫ *в средней из сестер Роциных, колеблясь в окне размыто, неопределенно.* Лена! На других, подобных мне, не смотри! Оберегай себя от видений. Память не перегружай, от нее все свобода и не свобода, свобо – о – о-да... ода... да, да, да...

Лена стряхивает с себя наваждение: и мамы, и Леонардо Смирнова, – ди Каприо, швыряет книгу куда-то в угол.

ЕЛЕНА РОЦИНА – СРЕДНЯЯ ИЗ СЕСТЕР (*реально*). Чтобы в душе царила гармония, дом хотя бы казался если не полной чашей, то хотя бы благополучным, то что надо?..

В душе Лены как эхо: «что надо?», «что надо?», «что – о – о?»

ЕЛЕНА РОЦИНА. *Вслух, четко.* Магический талисман! У Пушкина талисманом был перстень. С зеленым изумрудом.

Сейчас выставлять напоказ золото с изумрудом нельзя – оторвут вместе с пальцем... Наташка Домогацкая носит серебряное колечко. Попроще так, отец купил ей – Григорич. Темнеет, говорят, кое-когда, вещь вещая. А сыну Костя, журналисту... теперь эта профессия опасна, убойная... отец купил у цыганки простое кольцо. Костя носит его на мизинце. Так кольцо для Кости, как какой-нибудь индикатор...

И как раз мимо окна во дворе мелькнул этот Костя, Константин (по отчеству его – «Дипломович», смешно как-то).

Выскакивает, кричит на весь двор, в глубину огорода:

Костя! Константин Дипломович!

КОСТЯ (*приостанавливаясь*). Не зови меня так.

ЕЛЕНА. А как же?

КОСТЯ ДОМОГАЦКИЙ. В крайнем случае, Константин Константинович. Как Рокоссовский. Фактически он Кирилл Константинович, а сделал себе Константин Константинович.

ЕЛЕНА РОЩИНА. Ладно, ладно... Я вот о чем. Как колечко-то твое – помогает, работает? Говорят, как нельзя, не рекомендует тебе идти куда-либо на задание от газеты, так темнеет. Не пускают торсионные силы, предупреждают...

КОСТЯ. Чуть какая-то. Просто колечко мне об отце, о доме своем напоминает. Потру о бок себе, о рубаху – оно и давай вроде сиять, светлее становится, и мне хорошо...

Костя убегает в глубину сада, к своему дому в саду, туда к себе, к Домогацким. А Елена, оставшись тут, опускает руку в бочку, начинает плескаться, окунать в воду плюшевого медвежонка.

ЕЛЕНА (*В сторону, про себя*). Вот мой талисман. Надо только внимание на него обратить – «нота бене». Под тот Новый год, помню, прорыдала всю ночь, все просила своего медвежонка о помощи. Чтобы он мне Антона Карамышева приворожил... Ну, что он нашел в этой вертихвостке Наташке? Как банный лист, прилип к ней. С той осени целый год крути вьет. Как только придет к нам, спешит сбросить с себя эту свою черную шинель. Едва переоденется в гражданское, сразу летит к Домогацким: «Где Наташка?». А Наташка на него ноль внимания...

Вслух. Черная шинель, черные шинели... как черные кошки... Они висят в передней, когда приходят ребята-курсанты Академии связи, и что-то исходит от них... таинственным и невероятным образом... чем-то фосфорически острым... как от глаз черной кошки...

Сегодня воскресенье. Опять придут они, эти курсанты, и сестры соберутся, придет, может быть, и Кратер. Вот они все – легки на помине. Первой появляется Аня, Анечка – старшая тут, за маму, за ней все остальные.

АННА, АННА СЕРГЕЕВНА (*лучась от улыбки*). Иван Сергеевич! И все вы, ребята! И Лидочка, Лена!.. Нас приглашают на День рождения Музея писателей – конфедератов, звонил его бессменный директор Бесподобнов Сергей Сергеевич. Наша мама у него тоже работала. Сергей Сергеевич помнит о нас, сестрах Роциных, маминых дочках. А мы приглашаем вас с собой, дорогие! (*Выделяя особо Кратера – Начальника всея Монастырки*). Вас, милый Иван Сергеевич. А традиционную нашу встречу, как и в прошлом году, День рождения Лидочки... давайте перенесем на следующее воскресенье... Вот и будут, так сказать, и волки сыты, и овцы целы...

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Давайте!

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ, КУРСАНТ. Я тоже согласен.

ИВАН ВОЛЬНОВ, ТОЖЕ КУРСАНТ. И я.

Пауза. Все переглядываются друг с другом.

АННА СЕРГЕЕВНА (*обращаясь к Антону Карамышеву*).

А ты, Антон?

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ (*тоже курсант*). Что ж вы, ребята (*обращаясь к товарищам*), думаете, нам можно брать увольнительную каждое воскресенье? Как билеты в троллейбусе?..

ИВАН ВОЛЬНОВ. Это я гарантирую. У меня с начальником курса – с подполковником – блат.

АНТОН. Вопросов нет.

ИВАН ВОЛЬНОВ. У меня тоже.

АННА СЕРГЕЕВНА. Все, идем в Музей писателей-конфедератов.

КРАТЕР. Почему хоть они «конфедераты»?

АННА СЕРГЕЕВНА. А потому что было и есть другое общество – Союз профессиональных писателей, а это – Конфедерация.

КРАТЕР. А музей у них есть, у профессионалов –то?

АННА СЕРГЕЕВНА. Это они сами себя так зовут. Профессионалами их никто не считает. Сами себе назначают премии, какие хотят. Всех классиков уже перебрали: Тургенева, Бунина, Фета, Леонида Андреева... По профессиональному признаку вроде ближе всех к литературной профессии... Пушкинскую одному дали, а у того вышла сатанинская книга, бесы всюю неистовствуют. Другому дали Бунинскую – похабщина сплошная, смесь бытовщины и откровенного мата...

ЛИДОЧКА. Зато, небось, думают, что современно, массовая культура.

ЕЛЕНА. Классиками премии обозначают. Должны бы свои иметь имена, своих имен и придерживаться. Именами своих лидеров по похабщине и бесовщине премии свои и обозначайте.

КРАТЕР КАК ГУБЕРНАТОР ВСЕЯ ПРОВИНЦИИ. Развели лавочку.

АННА СЕРГЕЕВНА. Междусобойчик. Творят в узком кругу, что хотят... (*Обращаясь ко всем*). Ну, идем?

ЕЛЕНА (*поцеловав своего плюшевого медвежонка*). Хороший, хороший мой!

ЛИДА. Кто, Лена, хороший?

ЕЛЕНА. Да вот он, мой талисман. Медвежонок... Говорит, можно идти, ничего плохого не будет.

КРАТЕР (*энергично и весело*). Вперед, ребята, авангард! А вы, сестры Рощины, адъергард!.. В Музей, так в Музей! Как в омут какой бросаемся, к писателям – конфедератам!

В губернском городе О. У Музея писателей-конфедератов. Все ждут приотставших: Анну-старшую из сестер Рощиных и Кратера – Начальника всея Монастырки. Елена, погладив ладонью своего плюшевого медвежонка, передает его в руки Антону Бредухину – Карамышеву.

ЕЛЕНА. Талисман! Будет все хорошо. И мне, и тебе.

ЛИДА, ЛИДОЧКА (*оглядываясь по сторонам*). Да где же они? Куда запропастились?

Наконец, появляются Анна Рощина – старшая из сестер и Кратер – Начальник всей Монастырки.

ЛИДА, ЛИДОЧКА (*бросаясь к ним*). Где же вы пропадаете? Мы же опаздываем! Придется сидеть в первом ряду. Торчать, как бельмо в глазу.

АННА СЕРГЕЕВНА (*беря Кратера под руку*). Ничего, ничего. Вон еще сколько людей. Успеем, придем вовремя.

По синему небу над ними чертит белый след самолет.

ИВАН ВОЛЬНОВ (*негромко, Стасевичу Юрию*). Наши летят, связисты.

ЛИДА, ЛИДОЧКА. Летчики.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Я имею в виду радиосвязь.

ЮРИЙ СТАСЕВИЧ. Кстати, взлетают в Липецке, долетают до нас. Тренируются по воскресеньям.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Маневры летние, без этого они никуда. (*Напевая*).

«А город подумал,
А город подумал,
А городу подумал,
Ученья идут».

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ (*глядя ладонью плюшевого мишку*). Говорят, в войну Липецк немцы не бомбили. Ни одна бомба, говорят, не упала на Липецк. Асов немецких учили там, в нашем авиацентре...

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. На свою голову.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ. Даже женились, говорят, ихние асы на русских, дети были...

ЕЛЕНА. Какая-то мистика, даже не верится.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Почему не верится, очень даже возможно. «Мессершмидты» Туполев делал. Тут не нужен был, там себя проявлял... Зато потом, говорят, наши едва его не расстреляли.

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ. Какие наши! У нас в начале войны были «Чайки» – «рус – фанера», фанерные истребители. Как дадут по ним трассирующей очередью, так в щепки...

Елена следит ревниво, как Антон передает ее талисман – плюшевого медвежонка – Стасевичу. Тот, погладив медвежонка, передает его далее – Ивану Вольнову...

ЛЕНА, ЕЛЕНА (*отбирая свой талисман*). Ну-ка, дай-ка сюда! Свои талисманы надо иметь! Каждому...

Сцена вторая

Музей писателей-конфедератов. У двери, перед входом в зал, всех встречает Директор музея Бесподобнов Сергей Сергеевич.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ. А-а, мои дорогие! Рощины, сестры-красавицы! Спасибо. девочки, что нас не забыли, пришли... Вот проходите сюда, вот сюда садитесь... А эти молодые люди с вами? Конечно, конечно. Пусть садятся тут, рядом с вами...

Бесподобнов уходит. Глаза со всего зала, телекамеры впииваются во всех трех сестер Рощиных и их спутников – молодых людей в форме курсантов Военной Академии связи.

ЕЛЕНА (*снова отдавая своего медвежонка Бредухину – Карамышеву, оказавшемуся рядом с ней, в первом ряду*). Антуан! Подержи. Чтобы оказал воздействие, надо его подержать... Никому не передавай, отдашь после мне...

АНТОН (*также шепотом*). Ну, что ж, Лена, будем ждать результата.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Какой результат, какой результат! Может быть самый плачевный. Мишка возьмет и лопнет от зависти.

ЛИДА, ЛИДИЯ. Заметьте, белой зависти, доброй! А не как ваши шинели – черные...

ГОЛОСА ПО ЗАЛУ. Тсс – ссс – ссс!.. Тишина.

ЛИДА, ЛИДОЧКА. Зануды (*шепнула и смолкла, прислушиваясь к тому, что говорили с трибуны*).

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Речь держал сам Директор Музея Бесподобнов Сергей Сергеевич. Сначала в качестве преамбулы, он высказывался о том, что накипело в душе за все это последнее время, перевернуло Россию до наоборот... Не все, конечно, говорил, но все-таки...

Высказался, конечно, про ничтожные зарплаты, когда был принят Губернатором по поводу Дня рождения музея... Губернатор выслушал молча, только переспросил: «А что – разве нельзя как-нибудь подрабатывать, что-нибудь продавать?» Ответил ему: «Культура же, что продавать? Мемории, экспонаты?»

Пауза. Следует объявление: докладчик Бесподобнов Сергей Сергеевич.

А теперь по главному вопросу: о нашем богоспасаемом деле.

АННА СЕРГЕЕВНА (*сестрам*). Тихо, девочки! Слушаем...
«Живое слово средней полосы».

«Что самое главное у любого народа, каков приоритет человека, всего человечества? Это речь, язык «гомо сапиенса». Художественный образ, духовное, божественное, нравственно-эстетическое начало – и все это зиждется на языковой культуре. «Вначале было слово», – сказано в Библии. На такой базе, на самом слове стояла и стоять будет всегда литература, пока жив человек. Поэтика с ее поэзией, красотой поставлена Аристотелем впереди «Метафизики», а «Метафизика» по-современному, – это наука. в том числе новейшие, прорывные технологии: электроника, Интернет, мобильная связь, любые проявления технического гения человечества. Все это как алфавит, начертание букв самого слова, его духовной сути, нравственного потенциала, выражаемого, прежде всего, в литературе. Поэтому живая книга никогда не умрет, не будет заменена электронной, даже при самых больших успехах техники, когда создается иллюзия, что главное – это электронная книга, электронная библиотека...»

АННА СЕРГЕЕВНА (*шепотом, Кратеру*). В Петербурге это возможно. Библиотека уже существует на площади у Исаакиевского собора, это библиотека имени Ельцина... У нас, в губернском городе О., неподалеку строится такая же – для вузов города... А прежнюю, областную публичную... имени Бунина... предполагают перепрофилировать еще под что-то...

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Не дадим, не позволим, мадам.

БЕСПОДОБНОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (*продолжая*).

«Слово прежде всего! Так говорит Аристотель с его опытом в пять тысяч лет. Это опыт осознан человеком и человечеством на базе слова, на основе живой речи, живой книги, живой литературы. Что еще придумает добрый и даже злой технический гений? Дух народа, понятие Бога, божественной гармонии, красоты сохраняется в недрах любого народа благодаря именно языку, живой художественной литературе. Такой опыт, благодаря общению, передается от поколения к поколению, литература говорит с человеком откровенно, один на один, душа в душу...»

АНТОН БРЕДИХИН – КАРАМЫШЕВ, КУРСАНТ. Во дает дед! Молодец, не сдастся перед натиском Интернета!

СТАСЕВИЧ ЮРА, ТОЖЕ КУРСАНТ АКАДЕМИИ СВЯЗИ. Как перед танком стоит с бутылкой... с зажигательной смесью... С коктейлем Молотова...

ИВАН ВОЛЬНОВ, ТОЖЕ КУРСАНТ. Наш человек, молодой!

БЕСПОДОБНОВ (*продолжая*).

«Язык и литература – общая, саморазвивающаяся стихия, она сплачивает людей, является необходимейшим условием существования жизни на земле. Не было бы этой стихии, не было бы общественного развития, а с ним и науки, и техники, не было бы ничего»...

Раздается свист в углу, это свистят студенты Технического университета.

КРИКИ. Отрицается прогресс. Интернет! Селиконовая долина!.. Мобильники, мобильная связь...

ИВАН ВОЛЬНОВ (*вскакивая*). Молодец, дед! Глубокая память! Паши далее, внемлем, слушаем, просвещай глухих, немых и слепых!..

ГОЛОСА ПО ЗАЛУ. Прибавь еще, прибавь!

БЕСПОДОБНОВ (*продолжая*). «Диалект средней полосы, образный и колоритный, издавна формировал наш прекрас-

ный, великий, могучий, наш русский язык! Этому способствовали благоприятные климатические условия средней полосы, равнинный характер обитания...»

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А горы? А море что же?

БЕСПОДОБНОВ (*подняв голову*). Это наш проект, наша история, наш народ и земля...

«Историк Ключевский отмечал красивый ландшафт, разнообразие животного и растительного мира, которые красили языковую палитру. Недаром здесь жили помещики, дворяне, цари выбирали и раздавали тут лучшие земли лучшим людям России. И вот в такой народной и достаточно культурной среде и проявлялась эта стихия народного языка в дворянской культуре, в классической литературе, определяя язык страны, народа, нашей общей культуры».

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Конкретнее, ближе к земле и людям!

БЕСПОДОБНОВ (*глядя прямо в зрительный зал*).

«Присмотримся и увидим, что самые красивые места у нас в нашем крае, связаны с именами таких писателей, как Лев Толстой, И.С. Тургенев, А.А. Фет, Н.С. Лесков, И.А. Бунин. Кстати, Бунин – наш первый Нобелевский лауреат. Итак, народная речь, образное видение мира, неповторимые пейзажи, неброская красота нашей среднерусской природы формировали народные представления, темперамент людей, их художественный вкус, которые, оказавшись в центре внимания наших классиков, выводили их на мировой уровень. Любой из наших писателей-классиков, окажись где-либо в другой стране, один своим именем, творчеством мог бы сделать ее притягательной.

Такую честь нашей средней полосе оказывает всемирная отзывчивость русской души, она привлекает к нам европейского, мирового читателя, формируя понятие «третьей литературной столицы», связанное с нашим городом. Живая литература, как и музыка, по мысли Гете, всегда желанный гость под любой крышей. Как в одиночестве, так и на любом форуме, где властвует глагол, обожествленный человеком.

Хранить свою речь, беречь свой язык, ценить и развивать его – долг каждого живущего в нашем городе, в нашей стране, каждого говорящего на русском языке; главное богатство отечества, наше национальное достояние».

В Музее писателей-конфедератов. Сестры Роцины и курсанты Академии связи, с ними Кратер – Начальник всея Монастырки. Все вместе подходят к Директору Музея Бесподобнову, благодарят его за живое слово в защиту русского языка и литературы в эпоху бури и натиска.

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ, КУРСАНТ (*Бесподобнову*). То, о чем вы сказали прозой, живым и глубоким словом о нашем великом и могучем, я попробовал выразить поэтически.

ЛЕНА, ЕЛЕНА РОЦИНА. Прочитай, Антоша. Просим тебя, почитай.

Антон Бредухин стоит, переминается, явно смущается, ищет кого-то глазами тут и не может найти.

БЕСПОДОБНОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ. Прочитайте, пожалуйста, молодой человек. Интересно все-таки, как на то же самое смотрит молодежь. На то, что вынашивал я, возможно, лет пятьдесят...

АНТОН. Хорошо, не обессудьте.

«Родная речь»

«Ты хранись в нас, о русская речь, –
 Острый меч и испытанный щит.
 Нам бы землю родную сберечь,
 А уж Русь-то себя сохранит.

Сохранит землю Русскую сын,
 Сохранит сына русская мать,
 Будем ей молчаливо внимать
 Под гортанные скрипы осин.

Под кровавые просыпи рос,
Под тележный заржавленный звук.
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.

Ты хранись в нас, о русская речь, –
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь.
А уж Русь-то себя сохранит».

БЕСПОДОБНОВ (*обнимая Антона, курсанта*). Спасибо, сынок. А почему вы в черной шинели?

Пауза. Люди расходятся, покидают музей.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ. А почему Музей у вас писателей-конфедератов, а не писателей-профессионалов?

БЕСПОДОБНОВ. Когда создавался Союз писателей, Горький сказал человеку, от которого зависело все: они же, писатели, вместе тут, как клопы в банке, перегрызутся. Разные писатели – разные объединения, несоединимы.

ИВАН ВОЛЬНОВ. А чего они сами себе премии назначают? Да еще от имени классиков, скажем, Бунина, Фета, а сами в массовой культуре пишут то бесовское, то похабное. В «междусобойчик» играют. Когда «мало» не опасен, можно двигать. Когда всего «много» – другая картина. Мне отец все рассказывал, он – писатель...

БЕСПОДОБНОВ. Сам же, парень, себе и ответил. Страшно рядом иметь человека сильнее тебя.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Анна – старшая из сестер Роциных берет под руку Кратера – Начальника всея Монастырки, Елена пытается поймать руку Антона и все же поймала, и пошли они вдвоем следом за Анной. Лидочка подхватывает под руки сразу двоих: Стаевича Юру и Ивана Вольнова. И все они отправляются вдоль по Питерской туда, в свою Монастырку. Благо, не так уж тут и далеко.

Сцена третья

Монастырка, дом сестер Роциных. Те же, в том же дворе.

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЦИНЫХ (*проходя первой в калитку*). Ну, вот мы и у себя, после такого форума.

ВСЕ (*проходя за ней*). В узком кругу... в узком кругу...

ЛЕНА, ЕЛЕНА РОЦИНА – СРЕДНЯЯ ИЗ СЕСТЕР. В не таком уж и узком.

ЛИДА. ЛИДОЧКА – МЛАДШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Действительно, не в таком уж и узком... Сколько нас, кто с нами?

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. «Кто не с нами, тот против нас». «Если враг не сдается, его уничтожают»...

АННА СЕРГЕЕВНА. Устарелые лозунги. Однако, действительно, кто тут, сколько нас? Чтобы сервировать стол. Теперь у Лидочки День рожденья...

КРАТЕР. Назначается или в самом деле?

АННА СЕРГЕЕВНА. Лидочка, твой день, ты и считай. А мы с Леной столом займемся...

ЛИДОЧКА. Так, значит. Нас трое: Аня, Лена и я. Ребят трое: Антон, Юра и Иван Вольнов. Ну, и Крастер – Иван Сергеич.

ЛЕНА. Чего это ты двух ребят по имени, а одного по фамилии?

Пауза. Лидочка не знает, что ей на это сказать.

Анна – старшая из сестер приходит на помощь.

АННА СЕРГЕЕВНА. Аббриавиатура. Вернее, идиома – сросшееся выражение.

КРАТЕР (*прислушиваясь к разговору*). А-а, выражение? Выражение – да. Выражается круто русский народ. Умываться надо в бочечке этой, коммунальной водичкой. Поплещемся, очистимся от грехов.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ. От каких грехов? Мы что – уже нагрешили?

КРАТЕР. Умывайтесь, умывайтесь. Вот так, как я, до пояса. Вы – военные, всегда должны быть подтянутые, молодецкые, моциончик вашему здоровью не повредит. А то есть такие

генералы у нас, по телевизору иной раз показывают... животы – во какие, носят перед собой. А американские генералы спортивные...

АННА СЕРГЕЕВНА. Нация такая.

КРАТЕР. Не нация, а разгильдяйство, я так считаю.

Проходят по саду, огороду. Делают внутренний и внешний осмотр: что с осени уже убрано, что посажено на следующий год. Например, чеснок, картофельной ботвой покрыта чесночная грядка.

АННА СЕРГЕЕВНА (*появляясь на пороге*). Проходите, дорогие мои в дом. День рождения Лидочки, День рождения...

Проходят в ставшую уж привычную комнату, рассаживаются по привычным местам.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*заглядывая в окно*). Птицы вон в черных шинелях... грачи и галки... Грачи и не собираются улетать на зимовку.

ЛИДОЧКА. А они и в прошлом году не улетали, эта зима будет суровой.

ЕЛЕНА. А откуда грачам это известно?

КРАТЕР. Спросить надо, как там у нее в Академии реагируют на прогнозы?

Все, наконец, готово на столе к питию и веселью.

АННА СЕРГЕЕВНА (*обращаясь к Кратеру*). Иван Сергеевич! Провозгласите. На правах старшего. И, вообще, вы все же Начальник всея Монастырки.

ИВАН СЕРГЕИЧ (*вставая и провозглашая тост*). За тебя, Лидочка! Мы с тобой крайние: ты самая молодая тут из нас, а я самый старший... За тебя! За твои осемнадцать лет? На Большом Каретном...

РЕБЯТА – КУРСАНТЫ (*подхватывая*). Где наш черный пистолет? На Большом Каретном.

КРАТЕР. По коням!

И первым сливает рюму, как говорится, в свой необъятный коммунхозовский кратер. После первой затевается разговор.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Чего это вы во дворе про какие-то грехи говорили? И что вы имели в виду?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ (*сам себе*) В виду? Имел? Ничего не имел. А вот что скажу – это факт. Че это мы все по музеям да и по писателям шастаем? Бесподобнов этот все про Интернет нам мозги чистит, про язык, литературу.

ЕЛЕНА (*ехидно так*). А надо бы про ЖКХ, про тепловые сети. Тут втекает, оттуда вытекает.

НАЧАЛЬНИК (ЖКХ) ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Зима на носу. Грянут первые же морозы, вот тогда поглядите, что такое ЖКХ, Севера без надбавки. А на Юге хлебное дерево... Живут же люди на всем готовеньком... берег Миклухи-Маклая...

АННА СЕРГЕЕВНА. Видите, в точку попал этот Бесподобнов, Сергей Сергеич. Хорошо сказал про язык и литературу. Как хвост прищемит нам, как какой-нибудь кризис, так давай вспоминать: мы – нация Суворова и Кутузова, Пушкина и Толстого... На днях Президент тоже писателей вспомнил. И каким оригинальным способом... связал с демографией. Нормальной, большой у нас считается семья, в которой есть третий ребенок...

Например, третьими в семье были Николай Некрасов, Юрий Гагарин, Антон Павлович Чехов, Анна Ахматова...

Так и сказано было в телепередаче: и какой без них была бы Россия?

АНТОН КАРАМЫШЕВ (*вскакивая*). Молодец! Хоть напомнила... Лида – третья, Лидочка – третья в семье, самая младшая из сестер Роциных... Лида, Лидочка! За тебя! Что бы было с нашей компанией, если бы не было Лидочки!

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Это второй тост! За всех сестер Роциных!.. А за третьего ребенка в семье, за нашу Лидочку – будет третий тост, следующий... Первый и третий... За Лиду!..

Опять потекло застолье – размеренно и единоутробно. Быка можно съесть за таким застольем, море выпить, если постараться. Кто-то мелькнул за окном, глядящим во двор.

Антон Бредухин-Карамышев срывается с места и в дверь. И тут же за руку тащит Наташку Домогацкую, соседку Роциных. Теснится, сажает ее рядом с собой.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*хмуровато, глядя на Анну Сергеевну*). Ну, что? Убирать со стола? Наташка на столе плясать будет.

ЕЛЕНА. Она теперь в институте, в институт поступила.

КРАТЕР. Серьезная дива, без дураков. Дураков у нас нет...

ИВАН ВОЛЬНОВ. А я?

НАТАШКА ДОМОГАЦКАЯ (*гордо*). Я теперь интеллигенция!

Все смеются. Обстановка разряжается. Все привыкают к выходке Антона и к самой Наташке Домогацкой, поступившей, наконец, в «интеллигенцию».

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ, КУРСАНТ. А что это так «много» – «интеллигенция»?

КРАТЕР. Ленин говорил, есть «гнилая интеллигенция», а мы говорим – «на босу ногу».

ИВАН ВОЛЬНОВ, ТОЖЕ КУРСАНТ. Ну, и как лучше? Скажите им. На каком, ребята, курсе мы остановились?

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ. Да уже на втором. Жизнь летит, как стрела, пущенная из арбалета. Арбалета!

ИВАН ВОЛЬНОВ. Антоша, не выражайся так круто, непонятно красиво, говори проще: из ар... ар... ар... кар.. кар... кар... из арба – лета... арба на многие лета...

КРАТЕР. Иван Вольнов – писатель! Ишь, куда закрутил! Как это у Твардовского?

АННА СЕРГЕЕВНА (*с готовностью, приходя на выручку*). «Василий Теркин» на том свете.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Вот-вот, именно на том свете, но за этим столом... Как это у Твардовского про редактора:

«Весь в поту статейки правит,

Водит носом взад-вперед...

То убавит, то прибавит

То свое словечко вставит,

То чужое зачеркнет...»

ИВАН ВОЛЬНОВ. Вот как! Прямо Крацер тебе! Фольклор! Сколько разного подобного.

КРАТЕР. «Пушки к бою едут задом –
Это сказано не зря».

*Пауза. Все сидят за мелкими, раздробленными разворота-
ми разговоров и разговорчиков.*

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*передох-
нув, обращаясь к курсантам*). Вот вы, второкурсники! Черные
птицы! Все сидите, помалкиваете – ни слова про свое семейное
положение. Вон Антон определился с Наташкой, все ясно. А
вот вы, Юрий, и ты, Иван Вольнов?

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ, КУРСАНТ. Да мы что? Мы – люди из
Волгограда, а Волгоград – город-герой.

КРАТЕР. Это мы знаем, нам всем это известно. А вот како-
во твое семейное положение – холост ты или женат?

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ. Есть у меня там... одна. Со школьной
скамейки, можно сказать, невеста.

КРАТЕР. Не расписались?

СТАСЕВИЧ ЮРИЙ. А мы с ней под ей-богу.

КРАТЕР (*Ивану Вольнову*). Ну, а ты?

ИВАН ВОЛЬНОВ. Я? Женат уже.

КРАТЕР (*подозрительно*). И на ком?

ИВАН ВОЛЬНОВ, ТОЖЕ КУРСАНТ. Тебе-то что, Кратер!
Начальник всея Монастырки, Губернатор Провинции! Ну, а
я, как Велимир Хлебников... знаешь такого поэта?.. Как Ве-
лимир Хлебников я – Президент Земного Шара... я женат на
Поэзии...

КРАТЕР. Ну да... на Поэзии...

АННА СЕРГЕЕВНА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР (*приходя на
помощь Ивану Сергеечу*). И умер... Велимир этот, хоть и Хлеб-
ников, а без хлеба, голодный, холодный... Умер на соломе, и
где-то в сарае, в глухой деревушке... один... Вот что страшнее
всего – одиночество, которое ждет нас...

ИВАН ВОЛЬНОВ. Анна Сергеевна, вам это не грозит. У вас
сестер много, вы – три сестры.

АННА СЕРГЕЕВНА. Лида, Лидочка – виновница нашего
сегодняшнего торжества – самая молодая, крайняя... вот ей
грозит...

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Что это мы тут панихиду развели, носы повесили. И где, братцы, мой аккордеон?

ИВАН ВОЛЬНОВ. На Большом Каретном.

ЛИДОЧКА. В вашей машине, наверно. Вон со вчерашнего вечера стоит у забора. Сбегать?

КРАТЕР (*Ивану Вольнову*). Возьми-ка ключи, писатель! Да сбегай за аккордеоном.

Появляется Иван Вольнов. Расстроенный, с пустыми руками.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Иван Сергеич, аккордеона в машине нема.

КРАТЕР (*вскакивая*). Как нема? Неужто увели? Пока мы ходили в Музей, к этим «конфедератам». Аня! (*кричит он на весь дом*). Аккордеон пропал, увели!

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР (*появляясь с кухни*). Да не пропал, не пропал. Вспомнила, ты привез вчера вечером, а я прибрала.

КРАТЕР (*облегченно вздохнув*). Ну, слава Богу. Вчера вечером?

«Вечор, ты помнишь? Вьюга злилась,

На мутном небе мгла носилась».

А ну, Аня, тащи, сюда моей немецкий аккордеон итальянского строя... Итак, наша традиционная!

Растягивая мехи – перламутры на планках во всю ширину своих плеч.

Запевая.

«Осень. Прозрачное утро.

Небо как будто в тумане.

Ясная даль перламутра.

Солнце холодное, дальнее.

Где наша первая встреча?

Острая, жаркая, тайная.

В тот летний памятный вечер.

Слово как будто прощальное.

Не уходи, тебя я умоляю

Слова любви сто крат я повторю...»

ИВАН ВОЛЬНОВ. Кратер есть Кратер. Никуда не денешься, ничего не попишешь, народный талант.

Сцена четвертая

Там же, те же.

Появляется Домогацкие, соседи Роциных.

ДОМОГАЦКАЯ ЕВФРОСИНЯ ЕВСЕЕВНА – *бывший налоговый инспектор (кланяясь всем) перекрестившись на портрет Отца и Матери Роциных, глядящих сюда с побеленной стены*). Без вчерашнего нет сегодня, нет завтра. Вспоминаю маму вашу – угодницу и отца. На пенсию я пошла, так месяца четыре страдала, все не могла успокоиться, все работа мерещилась... А как мама ваша в такой момент?

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЦИНЫХ. Мама-то? Да не переживала никак. Спокойно ушла себе, времени больше стало, свободнее, лучше нас стала кормить... Это, наверно, потому что работы мало было, мама к службе была мало привязана... Как и я в школе, у меня мало часов...

КРАТЕР (*Анне, на соседку*). А кто она? Ах, бывший налоговый инспектор? Ну, тогда ясно-понятно. Власть над людьми была, власть всегда жалко терять.

АННА СЕРГЕЕВНА. Ну, а ты, Иван Сергеич – Начальник вся Монастырки?

КРАТЕР – ИВАН СЕРГЕИЧ. Я – то? Да какая там власть? Миф один, летучее воспоминание. Иго, Дамоклов меч над шейей так и висит. Все с тебя – и верх, и низ – готовы голову ссечь... Да хоть завтра, мадам, на пенсию. Хоть сейчас же, сию минуту. Только мне еще пахать и пахать... Боюсь до пенсии, Анна Сергеевна, и не доживу. Упаду где-нибудь кверху кобылкой. Как собаку зароят...

ИВАН ВОЛЬНОВ, ТОЖЕ КУРСАНТ (*но, похоже, как отец был, так и сын будет писателем*). Раскудахтался! Поменьше язык распускай, он у тебя на миноре, побольше играй...

СТАСЕВИЧ ЮРА. Только не на нервах.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ, ТОЖЕ КУРСАНТ. Братцы! Миноры – мажоры! Отклонились от темы...

ДОМОГАЦКИЙ – ОТЕЦ (*выступая вперед*). Так мы, это... пришли поздравить младшую вашу – Лидочку, Лидию! Поздравляем! И все прочее к этому, что полагается. С прицепом, значит...

ЕВФРОСИНЬЯ ЕВСЕЕВНА (*всплеснув руками*). Гляньте-ка. Кто тут! Вертихвостка наша, Наташка!.. А ну, марш отсюда? Прилепилась, нашла себе ухажора. Нечего чужих женихов у невест сманивать, своих иметь надо... Наташка, домой! Мы пошли...

Домогацкие уходят, за ними с ленцой этак движется к выходу и младшая их дочка Наташка. За ней поднимается и собирается уходить Антон, но друзья, тоже курсанты, удерживают его с обеих сторон, виснут на плечах, не пускают.

ДРУЗЬЯ-КУРСАНТЫ. Антуан! Не шали. Ты в строю... Ать-два, ать-два! Пердимонкль, и на месте... Лена, Елена Сергеевна! Обрати внимание на Антуана, помоги ему разобраться в себе, осознать...

Лидочка поднимается из-за стола и уходит. Кратер берет в руки аккордеон, подсаживается к Анне Сергеевне.

КРАТЕР. Мы с тобой, старушка! Душка моя, душка! Превосходная степень внимания и сотрудничества.

АННА СЕРГЕЕВНА (*запевая*). «Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, грустно, дорогая,
Жить одной мне без него.

И весна мне не на радость,
Коль зима в душе моей.
Что так бьется ретивое
И терзаюсь я тоской...»

Дверь распахивается, появляется Лидия, Лидочка – младшая из сестер Роциных, ведет за руку парня. Тот упирается, не очень-то хочет идти сюда, вслед за ней.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*сдвигая брови*). Кто такой?!

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Кто такой?

ЛИДА, ЛИДОЧКА. Тёма Лёвушкин, тоже курсант. Только из другого, но тоже, можно сказать, военного вуза.

ТЁМА ЛЁВУШКИН (*представляясь*). Курсант Юридического института ГАИ.

ИВАН ВОЛЬНОВ. А в гражданском чего? Где-то переделся?

ЛИДА, ЛИДИЯ. И почему ему где-то переодеваться? Он тоже наш, с Монастырки. Родители не так давно переехали к нас сюда из Таганрога.

СТАСЕВИЧ ЮРА. Нелогично. Все на Юг бегут, а эти на Север. Таганрог – хороший город, морской. Чехов оттуда, Анна Нетребко, Нонна Мордюкова оттуда... даже Иван Поддубный...

ЛИДА, ЛИДОЧКА. Вот как, Юрий, разобрался ты с Таганрогом, досконально... Зато наш губернский город О. к Москве близко. Часа четыре на скоростной электричке, на поезде «Василий Поленов», и ты в столице, на Курском вокзале...

Антон Бредухин-Карамышев, поднимается со своего стула; сидя возле Кратера, по его левую руку, с трудом выбирается на свободную территорию. Берет Тёму Лёвушкина за руку, провожает в переднюю к вешалке.

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ. Видал? Черные шишени. Не наши синие, не зеленые, не серые, а наши, черные... Понял, Лёвушкин?..

И вытряхивает Тёму Лёвушкина вон за дверь.

КРАТЕР-НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ (*указывая на Антона*). Пьяный он, что ли?

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Он, что ли, пьян?

ДРУЗЬЯ – ТОВАРИЩИ БРЕДУХИНА-КАРАМЫШЕВА. Ненормальный. Злой сегодня. Вчера на «губе» сидел, чистил картошку...

АНТОН (*резко, возвращаясь на свое место*). Не ваше дело! Где я был и что делал... Ходят тут всякие, пусть не мешают нам отдыхать. Предаваться культурным особам и особенностям...

Только Кратер берется за аккордеон, а Анна Сергеевна провозглашает здравицу в честь всея Монастырки, как раздается резкий стук в дверь. Входит «гаишник» – в кожаной куртке, с погонами.

ГАИШНИК, СЕРЖАНТ (*представляясь*). Автоинспектор дорожной службы Цезарь Степанович Кратный.

ИВАН ВОЛЬНОВ (*фыркнув себе под нос*). Тоже Кратер, но Многократный.

СЕРЖАНТ КРАТНЫЙ (*метнув на него косой взгляд*). Чья машина тут у забора? (*Кратеру*). Ваша?

КРАТЕР (*вяло, враспяжку*). Ну, наша... раша...

СЕРЖАНТ КРАТНЫЙ (*четко и строго*). Пройдемте!

КРАТЕР. Куда я пройду? Я тут дома сижу, отдыхаю. И притом я – знаете кто? Начальник всея Монастырки.

СЕРЖАНТ КРАТНЫЙ (*козырнув*). А я сотрудник ПДС – патрульно-дорожной службы – сержант Кратный. Прошу документы, ваши водительские права... Мы сейчас (*подмигнув хозяйке – Анне Сергеевне, старшей из трех сестер*), а мы сейчас, мадам, тут ему исделаем... дырочку... Понял ты меня, Кратер? Наконец-то попался со своей машиной. Прощали тебе, сколько раз: то на красный прешь на перекрестке, едва не сбиваешь людей, пешеходов... то через мост с превышением скорости... подфарники – по новому положению – не включаешь... За каждое нарушение можно делать дырочку... сколько было бы у тебя тут, дырочек? Понял, кто тут Хозяин положения?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Ну, хорошо, давай выйдем, коллега. Чтобы перед всеми не окологлазить...

Оба выходят во двор, а тут за столом повисает тишина, гнетущая тишина.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Попробуем, как в кино, применить монтаж, разбить действие на два плана. Посмотри, чем там, во дворе, закончился второй год пребывания у сестер Рощиных Кратера – Ивана Сергеевича, Начальника всея Монастырки и чем тут, в доме Рощиных, окончательно за столом закончилось это самое совещание.

Проходят к цветам во дворе, рассматривая нюхают белые, синие, красные розы.

ПЕРВЫЙ. Какой монтаж! Красота-то какая! Красоту такую надо беречь, а бездарные, как говорится, пробьются сами. Видите, сколько у нас совпадений? Кратер и Кратный – это раз. Начальник всея Монастырки и Хозяин всея Монастырки – это два. А Бог любит троицу. Как зовут вас, товарищ сержант?

КРАТНЫЙ – ТОВАРИЩ СЕРЖАНТ. Цезарь Степаныч.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Интересное, однако странное имя. Вот и сосед тут инженер Домогацкий – Диплом Григорич... Цезарь и Диплом, Диплом и Цезарь...

СЕРЖАНТ КРАТНЫЙ. Ну, и что ж тут такого? Хотя, конечно... Пойдем посмотрим, не тот ли это автолюбитель, у кого на днях я отобрал водительские права?

КРАТЕР *кричит туда, к соседнему дому, во глубине сада:*

– Григорич! Григорич! Поди сюда, подойди!..

Выходит Григорич, приближается к ним по боковой стезжке, проложенной Наташкой тут сбоку огородов, между домами.

КРАТЕР (Григоричу). Познакомьтесь, ребята, назовите свои имена.

ГРИГОРИЧ (подавая руку). Диплом Григорич Домогацкий.

СЕРЖАНТ В КОЖАНОЙ КУРТКЕ. Кратный, Цезарь Степаныч.

КРАТЕР – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Вот теперь видите? Один – Диплом, другой – Цезарь... (*Сержанту*). Ну, Цезарь, и где же твое войско, римские легионы?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ (махнув рукой туда, на дорогу). Да вон они там, все мои.

ИВАН СЕРГЕИЧ – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Да, брат, все твои. Ну, и какая слава идет, братец, о вас, о «гаишниках», знаешь?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. Ну, конечно.

ИВАН СЕРГЕИЧ. А ты, Диплом Григорич, чем занимаешься, имея диплом? Какого инженера?

ДИПЛОМ ГРИГОРИЧ. Инженера – машиностроителя. Хожу иной раз к своему заводу Приборов. Сяду на лавочку у Фонтана с часами. Часы стоят, окна пустые, темные, аж жутко, на душе, чернота... Просто горестно видеть все это, братцы...

ИВАН СЕРГЕИЧ – НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. А теперь вместе вас соединим, в одно: все три точки.

ЦЕЗАРЬ. И какие же?

ДИПЛОМ. Какие?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Тебя, Цезарь, с тобой, Диплом. Получается Цезарь с Дипломом... А это у сестер Роциных – розы. Смотрите, какая красота, щедрость природы! А на зиму не укрыты, могут ведь и вымерзнуть... Ну что, мужики, поработаем? Где подрежем, где землицы подсыплем. А вдруг будут большие морозы, розочки помереть могут.

И подрезали. И подсыпали землицы. Облагородили. Подготовили розы у сестер Роциных к зимнему существованию.

КРАТЕР – ИВАН СЕРГЕИЧ (*разогнув, наконец, спину и подавая руку то одному, то другому*). Ну, вот и молодцы мы! Поняли, братцы кто тут Хозяин всея Монастырки? Где тут хрен и с чем его, как говорится, едят.

И второй план монтажа. Что в то же время было там, в доме сестер Роциных, за столом. Чем заканчивался День рождения Лидочки.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ (*Ивану Вольнову, тоже курсанту*). А подай-ка сюда мне аккордеончик.

ИВАН ВОЛЬНОВ. А что – можешь?

АНТОН. Да, учился когда-то в детской музыкальной по классу фортепиано. Играл маленько на пианино.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Попробовал Антон аккордеон этого Кратера – почти та же ведь клавиатура, что и на пианино. И возникла, набираясь уверенно хрустальных звуков, трепетная мелодия, ставшая уже привычной. «Осень. Прозрачное утро. Небо как будто в тумане».

ГОЛОС СВЫШЕ. Тем и закончился второй год времени в губернском городе О. Днем рождения Лидочки – младшей из сестер Роциных.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Третий год времени. Тот же губернский город О., та же окраина его – Монастырка. Тот же частный сектор – дом сестер Роциных. Что тут свершилось – не свершилось, произошло – не произошло, изменило ли облик всех трех сестер за мелькнувший, как молния, год?

Сцена первая

Дом сестер Роциных. У забора все та же автомашина Кратера – Начальника всея Монастырки. Тот же «Мерседес-Бенц», только потускнел, даже кое-где проржавел, не накрытый брезентом.

Подъезжает такси.

ТАКСИСТ (*открывает дверцу*). Пожалста, милости просим.

Выходит Кратер Иван Сергеевич. Из калитки высовывается Анна – старшая из сестер Роциных.

АННА СЕРГЕЕВНА. Что вы, Иван Сергеич, на такси к нам сюда зачастили? На Монастырку-то. А машина стоит.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. На такси ездить дешевле, чем в наше время содержать автомобиль.

АННА СЕРГЕЕВНА. Проходите, проходите, Иван Сергеич. Давненько что-то не были тут в наших местах. Отпадает, скорее всего, псевдоним ваш – Начальник всея Монастырки? «Кратер» для себя хоть оставили, для своих внутренних нужд?

ИВАН СЕРГЕИЧ. Заметили? Я теперь «Кратер» с именем-отчеством без дефиса пишу. Как фамилию.

АННА СЕРГЕЕВНА. Ближе стали к структурам. Как же, Советник депутата Областной думы. Квартиру-то дали хоть, переселились из бытовки на Монастырке?.. А ваш инструмент – аккордеон немецкий итальянского строя – как оставили на стуле у нас в большой комнате, где тогда мы отмечали День рождения Лидочки, да так и остался на стуле... А чехол, скорее всего, в машине...

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ (*весело, в предвкушении*). Расчехленный аккордеон. Счас мы его заберем.

АННА СЕРГЕЕВНА (*дрогнувшим голосом*). Как, уже?

ИВАН СЕРГЕИЧ (*покосившись на нее*). Че это ты невеселая какая-то, Анна Сергевна?

АННА СЕРГЕЕВНА. А чего веселиться? Одинокие мы какие-то, позаброшенные. Ни вас, Иван Сергеич, ни ребят-курсантов... черных шинелей этих... Месяцами ждешь, не дождешься.

ИВАН СЕРГЕИЧ. Я-то ладно. Все падает, как в кратер, в меня: дела на новом месте, семья, благоустройство... А ребята что, Анна?

АННА СЕРГЕЕВНА. А у ребят тоже изменения. Третий курс уже не в казармах, можно жить на квартире. Вот они квартиры и снимали. Живут кто где, по всему городу... Сами друг с другом в свободное время редко встречаются...

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ (*живо*). Так давайте что-нибудь придумаем!

АННА СЕРГЕЕВНА. Что придумаем?

КРАТЕР. Идею какую-нибудь, День рождения, чтобы снова собраться... Может, я зря аккордеон беру, надо оставить?..

АННА СЕРГЕЕВНА. Дни рождения уже провели – у Елены – средней сестры и у Лидочки – младшенькой.

КРАТЕР. У тебя, Аннушка, не проводили.

АННА СЕРГЕЕВНА. А у меня, Иван Сергеич, он прошел уже.

КРАТЕР. Ну, дак... это... давай назначим. Назовем День рождения или Именины... Нам, татарам, все равно... ни подтаскивать, ни оттаскивать...

АННА СЕРГЕЕВНА (*печально*). Вот, видите, какой вы грубый стали, как перестали быть Начальником (ЖКХ) всяя Монастырки... И колонка ближняя с полгода как уж не работает, за водой ходим в колонку на горке И жители железобетонного квартала, что напротив, жалуются на перебои с теплоснабжением. Вас, Иван Сергеич, не хватает, вспоминают, обрастают Кратер легендами...

КРАТЕР – БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Все!

Оставляю тут свой аккордеон! Назначается праздник, проводим по такой же модели, как в два прошлых раза... Есть, Аннушка, куда сходить в культпоход... по музеям?

АННА СЕРГЕЕВНА. Да, есть еще одно местечко: Областная картинная галерея. Тоже собираются отмечать свое 50-летие, то есть полвека с открытия галереи...

КРАТЕР (*фантазируя далее*). Да, что ж, прежде люди тут картин, что ль, не живописали? Все же губернский город, элита жила... Лев Толстой бывал у своего родственника – генерал-губернатора...

АННА СЕРГЕЕВНА. Доска была Льву Толстому на здании генерал-губернаторства, что напротив Горсада. А недавно ремонтировали здание – доску куда-то дели или забыли повесить. Зато почетных граждан – своего брата чиновника – тут по домам повешали... от меморальных досок не продыхнуть...

КРАТЕР (*резко*). Продыхнем, когда не дыхнем! А сейчас давай сигналь общий сбор! День рождения картинной галереи! А после того заглянем и сюда к вам, сестры Роцины, отмечать будем, Анна, твои именины... Нет, лучше тоже твой День рождения, Аня... «Сабантуйчик» организуем, что надо. Век будем помнить... А что дальше – увидим... Помоги, Боже... Как говорил мой тезка, наш великий земляк,

«Мы – народ юный и сильный,
Который верит и имеет право верить
В свое будущее».

АННА СЕРГЕЕВНА (*счастливо улыбаясь*). С вами, Иван Сергеич, не соскучишься.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. И не надо скучать! Не для нас это, Кратеров, с фонтанирующей...

АННА СЕРГЕЕВНА (*глядя в глаза ему*)... улыбкой.

КРАТЕР. С меня бутылка. Портвейн есть такой – «Улыбка»! Молдавского производства. Но мы принесем и французского. Будем вкушать «Арманьяк».

АННА СЕРГЕЕВНА. А что же хоть это такое?

КРАТЕР – БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫР-КИ (*уверенно и намеренно*). После скажу.

Там же, на Монастырке. Частный сектор. Дом сестер Роциных, напротив крупного жилого квартала из домов де-вятиэтажных железобетонных конструкций.

Появляется Кратер Иван Сергеевич – бывший Начальник всея Монастырки, ныне Помощник депутата Областной думы. Анна – старшая из сестер – встречается у порога.

КРАТЕР (весело, энергично). Запевая.

«Вот и стали мы на год взрослых,

И пора настает.

Мы гоняли вчера голубей,

Завтра спутники пустим в полет».

Кстати, есть хоть голуби тут у вас на Монастырке?

АННА СЕРГЕЕВНА. Вон голубятня у соседей, у Диплома Григорича. Но гоняет их Костя – брат Наташкин.

КРАТЕР (*пропуская ее слова мимо ушей*). Кстати, сколько каждому теперь после двух дней рожденья на третий? Европа – плюс три... Наташке и то теперь уже двадцать один...

Достаёт мобильник.

Это я другу звоню.

АННА. Кому?

КРАТЕР. Цезарю – автоинспектору. (*Анне*). Друга можно пригласить? Для регулировки движенья.

АННА (*сестрам*). Девочки! Как вы? Согласны все? Приглашайте...

Тут же, через пять минут, появляется Кратный Цезарь Степаныч – дорожный автоинспектор. С ним Тёма Лёвушкин, тоже курсант, выпускник Юридического института ГАИ.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ (*приятелю, еще у порога*). Как же ты будешь пить-то, инспектор ГАИ?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. Да как и все. Видишь, без бляхи – значит, не на работе. Законный мой выходной... А Тёма Лёвушкин – друг мой, пока еще не на работе... по окончании института...

Кратер, обнимая приятеля и его приятеля, помогает в передней вешать на вешалку синюю шинель Лёвушкина, поверх нее кожаную куртку Цезаря.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ (*кивнув на вешалку*). Грачи еще не прилетели?

КРАТЕР. Какие грачи?.. А-а, черные шинели? Нет пока.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ (*играя желваками*). А будут?

КРАТЕР. Анна Сергеевна, а грачи будут?

АННА СЕРГЕЕВНА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЩИ-НЫХ. Да будут, будут.

КРАТЕР. Все трое?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ (*равнодушно глядя в окно*). «Ситро-ен», «Ситроен»...

АННА СЕРГЕЕВНА. А может быть, и с четвертым челове-ком, с четвертой.

КРАТЕР. И с кем же?

ЛЕНА, ЕЛЕНА (*показываясь из комнаты-боковушки*). С Наташкой, наверно... Здравсьте, Иван Сергеич! И вы, гости наши дорогие, гостечки...

Раздается топот ног.

АННА СЕРГЕЕВНА (*выбегая навстречу*). Грачи прилете-ли! Грачи прилетели!

Первой дверь распахивает соседка Наташка.

НАТАШКА (*лучась радостью*). Тетя Анечка! Можно?

КРАТЕР (*ворча*). Нашла себе тетю.

НАТАШКА (*задерживаясь*). А кто же она мне?

АННА СЕРГЕЕВНА. Да проходи, проходи, дочечка.

НАТАШКА, Чья дочечка?

АННА СЕРГЕЕВНА. Чья – соседская. Дочка Евфроси-нии Евсеевны и Диплома Григорича – наших добрых сосе-дей.

Вешалка тут же покрывается черными шинелями. Кур-санты-связисты проходят в большую комнату, к столу. Каждый ищет глазами свое привычное место. Всем троим специально приставлен диванчик, а к диванчику– стульчик. Наташка тут же плюхается на стульчик, Антон Бреду-хин – Карамышев садится на диванчике рядом. Стасевич Юра и Иван Вольнов тоже усаживаются на диванчике.

КРАТЕР, *он же бывший Начальник всея Монастырки, а ныне Помощник депутата Областной думы.* Поздравляю всех с Днем рождения Анны Сергевны.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Позвольте реплику... Как это они, сестры Рощины, удосужились так родиться. В одном месяце, все трое и каждый год.

ГОЛОСА ПО КОМНАТЕ. «Ситроен», «Ситроен»... Пока и теперь – Попокатепетль, Попокатепетль...

КРАТЕР (*вставая*). Но это мы предварительно. Проводим, так сказать, оперативку, оперативное совещание. Предлагаю действовать по классическому сценарию, как и прежде. Сначала выходим в люди, к народу.

ГОЛОСА. На День рожденья Музеев.

КРАТЕР (*продолжая*). А после проходим сюда. И гудим до упаду.

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ. А куда идем-то? Опять по Музеям?

АННА СЕРГЕЕВНА. В какой-то степени так. В Музей изобразительных искусств, точнее, в Областную картинную галерею.

ГОЛОСА (*шепотом, шепоточком*). Посмотрим мазню современников... посмотрим мазню современников...

НАТАШКА (*во весь голос, резко*). А я не пойду! Я уже там была.

Сцена вторая

Губернский город О. Областная картинная галерея. У входа в День открытия выставки встречает всех желающих посетить галерею Директор Ангар Каренович Полицимако.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Кого я вижу – сестры Рощины! Как всегда, все три сестры! Элита города, сливки нашего общества.

Делая знак. Оркестр, туш!..

КРАТЕР (*не ожидая такого эффекта*). Ого! Это всем нам, и мне?

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. А вы кто такой?

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Как кто? Помощник депутата Областной думы, бывший Начальник всея Монастырки.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Ну, и что?

КРАТЕР. По моей инициативе пущен троллейбус, следует по маршруту – мимо вашей галереи до Монастырки.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Ну, и что? Ну, и что!

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Тезка нашего великого земляка – писателя, юбилей которого столь широко отмечали недавно.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Ну, и что, что!! Вы-то тут при чем, молодой человек!

АННА СЕРГЕЕВНА (*выдвигаясь и закрывая собой Ивана Сергеича*). Этот человек со мной, он при мне, состоит членом нашего общества.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Ах, при вас, Анечка? Ах, членом... членом.. вашего общества? Тогда милости просим, портрет маслом, масло на полотно.

КРАТЕР (*проходя в глубину помещения, Анечке*). Кто это?

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЩИНЫХ. Айвазовский! Айвазян... Директор... Но взял на себя псевдоним «Полицимако». Дисциплина, говорит, никому из художников еще не помешала.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО (*приближаясь к ним*). Сначала пройдем по залам, посмотрим картины, потом соберемся в холле, поговорим.

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Хорошо, Ангар Каренович, после поговорим.

Прошлись. Посмотрели. У каких-то картин остановились. Каких-то Авторов записали. Возникли какие-то мысли. Подошли к холлу, с которого начинали, а тут уже телевидение, художники, всякие представители.

Остановились отдельной кучкой, не сливаясь со всей массой, и стали думать: возникать или не возникать? Решено было ближе подойти, а там видно будет.

Подбегает женщина одна, из телевидения, да прямо к Кратеру Ивану Сергеичу. И человек при ней тут же, с телеаппаратурой.

ЖЕНЩИНА С ТЕЛЕВИДЕНИЯ. Ваши впечатления о вернисаже. Какой художник произвел на вас самое большое, можно сказать, неизгладимое впечатление?

И сует микрофон прямо в рот Ивану Сергеичу.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ – БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Айвазовский. Его картина «Девятый вал».

ЖЕНЩИНА С МИКРОФОНОМ. Нет, серьезно.

КРАТЕР. На полном серьезе. Страшная стихия воды, само безразмерное море, пучина. Но в то же время изумительно яркие краски.

ЖЕНЩИНА С МИКРОФОНОМ. Да, но это же в Питере, в Русском музее, а тут? На этой выставке... на нашем вернисаже...

КРАТЕР (*невозмутимо*). Верни-сажи... Не знаю, как вернуть... сажу... в самом деле, сажи тут многовато. Краски темные у подавляющего большинства современных художников. Да почти что у каждого... Красок, что ль, не существует хороших? Или это краска жизни от ощущения провинции?

ЖЕНЩИНА С МИКРОФОНОМ (*подзывает Директора*). Ангар Каренович! Ангар Каренович! Вы сами лично отбирали картины или была комиссия?

АНГАР КАРЕНОВИЧ (*торопясь, с улыбочкой*). Ну, конечно, комиссия.

КАРТЕР, ОН ЖЕ НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Видите, сколько Солнца на лице этого человека! Какие живые, яркие краски! А там? (*махнув на анфиладу комнат у себя за спиной*). А там краски темные, невыразительные, все на одно лицо, не выражают и не отражают. *Директору*. Что они у вас, что ли, химические?

Вот у Айвазовского были красочки – это да, это я понимаю! Например, каменные храмы как возводили: на яйце, на муке, на молоке. И стоят те храмы, века... А тут краски не успели просохнуть, как уже потемнели...

ЖЕНЩИНА С МИКРОФОНОМ. Ангар Каренович! Что он говорит?

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО, АНГАР КАРЕНОВИЧ. Да выключите вы, выключите микрофон! Не записывайте.

КРАТЕР (*надвигаясь на Полицимако*). Как это «выключите»! Мое мнение, я его выражаю.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Выражайте мнение дома. А тут при себе держите, говорите вот ей – супруге своей, Анне Сергеевне. А тут говорите по существу...

КРАТЕР (*неудержимо, его куда-то несет*). Сами-то вы говорите как Директор или как Айвазовский, художник?

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО (*оглядываясь по сторонам*). Какой Айвазовский? Какой художник я, кто вам это сказал? Меня тут давно знают все, я – Директор! Мое мнение всем известно, проверено раз и навсегда, мой дорогой. Вы не вполне компетентны... Скажите мужу, Анна Сергеевна...

А в холле у другого микрофона уже выступали представители, народный художник Курьяков и его ученики.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ (*подойдя к народному художнику, неожиданно резко*). Вы для кого рисуете: для себя или для людей, для народа?

ГОЛОСА В ТОЛПЕ. Картины пишут, а не рисуют... маслом пишут...

КУРЬЯКОВ, НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК. Для людей.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. А пишете для кого?

КУРЬЯКОВ. Для себя.

КРАТЕР. А если создаете, то для кого?

Представители где-то там, все еще выступают, говорят, сражаются.

КУРЬЯКОВ. Для народа.

КРАТЕР. А если рисуете?

КУРЬЯКОВ. То для себя.

КРАТЕР (*оглядывая всех в холле победно, как бы с высоты своего положения*). Ну вот, видите? Рисует то для народа, а то для себя... А для учеников своих как?

КУРЬЯКОВ, НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК. А вы кто такой?

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Да вот, говорят, я – Начальник всяя Монастырки. А тут сегодня как Помощник депутата Областной думы.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИМАКО. Какое для нас имеет значение облдума? Даже Госдума для нас без никакого значения.

КРАТЕР (*вспыхнув*). Это ваша Областная картинная галерея для нас без никакого значения. Одна темнота на картинах. Каково нам, а народу, а ученикам?

ИВАН ВОЛЬНОВ (*выдвигаясь на передний план*). Жизнь такова, какова она есть и больше никакова.

СТАСЕВИЧ ЮРА, ТОЖЕ КУРСАНТ (*кивнув в спину удаляющемуся Директору*). Айвазян – Айвазовский...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Собираются уходить. Нет Анны – старшей из сестер Рощины, Анны Сергеевны среди всех нет, где Аня? Лена с Лидой тут же побежали по залам. Они нашли ее в дальнем углу, в самом маленьком зальчике. Анна стояла, перед небольшим, казалось бы, невзрачным натюрмортом. Сирень в кувшине была не персидская даже, а простая, обыкновенная, сиреневая, с белой веточкой посередине. И все это на темном фоне было грустно, как-то щемяще... однако чарующе...

Анна стояла перед этой сиренью, уткнувшись лицом в тонкий, едва заметный багет. Иван Сергеевич положил руку ей на плечо.

АННА (*вздвигнув*). Зачем вы так? Я же сказала вам... только для вас...

Глаза ее полны были горя и слез.

Все вышли из Картинной галереи. Идут молча, как-то подавленно, тихо.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Может, на троллейбус сядем, прокатимся в свою Монастырку?

ИВАН СЕРГЕИЧ. Да, может быть, на троллейбус?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Все три сестры Рощины сплотились, соединились в одно. Сестры – Лена и Лидочка – взяли Аню под руки, держат ее с обеих сторон, Аня оказалась у них в середине. Так и шли. Молча, сосредоточенно. За ними вплотную держались все трое: ребята – курсанты, связисты.

К Ивану Сергеичу подошел Кратный – автоинспектор, без бляхи, сегодня у него выходной. И с ним Тёма Лёвушкин, недавно, как считал он сам, тоже вступивший в ряды «интеллекции».

Проезжая мимо, троллейбусы сыпались на них искрами. В Горсаду, напротив бывшего Дома генерал-губернатора, Иван Сергеич забежал вперед, взял Анну Сергеевну под руку.

ИВАН СЕРГЕИЧ (*показывая Анне на стенку за садовой решеткой*). Вот тут она и была.

АННА (*сдержанно*). Кто?

ИВАН СЕРГЕИЧ. Мемориальная доска с именем Льва Толстого.

СТАСЕВИЧ ЮРА. Забыли после ремонта повесить.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Кондиционеры повесить себе не забыли.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Завтра же поставлю в известность своего депутата. На днях сто лет со дня смерти Толстого. Не праздник, но дата, которая должна быть в памяти, не забывается.

Анна Сергеевна подает ему руку, они проходят вперед, идут по липовой аллее, уже опавшей, свободной от листьев. Собранные в кучки, листья слегка шевелятся. Ветер с севера, от Москвы, обещают похолодание.

АННА СЕРГЕЕВНА. Резкое, говорят. Побьет все рекорды.

ИВАН СЕРГЕИЧ. Надо принимать меры. Собственные, какие возможно. На тепловые сети надеяться нечего.

АНТОН БРЕДУХИН-КАРАМЫШЕВ (*с нескрываемой радостью*). Смотрите, смотрите! ТЭЦ заработала.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Белый султан! Глядите, потянуло к вокзалу.

СТАСЕВИЧ ЮРА. Белый, белый султан.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Придем, печечку разожем в доме, да, Анна Сергеевна?

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЩИНЫХ. Включим вентилятор – обогреватель (*обращаясь к сестрам*). Да, девочки? У нас есть и современные средства. Как и чем подогреть себя и гостей.

Сцена третья

Монастырка. Дом сестер Роциных. В той же комнате, за тем же столом. Анна с Еленой хлопочут на кухне.

АННА СЕРГЕЕВНА. Лидочка, сбегай в лавку за хлебом!

Из-за стола поднимается ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ, дорожный автоинспектор. Давайте я схожу.

Гости садятся за стол. А Цезаря нет и нет. Все ждут его, а какая без хлеба еда для русского человека.

ИВАН ВОЛЬНОВ. В Египет, наверно, ушел со своим легионом.

Наконец, появляется Цезарь Степаныч, автоинспектор.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. Взял еще и ржаных лепешек.

АННА СЕРГЕЕВНА. А что долго так? Была очередь за лепешками?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ (как-то смущенно). Да нет. Дырку там одному проколот.

КРАТЕР – БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ВСЕЯ МОНАСТЫРКИ. Дырку? И кому?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. Да ехал один там... вилял по дороге, на колонку едва не наехал. Ну, думаю, пьян, идиот. Экстрим! Может, случится авария, ну, и остановил...

КРАТЕР. Но ты же без бляхи.

АНТОН БРЕДУХИН – КАРАМЫШЕВ (рассмеявшись). Вот это я понимаю! Не выдержало ретивое.

СТАСЕВИЧ ЮРА. Профессионализм.

КРАТЕР. Автоматизм. Динамический стереотип.

ТЁМА ЛЁВУШКИН. Ух ты! Иван Сергеич, и откуда вы все это выискиваете? Даже нас в институте ГАИ этому не учили.

Только Кратер собрался подыскать в уме достойный ответ, как раздается аккуратный такой, осторожный стук в дверь. Озираясь, входит человек в черных одеждах – монах. Этот еще зачем тут? Монахов нам тут еще не хватает!

АННА СЕРГЕЕВНА (встречая его у порога). Батюшка, вы, наверно, ошиблись, не туда попали.

МОНАХ (*встреченный по дороге*). Туда, туда. Вот он – тот человек, дорожный автоинспектор... Дырочку мне проколол. (*Морщась, едва не плача*). И унес талон, в карман себе положил.

КРАТЕР. Автоматизм. Класть себе все в карманы.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. Едва в колонку не въехал, вот я тебе и проколол. Спасибо скажи, что водительские права не отобрал.

КРАТЕР. Да ты же без бляхи, Цезарь.

ИВАН ВОЛЬНОВ. А что – у монахов тоже бывают права?

КРАТЕР. Еще какие! И права, и обязанности.

ИВАН ВОЛЬНОВ (*не унимаясь*). И права человека на них распространяются?

КРАТЕР. Ишь, чего захотел! Да что тут у нас тебе, что ли... как его... этот... Сингапур? Туда наши все ездят за государственным опытом.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. В Египет ездят эти наши туристы. По дешевке. И дорого очень им это обходится! То автобус перекинется, человеческие жертвы...

МОНАХ (*не выдержав*). Да, а то пятку одной... из Сибири... и полруки... акула-людоедка бабе русской одной откусила... О, Господи!..

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. А откуда вам это известно?

МОНАХ. По телевизору видел... Что ж мы телевизор не смотрим?

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. Да кто вас знает, монахов. Ездите тут по своей Монастырке, как зря, в колонки граждан въезжаете.

КРАТЕР. Я ему как бывший Начальник всея Монастырки грехи отпускаю.

МОНАХ (*перекривившись весь от огорченья, Цезарю*). Да вот, а дырку исделал...

АННА СЕРГЕЕВНА (*неся сковородку с тушеной капустой*). Это я мужикам.

КРАТЕР (*энергично, потирая руки, аж искры сыплются между ладоней*). Со смясом?

АННА СЕРГЕЕВНА. А как же. Садитесь, батюшка, вот тут – рядышком со своим другом – автоинспектором. Вот и стульчик вам, присаживайтесь.

КУРСАНТЫ. А что попы тоже едят жареную капусту?.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ. В пост нельзя, а так почему бы и нет?

Присели. Вздрогнули. Чей-то голосок, наверное Наташкин: «А монахам пить можно?».

СОСЕД ЦЕЗАРЯ СТЕПАНЫЧА, А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ – СОСЕД АВТОИНСПЕКТОРА. Что ж монахи не люди, что ли? Такие же люди, только в черных одеждах.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Теперь эта комната трапезной будет называться. Как у них там в монастыре... Братцы! Вот хотя бы такой эпизод. Сам был свидетелем, наблюдал такую картину. Праздник был, «аспос», что ли? В церковь идут православные, чтобы помолиться, грехи отмолить – малые и большие. Ну, и несут кое-что батюшке, чтобы добрее был, сходным по отношению к грехам... *Обращаясь к монаху.* Верно я говорю?

МОНАХ (*в некотором смущении, поправляя рюмочку на столе*). Да все бывает. Как не бывать? Люди есть люди. Хучь в белых, хучь в черных одеждах.

КРАТЕР (*продолжая*). Так вот, бабушка одна, такая ласковая, благообразная. Подает она, значит, попу бутылочку красной. Поп зырк на этикетку и ажник побагровел: «Что ж ты, бабка, – говорит, – мне принесла? Неси, обратно, давай что получше». – «А что, сынок, нести-то тебе? Кагору или французского?..» Вот такие дела. Я решил тоже сегодня исделать такое преподношение...

И задает ИВАН СЕРГЕИЧ всем тут такой вопрос:

– Что самое высшее достижение из французского винопроизводства?

ИВАН ВОЛЬНОВ. Шампанское.

КРАТЕР. «Советское шампанское», теперь «Российское шампанское». А они там, за бугром, говорят, что нельзя так называть. Только в Шампань-Арденне может быть такая марка, а все остальное – «Искристое» или «Шипучее», даже в Италии. А наши и говорят им: да мы в гробу вас видали. Как выпускали, так и будем, говорят, выпускать, на нас декреты

ваши не распространяются, мы пока что не в ВТО... Так что самое высшее достижение из французского винопроизводства? Монах, отвечай.

МОНАХ. Мадам Клико.

КРАТЕР. Видали? Еще и по винам специалист... Повторяю вопрос. Кто следующий? Говорит Цезарь Степаныч, автоинспектор.

АВТОИНСПЕКТОР. Коньяк.

КРАТЕР. Губа не дура. Коньяк! По французскому городу так именуется, что в районе Бордо. Там бывает еще вино бордосское.

ИВАН ВОЛЬНОВ. Бардовское.

КРАТЕР. Молчи, оглобля! Бывает бордосское – красное, сухое, виноградное. Но не высшее достижение, а что высшее?..

ИВАН ВОЛЬНОВ. «Наполеон».

КРАТЕР. Из пале-рояля, с наклеенной этикеткой. Но высшее достижение... высшее...

Пауза. Слышно, как на кухне свистит чайник.

КРАТЕР (*заканчивая*). Высшее достижение – Арманьяк! Тоже французский город в районе Бордо, но стоит над Коньяком. Выше его не бывает. Даже в Испании... Вот бутылочка! Как женская фигура гитары дорогой...

И извлекает из внутреннего кармана особого рода посудину.

Вот по латыни: «Ag – тапи – ак»!

Это я сам написал.

И ставит с эффектом на стол бутылку эту особую и начинает разливать всем по чуточку.

ИВАН СЕРГЕИЧ. Попробуйте. А все остальное – Anne Сергеевне. Презент, специально берег.

ЦЕЗАРЬ СТЕПАНЫЧ (*нюхая рюмку*). Да-а-а... И где же ты его взял, Иван?

ИВАН СЕРГЕИЧ. Депутат подарил. За заслуги перед Отечеством. А ему кто – остается лучом в неизвестности... Анна, Анечка! Где ты? Это тебе... (*Оглядываясь по сторонам*). Где она?

ГОЛОС ИЗ КОМНАТЫ-БОКОВУШКИ. Да тут я, тут.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Ну, так иди сюда, Анна Сергевна!

ГОЛОС ИЗ СПАЛЕНКИ. Ой, что-то голова разболелась! Не могу! Наверно, давление поднялось. Погода. Барометр то вверх, то вниз... никакого постоянства...

КРАТЕР. Знаю, знаю. Зато ты у нас, Анечка, постоянная. Это я все сомневаюсь и сомневаюсь в себе.

Сестры Лена и Лидочка, покинув застолье, отправляются к старшей сестре – туда, в боковушку. А с мужиками из женщин остается одна Наталья, да и та вскоре выдохлась и прикорнула на диванчике. А мужики уже пили по-черному...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Сестры Рощины в таком порядке, как шли из Областной картинной галереи Айвазяна – Айвазовского, так то же самое прилегли к Анне. Получилось так: слева – Лена, Елена Прекрасная; посередке Аня, Анна Сергеевна – старшая из сестер, вместо мамы, и Лида, Лидочка, Лидия – была и, наверно, есть до сих пор такая провинция в Греции, под таким девизом: Лидия, Лидочка.

И обняв друг друга потуже, стали сестры между собой шептаться. Как это делают женщины, особенно с молодости, когда дружат и есть друг дружке о чем рассказать.

ЛЕНА, ЕЛЕНА (Ане, Анечке, Анне – старшей из сестер). Ой, да какие же мы все несчастные, позабытые, позаброшенные. Как мамы не стало, так хоть в моток лезь, горя не оберешься... Спасибо ты у нас, Анечка, есть, за маму ты у нас, за мамочку...

ЛИДА, ЛИДИЯ (*потверже голосом*). Лена, Елена! Тебе нервы нельзя распускать, ты у нас на особом учете, чуть что – давление, крыша поехала. Это тебе не троллейбус, веревку закинул на крышу, поставил штангу и езжай хоть куда. До картинной галереи имени Айвазовского... Анечку не отвлекай, у нее всего своего выше горла, а тут еще мы...

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЩИНЫХ. Да что вы, девочки, тут хорошо. Нам всем хорошо, когда вместе. А то,

если выйти замуж, рассыплюсь, как горох по дороге. Фамилии надо будет менять, образ жизни, под мужа подстраиваться. А так живем потихонечку, и все ладненько, всем нам хорошо. Все в забвениях, грезах, в перламутровых днях...

ЛИДОЧКА (*напевая*).

«Осень. Прозрачное утро.

Небо как будто в тумане.

Ясная даль перламутра.

Солнце холодное, дальнее.

Где наша первая встреча?..»

ЛЕНА, ЕЛЕНА. Не мурлыкай. Как кошка драная.

ЛИДОЧКА. Тебе-то что? Елена Прекрасная, никому не нужная.

ЛЕНА, ЕЛЕНА. Ты, что ль, нужна? Оглоедка.

АННА, АННА СЕРГЕЕВНА. Ну, девочки, девочки, чего вы? Мужики услышат, что подумают о нас с вами, о нашей семье? Что подумает мама, когда приснится?

ЛИДА, ЛИДОЧКА. Вчера снилась.

ЛЕНА, ЕЛЕНА. А мне позавчера. Вот и сейчас стоит перед глазами... вон в том углу... Мама, мамочка!..

Появляется Призрак – это Мама всех троих сестер Роциных, тоже Роцина.

ЛИДА, ЛИДОЧКА. А какая ее девичья – то фамилия?

АННА, АННА СЕРГЕЕВНА. Да кто ж ее знает? Мама да мама.

ЛЕНА, ЕЛЕНА. Спроси у нее.

ЛИДОЧКА. Ага, я боюсь. Да она и не ответит, наверно... Мама, как твоя фамилия урожденная, первая?.. Не отвечает, уходит... Ой, да какие же мы все несчастные, позабытые, заброшенные, даже мама не хочет нам слово молвить... Никому не нужны мы, мужики сюда к нам ходят, только пьют, а домой, к семьям своим, возвращаются...

АННА, АННА СЕРГЕЕВНА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР РОЦИНЫХ. Больно много ты знаешь, Лидочка. Все вываливаешь, все из тебя наружу.

ЛЕНА. А бесы все видят, все слышат. Мужики спят.

А поутру они проснулись и удивились, как коротка была ночь.

АННА СЕРГЕЕВНА (*Кратеру Ивану Сергеичу*). Будешь на рынке, купи антоновских яблок, если они там есть. Не забудь соленых огурчиков.

ИВАН СЕРГЕИЧ (*приостановившись*). Соленых? Огурчиков?

И пошел, побежал побыстрее на рынок, останавливаясь и улыбаясь сам себе на ходу.

Сцена четвертая

Там же, те же. Спят кое-как, кто где свалился. Стук в дверь. Анна, чуткая, тут же подхватывается и выходит. Это Хозяин торговой палатки, что рядом с их домом.

АННА СЕРГЕЕВНА. Что вы хотели?

ХОЗЯИН ТОРГОВОЙ ПАЛАТКИ. Да вот забыли вчера ржаные лепешки. Думаю, может, с утра пригодятся?

АННА СЕРГЕЕВНА. Конечно, конечно. Постойте, я сейчас.

Выносит стакан, наполненный на три четверти. Это вам. Арманьяк, как коньяк, говорят, высшее достижение французской виноградной классики.

ХОЗЯИН ТОРГОВОЙ ПАЛАТКИ. Не жалко?

АННА СЕРГЕЕВНА. Для хорошего человека не жалко.

Человек, принесший ржаные лепешки, уходит. Головы гостей, лежащие на столе, начинают шевелиться, мужики приподнимаются, позевывают. Первым встает на ноги Кратер. Взглянув на мобильник, идет умываться, остальные все еще дрыхнут, даже курсанты. У них и сегодня отгул, два дня подряд за лучшие достижения от начальника движения – подполковника, руководителя курса.

Снова стук в дверь.

АННА СЕРГЕЕВНА. Да кто же это опять!

ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕСТУПАЯ ПОРОГ. Да это я, Дворник из большого дома напротив. Вот просили по телефону, принес.

АННА СЕРГЕЕВНА. Кто просил?

ДВОРНИК ИЗ ДОМА НАПРОТИВ. Наш человек, Начальник ЖКХ всея Монастырки.

АННА СЕРГЕЕВНА (на бутылку). А что это?

ДВОРНИК (ставя бутылку на кухонный стол). «Наполеон», «На – поле – он», «На поле»...

Анна Сергеевна выносит из зальчика стакан, на три четверти наполненный коричневой жидкостью.

ДВОРНИК. А это что, мадам?

АННА СЕРГЕЕВНА. Арманьяк! По рангу стоит над Коньякам – высшее достижение французской винной живописи.

ДВОРНИК (обтирая губы). Нашего розливу?

АННА СЕРГЕЕВНА. Как лекарства французские. Производятся там – выпускаются тут. С полмиллиончика народу, наверно, угробили.

ДВОРНИК. Ну, спасибочки, мадам. Премного благодарен вам. Хоть раз в жизни попробовал, всем теперь буду рассказывать.

АННА СЕРГЕЕВНА. Для хорошего человека не жалко... Если можно, дровец придете потом когда-нибудь напилить.

ДВОРНИК (уходя). Это мы можем, мадам. И поколем.

ГОЛОС СВЫШЕ. «А поутру они проснулись»...

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Что, Аня, это пароль такой?

АННА СЕРГЕЕВНА. Это слова Шукшина.

КРАТЕР (показывая глазами на стол). А это что – народная воля? «Наполеон»? А где «Арманьяк»?

АННА СЕРГЕЕВНА. Культурный обмен, Бог дал – Бог взял, и все в ажуре, рисуем маслом.

Все расходятся, дом сестер Роциных пустеет.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕЕВИЧ (беря Анну под руку). Выйдем, поговорим? Сюда вот, в ваш сад-огород. К розам, приготовленным нами к зимовке. Тут особая аура, легче будет сказать...

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. О чем? Мы, кажется, уже все друг другу сказали.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не все. Что мучает меня, так это то, что вы все думаете обо мне... вы все, сестры Роцины, ты, Аня... в прошлом времени, вроде меня уже нет...

АННА СЕРГЕЕВНА. Еще и совесть есть хоть какая-то. Как ты говоришь, «всемирная отзывчивость русской души»?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Это не я говорю, это Достоевский, его «невидимые миру слезы».

АННА СЕРГЕЕВНА. Откуда ты все это знаешь! Говоришь, фонтанируешь! А ведь коммунхоз, ЖКХ.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Кажется, я уже говорил. Коллега я твой, с молодости працевал в деревенской школе, выдвигался даже на звание Учителя года.

АННА СЕРГЕЕВНА. Ну, и что?

ИВАН СЕРГЕИЧ. Да, конечно, не дали, не присвоили. А то бы сидел до сих пор в школе, в своей деревеньке – в идилиях, грезах и с пустыми карманами. В городе не оказался бы, и с тобой, Нюра, мы бы не встретились.

АННА СЕРГЕЕВНА. Нюра! Так меня звала только мама... Слушай, Ваня! А может, наоборот? Скорее бы из учителя вытащили тебя куда-нибудь, сделали бы каким-нибудь зав. роно или директором школы. А там и в облоно бы перевели, представляешь такую картинку?

ИВАН СЕРГЕИЧ. Все равно ни за что на свете не попал бы в ЖКХ, не стал бы Начальником вся Монастырки, и, значит, мы с тобой бы не встретились.

АННА СЕРГЕЕВНА. Как-то чересчур легко ты, Ваня, живешь.

ИВАН СЕРГЕИЧ. Я? Чересчур? Иллюзии, грезы твои...

АННА СЕРГЕЕВНА. У меня, Ваня, женская интуиция.

Кратер Иван Сергеевич прохаживается вдоль аллеи из роз, подготовленных им же к зимовке. Находит в глубине куста одну золотистую, чудом сохранившуюся, еще живую, цветущую.

КРАТЕР (*срывая и подавая Анне*). Это тебе.

АННА. Зачем? Пусть бы жила. Правда, скоро морозы, и холода пойдут до самого марта, когда прилетят грачи, начнется сокодвиженье.

ИВАН СЕРГЕИЧ. Посадите в горшочек ее, эту розу, и в дом горшок, к своим сестрам, в тепло. Я знаю, будет всем от нее хорошо. В самые лютые морозы вас всех трех сестер будет греть, согрывать эта золотисто-розовое создание...

АННА (*слегка отвернувшись*). Я знаю, я чувствую это: вам не хватает тепла. Ласки женской, забот материнских, наконец, счастья.

ИВАН СЕРГЕИЧ. А вам, Аня, милая, мужской защиты от внешних бурь, страхов внутренних, житейской неразберихи... А счастья – назовите, у кого оно есть, а тем более, у кого его много? Вы знаете, почему говорят: браки заключаются на небесах? Шекспир в своем прекрасном сонете сказал:

«Не знаю я, как шествуют Богини,

Но милая ступает по земле».

Он берет розочку обратно из рук Анны и втыкает в землю ее у куста, в седые, почти мерзлые комья.

ИВАН СЕРГЕИЧ (*продолжая*). Потому браки заключаются на небесах. что это... что это – Любовь, а Любовь – это то, что лишь Богом дается. Соединить нас, найти, подобрать двоих из миллионов, чтобы друг к другу подошли идеально, – это может только Творец.

АННА. Вы – романтик, вам трудно жить.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Но я и прагматик. Чинил вот колонки, проверял отопление.

АННА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Но это другое, не ваше.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. В семье я пытаюсь оставаться прагматиком. Жена, откровенно сказать, в тайне любит другого, а я не люблю жену. Но у нас есть два прекрасных создания: дочка и сын... семи и пяти лет... Три года назад, когда мальчику было около двух, дочка в порыве чувств укусила братика за нос. Так и осталась отметинка, теперь это всех умиляет...

Понимаете? Я рос без отца. Отец мой пропал где-то на Соловках, и я знаю, что это такое – расти без отца в этом мире без грез и иллюзий... Я знаю и хочу, чтобы сын не повторил мою участь.

АННА (*потирая голову*). Вы много страдали.

ИВАН СЕРГЕИЧ. Да, я весь клокотал. Как Крацер.

АННА. Вы очень опасны. От бедных, от много страдавших, убогих – или тьма, или свет. В вас можно лететь, как в колодезь, а можно сгореть, как от Солнца.

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Как сказал один французский поэт по имени Франсис Жамм, если проще, по-русски, то так: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! приветствую твое существование»... В стихах это:

«Шкаф, хранящий воспоминанья,
Не верю, что он не имеет лица.
Я говорю с ним, беседу с этим созданием
Без конца... без конца...»

Если ружье вначале висит на стене, в конце оно должно выстрелить...

АННА РОЩИНА – СТАРШАЯ ИЗ СЕСТЕР. Я вас боюсь. Уйдите от меня со своими мебелью, бутылками, тепловыми сетями! Дайте мне спокойно жить, как и прежде. У меня сестры почти на руках, они тоже, как дети, им я нужна. Умирая, мама поручила их мне, я поклялась маме... Мамин призрак является к нам слишком часто, значит, у нас с сестрами что-то не так, нехорошо, не свершилось... Мама моя! Сестры мои дорогие! Когда мы вместе, как прошлое с настоящим, я знаю, у нас будет все хорошо. Все свершится и все сбудется, я в этом уверена! Я это знаю... Будет нам, сестрам Роциным, хорошо, и каждому рядом с нами не хуже... Молюсь за всех и за каждого, каждую ночь, перед сном...

КРАТЕР ИВАН СЕРГЕИЧ. Я хочу помочь вам. Почему у нас с вами все должно быть вопреки, а не согласно? Ну, почему, почему?..

ГОЛОС СВЫШЕ.

Солнце уходит куда-то на Запад, туда – далеко-далеко, чтобы завтра вернуться с Востока. Укрытые зеленым брезентом машины с курсантами едут в Граховецкие лагеря, на маневры. Сестры Роцины стоят у порога, а мимо по расширенной, заново асфальтированной улице, вслед за троллейбусом, идут и идут эти военные грузовики. Все трое стоят в кузове и машут им вслед платками. Анне, старшей из сестер, приходит на ум чьи-то слова, которыми она не раз провожала в школе своих выпускников.

АННА РОЩИНА (*тянется вслед за машинами, за молодыми, говоря своим голосом*).

«Будущее светло и прекрасно! Переносите из него в настоящее все, что вы можете перенести. На столько светла и прекрасна будет вся ваша жизнь, насколько вы сумеете перенести в настоящее...» (и уже собственными словами, – от себя, от всех трех сестер).

Да, перенести сюда Любовь свою, Веру свою, Надежду свою.

И все это, представьте себе, для детей наших. Дети будут лучше нас, увереннее, талантливей, успешнее нас. Пусть довершат то, что мы не смогли.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Но, сестры, у вас ведь нет детей, нет семьи, вы же все трое не замужем.

Пауза. Ветер свистит в проводах. Последняя машина с курсантами скрывается за поворотом.

АННА СЕРГЕЕВНА. Нет чужих детей, люди, все они наши. Настоящие – это их будущее, за которым все мы – мы все.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Нам нужны молодые! Мы уходим с ними в новую жизнь! Русь – она непрерывна, она не кончится нами, Боги наши не имеют конца.

Занавес.

27 ноября – 4 декабря 2010 г.,
г. Орел

АБРИКОСОВА ПРОСЕКА

(мелодрама)

лирико-психологическая драма

Козыреву Владимиру Демьяновичу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛЕНЬШЕВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – житель поселка Онегино, бывший инженер, ныне пастух Онегинской частной фермы.

МОНИКА АНДРЕЕВНА ГЛАГОЛЕВА – его дочь, бухгалтер районной Администрации и ее дочка Ирочка, девочка лет восьми.

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ ПАПАРАЦИН (Папа – рацин) – Воевода района.

СВЕТОЗАР СТЕПАНОВИЧ СТАРОДУБ – Лесничий местного мехлесхоза, хозяин Онегинской фермы, один из совладельцев пасеки.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ, ОН ЖЕ ИЗРЕДКА КАРАТОВ (или – Бесфамильный), тоже совладелец пасеки.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ ЛЕМУРОВ – Ученый из Воронежа.

ИГНАТ ЖИГАЛКИН ПО КЛИЧКЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ – молодой следователь Районной прокуратуры, еще один совладелец пасеки.

СПИРИДОН – мужичок-рыбачок из Губернии, без возраста, приятель Кленышева.

ЕГОР СЕМЕНОВИЧ ДРОБОТОВ – Зам. директора местного заводика, человек с большими амбициями.

КЛЕОПАТРА – его молодая жена.

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛИСИЦЫН – Охотник на Белого Волка.

КЛАПАН – шофер-водитель Восгоды района.

МИТРОШКА – муж, ЗАРА – жена, оба вроде бы заблудившиеся грибники.

РОДИОН ДЕРЮГИН – мотоциклист, приезжающий на ферму за молоком, оказывается, поэт.

РАССОЛ (ОГУРЕШНЫЙ) – повар из Малого городка, обслуживающий онегинские приемы.

ЖИТЕЛИ МАЛОГО ГОРОДА, СЕЛЬХОЗРАБОТНИКИ.

Время действия – наши дни. Место действия – средняя полоса, Малый городок. В трех километрах от него бывший «стольпинский отруб» Онегино из пяти-шести бывших дворов, неподалеку от Онегинской фермы. Одинокоротаает тут время в трудах и заботах экс-инженер, бывший директор городского заводика Кленышев Андрей Васильевич. Едва не оказался бомжом; вспомнил, что он уроженец этого поселка, стал Пастухом частной Онегинской фермы.

Неподалеку от пруда, ближе к берегу, пасека на трех совладельцев. Это Ливадия – еще одна местная достопримечательность, некогда помещичья усадьба, так называемая «Абрикосова просека». За пчелками приглядывает все тот же экс-инженер, ныне слуга трех господ. Самое яркое событие – приезд Ученого из Воронежа, и Нового Губернатора, ожидание Президента.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Поселок Онегино. Стародубская овцеферма. Хата-«дворец», где живет во «дворянстве» экс-инженер Кленышев Андрей Васильевич в качестве Пастуха. По воле судьбы, он тут всегда на коне. Отцы накормлены, пчелка пригляжены, что еще надо доброму человеку?

Сцена первая

Онегино. От асфальтированной дороги сюда каких-нибудь полкилометра, по накатанной до блеска грунтовке. Сюда, в здешние кущи, едут порой из Губернии полномочные представители подбивать клин под Русское поле. В тени американских кленов, в молоденьких липках, за старыми вишняками и яблонями, угадывается существование ливадийских царственных палат. За плетнем – под сенью липы – «зеленый ресторан», где и проводятся кустовые совещания – «онегинские приемы».

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (на коне, оглядывая окрестности). И какая же тут красота! Холмы, перелески, зеркало пруда. И какое все это русское! «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!». Гляди, овцы подошли совсем близко к урочищу. Волк

может выскочить, овцу ухватить... Надо послать собаку – пусть отгонит отару от леса... Эй, Шарик! Апорт!..

В сторону, про себя. Надобно поправить ограждение – от волка. Опять дикие кабаны изрыли своими пятаками землю вокруг столбов, раскопали чернобыльские рентгены... Свиноматка ходит за мной по пятам – тяжелая, вот-вот опоросится. Прежний выводок следом: одни – белые, другие – полосатенькие. От дикого кабана... Говорят, дря домашней свиньи скрепенье – хорошо, а у диких – порода слабеет...

Опять завалили стожок. Надо свежей соломки постелить, пусть к дому поближе держатся... Однако веселые ребята! Особо эти полосатенькие, куда активнее тех, что домашней породы, беленькие. Достал же свиноматку где-то в лесу дикий хряк... ничего, город все съест. Кому баранинку, кому свинину...

Конь переступает с ноги на ногу, беспокожно прядет ушами, косит лиловым глазом на пруд. Именно оттуда можно ожидать седого, старого Белого Волка... Приходит сюда за светлом, а подбирается ближе к овцам – ногами...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*приподнимаясь на стременах*). Что это там? Собака зарычала, шерсть дыбом, повернулась к березе. Тоже породой как волк – овчарка немецкая. Надо приглядеться, что там, за поваленной березой, в сплошном ивняке? Вчерашний Волк – этот самый...

ПАСТУХ (*взмахнув плеткой*). Эй, Чалый! Але, вперед!

Конь экс-инженера срывается с холма и уносится к пруду, поближе к Ливадии – бывшей помещицкой усадьбе, где за сплошным ивняком, по его разумению, Седой Волк ходы проделал, чтобы ходить к пруду пить, а заодно и зубом пощелкать...

Чалый вздрагивает, трясет мелко-мелко лоснящейся шкурой справа перед седлом.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*своему коню Чалому*). Ну, чего ты, глупый? Испугался? Волчатинку ноздрями чувствуешь? Говорят, у животных органы чувств раз в несколько сильнее, чем у человека. Вот я сейчас гляжу на те кусты и ни черта в них не

вижу. А ты, Чалый, даже косым взглядом пронзаешь всю эту гамму.

Белое поле, гречиха цветет... Пчелка пулей одна за другой. Значит, есть что взять, взятки есть... Надо сказать господам – коррупционерам, всем троим, пусть приедут на свою Абрикосову просеку. Проверят, может, медок пора уж качать? Гречишный пойдет, цветочный уже отошел...

Чалый! Стоишь – слушаешь, иезуит! Когда хоть научишься говорить? Слушать – это мы можем, а говорить нам пока что без надобности. А ты, брат, учишь. Вон скворец в скворешне сидит, так уже говорит... Что говорит? Послушай. Вот что: «Че-е-е.. ловек... Человек», говорит: «Человек!»

ЧАЛЫЙ (*заржав*). Иги – гии – ии...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*оборотясь в седле, ловко сбивает ладонью овода с крупа жеребца*).

Не скаль зубы, не смейся, чего тут смешного? Сороку я не люблю – трещотка. Ложку алюминиевую наемни смахнула со стола, как и не бывало. Вот такая она, сорока-воровка... А кто же еще из птиц может что-то сказать, а, Чалый? Соловей? Ну да, соловей. Этот может, это есть факт неоспоримый.

Помню, жили мы тут на поселке, я бегал в школу, наверно, уже в пятый класс. Сажали мы с мамой помидоры, и соловей как запел, как засвистал! В мае дело было. Майский соловей, уже окреп голосом, о двенадцати колен стал свистать, выговаривать, или показалось мне это? Помню, спросил я у мамы: «Что он сказал?»..

Чалый! ты меня слушаешь, Чалый!.. Ага, прядешь ушами, такое животное, что согласилось носить на себе человека. Так вот, слушай сюда... А мне, помню, мама и отвечает: «Милые, милые». Еще раз прислушался – так и есть...

Посадили мы помидоры, отошел я в сторонку и задумался крайне. А тут Родион Дерюгин этот – за молоком до сих пор сюда ездит на мотоцикле. Постой, говорю, послушай. Послушал... В другой раз приезжает, стихи на листочке привез. Вот такие, мне запомнились.

Читает вслух, нараспев.

«Наши мамы копали когда-то поля,
Поднимали лопатой Россию дернистую.
Было им, нашим мамам, не до соловья,
Что сейчас имена их старался, высвистывал.

Дарья из-под Прилеп, Катя – хата с конца,
Ольга, какой уже нет, и Ариша Калымова...
Я колена считал у него, стервеца,
Как он бил, разорялся в Зароще малиновой!

Отцветали сады. И, горланя за двух,
Дожигая сады эти, белые, стылые,
Соловей вдруг сказал:
«Милый друг, милый друг!»

Повторил еще явственней: «Милые, милые»».

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*на ухо коню*). Слыхал, Чалый, какие по молодости люди пишут стихи? Сам попробуй, а попробуешь – ни за что не поверю... что бросишь писать-то...

Пастух соскакивает с коня и, набросив поводья на столбик, проходит к свиноматке, копающейся под стожком. Берет охапку ржаной соломы и несет за загородку, поближе к сараю, чтобы лучше было тут свиноматке дня через два, через три пороситься.

Угладев всю его процедуру, свинья тут же обращает внимание на расстеленную солому. Улеглась раздувшимися сосками на брюхе в его сторону, смотрит на него.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*ласково*). Что, старушка, комбикорм есть уже брезгаешь? Ах, сухой больно? Соломку я тебе порубил крупновато, да и не запарил. Анадысь запарил, так мигом подчистила... все корыто... Роешься пятаком, рыло в земле, а земля ведь радиационная... то от Чернобыля, то от Курской АЭС...

Раздается голос из-за спины, от неожиданности Кленышев аж приседает.

ГОЛОС. С кем это ты тут разговариваешь?

КЛЕНЬШЕВ. Да вот с Марьей Васильной...

Это Спиридон подобрался сзади – мужичок-рыбачок, дружок из Губернии. Приезжает рыбачить, снасть рыбацкую тут оставляет. Мужичок-рыбачок проходит в сарай, достает удочки, берет лопату, накапывает в навозной куче свежего мотыля, идет с банкой к берегу, разматывая удочки, отправляется на прикормленное еще с той недели местечко.

ЭКС-ИНЖЕНЕР (*присаживаясь рядом на корточки*). Ну, и как у вас там в Губернии, во граде Китеже?

СПИРИДОН. Снизки мои... с сушеными карасями... висели в сарае, Андрей Васильч.

ПАСТУХ, ОН ЖЕ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КЛЕНЬШЕВ. Ну, и что?

СПИРИДОН. А теперь не висят. Кто у тебя тут бывает?

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, ПАСТУХ, ЭКС-ИНЖЕНЕР. Да кому они нужны твои эти снизки? Тут бывает народ серьезный.

СПИРИДОН – МУЖИЧОК-РЫБАЧОК. Ну, и что ж. Как говорится, кнут и тот пригодится.

ПАСТУХ (*саясь на затравеневшую кочку*). Вишь, у меня – плетка! Да и та только для виду, Чалого я не трогаю.

МУЖИЧОК-РЫБАЧОК (*меняя мотыля*). Сел на кочку, а тебе это надо, Васильч?

ПАСТУХ, ЭКС-ИНЖЕНЕР. Сел как поудобнее, для разговора.

СПИРИДОН. Скоро встанешь. Это тебе не в седле сидеть. Как за яйца уцопят, так пулей слетишь с кочки-то...

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*вставая и оглядывая себя снизу опасно*). Сколько?

СПИРИДОН. Чего сколько?

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, сколько верст, говоришь, отмотал я на Чалом, по-твоему, обогнув земной шар по экватору?

СПИРИДОН. Трижды, заметим, трижды! И не в верстах, а в километрах... Сорок помножим на три – сто двадцать.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. В тысячах?

СПИРИДОН. А в чем же? В рублях. А не в долларах и не в евро... Одного не пойму: отчего она «евро», валюта эта, – от «евреев», что ли? У них в мире все деньги сосредоточены. Даже Гитлер через Швейцарию деньги на войну у них занимал, хотя и жег евреев в Освенциме...

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А может быть, от Европы «евро» – то?

СПИРИДОН. Фунты в стерлингах почему-то отдельно... Опять левая клюнула, сейчас затаится, потом кругами пойдет водить, крупная рыба... Фунт отдельно, потому как Англия за Ла Маншем, за Английским каналом. Заметь себе, даже в Москве у нас они были дважды – поляки и французы... А вот в Англии, в Лондоне, ни разу не было никого...

Вот ты – пастух, экс-инженер, человек грамотный, подготовленный...

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Был директором. Ну, и что?

СПИРИДОН. Вот и скажи мне: что было бы, если бы через Ла Манш переправился Наполеон или Гитлер? Каким получился бы разворот событий в Европе?

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. (*Пастух, экс-инженер*). А то же самое, как и в Бискайском заливе. Собрала тогда Испания флот свой «Непобедимую армаду», специально для Англии, а «армаду» взяло и растрепало бурей в Бискайском заливе. Что значит морем идти. А сушей – так взяли испанцы Голландию, установили там свой испанский протекторат. Хотя Голландия и тогда уж была буржуазной, более передовой...

СПИРИДОН. А мы до сих пор никак не допилим до «буржуазности».

ПАСТУХ-ИНЖЕНЕР. А чего б ты хотел? Паспорта только в 1961 году дали крестьянам... Хрущев этот... До сих пор с «крепостью» чикаемся, прописку не отменяем...

СПИРИДОН. Шаг вперед, три назад.

ПАСТУХ-ИНЖЕНЕР. Под каналом тоннель прорыли. Стало быть, начинают программу...

СПИРИДОН. Евро-плюс, к евре фунт-стерлинг... В Губернию ученый один приехал из Воронежа. Чудной такой. Все

«Слово о полку Игореве» трактует по-своему, обещал к вам наведаться...

Открывает зеленый брезентовый рюкзачок. Извлекает оттуда маленький телевизор типа «Юность», выдвигает телеантенну.

СПИРИДОН. Тихо-тихо сделаем, чтобы рыбу не разогнать... Это я еще когда купил для рыбалки... Люблю слушать при воде, что они там о событиях толкуют. Лучше тут отделяется правда от брехни, факты друг за друга цепляются, информация в мозгах оседает.

ПАСТУХ-ИНЖЕНЕР. Анализ, называется.

СПИРИДОН. Ученый из Воронежа приезжает – сюда, говорит, привезут. Надо его кое о чем расспросить...

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что-то я у тебя телевизора этого раньше не видал.

СПИРИДОН. В ремонте частенько бывает. Мне уж говорят, да выкинь ты его! Новые модели пошли, более совершенные. А я к этому привык, других мне не надо, Андрей Васильич. Об ученом этом, о лемурах слышал?..

АНДРЕЙ ВАСИЛЬИЧ. Остаешься у меня ночевать?

СПИРИДОН. Все ругают телевизор, а мне он – академия. Впитываю, как губка. Что делалось и что деется. Про счастье вот только не говорят. Все про несчастья, про бедствия. Жду, когда они повернут свое голубое к белому, зеленому. Как вот это Онегино – наша Малая родина.

Сцена вторая

Там же, в поселке Онегино, у Стародубской фермы. Загнав отару за ограждение, Пастух Кленышев соскакивает с коня, насыпает своему Чалому овсеца в торбу из мешковины. Подкатывает автомобиль старой, испытанной марки «УАЗик», к Кленышеву направляется сам хозяин фермы – Лесничий местного мехлехсоза Стародуб Святозар Степанович.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ (подавая пастуху мешок). Вот привез тебе тут добра на миллион... алых роз...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. С белой головочкой не забыл?

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Хлеба на неделю... Пару бутылок и прочее...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. А колбасы?

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Сыру российского привез, а колбаса зачем тебе? У тебя тут мяса навалом.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Так мясо-то чье? Все тут ваше мясо, а вам платить надо.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Не прикидывайся, не лицемерь. Что ж, сам тут водишь овец и не можешь баранинки схимичить себе на кастрюльку?

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Я суп редко варю.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Ну, так на сковородку клади, жарь, Андрей Васильич! Что ж у тебя нет сковородки, что ли?

Кленышев выкладывает привезенные продукты на стол. Уходит в свое жилище, выносит оттуда сковороду с уже приготовленной холодной картошкой и мясом.

КЛЕНЫШЕВ (*ставя бутылку рядом*). Присаживайтесь, Светозар Степаныч. Будем обедать.

СТАРОДУБ. Разогрел бы, что ли?

КЛЕНЫШЕВ. Костер разжигать – дело долгое.

СТАРОДУБ. Что ж у тебя электроплиты нет? В другой раз привезу, Васильич. Надо на платке узелок завязать, чтоб не забылось.

КЛЕНЫШЕВ. Не забудете, а об чем еще хозяину помнить?

Уносит сковороду назад в дом. Минут через десять появляется со сковородкой, со шкварчащей на бараньем жире картошкой, с дымящимися кусками баранины.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Видишь? Живо разогрел, небось, на электроплитке... Вот русский народ! Какой прихитренный! Никогда напрямую не скажут, все будут кругами ходить – вокруг да около, действовать исподтишка. С двойным дном: одно думают, другое говорят...

Пастух бухает на стол круглую дощечку, на дощечку плюхает сковороду. Кладет рядом тарелку с зелеными целиковыми огурцами.

КЛЕНЬШЕВ. Может, порезать ай так?

СТАРОДУБ. Да хоть порежь, да лучком зеленым присыпь.

КЛЕНЬШЕВ. И маслицем покроплю.

СТАРОДУБ (*открывая бутылку*). Богато живешь. А то в городе меня все упрекают, мол, бомжатник развел тут, в Онегино. Пригрел тебя как бомжа без определенного местожительства... За еду у меня тут работаешь...

КЛЕНЬШЕВ. За еду и работаю. А что? На транспорт денег не надо – на коне езжу, за квартиру платить не надо – домик еще ничего, можно жить. На прочие коммунальные услуги тоже не надо... Вода в трех шагах – из родника, мусор в яму, тоже недалеко.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ (*разливая по рюмочкам*). Это все так. Да я про «двойное дно»: одно думают, другое говорят...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*в сторону*). Напал слепой на стезьку. (*Вслух*). А есть еще и третье.

СТУРОДУБ. И что имеешь в виду? Ты пастух уж со стажем, года два, наверно, тут в низах народных кантуешься?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*иронично, махнув рукой на голову повыше себя*). Жираф большой, ему видней.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Ну, дак и что там в низах-то на третье?

КЛЕНЬШЕВ (*со смешочком*). Да то, что и на второе. Еще по стопарику.

СТАРОДУБ (*прикрывая стаканчик ладонью*). Все, шабаш... Ямщики с дороги, бывало, намерзнутся, зайдут в трактор, нальет им тракторщик, раз-другой. Потом ямщик ладошку на стаканчик: «стоп!». Так «стопариками» и прозвали те граничные малые...

КЛЕНЬШЕВ (*запевая*).

«Как грустно, туманно кругом,

Тосклив, безотраден мой путь.

А прошлое кажется сном,

Томит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей...»

СТАРОДУБ. Ну, дак что на третье-то, Андрей Васильич?

КЛЕНЬШЕВ (*глядя в сторону*). А на третье – все остальное... Про первое и второе еще ничего не сказал, а ты уж, хозяин, за третьим попинаешься, третье тебе подавай. Каждому свои мозги жизнью дадены, чтобы самому во всем разобраться.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Вот ты, Андрей Васильич, и разобрался! Был директором какого-никакого, а все же заводика тут у нас в городе. На какой-никакой машиненке с шофером ездил, а теперь...

КЛЕНЬШЕВ. А теперь на коне ежу. Всегда на коне! Думаешь, ты тут хозяин? Ты хозяин этой вот фермы, а я хозяин всего тут (*размахнув руками вокруг*), всех этих пространств.

«Здесь лирой северной
Пустыню оглашая,
Скитался я...»

Про «третье» когда-нибудь после скажу, поделюсь как на духу, или сам, Светозар Степаныч, поймешь?.. Кстати, почему тебя зовут Светозар? Интересное имечко.

СТАРОДУБ. Древнерусское или, может, старославянское.

КЛЕНЬШЕВ. Как подобрал: по звуку, по букве! Светозар Степанович Стародуб – «ССС»... Апорт! Шарик!

– Ррр, – прорычала пастушья овчарка.

КЛЕНЬШЕВ (*засмеявшись*). Видал? Природа умнее нас, природу человек никогда не обманет.

СТАРОДУБ. И ты, малый, тоже не дурак, но и дурак не малый! Под кленами с такой фамилией поселился.

КЛЕНЬШЕВ. Да и у тебя не хуже: Лесничий – и Стародуб, усекаешь? А я говорю про другое: про гороскоп, восточный гороскоп. Кто ты, Степаныч, по восточному гороскопу?

СТАРОДУБ. Ну, тигр!

КЛЕНЬШЕВ. Вот от тебя все и дёру. Все кто куда.

СТАРОДУБ. Зато власть умею держать. Не то, что ты. Заводик не мог удержать, заму все передоверил.

КЛЕНЬШЕВ (*не слушая его*). А я – свинья. Кабан. Вот за мной все свиньи и ходят, поросятки водятся... А завод – это было не мое, не сразу попал на свой стул. Вот теперь я где надо, – в седле.

СТАРОДУБ. И мне вот прислуживаешь, как бож какой-нибудь.

КЛЕНЬШЕВ (*сжав брови*). Но-но! Я не просто свинья, кабан, я – дикий вепрь! А вепрь, показывали по телику, как схватились – уссурийского тигра в момент... Верх за вепрем!

СТАРОДУБ. Ну, да? Неужели?

КЛЕНЬШЕВ. У меня тут целая армия диких вепрей, по лесам и долам. Только клич дай, враз сбегутся... Да, Хавронья Васильевна?.. А ты – уссурийский тигр – тут в единственном числе... Понял или нет, любимец начальства? Это тебе, Степаныч, на первое и на второе. Чтобы лучше осознавал народную жизнь. А то как у нас? Даже самые большие люди, где-то там, наверху, или ни разу не были в деревне, или покажут им ее, «потемкинскую», так они готовы после доклада страниц по сто строчить, всех учить доскональности...

СТАРОДУБ. Ну, а все же, Васильич, на «третье-то» что? Что, любимец богов? Бог любит троицу.

КЛЕНЬШЕВ (*запевая*).

«Ямщик, не гони лошадей.

Мне некуда больше спешить.

Мне некого больше любить,

Ямщик, не гони лошадей!»

ПАСТУХ (*приостановив свои вокализы*). Самое главное, Светозар, что?

СТАРОДУБ. Ну, что, что самое главное?

КЛЕНЬШЕВ. А то, что пастух я, мне уже падать некуда. Это тебе еще страшно, все же какое-никакое, а начальство.

СТАРОДУБ. Тоже в лесу живу.

КЛЕНЬШЕВ (*иронично*). Среди дубов.

СТАРОДУБ. Ну, хоть и среди дубов, а что?

КЛЕНЬШЕВ (*засмеявшись*). А я среди кленов.

«Пипи – пипи», – раздается сигнал автомобиля.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Это оттуда – от Раневской.

СТАРОДУБ. От какой Раневской?

КЛЕНЬШЕВ. Ну, оттуда вон – из-за вишневого сада, от «дворянского гнезда» по Абрикосовой просеке... Ну, с пасеки,

с пасеки! На бывшей помещичьей усадьбе... Твои камрады приехали, совладельцы всей этой пчельни, еще с ними кто-то? Ученого из Воронежа обещали привезти.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ (*оживившись*). Ну, так пошли к ним туда. Чего они к нам сюда не заехали?

Пастух Кленышев и Лесничий Стародуб подхватываются и уходят. Конь Чалый остается один. «И-гу-гу!» – несется по лесам, по долам его звонкое, безудержное жеребчиное ржанье.

Пруд. Ливадия. Абрикосова просека. Пасека на трех хозяев. И тоже под присмотром Кленышева – Онегинского пастуха.

Под старинным, еще усадебным, развесистым кленом стоят «иномарки». У передней машины – трое: Папарацин Сергей Антонович – Воевода района, Представитель из области и Жигалкин Игнат – молодой следователь Районной прокуратуры.

Появляются Лесничий Стародуб и Пастух Кленышев.

СТАРОДУБ (*здороваясь за руку*). А где же третий?

ВОЕВОДА ПАПРАЦИН (*приближаясь к ним*). Я за него... Вы имеете в виду бывшего моего заместителя? Выдвинули вот на его место (*показывая на Представителя*), в область.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. А вот его – Представителя – куда? Кажется, он по фамилии Каратов?

ВОЕВОДА ПАПРАЦИН. Караты – не корыто, представляют алмаз, а алмазы всегда в цене, вечно будут истребованы.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*стоя в отдалении*). А корыто – в карету и... и... за пределы области...

ВОЕВОДА ПАПРАЦИН. Такими кадрами не разбрасываются. Тут у нас готовится Совещание, будут вопросы о сельском хозяйстве решать. Лет на пятнадцать вперед программу составлять будут. Все же Совещанье-то российское, сорок восемь Губернаторов хлебосеющих регионов. Говорят, должен быть сам Президент.

Сцена третья

Там же, в Ливадии. Те же. Затарахтел мотор. На округлой поляне разворачивается мотоцикл с коляской. Это, как

всегда, за молоком прикатил сюда из Малого города Родион Дерюгин.

ПАПАРАЦИН СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ – ВОЕВОДА РАЙОНА (*широко раскинув руки, торопится навстречу ему*). Привет народным талантам! Нашим местным поэтам районного значения.

РОДИОН ДЕРЮГИН (*сдержанно*). Хватай выше, Сергей Антоныч! Я уже областного подчинения, принят в Союз писателей, с любительством навеки покончено, попадаю в элиту, в другую эпоху творчества.

ВОЕВОДА РАЙОНА, А ЗА НИМ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. Поздравляем! Поборник, борец за свободу слова! Будем знать, будем гордиться. Ставить в пример молодежи...

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ. Родион! Что-нибудь прочесть надо по этому поводу.

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. Почитать... почитать...

РОДИОН ДЕРЮГИН. Почитать будем вот его (*показывая на Воеводу района*). А что? Тоже пишет стихи. Правда, особо не афиширует.

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. Сергей Антонович! Неужто тоже пишете?.. Бог сподобил? Глава района, и пишете? Да когда же вы пишете, по ночам? Тут докладную составить некогда...

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН (*смутившись*). Да когда писать-то? Это Родион с себя на меня перепихивает. Такое событие, вот пусть нам и почитает. Что-нибудь такое беленькое, веселенькое, патриотичное. А то идеологию убрали, СМИ только и знают, что «порнуху» прут, молодежь развращают.

РОДИОН ДЕРЮГИН. Положительного не хватает, где ж его на такую страну наберешься?

СЛЕДОВАТЕЛЬ РАЙПРОКУРАТУРЫ ИГНАТ ЖИГАЛКИН. А у нас в районе положительных факторов навалом, можно сказать, сколько хочешь.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Это у вас-то в прокуратуре? Да вы только с «жареными» фактами и имеете дело.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. Да, имеем! Такая специфика.

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН. Ушли в сторону. У человека праздник, а мы опять за свое – в отрицательный дисбаланс... Родион! Почитай че-нибудь на местную тему.

ЛЕСНИЧИЙ СТАРОДУБ (*подхалимски*). А то молочка не нальем. Вот скажу сейчас Кленышеву, чтобы не наливал.

РОДИОН ДЕРЮГИН. Что ж, на землю выливать будете? Все же деньги плачу, за месяц вперед.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*отворачиваясь*). Врет! Деньги вперед с него не берем (*Вслух*). Да он уж два года за молоком ко мне ездит, свой человек в Гаване.

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН (*мотоциклисту*). Читай, Родя! Родина тебя не забудет, читай!

РОДИОН ДЕРЮГИН. Чьи – свои или вот его? (*Кивая на Пастуха*).

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. Что и этот поэт? Развелось тут поэтов...

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. Не воруют хоть, не тащат из государственного кармана, а этим... рифмоплетством занимаются, и то хорошо.

РОДИОН ДЕРЮГИН. Ну, сказанул! Каждый будет лезть в анналы поэзии, портить людям художественный вкус, засорять русский язык... что получится?..

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН. Во куда хватил! Выше некуда, в небо!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Все загудели, недовольные высказываниями местной творческой интеллигенции. Такие кадры неуправляемыми станут, воду начнут мутить по чем зря, что тогда с ними, извольте, делать? Отпусти бразды, управу ни на кого не найдешь.

РОДИОН ДЕРЮГИН – ПОЭТ МЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, НО НЫНЕ ОБЛАСТНОГО ПОДЧИНЕНИЯ (*торопясь замять дело*). Ладно, ладно, читаю. Из своей героической поэмы «Белая Скифия».

ПРО ВЕСЛО, ПОХОЖЕЕ НА ЛОПАТУ
(*песня Молодого Скифа*).

«Я – скиф, по свету белому мотался,
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

На синем море плавал и рыбачил,
 Приобретал другое ремесло.
 Моя Лопата там, – а как иначе? –
 И превратилась, видите, в Весло.

Приду домой, воткну Весло за хату –
 Перед окошком, в тучный чернозем.
 И превращу Весло опять в Лопату,
 На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,
 Хлеб в закрома, за море потечет.
 А как опять захочется свободы,
 Рвану на юг, как всякий скифский сброд!

С Лопатой вдруг опять уйду из дома,
 А возвращусь опять-таки с Веслом.
 Как воля, так Весло нам, царство грома,
 А как Лопата – тишина и дом.
 Тишина и дом».

ВСЕ, КТО ТУТ БЫЛИ (*аплодируя*). Молодец! Особо про наши приметы... про Лопату и про сады, огороды... Про поля бы еще, и совсем отменно было бы, хорошо ...

РОДИОН ДЕРЮГИН. Про поля в другой раз. Не все сразу (*обращаясь к Пастуху*). Андрей Васильич! Пошли, молока нальешь в банку, а то дома меня уж заждались.

Родион Дерюгин с Пастухом уезжают на мотоцикле. Туда, в Онегино.

Все остальные, оставшись тут, на бывшем «дворянском гнезде», прислушиваются к затихающему звуку.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. Нет, не наш человек из Гаваны. Этот из Белой Скифии.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОБЛАСТИ. Ничего, ничего, в область к нам поступает, в наши пределы (*значительно, обращаясь к Воеводе района*). Ну, дак что тут у нас? Пора собирать взятки, медок качать?

*Пауза. Где-то трещит сорока – в той стороне, куда ука-
 тил мотоцикл. Появляется Пастух*

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*слезая с Чалого*). Господа-товарищи! Разрешите поинтересоваться. Вот у нас тут Абрикосова просека, это, говорят, идет еще от мелкопоместного Абрикосова? Ученым был, пчеловодом, к нему Лев Толстой, говорят, любил заезжать, беседовали. И вот Ученый из Воронежа сюда к нам собирается. Тоже, говорят, Абрикосов. Уж не с родства ли тому, что тут был, – мелкопоместному-то?

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН. Может, с родства, а может, и нет. Этот крупный ученый, специалист своего дела.

КЛЕНЫШЕВ. И по какому же делу? По сельскому хозяйству?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ, ОН ЖЕ КАРАТОВ. По «Слову о полку Игореве». Большой дока в этом вопросе, тоже славянофил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. Все вам славянофилы мерещится восточный вопрос. А я в таком случае западник. Я про это дело читал. И тут ветер с Запада дует... Есть такое мнение, без Пушкина не обошлось. Якобы это Пушкин подарил нам «Слово о полку Игореве». Где оригинал? Да, говорят, сгорел в Москве, в доме Мусина-Пушкина. А я так полагаю: время было такое – мистификаций. Например, французский писатель Проспер Мериме сочинил «Песни западных славян», а его якобы где-то в недрах нашли... Как вы думаете, у всех народов, особо на Западе, есть эпос? Например, у французов – «Песнь о Роланде», у испанцев – «Песня о Сиде», у немцев – «Кольцо Нибелунгов»...

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Да и на Востоке тоже, с Севера до Юга. Например, у карелов этот ... как его ... о Давиде Сасунском, у грузин – «Витязь в тигровой шкуре»... какой-то народ у американцев – «Песня о Гайавате» в переводе Бунина...

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. Вот-вот, вспомнишь о карельском эпосе – скажешь после мне, хоть по телефону... Ну, так я о чем? О Пушкине? Да разве могло остаться в покое его такое пылкое эфиопское сердце.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Русское, русское сердце!

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. Да разве же могло его русское, да, русское сердце вынести, чтобы и у нас не было такого

главного – эпического произведения? Вот он и создал его... Потихонечку, не особенно афишируя, но факт остается фактом, теперь «Слово» есть, и его изучают... Вот ученый придет к нас сюда из Воронежа... Читаю такие вот стихи на такую же тему. Вот, ношу листок в нагрудном кармане...

Достает истертый листок и читает.

«Слово о полку»...

«Язычник я, во мне такая вера.
Не та, что лицемерила потом,
А та, что, ярясь, дикая горела
Во всем славянском облике моем.

Я небо пел, я поклонялся травам.
Врагам открыто слал: «Иду на вы!»
Моя единокровная держава
Была по мне дороже головы.

Я славил Русь, ее прямые речи,
Свой дух сверял со «Словом о полку».
Зачем же врать, дни кратки человечьи,
А мы всего видали навеку.

А «Слово» в каждом пробуждало силы,
Из нас великий делало народ.
Стоять стеной, выстаивать учило
Под натиском разноплеменных орд.

А «Слово» с каждым было откровенно,
Вон князь и тот в час гибельный не врет.
Звезда – полынь, пророчество из тлена,
Она висит и смертью отдает.

И вот, века от пыли отряхая,
Себя я числю в родословной той,
В своем полку пусть, может быть, и с краю,
Но веры очистительной одной».

ВСЕ ХОРОМ. (*Пастуху Кленышеву*). И кто же это написал! Ты?

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*в сторону отъехавшего мотоцикла*). Да все он, Родион этот – поэт наш российского значения. Видите, какая плохая сейчас у нас демография? Минус по миллиону, вот уж четыре года подряд. Великий народ исчезает. Степь опять уж подналегла...

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН. Не каркай, сорока!

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. ...а то хоть что-то от нас останется: «Слово о полку Игореве», эти вот стихи. Ждем Ученого из Воронежа, этого Абрикосова, пусть приезжает... на охоту сходим, баранинкой угостим...

Но «сладкая» парочка уже не тут – у Кленышева, а там – у Представителя из области, чуть в стороне, они мечут друг на друга стрелы, громы и молнии.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Пусть я, по-твоему, славянофил! Как что-нибудь не так на Западе у нас... Ну, например, НАТО надвигается, ракеты устанавливают то в Польше, то в Чехии, так мы назад, на Восток, пятимся...

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН. А я не скрываю, я – западник! Как приотстанем в экономике, в мышлении своем, так, как Петр Первый, «окно в Европу» давай прорубать... И прорубаем, и прорубаем... движемся благодаря интеллигенции... и ее же готовы съесть... И все нам перевороты, все бы гайки завинчивать...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Да хватит вам! На одном суку ведь сидите... Да, вспомнил!

ОБА СРАЗУ – И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ, И СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вспомнил, Андрей Васильич?

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. «Калевала» эпос у карелов называется! Вот так!

Сцена четвертая

Поселок Онегино, Стародубская ферма. Под навесом у старых кленов Спиридон, старичок-рыбачок, друг Пастуха, сидит на пенечке. На другом пенечке, напротив, портатив-

ный телевизор «Юность», показывает мир в черно-белом изображении. На своем Чалом, высясь над окружающей местностью, подъезжает Пастух.

СПИРИДОН. Давно тут сижу.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Сиди, сиди, Восток. Жди у моря погоды.

СПИРИДОН. Сходи на землю-то. Давно не виделся, сокучился, покалякаем. Телик поглядим...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*спешившись, на телевизор*). Игрuschный. Хозяин обещал мне большой, настоящий.

СПИРИДОН. Обещанного три года ждут. Видишь? Работает... Вот в черной Африке – в Кот-де-Вуаре, это Берег Слоновой Кости опять, что ли... переворот... Гляди, три соседних президента и один премьер-министр прибыли. Вишь ли, уговаривают Слонового Президента оставить пост, передать полномочия... Это бывшие американские негры – то туда их везли, на сахарные плантации, а то вернулись оттуда, создали государство...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Да знаю, знаю. Вон у меня радио – «Спидола», к седлу приторочена. Так уши все продолбило... Мода такая у американцев. Распоряжаются всем белым светом, как у себя, бывало, в банановых республиках... Вот и в Киргизии, скорее всего, по такой же модели...

СПИРИДОН. Да ранее... в Грузии, на Украине, ну еще, может, в Молдавии... не говоря о Прибалтике...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Так «оранжевыми» считаются только в Грузии да на Украине. Теперь на Украине пошло в обратную сторону...

СПИРИДОН. А куда денутся? Без энергетики: электричества, газа и нефти... Европа плюс, год минус...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Новая волна, новая технология. Попробуют теперь вот на Кот-де-Вуаре... Президент избран с большим перевесом, но возникает оппозиция, берется власть, хоть и малыми силами, но жестко... Ну, как у нас в семнадцатом году, после Временного правительства... И у нас эти фанаты, говорят, без всякого патриотизма...

СПИРИДОН. Это уже идеология. Стариков отправили, куда следует. Думали, на этом и кончится. А это уже молодежь, сами вырастили, рожденные бурей... после 95-го года...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Что-то мы не туда гребем, не в те атмосферы.

СПИРИДОН. Как телевизор диктует.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. И телевизор укоротят. А то водку продают по чем зря... в любое время дня и ночи...

СПИРИДОН. Резко нельзя. Сухим законом и завалили Советский Союз...

ЖЕРЕБЕЦ ЧАЛЫЙ. И-го-го-го!

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Вот стервец! Все понимает.

СПИРИДОН. А ведь телевизор не смотрит.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Зато радио слушает.

СПИРИДОН. Подсыпь ему еще овсеца.

Пастух Кленьшев идет за овсом к себе, в свою хату-«дворец». Спиридон выкладывает из рюкзака привезенную из города снедь. Пастух кладет на пенек то, что привез хозяин, и что выросло у него тут на грядке: огурцы, редьку, лук перьями, петрушку.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Все дело, старичок-рыбачок, в диалоге.

СПИРИДОН. А редька зачем?

КЛЕНЬШЕВ. Как зачем? Суворовские солдаты с редькой в ранце швейцарский Сен-Готард преодолели. А Цезарские легионы с луком за спиной прихватили половину знакомого тогда мира...

СПИРИДОН. Так вот, ты что-то сказал про диалог?

КЛЕНЬШЕВ. Да, сказал. Вот у нас с тобой, старичок-рыбачок, диалог. Не обязательно мысли во всем совпадают, а диалог есть: говорим друг другу все без всякой утайки, в том числе и про Кот-де-Вуар... А чего нам таиться, все равно наружу вылезет. Теперь Интернет. Все, что хотите, выложат, все – что хотите – схватят оттуда и понесут.

РАБАЧОК СПИРИДОН. Диалог в самом широком смысле?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Конечно.

СПИРИДОН. И с Богом, например?

КЛЕНЬШЕВ. Еще бы!

СПИРИДОН. И в семье, и с властью, и каждого с каждым?

КЛЕНЬШЕВ. До любви, до гармонии, может, пока и далеко. Но диалоги в мире должны быть, существовать. Родоначалник, говорят, этого слова ученый такой Бахтин – наш земляк...

СПИРИДОН. Ишь, сколько всего ты знаешь! А экс-инженер, был даже директором заводика. Не на том стуле, значит, сидел. Не в той системе...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. А теперь вот в той. Сижу на коне! А считаюсь в бомжах, говорят, потерял престижное место. А мое место тут – в диалоге с природой... с Чалым... с Хавроньей Васильевной... с Русским полем... с историей нашей...

СТАРИЧОК-РЫБОЧОК (*приподнимаясь*). Мы с тобой, Васильич, на самом интересном моменте застряли. А мне пора уж на озеро, закидывать удочки. А то подкормка рыбкам закончится, и карасик наш, идеалист, ляжет на дно.

ПАСТУХ КЛЕНОВ (*взнуздывая коня*). Ну, ты вали, а я овечек погнал по буграм. Пусть походят, еще репьев в шерсть себе поднаберут.

Там же, в поселке Онегино, у Стародубской фермы. Дело к вечеру. Где-то в стороне прорычала, машина – КАМАЗ, что ли? С другой стороны, от Ливадии – «зеленого ресторана», где обычно заседают всякие приглашенные, делающие району погоду, появляется дочка Кленышева Андрея Васильевича – Моника, бухгалтер в районной Администрации Моника Андреевна (по мужу) Глаголева.

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Папа! Где ты?

Из сарая с ведром, наполненным доверху комбикормом, выходит Андрей Васильевич: кормил только что Хавронью Васильевну и все ее шустрое племечко.

КЛЕНЬШЕВ. А, это ты, дочка? С чем пожаловала?

МОНИКА АНДРЕЕВНА. С чем! Велено обсчитать, во что все это нам обойдется – Совещание российское на базе района. Ну, может, добавят федеральных деньжонок. Но велено все – по высшему классу. Может быть сам Президент... Естественно, я решила все свести к одному – и те, и эти возможности, папа.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Какие это те?

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Говорила уж – естественно, районные, федеральные.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А эти?

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Естественно, тут у нас, у тебя на ферме. Главное – мясо, а его у тебя тут хватает.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. И овощ с огорода, а не с базара, и яблоко тоже. Вон отрубил тебе домой мясца оковалок. На неделю хватит... Не забывай отца, приезжай, когда чего надо.

АВТОР. *Моника Андреевна достаёт счетную машинку, садится за пенек и начинает считать. И записывать. Записывать и считать. Пастух Кленьшнев спокойно стоит поодаль: бухгалтерия – дело тонкое, давно здесь сидим. Переводим рубли в доллары, доллары в евро. а фунты стерлингов куда? В карманы пихаем, чтобы какой-никакой, а наварчик себе оставался. С человека все и начинается, так?*

КЛЕНЬШНЕВ (*слыша Автора каким-то внутренним образом*). Так, так. С человека все и начинается. По Энгельсу: «Человек (в семье). Частная собственность и Государство». Все в горсти одной, в монолите. Тогда будет и настроение человеку, и бизнес частной собственности, особенно средней и малой, которую в Америке держат, а в Кот-де-Вуаре все обдирают и обдирают, а также, само собой, и Государство, другого пока еще никто не придумал.

МОНИКА. Что это ты бормочешь, отец?

КЛЕНЬШНЕВ (*вздвигнув*). Да так. Диалог у меня с Автором. Он чужие деньги считает, а я – свои в мыслях.

МОНИКА (*весело*). Считай! У тебя их все равно нет.

КЛЕНЬШНЕВ. Живу не хуже тебя. Да еще и другим помогаю... Садись, дочка, чай пить. С медком, недавно качали у нас тут, на Абрикосовой просеке.

Сидят и пьют добрый, хорошо заваренный чай. Для такого случая Андрей Васильевич держит, по старой привычке – еще с эпохи дефицита – индийский, с «белым слоном». А для дочери хранит и, как на праздник, выкладывает еще и коробку конфет – называется «Трюфели в шоколаде».

Утолив жажду, Моника сидит какое-то время молча. Поднимает на отца глаза, полные слез.

МОНИКА (дрогнувшим голосом). Папа! Что же ты перед людьми-то меня позоришь?! Сидишь тут, как божж. Со свиньями да с баранами, зачем тогда институт заканчивал, а, папа? Люди прямо мне в лоб, а другие подразумевают, а я ловлю их взгляды и переживаю. Что ж, я не могу тебя в городе, что ли, трудоустроить? Или хотя бы в Москву поехал на заработки, туда все, кому не лень, прутся. Люди говорят...

ОТЕЦ МОНИКИ – ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Какие люди? Кто, дочка, они – эти люди? На «иномарках» ездят, а я – на коне! По узким асфальтам мотаются? А я – по этим вольным просторам! Они, доходя до «буржуазности», как волки готовы друг другу в глотку вцепиться? А меня Волк стороной обходит, не он тут, а я – царь природы! Я – Человек!.. А там я мушка – смахнули, и нет... Ты, дочка, живи по-своему, а я уже старый, чтобы жить, как и ты. А меня не стесняйся, за меня не переживай, я перед Богом чист. Вот, как перст. Перстом ничего лишнего не возьмешь, все остается людям.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действие происходит все там же. То в поселке Онегино, на Стародубской ферме, то близ Онегино, в Ливадии – в «зеленом ресторане», а то на месте бывшей помещицкой усадьбы, на Абрикосовой просеке. Действующие лица все те же, но и новые по мере развития действия, однако главный герой все тот же – Кленьшев Андрей Васильевич – экс-инженер, бывший директор заводика в ближнем райгородке – малой столице Русского поля, ныне Пастух при частной Онегинской ферме.

Сцена первая

Онегино. Стародубская ферма. Овцы в загоне, их охраняет собака Шарик. Пастух Кленышев хлопочет во дворе по хозяйству.

Хрустя валежником, через овраг сюда, из «зеленого ресторана», пробирается человек. Это повар городского ресторана «Ливадия» по кличке Рассол, добавляют еще иногда Огурешный.

РАССОЛ (*увидев издали Пастуха*). Васильич, слышишь меня? Собаку придержи, а то, боюсь, штаны спустит.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*заметив его*). Иди, не бойся! Шарик на цепи...

Рассол подходит к Кленышеву, подает руку.

КЛЕНЫШЕВ. Ладонь какая-то плоская, вялая, неживая... Как селедка... Зачем пожаловал, Рассол Огурешный?

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Совещание будет проводиться, а после встреча тут у вас на высшем уровне.

КЛЕНЫШЕВ. Да знаю, знаю.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Между прочим, поговаривают, возможно участие самого Президента.

КЛЕНЫШЕВ. Небось, наше начальство пули отливает. Ну, чтоб мы тут подсуетились.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. И там в городской «Ливадии», и тут потом, в Ливадии натуральной, – в «зеленом ресторане», человек на семьдесят должно быть. Ну, может, пятьдесят – шестьдесят. Опосля уточнят... Посчитать, рассчитать посадочные места. Провести все на высшем уровне, средств не жалко. Не какие-нибудь печки-лавочки, а для экзотики – свежий плетень, по плетню – «куренья», кабины отдельные. И общий стол в виде пней – для столиков и сидений. И все вместе, и врозь, усекаешь?

КЛЕНЫШЕВ. Полпроци угрошают.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Не угрошают. Это надолго делается, на несколько лет. Президент будет, Совещание Российское по зерну, провозглашаться будет Программа развития лет на пятнадцать. Собираются сорок восемь Губернаторов

хлебосеющих регионов, в том числе и наш новый Губернатор...

КЛЕНЬШЕВ. Да слышал уже, новая метла хорошо метет.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Куда лучше.

КЛЕНЬШЕВ. Ну, и что ты там углядел, Рассол Огурешный?

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Пойдем, покажу.

Обратным путем, через тот же валежник и засыпанный лиственной лесной ручеек они проходят в Ливадию. Тут она, эта Ливадия, в каких-нибудь двухстах метрах от Онегинской фермы. Чуть в стороне калины-рябины развесили свои чубы – рыжие уже, покрасневшие. За ними подалее торчком держатся ареалы крапивы, обозначающие бывшие дома и усадьбы.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*кивнув за ивняк*). Эх, Русь-матушка! Бывший «стольпинский отруб», памятник деревенской архитектуры.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. А что такое «отруб»?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Кулаков помнишь? Выселки из деревни, крепкие хозяйства. Земли мужикам «отрубали», выделяли из крестьянской общины, чтобы товарное зерно производили.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. А Столыпин кто?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Скоро и Ленина не будут знать, подзабудут... При царе премьером был, этот Столыпин, автор этой программы. Между прочим, тоже наш орловский. Памятник стоит в Орле возле исторического факультета, где Столыпин учился в гимназии.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Ну, и... как учился?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Как все гении – плохо.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Он что – гений?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Ну, скорее, неординарная личность. Он и кончил плохо. Студент застрелил его в киевском театре – в антракте, прямо на глазах у царя.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА (*выпучив глаза*). Да ты что!

ПАСТУХ КОНЬШЕВ. Лежит в Киево-Печорской лавре, у самой стены храма... Ну, и где ты собираешься ставить тут свои пни и пенечки, мой Огурчик Рассольный?

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Да где ж! Вот тут, где плетень. Подсвежить маленько, отремонтировать прошлогодний.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*с иронией*). Значит, наводим тень на плетень?

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА (*не обращая внимания*). А вот дальше протянем «куреня» – отдельные кабины, это на случай дождя. И что главное для веселия, питья.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. И для серьезных речей, в неформальном общении. Слушай сюда, без речей, без тостов – что у нас в ресторане? Заурядная пьянка, а с речами и тостами – меро-приятие.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Чай с огурцом.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Да, чай со словом, а слово со слезами смешанное... особо тут на «столыпинском отрубе» ... на виду все этой компании (*показывая на ареал из крапивы и бурьяна*).

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Да мы все это скосим. Вот сам и скоси, Андрей Васильич. Крапива свиньям на корм пойдет, а свининку на стол.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. И баранинку тоже – наше фирменное блюдо.

ПОВАР ИЗ РЕСТОРАНА. Это уж мы приготовим, не волнуйся – пальчики оближешь, я те дам да набавлю!

ГОЛОС АВТОРА. Подошла с дороги машина, и Повар из городского ресторана «Ливадия», он же по кличке Рассол Огуречный, исчез...

– ... как сон, как утренний туман, – шепчет под нос себе Андрей Васильевич – Пастух онегинский и косарь теперь ливадийский. Ему, а кому же еще косить всю эту траву крапивную, сшибать косьем и дубьем весь этот застарелый бурьян. Скрашивать существованье былого: как недавнего поселка, так и туда подальше во времени – «столыпинского отруба».

Пастух Кленышев, стоя на земле, а не на коне, может, впервые за все это лето, молча, длительно глядит вслед автомобилю.

И тут появляется опять же разведка из города – узники совести, родом из ближней деревни, допустим, Костюрино,

а живут сейчас в областном центре, допустим, в Орле. Как только грибам появиться (сюда, ближе к осени), так они тут как тут оказываются. Проходят по старым пням, по местам грибным, которые помнятся им еще с детства.

Из-за сирени выходят двое с лукошками – он и она. Родом костюринские – Митрошка и Зара.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. *(Узнавая их).* А-а-, первопроходцы?

ДВОЕ С ЛУКОШКАМИ – МИТРОШКА И ЗАРА. Да вот, заблудились, ищем дорогу.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Заблудились? Ходите, ищите? А тут ныне особо охраняемый объект. Тут, может, Президент скоро будет, а Губернатор это уж точно. Век живете рядом, в Костюрию, после в Орле. а как грибам появиться, так мы начинаем блудить.

ДВОЕ С ЛУКОШКАМИ, ОН И ОНА. А ты кто ж такой? Что-то не знаем.

КЛЕНЬШЕВ. Вон мой конь, вон сабля на ветке. И собака! Шарик!

ДВОЕ С ЛУКОШКАМИ. А-а, пастух! Экс-инженер, бывший директор?

ПАСТУХ КЛЕНЬЩЕВ *(приосанясь).* Н-ну! А еще я бомж, мужик, говорят, без всякого пьедестала.

ДВОЕ С ЛУКОШКАМИ – МИТРОШКА И ЗАРА. У нас на пьедестале только вожди.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Это у вас там в области все хорошее наяву, а у нас в районе столичного значения все в уме, то же самое, но подразумевается... Вон идите туда – лесочком, ободочком, а то Шарик по-костюрински не понимает, еще и покусает, штаны спустит.

ОБА С ЛУКОШКОМ, ОН И ОНА. Ну, мы пошли.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. С Богом, час добрый.

И тут подходит снова машина.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ *(замечая ее еще издали, от самого асфальта, едет сюда прямо по полю – мимо молодых сосновых посадок).* Машины эти! Носятся! Одна за другой. Прямо тебе день открытых дверей.

Это черная «Волга». Из нее выходит шофер Воеводы района – Клапан по-уличному.

КЛАПАН (*подавая руку*). Вот привез дочерь твою – Моника Андревну, булгактера нашего.

ПАСТУХ КОНЫШЕВ. Вот спасибочки! Моника!

Пауза. Никто не отвечает оттуда, из недр задних тонированных стекол, никто и не показывается из кабины.

КОНЫШЕВ. Что это она?

КЛАПАН. Потом узнаешь, отец.

Пауза.

КОНЫШЕВ (*заполняя паузу*). На черных «Волгах» прежде ездили Губернаторы.

КЛАПАН. А теперь на белых «Волгах», а то и вовсе на бронированных «Мерседесах». А черные «Волги» Воеводам передали – в районы.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Моника, дочечка! Выходи, наконец! Идем ко мне в хату, я тебе рюкзачок приготовил, кое-что в рюкзачке... фирменное...

КЛАПАН – ШОФЕР ВОЕВОДЫ РАЙОНА (*сгружая что-то объемное в больших целлофановых мешках*). Васильич! Переправь в «зеленый ресторан»... Нет времени, завтра приедем, поговорим...

МОНИКА АНДРЕЕВНА (*приоткрыв заднюю дверцу*). Папа! Мимо ехали, заскочили вот, нас там ждут на дороге... Завтра приедем...

АНДРЕЙ ВАСИЛЬИЧ. Я счас, в один миг!

И бросается за рюкзаком туда, к своей овцеферме. А когда возвращается, черной «Волги» и след простыл. Кленышев стоит, смотрит, как где-то там, по асфальтированной дороге, плавно скользит тень черной «Волги», унося его дочь.

Появляется Человек с ружьем – это известный на всю округу Охотник Лисицын.

ПАСТУХ КОНЫШЕВ. Еще не сезон, Евгений Димитрич, а вы уже тут, в наших краях, на охотничьих угодьях.

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН. Да Волк, говорят, у вас объявился. В самом деле режет овец-то? Или вы на Волка все валите?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Белый Волк – старый, седой. Овец не трогает, территорию знает.

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН. Волк есть волк, когда-нибудь себя покажет.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Евгений Митрич, вы идите себе, идите, а мы с Волком как-нибудь сами справимся (*Шепча*). То из Канады этого санитаря завозят, то из Рима идут сигналы, мол, Ромул и Рэм – эти дети человеческие – вскормлены были волчицей...

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН. Что это ты там бормочешь, Пастух?

КЛЕНЬШЕВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да так, ничего. Про Маугли в джунглях Индии, про кассу взаимопомощи.

Сцена вторая

Поселок Онегино, Стародубская ферма. Пастух Кленьшев и друг его старичок-рыбачок Спиридон.

Слышен стук топора и частые, дробные удары молотка. Это работает строительная бригада на объекте – по модернизации и совершенствованию «зеленого змия», готовятся к приему высоких гостей.

ПАСТУХ КОНЬШЕВ. Ишь, стучат! Стукачи! А прежде Ученый из Воронежа должен приехать.

СПИРИДОН. Где творчество, там и стучат. Вот и Человек с ружьем прошел, Андрей Васильич.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*насторожась*). А что – не к добру?

СПИРИДОН. Да это я так, овцы ходят одни.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. На то у меня овчарка, Шарик мой верный. Волка держит на расстоянии.

СПИРИДОН. Это хорошо. Не волка – человека надо опасаться. Особо с ружьем.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Лисицына? Он мой сосед, этот человек не опасный.

СПИРИДОН. А кто опасный?

Вопрос повисает в воздухе.

Пауза. А топор все стучит и стучит.

ПАСТУХ КОНЫШЕВ. Спиридон – по-гречески, а по-нашему, по-русски – чудотворец, Николай-чудотворец – покровитель Руси... Слышь, по телику что говорят? На западе Америки, где-то в районе Скалистых гор, есть племя индейцев: рекорд у них – до 700 километров способны пробегать за двое суток.

СПИРИДОН. Да ты что? Чудеса двадцать первого века?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Все из племени способны так бегать: старики, дети, женщины... Ученые выявляют пять принципов их невероятного. Вон бежит индеец-то, видишь по телику? Или босиком по камням, или в самодельных тапочках, с подошвой из автопокрышки... Так про пять принципов. Первое – не с пятки шаг у него, а, как у балерины, с носка, второе – выносливость, готовят организм, пьют свое кукурузное пиво. Третье – особый горный воздух. Четвертое – длительные тренировки, почту носят по горам за десятки, даже за сотни километров... А пятое – мелькнуло, я не запомнил... Как ты думаешь, Спиридон, что у них пятое?

СПИРИДОН. Эфиопы бегают здорово, побеждают на мировых чемпионатах, марафонский бег – 42 километра 195 метров, а тут – сотни километров и всего за двое суток... Как лошади...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Слушай сюда, это наводит на мысль. Может, такая наследственность? Человек из прежних эпох? Когда люди, может, с лошадьми состязались? Вон сказали, что это племя живет в Скалистых горах Америки пятьсот лет, учеными установлено. Интересно, а где они раньше были?

СПИРИДОН. Северные-то индейцы – это тебе не ацтеки, не майи.

ПАСТУХ КОНЫШЕВ. А северные индейцы – всякие могикиане, дакоты и прочие – откуда?

СПИРИДОН. Да, интересно, откуда?

ПАСТУХ КОНЫШЕВ. Из центра Азии, из Тувы. Там евразийский камень. Через Берингов пролив переправились они когда-то в Северную Америку. И что, интересно, в Туве, в тех

местах? Водится дикая лошадь Пржевальского – вот что... Вот с кем исторически люди могли состязаться, добывая себя хлеб насущный. Недаром ацтеки и майи от страха падали ниц перед первыми конкистадорами, прибывшими туда, в Америку к ним, на конях. Как перед богами – ниц падали... Легенды живут дольше людей...

СПИРИДОН. Ну, ты даешь, Васильич! Чудотворец!

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Поездий-ка на коне с моё, обогни земной шар разочка три – и ты запоешь... Вот какие способности могут быть у человека издревле. Есть такие феномены, у всех пять органов чувств, а у них десять. Проявляются такие особо в работе над словом – это писатели и в науке... Тогда гении – когда долго и глубоко, как эти индейцы...

СПИРИДОН. А в Южной Америке у Иммы Сумак, тоже индианки, голос через ущелье летел на километры и в три с половиной октавы... так?..

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Ждем Ученого из Воронежа. Говорят, тоже интересный мужик, неординарная личность. И что он там по «Слову о полку Игореве» накопал?

СПИРИДОН. Не только по «Слову», но и вообще.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Вообще, да. Ладно, ты сиди тут, лови мух в своем телевизоре, а я пошел к овцам. Как они там? Как мой Шарик справляется?.. Но, Чалый, стоять!..

Взнуздав коня, Пастух исчезает в зарослях, за прудовой плотинной. Спиридон остается один.

СПИРИДОН (*рассуждая вслух*). Ученого из Воронежа ждут. Так мы рыбки наловим (*насаживая мотыля и забрасывая удочку подальше от себя, почти к середине озера*). Плотины вроде бы есть, вроде бы пруд, а на самом деле озеро, реликтовое, бьют ключи, весь берег сочится...

Большаком в Ливадию протарахтел мотоцикл. Вскоре подходят двое: Родион Дерюгин – местный поэт, постоянно ездит сюда за молоком, а с ним еще мужик средних лет, с интеллигентной бородкой. Родиона Спиридон знает, а этот кто с ним? Ну, конечно, это и есть Ученый из Воронежа!

СПИРИДОН (*кланяясь ему*). Здравствуйте! Вы – из Воронежа? Мы давно вас тут ждем.

ЧЕЛОВЕК С БОРОДКОЙ (*улыбаясь*). И откуда знаете, что именно я и именно из Воронежа?

СПИРИДОН (*подавая руку*). Я – Спиридон! Земля слухом полнится, а человек – легендами.

ЧЕЛОВЕК С БОРОДКОЙ. Ого, заявочки! (*Знакомясь*). Лемуров Алексей Кириянович.

СПИРИДОН. Красивое имя! Алексей – божий человек.

РОДИОН ДЕРЮГИН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ (*улыбаясь*). Наш человек в Гаване.

СПИРИДОН (*поправляя Родиона*). В Воронеже?

АЛЕКСЕЙ ЛЕМУРОВ. Надеюсь, будем своими людьми и тут, в Онегино... и вообще во всех этих местах...

СПИРИДОН (*скромно*). Не Ялта, но и у нас тут Ливадия. Сейчас хозяин будет, прогонит овец и появится. Всегда на коне, земной шар уж раз пять обогнул...

АЛЕКСЕЙ ЛЕМУРОВ. Ничего себе!

РОДИОН ДЕРЮГИН. Преувеличивает. Раза три...

АЛЕКСЕЙ ЛЕМУРОВ. Чего?

РОДИОН ДЕРЮГИН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ. Обогнул.

СПИРИДОН (*скромно*). На коне можно. Вон индейцы в Скалистых горах Америки, так те восемьсот километров пешком за два дня.

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА. За два дня?

СПИРИДОН. Точнее, за двое суток. Если бежать день и ночь. И не как-нибудь, а с носка и в горном воздухе, а так же если выпить пинту кукурузного пива...

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА. Ну да, кукурузного. А вы что тут пьете? Молоко?

СПИРИДОН (*скромно*). Бывает.

РОДИОН ДЕРЮГИН. Грузите апельсины бочками. Вон под сиренью бутылки.

СПИРИДОН. Заметьте, с одной этикеткой. Ну, и как там у вас в Воронеже со «Словом о полку Игореве»? Тоже, говорят, Пушкин создал этот эпос? Как и тут у нас, на по-

селке кто-то создал «стольпинский отруб» имени Евгения Онегина.

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА ЛЕМУРОВ АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Поселок Онегино? Это хорошо. А где, собственно говоря, поселок?

СПИРИДОН. Поселок, собственно говоря, исчез во времени. Осталось одно только имя, так вот имя мы держим. Идет это, сами понимаете, еще от Столыпина. Столыпин – это, который у нас в Орле в качестве памятника, а в Киеве... студент его застрелил...

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА. Ну, хватит, хватит... вести беспредметные разговоры. Так где же хозяин?

РОДИОН ДЕРЮГИН. Молочка, может, выпьете, Алексей Кирьяныч?

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Пройдемся, сориентируемся на местности.

Через полчаса все четвером, вместе с хозяином они уж сидели за большим экзотическим пнем вместо стола. И от души угощались всякой местной продукцией и, естественно, разговорами научного содержания.

СПИРИДОН. Итак, начался диалог науки с производством.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Так пышно? Мы – люди простые, скромные, тоже пахари от земли. Отец мой был хлеборобом – на юге Воронежской области, в Таловском районе, в институте имени Докучаева.

КЛЕНЬШЕВ, ЭКС-ИНЖЕНЕР. Знаем, знаем. Возили туда нас, показывали.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Откуда возили, учились где?

СПИРИДОН. Да он был директором, а теперь вот Пастух.

ПАСТУХКЛЕНЬШЕВ – ХОЗЯИН ЭТИХ ПРОСТРАНСТВ. В Мичуринском сельхозинституте учился, на инженера-механика. А директором был – это штрих в моей биографии. Я землю люблю и людей от земли... и историю... Вот вы «Словом о полку» занимаетесь?

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Да, занимаюсь.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Интересное дело.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Я не жалуясь.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Можете о «Слове полку» рассказать в двух-трех словах, если вас попросить?

РОДИОН ДЕРЮГИН (*рассмеявшись*). В двух-трех словах? Поглядим, что из этого выйдет.

Оживление за столом, вернее, за огромным дубовым пнем тут вместо стола. Все обращены к высокому гостю – Ученному из Воронежа.

МЕСТНЫЙ ПОЭТ ДЕРЮГИН. Тост, тост! Без слова – пьянка, а со словом – мероприятие, ощущение времени.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Хозяин пусть скажет, ему слово. Андрей Васильич, прошу!

ВСЕ. Просим, просим!

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*поднимаясь во весь рост и кладя ладонь на пень*). Видите, сколько колец! Годы, века! Русь с древности, со «Слова о полку Игореве» и до нас, наших дней... Предлагаю тост за эти кольца, за «Слово о полку Игореве», за этого человека, который занимается нашим эпосом, нашей историей, золотым нашим «Словом», со слезами смешанным.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ (*вскочив*). Ого! Заявочки... Да здравствуют русские люди и вся наша средняя полоса! Спасибо, родные!

ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН. Нас мало, но мы, как говорится, в тельняшках.

СПИРИДОН. За морскую пехоту! Я был в морской пехоте в войну.

ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН. За действующую армию! За «Слово о полку Игореве» тут, в Онегино! За вас, дорогой наш гость, Алексей Кирьянович Лемунов из Воронежа – знаменитый ученый.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Мы – люди простые, это «Слово» у нас знаменито. Вон откуда протянулось – от пращуров наших, никогда не закончится, крепок с ним русский народ! За нас, за наше здоровье, друзья!

Сцена третья

*Там же, в Онегино. Те же. За тем же столом в виде велико-
лепного пня на месте когда-то векового, огромного дуба.*

МЕСТНЫЙ ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН (*запевая*).

«Среди долины ровныя

На гладкой высоте

Цветет, растет высокий дуб

В могучей красоте.

Все подхватывая.

В могучей красоте.

РОДИОН. Высокий дуб развесистый

Один у всех в глазах.

Один, один, бедняжка,

Как рекрут на часах.

Все подхватывая. Один, один, бедняжка,

Как рекрут на часах.

РОДИОН. Одних я сам пугаюся,

Другой бежит меня.

Все други, все приятели

До черного лишь дня!

Возьмите же все золото,

Все почести назад;

Мне родине, мне милую,

Мне милой дайте взгляд!

Все подхватывая. Возьмите же все золото,

Все почести назад;

Мне родину, мне милую,

Мне милой дайте взгляд!»

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Да! Да! «Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!»

ГОЛОС АВТОРА. И тут уж у всех нас нет ни западников,
ни славянофилов. Все одно!

ПАСТУХ (*повернувшись к Родиону Дерюгину*). Ты, что ль,
вчера был в черной «Волге» с моей дочерью? А чего не вышли
ко мне? Тайна какая-то? А куда ездили?

РОДИОН ДЕРЮГИН. Фольклор ездили собирать. В село Высокое, где бабки старинные песни поют.

КЛЕНЬШЕВ. А Моника? С тобой была?

РОДИОН ДЕРЮГИН. Уполномоченная она, закреплена от Администрации... по правам человека...

ЛЕМУРОВ АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Ах, по правам человека? Это интересно... И земство есть у вас, как в Белгородской области?

РОДИОН ДЕРЮГИН (*Кленьшеву*). Фамилия, говорит мне, у тебя некрасивая для поэта, смени.

СПИРИДОН (*коснеющим языком*). Кто это говорит? Морду набью.

РОДИОН ДЕРЮГИН (*на Кленьшева*). Да вот его дочь, Моника Андревна... Твоя дочь, Андрей Васильич...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Так это... мы отклонились от темы (*обращаясь к Ученому из Воронежа*). Алексей Кирьяныч, вы обещали про «Слово о полку» в двух-трех словах.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Если в двух словах... все и так вам, скорее всего, известно. Аудитория подготовленная.

СПИРИДОН (*кивнув на телевизор «Юность»*). Такая снасть заснуть не даст(ь).

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Всякие версии существуют: про самого Пушкина, про сгоревший дом Мусина-Пушкина, про эпосы всех народов – надеюсь, вы все это знаете?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Да знаем, знаем.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Вы тут со своими выносливыми, быстробегущими индейцами натолкнули меня на одну интересную мысль... Давно думаю об этом... О человеке с экстраординарными способностями... Особенно к слову! Как таковому... И тут у нас Онегино, Пушкин, а там у вас Ока, а по Оке – Сергей Есенин... В Константиново по Оке он родился, а в Орел на Оке приезжал – на родину Зинаиды Райх, к любимой жене, у него от нее было двое детей – сын и дочь... А знаете, где Есенин венчался с Зинаидой? На Соловках. Пишут, «попик один там соединил нас узами брака»...

СПИРИДОН. Ну, и что?

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. А теперь попробуем соединить одно с другим... Вот мы говорим про «Слово о полку» как об эпосе. И такие эпосы есть у многих народов, но я один хочу выделить, который мы едва не забыли: у карелов – это «Калевала»... Попробуем разобраться... Я давно интересуюсь, как расшифровывают тексты. Американцы, например, изобрели шифровальную машину. Скажем, прототип нынешнего компьютера. Расшифровали во время второй мировой один, невероятно трудный текст у японцев (они взяли шифр у одного из племен североамериканских индейцев). Так вот, расшифровали американцы тот текст и сбили самолет с японским командующим, летевшим на Гвадалканал, и тем быстрее завершили войну...

СПИРИДОН. Ну, и что? Ну, и что!

УЧЕНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖА. Переходим к главному. В трудных текстах короткие слова (предлоги) выражают отношения между смысловыми словами, а смысл слов редко выражается кратко (приставки, суффиксы, окончания)... А я нашел слово – краткое и самое главное сразу во всех языках. Представляете?.. Во всех европейских языках, в языках индо-европейской группы это уж точно... Слово «ар»! Во всех его модуляциях: «ор – ол – ал – эль – эр»... Это как ключ ко всем словам индо-европейских языков, то есть к словам, идущим от ариев («арий» – это в переводе «движение»). Арии – люди от Солнца (солонце – оло – оро – аро – ар). Они пришли или с Неба, или это осколок прежней цивилизации, тоже, может, пришли на Землю, с небес. А все, что тайно, то надо узнать, изведать. «Ведь» – эпос из Индии. А в Индии до сих пор живы легенды (в Гималаях – жили ранние христиане, и немцы этим весьма и весьма интересовались, нацисты, арийцы, с нечеловеческой идеологией). В Индии до сих пор живы легенды о некоем счастливом Белом острове где-то на Севере, установлено: на Соловках. Там было когда-то тепло, и сейчас растут зеленые водоросли-ламинарии, морская капуста, как где-то на Юге (например, на Балтийском берегу или южнее Владивостока, в бухте Посъет)... Мысль улавливаете, господа офицеры?

ВСЕ ХОРОМ. Улавливаем, улавливаем. И что дальше?
УЧЕННЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖА. А почему тепло было на Соловках?

СПИРИДОН. Да, почему?

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Земля через семьсот – восемьсот тысяч лет переворачивается, меняя полюса. От нагрывших холодов арии спускались вниз, то есть на юг, по Уралу до Арала (Ур – ал) и далее на юг шли на Гималаи (ранние христиане). С юга Урала арии двигались в разные стороны: на Восток и Запад. Если учесть Юг и Север, то получается крест. Плоский крест, если по Земле. А если еще и вертикаль поставить, устремленную к Солнцу, то объем получается, божественность креста... Здесь и находится Разум Земли, отсюда и происходит первый Спаситель мира по Ницше – Зороастр, Заратустра.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Вот накопал! Вот накопал!

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Ну, так переходим к главному – к частичке «ар» в словах. Все слова бери и увидишь: какие они, от кого? На Западе древние коренные народы – это кельты, в Англии – друиды, на Востоке – евреи, тут у нас – угро-финские племена. И на всех их веками ложились волнами арии. Ходили туда-сюда, то с Востока на Запад, то с Запада на Восток...

Что же у нас с «Калевой»-то получается? «Ал» – «ар», дважды «ар», может быть, и два слова вместе. Проверятся на «арийскость», «арийское» слово. «Коло», «вала» – около в'ала – осоло вала – Солнце у ала-ара и т.д.

Атлантов зовут еще и «ариями», спустившимися с небес. И где они – те атланты? Крупные, светловолосые, с голубыми глазами... Такая параллель. В Беловежской пуще уничтожены были зубры, их выводили, идя назад, по коровам, сохранившим признаки зубров. Теперь зубров целое стадо, им ничто не угрожает, досталось и вам сюда с их стола, передали часть и Орловскому Полесью... А в Америке они назывались «бизонами», и бродили они стадами, пока оказавшиеся тут европейцы всех их не перестреляли... Так и нацисты восстанавливали

«арийскую» породу людей. Но вся беда в том, что делалось это по-зверски, уничтожая другие нации...

СПИРИДОН. Так все-таки что с «Калевалой»?

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА, АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. А то! Гора Секирная на «Соловках» – это не что иное, как пирамида. И около есть еще пирамиды – по Карелии («Карелия – «к – ар», «Соловки – соло – солонце – солонце, – ол – ар), другое развитие: Соловки – соло – коло – каро – каре – Карелия). Родственные, почти одинаковые слова... Вот почему тут под венцом с Зинаидой Райх оказался Сергей Есенин – этот человек златовласый, голубоглазый...

МЕСТНЫЙ ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН (*живо, заинтересованно*). Выходит, Есенин знал? Про ариев, про атлантов?

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА (*пожав плечами*). Предчувствовал.

РОДИОН. Откуда?

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Может, что-то шло от Анны Снегиной – Кашиной, фрейлины царского двора. А может, от священника Константиновской церкви, что была прямо напротив есенинского дома.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*перекрестившись*). Все может быть. Пути Господни неисповедимы.

МЕСТНЫЙ ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН. Потому и пронзил он Русь, сердце всякого русского. Выходит, попал в самый космос... Знал «черного человека», написал шедевры из «Персидских мотивов», а Персия – это Иран, что в переводе страна ариев...

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Вывод какой? Главное – в чем? Где-то там в глубине человечества люди имели больше органов чувств, были острее, ближе к природе, что, в конце концов, и отражалось на Слове. Столько всего сохранилось у язычников, для их речи было немало тогда характерного только для них. Уходило, забывалось и отмирало, а в новые времена набирались в людях свои обороты, являлось новое слово, своя речь... Записанное на жестком «диске памяти» – это прорывалось порой как прошлое – в поколениях, в некоторых из людей.

МЕСТНЫЙ ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН. Это гении? Они что – все это про себя знают?

УЧЕНый ИЗ ВОРОНЕЖА, Что-то знают, а что-то предчувствуют. Богом дано им, у них это врожденное. Например, Лев Толстой. Его Платона Каратаева из «Войны мира» прежние критики относили к «пейзанам» – карикатурным крестьянам. Это Лев Толстой-то не знал досконально крестьянство? Платон – ключ, имя. После Аристотеля, под его эгидой двадцать семь веков европейской цивилизации, только сейчас поворачиваемся снова к Платону. «Каратаев» – фамилия, проверяется на «арийскость»: карат – мера алмазов, алмаз, – подразумевааясь при этом, тоже проверяется на «арийскость». Само название всего произведения «Война и мир» взято у древних философов, у милетских греков. Платон Каратаев – это уже не «пейзанин», шаржированный крестьян из Отечественной войны 1812 года. Это в виде его образа уже взгляд на события из веков, с высоты мира. Это лира со стороны философа, острый взгляд божий – от Платона, еще до таких, как Александр Македонский, у которого Наполеон взял немало уроков для своей армии и империи. Но боги покинули его, когда он бежал из Москвы, вот что получается у нас, если применим «арийскость»...

И тишина. Слышно было, как прихрустывает валежник где-то там, на стежке сюда от Ливадии, из «зеленого ресторана».

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ, ХОЗЯИН ВСЕХ ЭТИХ МЕСТ. Это – Волк! Старый, уже обтрепанный, обессиленный Белый Волк! Наконец-то решил пойти на овец, на отару. Зашел с боку, хитрюга... Эй, Шарик! Апорт... Эй, Чалый, ко мне! (*Гостям своим*). Подождите, я скоро...

Сцена четвертая

Там же, поселок Онегино, Стародубская ферма. Те же. В ожидании Пастуха. Наконец, на своем Чалом со стороны озера появляется хозяин всех этих мест Пастух Кленышев. Спешившись, набрасывает повод на столб под кленами. Подходит к гостям.

СПИРИДОН. Где был, Васильич?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. С Волком разговаривал.

РОМАН ДЕРЮГИН. Как с Волком?

УЧЕНЬИЙ ИЗ ВОРОНЕЖА. Как с Волком?

Экс-инженер берет свой брезентовый рюкзачок, приготовленный еще вчера для дочери, собирается куда-то опять.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Васильич, как это можно с Волком разговаривать? Объясни.

КЛЕНЬШЕВ. У меня с ним диалог. Уж давно. Волк этот старый, умный, давно тут живет. Скорее всего, овчарка – собака. Одичала только. А может, и волк. Может, от него и мой Шарик, тоже волчьей породы. С конем я разговариваю, когда одиноко тут, с Шариком разговариваю, а с Белым Волком чего не поговорить? Я его разубедил на овец нападать, дорого это ему обойдется. Не стоит ему такие дела затевать. Живешь и живи, пока тут живется. А то можно и передумать...

СПИРИДОН (*иронично*). И что он сказал?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Все понял. Однако зубы показал. Что-то не понравилось мне в нем, в глазах его мелькнула неискренность. Я думаю так: слышит он стук топора, людей видит, все какая-то суета. «Суета сует все суета», – как сказано в «Экклезиасте». Вот он и выражает мне свое недовольство. Я уж ему объяснил, что это все от меня не зависит. Говорю, собирается общероссийское Совецание по зерноводству. Будет, может, даже сам Президент, губернаторы сорока восьми областей, новый наш Губернатор приедет... «Щелково – агрохим» – такая фирма есть – все это проводит. Я бы предложил провести все это под эгидой фонда «Русское поле».

СПИРИДОН. А откуда ты все это знаешь, Андрей Васильич?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. От Лесничего, а Лесничий знает по заказу на баранинку, полученному от Администрации. А еще ... откровенно сказать... от дочки моей, она тоже у них там в Администрации.

Раздается сигнал автомобиля, это опять черная «Волга» – стоит на дороге от большака к Ливадии, у «зеленого

ресторана». Появляется шофер Воеводы района – Клапан здравается за руку, подходит к Ученому из Воронежа.

КЛАПАН. Алексей Кирьянович, Глава Администрации к себе приглашает. Вон машина, вас ждут.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ ЛЕМУРОВ. По какому вопросу?

КЛАПАН – ШОФЕР ГЛАВЫ (*пожимая плечами*). Не знаю. Может, по поводу вашего участия в Совещании? Ну, чтобы рассказали им, над чем вы сейчас работаете. Важный вопрос, говорят, с точки зрения демографии.

АЛЕКСЕЙ КИРЬЯНОВИЧ. Так и сказали? Насчет демографии?

ШОФЕР ВОЕВОДЫ РАЙОНА. Так и сказали.

УЧЕНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖА (*поднимаясь из-за стола и обращаясь ко всем остающимся тут*). Ну, что, дорогие мои, до новых встреч? Я пошел...

Просигналив три раза, черная «Волга» исчезает на большаке, улетает по асфальту в сторону районного центра – Малого городка. Все оставшееся за столом, вернее, за огромным дубовым пнем, превращенным в стол, сидят какое-то время молча, переваривая момент. Первым подает голос хозяин всех этих мест – Пастух Кленышев, Андрей Васильевич, экс-инженер.

КЛЕНЫШЕВ. Ну что – подведем итоги, обсудим и переварим услышанное?

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК СПИРИДОН. Допереть надо мозгами-то, дойти до всего, что тут мы слышали. Вместе как-то лучше получится, да и быстрее сообразим, что к чему.

МЕСТНЫЙ ПОЭТ РОДИОН ДЕРЮГИН. Качественнее.

КЛЕНЫШЕВ. Ну, что – каждый выскажет свое мнение, и кто первый?

СПИРИДОН. Васильич, ты прямо как бывший директор, за столом буквой «П». А тут стол у нас круглый, без всяких углов, притом представляет даже пень дубовый, с вековыми годичными кольцами... Говорим вольно, не под протокол, как Бог на душу положит...

Вот я, например, думаю так. Появление у нас тут такого Ученого из Воронежа – это явление. Как Христа народу. Картина есть такая, кажется, у художника Иванова, где Христос смотрится через ветку.

РОДИОН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ. А для чего через ветку-то?

СПИРИДОН. Для художественности. Для осознания Бога с небеси в юдоли земной.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Не отвлекайтесь от темы, от «Слова о полку Игореве».

СПИРИДОН. А мы, собственно говоря, и не отвлекался. Подбираемся к самому главному: союзу Земли и Неба, заключенному в «Слове». Вот что, на мой взгляд, в этом нашем эпосе самое главное. Помните, черное солнце встречает князя Игоря, когда он отправляется в поход на половцев?

РОДИОН ДЕРЮГИН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ. И черная «Волга» приезжала. И «черный человек» приходил...

СПИРИДОН. Господи, какие мы эрудированные, прямо-таки полуглоты.

РОДИОН. Полиглоты. Не эрудиция, а суеверие это.

СПИРИДОН. Нет, полиглоты. Не перебивай.

РОДИОН. Западник ты. Слова суешь иностранные, когда сам чего-то недокумекиваешь.

СПИРИДОН. А ты – славянофил. «Недокумекиваешь!» Сказал бы, мол, не понимаю. Все надо выпендриваться, из себя выходить, когда можно обрисовать одним словом, взятым, например, из латыни.

КЛЕНЬШЕВ. Лучше все-таки из древнерусского, старославянского. Ближе к теме, к «Слову о полку Игореве»...

РОДИОН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ. Вон даже паτριарх Кирилл служит в храме и то не на греческом, не на древнерусском, а просто на русском, на современном. Чтобы было понятно, доходило в храме до каждого ...

СПИРИДОН. Ух, какие мы умные – славянофилы! А западники, выходило, дураки, да? Почем зря слова иностранные употребляют.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*увещевая*). Товарищи, товарищи! Вы прямо, как стадо баранов... Говорю, отклонились от темы,

а тема у нас «Слово о полку Игореве». И что сказал об этом Ученый из Воронежа, как его фамилия?

ОБА СРАЗУ – ПОЭТ И РЫБАК, ДЕРЮГИН И СПИРИДОН. Да Лемуров, Лемуров... Прямо как будто не из Воронежа, а с Мадагаскара. Там такие лемуры водятся на деревьях. Не поймешь что – не то кошки, не то рыси...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (*подхватывая идею*). Вот так и индейцы те, что бегают по восемьсот километров за два дня, как и эти лемуры, – осколок, скорее всего, прежней цивилизации. Так и лошадь-то столько не пробежит, сдохнет. Это как отсюда почти что до Санкт-Петербурга, представляете?

МЕСТНЫЙ ПОЭТ ДЕРЮГИН. Я про другое: про пирамиды. Гора Секирная на Соловках – это, скорее всего, пирамида. И по Карелии кое-где пирамиды. И по степи – курганы, земляные насыпи... Усопшему вождю горстью воины сыпали...

СТАРИЧОК-РЫБАЧОК СПИРИДОН. Строили из того, что под рукой было. Из земли.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. И так далее. Кстати, о пирамидах. Например, где-то под Херсоном... я читал... это у Севастополя. Пирамиды эти в Египте, в Индии, в Южной Америке... Где первые, где вторые?..

МЕСТНЫЙ ПОЭТ РОДИОН. Я думаю, везде они были одновременно. Меня вот что остро задело: это то, что Сергей Есенин венчался на Соловках... Что он златоглавый, голубоглазый... выходит, отпрыск?.. Пронзил Русь в самое сердце...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. А меня, откровенно сказать, Лев Толстой со своим Платоном Каратаевым. Заметьте! Когда Сергей Есенин уже после Айседоры Дункан женился на внучке Льва Толстого, то что говорил Есенин, от чего он страдал? «Борода», говорит, задавила меня у внучки Толстого... А Лев Толстой был с бородой...

СПИРИДОН. Да, а если по Платону Каратаеву судить и по Соловкам, то Лев Толстой с Сергеем Есениным одних, выходит, глубин и корней?

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Выходит, так.

СПИРИДОН. Вот, брат, каков этот Ученый из Воронежа! Как нам душу тут всем разбередил.

РОДИОН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ. Когда я вояжировал из Чернигова на Воронеж...

СПИРИДОН (*перебивая его*). ... а я из Воронежа на Чернигов...

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*перебивая и его*). ... то, что было? Солнечное затмение, черное или белое солнце в пустыне? Но факт остается фактом, «Слово о полку Игореве» – наш русский эпос, до Пушкина его не было, а теперь, слава Богу, он у нас есть. Чтобы считаться Великой, Русь наша должна иметь свой эпос, вот она его и имеет...

Ну, я пошел! Теперь надо в оба смотреть за овцами. Волк вышел у меня из доверия. Шарик один с ним не справится, а может, и не будет справляться. А? Такие пироги. Прямо-таки по Крылову: беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...

РАЦИОН – МЕСТНЫЙ ПОЭТ. Конечно, а экс-инженеры, директора заводов начнут гонять овец по буграм.

СПИРИДОН. А поэты писать вирши местного уровня и содержания.

Пастух Кленьшев на своем Чалом отправляется к овцам, и старичок-рыбачок с местным поэтом остаются одни.

РАДИОН ДЕРЮГИН, Ну что – по черепушке?

СПИРИДОН. Кому?

РОДИОН. Сабе и тебе.

СПИРИДОН (*засмеявшись*). Заметь, не я первый это предложил.

Появляются двое с лукошками: она и она.

РОДИОН (*подозрительно*). Опять вы тут? Да кто ж вы такие?

ОН. Вы не знаете, как пройти на Костюрино?

ОНА. Мы – грибники, пошли за грибами и заблудились.

РОДИОН (*напевая*). «Не думай о секундах свысока». Знаю, кто вы! Вы – Штирлицы, разведчики из города. Рыскаете тут по объектам.

ОНИ (оба сразу, сердито). А вы кто такие?

Пауза. Вопрос повисает в воздухе.

Грибники уходят. Появляется Человек с ружьем.

СПИРИДОН (подталкивая Родиона). Не к добру. То охотники за грибами, а то охотники на...

РОДИОН. На кого?

Пауза. Вопрос повисает в воздухе.

СПИРИДОН. Человек! Ты почему с ружьем? Ведь еще не сезон на охоту?

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ. Ну, вот сезон и начался, на утку. Слышите?..

По соседству тут в Ливадии, раздавался стук топора, кое-когда перебиваемый шлепаньем молотка. А где-то в отдалении, на болотах, как точка при запятой, повисали глуховатые оружейные выстрелы. Охотничий сезон, действительно, начинался.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие происходит во всех трех местах, слитых воедино: то в Онегино, на Стародубской ферме, то рядом в Ливадии, в зоне «столыпинского отруба», «зеленого ресторана», то на месте бывшей помещицкой усадьбы – на Абрикосовой просеке, ведущей к частновладельческой пасеке. И везде главный герой – Пастух Кленьшев, экс-инженер, хозяин всех этих странств, слуга всех господ.

Сцена первая

Абрикосова просека. Бывшая мелкопоместная усадьба. Пасека трех совладельцев, за которыми приглядывает опять-таки Кленьшев Андрей Васильевич – Онегинский пастух. На пасеке – частновладельцы. Представитель из области, не пожелавший обнародовать свою фамилию, молодой следователь Районной прокуратуры Игнат Жигалкин по кличке Пресс-папье и Воевода района Папарацин.

АВТОР. Заметьте! Воевода тоже пожелал остаться без имени, как и Представитель из области. Довольно частое пребы-

вание Воеводы тут, на пасеке, позволяет предположить, что он и есть то самое третье лицо, владеющее все этой Абрикосовой пасекой на паях, занимающееся втайне, помимо всех своих чинов и регалий, еще и бизнесом (по-западнически), то есть частным предпринимательством (это по-нашему, по-славянофильски).

В отсутствие «слуги трех господ» – Онегинского пастуха Кленышева, обсуждаются главные вопросы, сведенные к одному воедино: гамлетовское, то есть опять-таки западническое: быть или не быть? (Особо перед возможным приездом самого Президента) и отечественное, славянофильское: что делать?

Воевода района, конечно, на высоте своего положения, но тут он выступает как частное лицо, представитель мелкого бизнеса. Не только молодой следователь Районной прокуратуры, но даже Представитель из области ждут от него общей установки: как быть и что делать? До вопроса с конца «кто виноват?» еще далеко.

ВОЕВОДА РАЙОНА. Господа офицеры! Действительно, возможен приезд самого Президента. Это как «ревизор» у Гоголя, но не инкогнито из Петербурга, а самое настоящее – первое, открыто доверенное лицо. Отсюда, действительно, возникает гамлетовский вопрос: быть нам тут или не быть?..

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИГАЛКИН, ПО КЛИЧКЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ. Я не офицер, в армии не служил, по причине плохого здоровья.

ПАПАРАЦИН-ВОЕВОДА (*подавая реплику*). Знаем, мать райвоенкому взятку дала.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Пчеловод. Еще когда взятками занимался.

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН (*не обращая внимания на замечанье*). Так я о чем?

ОБА ДРУГИЕ В ОДИН ГОЛОС. Да, о чем?

ПАПАРАЦИН – ВОЕВОДА РАЙОНА. Мы с Пресс-папье ранее строительные вагончики сюда привезли. (*Обращаясь к Представителю из области*). А вот списанный автобус марки ПАЗ (Павловский автозавод) ты доставил сюда анадьсь...

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ (*насторожившись*). Намедни! Намедни доставил.

ПАПАРАЦИН – ВОЕВОДА РАЙОНА. Совсем недавно. В автохозяйстве списали, а еще бы мог походить.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Зачем ему ходить? Все машины в стране под пресс... папье... указание премьер-министра, чтобы дать работу автозаводам... Браточки, все оформил, как следует...

ПАПАРАЦИН – ВОЕВОДА РАЙОНА. Может, мы прекращаем хоть на какое-то время предпринимательскую активность? Вывозим пасеку отсюда, допустим, в Костюрино?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. То сюда, то отсюда. А за кран деньги плати. Нет, я не согласен, у меня по документам все чисто.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО КЛИЧКЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ. А у нас чисто за давностью лет.

ВОЕВОДА РАЙОНА. Ну, тогда как же быть? И что делать? Чтобы прийти к консенсусу.

ПРЕСС-ПАПЬЕ (*сквозь зубы*). Опять западничество. Что нельзя сказать по-русски – прийти к общему знаменателю?

ПАПАРАЦИН – ВОЕВОДА РАЙОНА. Вот еще нашелся! Пресс-папье! У тебя кличка – тоже слово нерусское.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ, ОН ЖЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ. А ваша фамилия?

ПАПАРАЦИН – ОН ЖЕ ВОЕВОДА РАЙОНА. У меня такая фамилия.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. От отца?

ВОЕВОДА РАЙОНА. Ну, Следователь! Я бы тебе сказал, да не до того. Так что делать будем?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Мужик какой-то бродит с ружьем, видел намедни.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Анадысь! И я видел. Это Лишцын – Охотник из города. Потомственный, у него ружье еще от отца.

ВОЕВОДА РАЙОНА (*с размышлением*). Может, декорации сменим?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Какие?

ВОЕВОДА РАЙОНА. Да наш слуга – этот Пастух, выходит, не наш человек из Гаваны. Из другой системы.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Ну да, из системы Лесничего. Этот Старый Дуб себе на уме.

ВОЕВОДА РАЙОНА. Так что? Заменяем Пастуха Кленышева Охотником этим – Лисицыным?

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. А я не согласен, у меня ульи дают хорошо... Может, мы это... скинемся, и телевизор Пастуху купим, чтоб языком не трепал? А то какого-то Ученого из Воронежа туда к себе притащил, обсуждают вопросы.

ВОЕВОДА РАЙОНА. Ну, и пушай обсуждают, если они злободневные. Например, это Совещание, приезд Губернаторов. Нашего нового Главу области народ должен знать в лицо.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ (*хватаясь за голову*). О Господи! И этот славянофил! Один – «пушай», второй – «намедни»... Знать надо русский язык, без отклонений...

ВОЕВОДА РАЙОНА. Мы – средняя полоса. Даже Грозный говорил, что отсюда пошел русский язык, нам иногда можно отклоняться.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. А где говорил Грозный-то? В каком произведении?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ (*Следователю*). Тебе это надо?

ВОЕВОДА РАЙОНА. В «Вопросах по языкознанию».

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот словотворцы народные! Картина маслом... А между прочим, масла, собственно говоря, в городе не хватает. Собственного производства. Это вопрос к вам, господин Папарацин.

ВОЕВОДА РАЙОНА (*недовольно*). Да увеличим, увеличим!

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ, ОН ЖЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ. Привезем масла из Белоруссии?

ВОЕВОДА РАЙОНА (*морщась*). Да свое, свое производство увеличим! На своем молокозаводе.

ПРЕСС-ПАПЬЕ (*довольный собой, тем, что одерживает верх*). Тришкин кафтан! Масло увеличим – молока уменьшим,

а его и так дефицит. Да творог пойдет еще хуже – совсем сухой. Картина маслом, и так сыплется через пальцы...

ВОЕВОДА РАЙОНА. Не в пальцы надо брать, а в рот.

МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. У меня жена продукты покупает.

ВОЕВОДА РАЙОНА (*тут же взвываясь над ним*). Молод еще! Разбираться в наших делах... Ставлю вопрос о консенсусе. Полагаю, что на Лисицына и ты, Жигалкин, согласен... Ну, временно, временно...

ИГНАТ ЖИГАЛКИН, ОН ЖЕ МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ, ОН ЖЕ И ПРЕСС-ПАПЬЕ. Ну, если временно...

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН. Голосуем! Все «за». Принято единогласно.

ИГНАТ ЖИГАЛКИН, ОН ЖЕ МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ РАЙОННОЙ ПРОКУРАТУРЫ. И кто будет с этим «консенсусом» договариваться? Лисицы относятся к разделу «Живая природа». Давайте поручим Лесничему.

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН (*твердо теперь уж, с браздами в руках*). Нет уж! Лисицын – Человек с ружьем? А ты у нас, Жигалкин, силовая структура, вот с Лисицыным и договаривайся. Будет при деле хоть человек, а то бродит с ружьем по лесам и долам, представляя опасность... Намедни в Ливадии видел, а это особо охраняемый ныне объект...

ИГНАТ ЖИГАЛКИН, ОН ЖЕ МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ, ОН ЖЕ ПО-НАРОДНОМУ ПРЕСС-ПАПЬЕ. Опять «намедни»! Господи! Да когда ж это кончится? (*Представителю из области*). Как хоть сказать-то «консенсусу» про вас, господин офицер?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ. Без фамилии. Я после фамилию себе подберу. В зависимости от ситуации.

ЖИГАЛКИН, ОН ЖЕ МОЛОДОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, тогда позвонишь... намедни или анадьсь... «Вечор – ты помнишь вьюга злилась»...

ВОЕВОДА РАЙОНА. Пушкин? Сегодня не до того... Ну, разбежались?

ЖИГАЛКИН (*Представителю из области на Папарацина*). Пущай едет, а мы тут с тобой побудем еще. (*Запевая*)... Красотки, красотки кабаре! Консенсус, консенсус, консенсус хорошо-о-о... Приглашаю, Представитель, тебя в свой личный гарем... в автобус...

АВТОР. *Договорился Игнат Жигалкин с Лисицыным уже на другой день. Время торопит, коту за хвост долго тянуть некогда. Мир природы требует быстрых консенсусов и коротких согласований.*

ЖИГАЛКИН, ОН ЖЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ (*обращаясь к Лисицыну, думая, какую бы ему выбрать линию – силовую или приятельскую*). Митрич! К тебе обращаюсь, пень, слушай сюда! С тобой говорит друг, но не забывай, что и я силовая структура.

ЛИСИЦЫН (*приостанавливая движение по лесу в западном направлении*). Нам это без разницы. Я – Человек с ружьем!

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. А что это значит?

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН. А то! Что у народа терпение лопнуло.

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. Это кто народ – ты?

ЛИСИЦЫН. Ну, не я, а лесные наши сестры и братья. С детства с ними имею дело – с этими волками, лисами, бобрами...

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. ... мышами, крысами...

ЛИСИЦЫН. Нет, такой мелочью не занимаемся. Не нравится – можешь идти по лесу и в восточном направлении.

ИГНАТ ЖИГАЛКИН (*приходя в себя*). Мы, конечно, силовая структура. Но на нашем направлении консенсус тоже необходим.

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН (*четко и ясно*). Что вы от меня хотите, господин офицер?

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. Я – не офицер, я – власть!

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН. Ну, так бы и говорили. А то Пресс-папье...

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. Мы хотим, чтобы ты нам тут дачу... ну, пасеку, пасеку чтобы покарнул, пока пройдет Совещание. Че-

ловек ты с ружьем, обращаюсь по адресу... Наш адрес, как это: «Наш адрес – Советский Союз»... Есть консенсус, согласен?

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН. На что... согласен? Развалили Советский Союз?..

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. Кто развалил?

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН (*тоже стиснув зубы*). Как кто? Вы – чиновники.

ИГНАТ ЖИГАЛКИН. А вы где были, низы народные? Никто не вступился...

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН (*махнув рукой*). А-а, ладно. Чего там, покараулим.

ИГНАТ ЖИГАЛКИН (*весело*). Ну, вот и с тобой нашли этот самый консенсус, быстренько пришли к общему знаменателю.

Сцена вторая

Поселок Онегино, Стародубская фирма. Пастух Кленьшевы и друг его – старичок-рыбачок Спиридон.

СПИРИДОН. Зажился я, Васильич, у тебя тут, в поселке. Уж три дня живу, поря восвосяи.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Да живи, чего тебе. Свободно, место не проживешь. Телевизор хозяин обещал, совсем будет хорошо... с культурной программой... Тут у нас берет четыре канала...

СПИРИДОН. Поселок называется, а кроме фермы – ничего. Миф какой-то, призрак это Онегино.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Зато Пушкиным, Русью пахнет.

СПИРИДОН. Маленький свой, портативный на время могу оставить.

КЛЕНЬШЕВ. Телевизор? «Юность»? Не надо. У меня «Спидола», вполне достаточно радио.

Появляется та самая черная «Волга» – машина Воеводы района.

ШОФЕР ВОЕВОДЫ КЛАПАН (*галантно приоткрывая заднюю дверцу*). Выходите, леди.

Возникает улыбающееся лицо дочери Кленьшева – Моники, Моника Андреевны, бухгалтера районной Администрации.

МОНИКА (*бросаясь к Кленышеву и обнимая его*).

КЛЕНЬШЕВ. Ну, что? Сошло с тебя?

МОНИКА. Что?

КЛЕНЬШЕВ. Стыдоба за отца... за бомжа...

МОНИКА АНДРЕЕВНА (*вся сияя*). Я тебе, отец, вот что привезла (*подавая пакет*).

КЛЕНЬШЕВ. Что это, доченька?

МОНИКА. Подарок, папа. Когда-то обещала, теперь только осуществилось. Путевку дали мне в санаторий... В Кисловодск, на Минеральные Воды... А у тебя желудок. Вот я тебе и передаю, тебе нужнее. Езжай, подлечись...

КЛЕНЬШЕВ (*рассматривая пакет со всех сторон*). А так можно, доченька? Другому лицу.

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Договорилась, сказали – можно... Вот и билет взяла – туда и обратно...

СПИРИДОН. Поезжай, Андрей Васильич. Хоть раз в жизни потрешься возле начальства. Там же, небось, со всей России начальники-то.

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Нет, почему же? Там есть и простые люди, как мы.

СПИРИДОН. Какая же ты простая? Ты – главбух!

МОНИКА. Не главбух.

СПИРИДОН. Ну, бухгалтер Администрации. Все равно элита общества, не то что отец... Поезжай, Васильич! Советую от души...

Кленышев кладет пакет в карман своей рыжей кожаной куртки, вскидывает свое легкое, пружинистое тело в седло, собирается к отаре своей – туда, за озеро, на бугры.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*слегка задержавшись, дочери*). А кто ж кормить-то коня мово будет, а?

МОНИКА. Найдут кого. Глава говорит, незаменимых у нас нет.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Так у нас другая система – частная. Лесничий у меня хозяин, Стародуб этот.

МОНИКА. Ну, значит, Глава Стародуба попросит, чтоб на время тебя заменили...

КЛЕНЬШЕВ (*рассмеявшись*). Видала, дочь, кино такое, еще довоенное: «Свинарка и пастух»? Так вот, я один тут сразу в двух лицах: и свинарка, и пастух. А что – надо бы и отдохнуть.

МОНИКА. Ну, свинаркой и я могу тут побыть. Покормить твою Хавронью Васильевну... Вон шофер наш меня будет возить, чтобы комбикорм давать...

КЛАПАН. Да чего там, тут рядом. Подскочим.

МОНИКА АНДРЕЕВНА. А что недельку – другую и сами тут поживем с Ирочкой, твоей внучкой, она на каникулах.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*дергая поводья*). Тогда ладно... тогда еще поглядим...

Со стороны Ливадии, от «зеленого ресторана», выныривает из овражка Дроботов Егор Семенович – тоже начальник, бывший его заместитель на заводике в Малом городке, с ним его молодая жена Клеопатра.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*придержав коня, подает с седла руку Дроботову*). Ну что – не повысили в должности, так и ходишь в замах?

ДРОБОТОВ. Так и хожу. Но это меня не колышет.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*сидя на коне, с высоты своего положенья*). А кого волнует, Егор Семеныч? Её? (*Показывая плеткой на его молодую супругу*).

КЛЕОПАТРА (*гордо*). И меня не колышет. Все равно он в номенклатуре!

ПАСТУХ КОЛЫШЕВ. Как покраснела... Съели директора, и вас теперь это никак не колышет, никаким образом. А нам, Чалый (*хлопая коня ладонью по шее*), и так тут хорошо... Дроботов! А ты зачем туда? (*кивая на Ливадию, на «зеленый ресторан», откуда слышатся всякие стуки и перестуки*).

ДРОБОТОВ. Да наряд дали из Администрации, преслили помочь по силе-возможности.

КЛЕНЬШЕВ (*Клеопатре*). Ладно, вы тут с дочерью моей хлопочите, помощи Монике управиться... Моника! Там вон сковорода, тут яйца, лук – сотворите яичницу. В общем, стол организуйте вдвоем с Клеопатрой, а я погнал на бугры. А то

Волк мой сегодня мне что-то не нравится. Кабы, как вот Дробот, не съел мне тут овечку. Зорче теперча гляжу за энтим делом (*Клеопатре*). Специально, мадам, так для вас говорю...

Конь Чалый срывается с места и уносит всадника туда, к буграм, где ходит отара, охраняемая овчаркой Шариком, верным слугой Пастуха.

Попрощавшись, Спиридон торопится на большак, уезжает в свой областной центр, домой. И Моника Андреевна с Дроботовыми остаются одни. Вскоре, чувствуя себя тут неловко перед дочерью Кленышева, Дроботовы тоже уходят, скорее всего, к машине, оставленной где-то там, в Ливадии, у «зеленого ресторана». А на поляне Стародубской фермы разворачивается мотоцикл с коляской. Это приехал Роман Дерюгин – поэт местного значения, но теперь областного подчинения, давний, еще школьный друг Моника.

Он откидывает брезент на коляске и извлекает из ее недр дочурку Моника – Ирочку, хорошенькую такую девочку лет восьми, всю в кудряшках и бантиках.

РОДИОН ДЕРЮГИН (*Монике*). Вот тебе твое сокровище! Увязалась – поеду с тобой, и все.

Моника, обхватывая Романа за шею, целует его прямо в губы крепким своим, отнюдь не дружеским поцелуем.

РОДИОН (*оглядываясь по сторонам*). Никто не видит?

МОНИК (*весело*). Все кто куда разбежались. Мы тут одни... тут хорошо. Давай побудем тут вместе, Родя, хоть с недельку?

РОДИОН. А отец? Отец у тебя пуританин.

МОНИКА. Отцу я путевку в Минводы привезла, пусть подлечится. А мы пока тут побудем... заодно по хозяйству похлопочем...

РОДИОН. Отец соглашается?

МОНИКА. На Минводы?

РОДИОН. На Минводы, и вообще.

МОНИКА. На Минводы вроде бы «да», а вообще... За молоком приехал?

РОДИОН ДЕРЮГИН. Вот на пне банка, тут он всегда банку мне оставляет.

МОНИКА. Еще и корову доить придется.

РОДИОН. Ничего, ничего. Пусть отец едет. В случае чего, я корову и сам подою.

Девочка бежит по поляне, собирает цветочки, жучков и другую всякую всячину. Моника, как сказал отец, готовит яишницу, и Родион отправляется в поход по хозяйству – по ферме и туда, к озеру, где на берегу лежат Спиридоновы удочки.

РОДИОН (*Монике издалека*). Деятель этот... из области... сам смотался, а удочки забыл, не смотал даже.

МОНИКА (*туда ему, на берег*). Так смотай! Да оставь там же, на сходнях.

РОДИОН. Да нет, смотаю и принесу. Еще украдут.

МОНИКА (*Родиону уже идущему сюда с удочками*). Рецидив города. Сначала и у меня так бывало. Все думаю, надо то дверь закрыть, то вещь какую-либо спрятать. Как в городе. А у отца тут все нараспашку...

Родион притягивает ее к себе и целует прямо в крепкие, соленые губы.

РОДИОН (*с трудом оторвавшись*). Ну, что?

МОНИКА. Да вот жарю яишницу, с луком.

РОДИОН (*вздыхнув глубоко*). Нараспашку... Никому ничего не нужно! Поселок – призрак. Ни единой трубы. Ничего не осталось, только крапива. Да название это – Онегино.

МОНИКА (*хлопоча за столом в виде великолепного, мощного иня*). Отец говорит, тут Пушкиным, Русью пахнет. Вот пень какой, сколько колец!..

РОДИОН. Как «Анчар». Достоин стихов.

МОНИКА. Вековой, еще, наверно, от Пушкина.

РОДИОН. От «Слова о полку Игореве».

МОНИКА (*делая большие глаза*). Да ты что?

РОДИОН. Естественно. Еще князь Игорь вешал на дуб этот щит свой и меч.

МОНИКА. Ира, Ирочка!.. Иди сюда, к маме. К столу иди... яишенка готова.

ДЕВОЧКА (*подбегая сюда, капризная*). Не хочу яишенку, не хочу, а-а... брр...

МОНИКА. А чего же ты хочешь?

ИРОЧКА. Конфет.

РОДИОН. Пойду медку поищу. Где-то должен быть. Отец запасливый.

МОНИКА. Экономный отец, хозяйственный. Не какой-нибудь бомж. Все же экс-инженер, бывший директор завода. Пока этот (*кивнув в сторону Ливадии, «зеленого ресторана» – там, за овражком*)... пока заместитель этот... Дробот... его не съел...

РОДИОН. А на чем он взял отца-то?

МОНИК. На чем замы съедают своих начальников? На каком-нибудь пустяке. Из своего неукротимого желания сесть самому на место, стать первым... Родя! А у нас тут, на пне, не хуже, чем будет там у них, – в «зеленом ресторане», да? Еще и зеленой петрушечкой присыплем яишницу...

РОДИОН. Говорят, теперь я поэт областного подчинения. А мне только Бог – начальник, вернее, Бог – мой высший судия.

МОНИК. А отец сказал, что Поэт – наивысший судия, сам сможет оценить свой труд... Если, конечно, поэт настоящий. А ты у меня настоящий, настоящий...

Моника притягивает к себе Родиона и целует его в тугие, горячие от яишницы губы.

ДЕВОЧКА – ДОЧКА МОНИКИ (*все тем же капризным тоном*). Ага, целуетесь! Папке скажу.

МОНИКА. Глупенькая, ангелочек ты мой, да это мы лук зеленый с друг друга стряхиваем, губы о губы вытираем, чтобы чистыми были.

Сцена третья

Ливадия. Зона «зеленого ресторана». Появляется Пастух Кленышев, обитающий сейчас тут в Онегино, по соседству. Строительная бригада тут же, как по команде, сматывает удочки и отправляется в город на выходные. Зловещее красное солнце спускается за горизонт.

Пастух Кленышев стоит перед главным столом.

КЛЕНЫШЕВ (*в сторону, про себя*). Шло, шло под уклон равномерно Онегино – этот поселок наш призрачный и ресторан в этих куцах. Процветало мое одиночество в этом глухом, даже диковатом местечке Руси, а тут нате вам. Все странным становится, не привычным. Зеленое на кустах, рыжеваты деревья, неужто от утренних холодов, даже слабых заморозков? А ведь только десятое число. Тут, в Ливадии, в зоне «зеленого ресторана», то раздавался стук топора, шлепанье молотка, а то нависла стеклянная тишь. Аж в ушах звенит. К утру приснилось, как трехлитровая банка с молоком, для Родиона Дерюгина, сама падает с пня, а днем она и в самом деле грохнулась с этого эпического пня, так и рассеялась на куски... Дурная примета, что-то должно произойти...

Надо перебить всю эту чушь в себе усиленной работой, перемякнуть сползание к черному человеку, заглянувшему ночью вроде в окно. Путевку взял у Моники в эти Минводы, и все пошло кувырком. Картина маслом. Моника с внучкой оказались тут у него, в Онегино, и вместо мужа с ней этот поэт Родион. А я вместо своей хаты, где они теперь обретаются, тут вот кантуюсь, в Ливадийском «дворце», куда вскоре нагрянут высокие гости...

Счастливым смех там, на ферме, Моники и характерный, с шепелевинкой, басок Родиона. А по двору беготня внучки Ирочки, ее веселый, но резкий, прямо какой-то истерический голосок... Да не поеду я ни в какие Минводы ни завтра, ни послезавтра! Останусь тут, поработаю на общество топориком и молотком. А вечер уже надвигается, влажные сумерки сглаживают звуки КАМАЗов откуда-то с большака – с утра до вечера, возят глину с карьера... Где же тебе провести эту ночь? Тут на столе, укрывшись сеном? Или пойти к озеру, просидеть там с удочкой до утра?

Андрей Васильевич находит привычное место под старым, развесистым кленом, откуда можно взять взглядом сразу два направления: дорогу сюда, в Ливадию, от большака и часть двора на поселке Онегино, его хату-«дворец», перед которой суетятся сейчас, он видит отсюда, его дочь Моника и этот Родя – поэт.

КЛЕНЬШЕВ. (*Вслух*). Обхватил ее за талию, потащил в распахнутую дверь... Вернулись минут через десять, веселые... Так, понятно... Ловко устроились. И путевку ему в эти Минводы всучила, и девочку взяла с собой для прикрытия, заблудшая душа...

(*Принимаясь напевать*)

«Кленки на берегу»

«Всем сердцем берегу,
 Все жду тебя у клена я.
 Высокая трава, любимые слова,
 Твои глаза зеленые.
Так, так. И что дальше?
 Хожу сюда под тень
 Всю осень каждый день.
 Все жду тебя у клена я.
 На золоте стою, про золото пою
 В твои глаза зеленые.
Ну, и далее, так закончим.
 Кленки на берегу
 Всем сердцем берегу.
 Все жду тебя у клена я.
 Так дай же мне ответ,
 Ты любишь или нет
 Мои глаза зеленые?»
В сторону, вслух.

Да любит, любит она тебя, Родион! А отцу ни слова, ни пол-слова. Какая скрытная. Грешит, а смотрит святыми глазами...

Со спины, от большака, незаметно подкатывает все та же черная «Волга». Выходит Воевода района Папарацин.

ВОЕВОДА (*Кленьшеву*). Ты чего тут сидишь?

КЛЕНЬШЕВ (*растерянно*). Да вот... под кленами...

ПАПАРАЦИН. Вижу, что не под дубом.

КЛЕНЬШЕВ. Песенку пою про молодые кленки.

ПАПАРАЦИН (*проследив его взгляд туда, в Онегино, к хате – «дворцу»*). У меня тут, в машине, гость. Тогда сделаем так. Мы в другое место поедem, а ты пойдешь к дочери... Да

знаю, знаю, в отпуске она, сам приказ подписал. Но на денек пусть из отпуска завтра выйдет... Гости будут, люди уж стали съезжаться на Совецание. Пусть поможет главбуху подсчитать, чтобы было все «фифти – фифти»... Так и скажи – «фифти – фифти»... Она знает, где взять и кому сколько дать... А мы с гостем поехали, Васильич. Общий привет!

Ранним утром, отряхнув с себя сено, Пастух Кленьшиев, морщась от лежанья на жестких досках, соскакивает со стола и направляется к Ливадийскому пруду, чуть пониже Онегинского озера.

КЛЕНЬШЕВ. (Вслух). Глядите-ка, как заросло! Куга да тростник. И в диковатости есть своя красота, просто глаз не оторвать... Так, снимем рубаху, свершим омовение. Может, штаны снять, догола раздеться, совсем искупаться? Расплескаешься – уток поднимешь, раскричатся, полетят туда, к Онегинскому озерку, к хате-«дворцу», разбудят молодых... Ириночка расхнычется. Целый день потом будет капризничать. А маме убажай ее всевозможными способами. Вот современные мамы! Родят одно дитя и носятся с ним, как черт с писаной торбой... Господи! Да что это я? Ловлю себя за язык: «черта» помянул, а зачем? Типун, мужик, тебе на язык...

Кленьшиев умывается до пояса, с удовольствием растирает рубахой свое крепкое, белое тело до красноты. Наконец, обращает внимание на тот берег. Там ходит расседланный конь, его Чалый. Как с вечера оставил его во дворе, не привязанным, так и ходит, бродит по всей округе. Как Азамат! Бандитский конь, на слово хозяина откликается...

КЛЕНЬШЕВ (негромко, но так, чтобы коню было слышно). Эй, Чалый!.. Чалый!.. Ко мне сюда, азиат!..

Конь вздрагивает от голоса. Бросается в воду и плывет сюда к Пастуху. Вскинув себя на расседланного Чалого, Кленьшиев бьет его по бокам голыми пятками, конь срывается и уносит всадника туда, на бугры, где всю эту ночь бродила незаганная за ограждение отара. И старый Белый Волк крутился всю ночь возле овец, а Шарик – овчарка кленьшевская, верный друг Пастуха – все-таки держит Волка на расстоянии.

Объехав отару, Пастух садится босиком на бугор, держит намотанной на левую руку повод, правой – водит травинкой по стоптанной овцами, рыжеватой земле, подталкивает крупных рыжих муравьев пошустрее бежать до своей муравьиной кочки.

Тревога, возникшая в нем, казалось бы ни с чего, держит его, не отпускает.

КЛЕНЫШЕВ. (Вслух). Что случилось, что это я так разнервничался? Кто-то прошел краем леса, мелькнула тень Человека с ружьем? И Шарик насторожился, показал свои острые желтоватые клыки, а Чалый прижал уши и водит ими в разные стороны. Кто это? Этот самый Лисицын, заходил наемни в поселок Онегино, к нам туда, на Стародубскую ферму...

ГОЛОС АВТОРА. А гости со всей России стали уже съезжаться. Губернаторы, даже, может, будет сам Президент – первые лица страны, своих регионов. Ну, конечно же, не без охраны. Вот и пустили по этим лесам и долам своих людей, может, и этого Человека с ружьем. Тем более, после Совещания собираются пригласить их сюда, в наши места – в Ливадию ... в «царский» дворец ...

А «ресторан» недоделан, строители смотали удочки да домой и пока что не приезжали. А время уже обеденное, Солнце в зените, а стройбригады все нет...

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ (своему Чалому). Что, мужик, глаз свой лиловый устави́л в меня? А в глазе твоём вмести́лось тут все: и я на переднем плане, а сзади меня этот Ливадийский пруд, повыше – каскадом – Онегинское озерцо и краем лесочка – кто это там снова мелькнул и скрылся? Опять этот Человек с ружьем?

И душе все-таки нехорошо, бьют в уши какие-то колокола...

Чалый! Отару мы оставим на Шарика, Волка он не подпустит, а сами махнем туда за пруд – в Ливадию – в исчезнувшую деревеньку. Зато существует, начиная рыжеть, зона «зеленого ресторана», место приема особознатных гостей района, а «ресторан» недостроен... Пусть хоть раз проснется совесть в тебе,

человек, перед Малой родиной, перед этой деревней, в которой когда-то тоже ведь люди жили, любили, ждали от жизни лучшего...

Чалый! Але! На тот берег, через тростники и в Ливадию – к молоткам и топорам. Инструмент стройбригада, спасибо, оставила... Поработаем на общество, на людей...

Заметь, Чалый! Как чего-нибудь нагрешу, так давай хвататься за любое, даже безнадежное дело, чтобы смыть с себя грязь, свои да и чужие грехи, которые кто-то непрочь навесить, братцы мои, и на тебя...

ГОЛОС АВТОРА. «В лесу раздавался топор дровеска». В Ливадии Кленышев топором хекал... Наберет воздуха в себя – хек! Наберет воздуха в легкие себе – хек! И молотком следом, и давай молотком дробно стучать, пристукивать... ..

Через овражек, в призрачном поселке Онегино, на реальной Стародубской ферме, у Кленышевской хаты, люди какие-то с большака ждут черную «Волгу» из города, чтобы ехать в Администрацию, везти туда к Воеводе, скорее всего, Монику Андревну (по мужу) Глаголеву, а в девичестве – Кленышеву...

Стояли и слушали эти люди, как в Ливадии «хекали» топором и шлепали молотком.

МОНИКА (*Родиону*). Вот стараются ребята, стройбригада эта из Глазуново. Надо им премию выписать.

РОДИОН (*Монике*). Особенно этот – молоточком: тэ – тэ – тэ... Классный мужик... барабанщик из духового оркестра...

МОНИКА (*забеспокоясь*). А где наша девочка, Ирочка? Где?

РОДИОН. Да тут где-то, на глазах все время была.

Подходит черная «Волга».

КЛАПАН (*приоткрывая дверцу*). Садись. Моника Андревна.

РОДИОН ДЕРЮГИН. Садись, садись, Моника. Езжай, в город, а я побегу за Иришей... Тут она где-то возле сирени, сейчас ее приведу...

ГОЛОС АВТОРА. Черная «Волга» уехала. Родион не сразу побежал туда, к озеру, искать по окрестным местам Иришу –

Ирочку. Из рук Кленьшева, стучавшего тут, в Ливадии, по деревянному, вывалился топор, и в груди занемело, а по телу судорожно разбежалась тревога и остановилась у самого сердца.

Сцена четвертая

Малый город. Районная Администрация. В бухгалтерии Моника Андреевна (по мужу) Глаголева, работает с документами. Заходит Воевода района Папарацин Сергей Антонович.

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ (*присаживаясь рядом, на стульчик*). Ну что, Андреевна, сходится дебит с кредитом?

МОНИКА АНДРЕЕВНА. А куда оно денется?

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ. Через пару часов закончить надо. Совещание начинается с двенадцати в Доме культуры. Глянь, уж сколько машин на площади. Под разными номерами – губернаторы со всех регионов. Фирма эта «Агрохимпром» лихо работает.

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Конечно, Сергей Антонович, средства на это имеются.

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ (*катая бумажный шарик по столу*). В президиум внесены видные имена, ученые страны: доктора сельхознауки, академики.. Завтра возможен приезд самого Президента. Прилететь должен на вертолете то ли из Белгорода, то ли из Курска... Нам нужно быть готовыми к любому развороту событий. Особо по Ливадии, что касается зоны отдыха – «зеленого ресторана», чтобы все у нас было «фифти-фифти». Картина маслом. На подмогу нашим приезжает группа по пищеблоку из области с готовой продукцией. Нам только все это принять, провести по бухгалтерии... Ну, так что там с утра было в Ливадии?

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Да стучали топорами... Последние доработки...

ВОЕВОДА ПАПРАЦИН. К полудню подскочу, лично еще раз взгляну... Моника Андреевна, вот вам пригласительный в Дом культуры. Как закончите, можете пройти в зал, послушать деятелей – элиту страны...

МОНИКА АНДРЕЕВНА. Спасибо, большое спасибо. Конечно, так и сделаю. А к вечеру, конечно, в Ливадию... перед заездом гостей...

ВОЕВОДА ПАПАРАЦИН (*собираясь уходить*). Заметьте, Моника Андревна, тут у нас будут самые-самые... Руководство, академики... Представляете, какая нам честь?... Основная же масса принимается на границе районов, в березовой роще. Ну, это голова пусть болит у соседей...

Воевода уходит. Закончив работу, Моника Андреевна все аккуратненько складывает в папку, покидает свой кабинет.

Центр Малого города, Дом культуры. Все у кого есть пригласительные билеты, уже в зале, а местные жители, поглядев на знаменитостей, знакомых, естественно, только по телевизору, разошлись по домам, огородам, садам, которые тут, в сельской местности срединной полосы, есть почти что у каждого.

Здороваясь со знакомыми то за руку, то кивком головы, Моника согласно билету, проходит, естественно, на свое место. Заметив свободное местечко с краю, пересаживается на него, поближе к двери, чтобы исчезнуть, когда понадобится.

ГОЛОС АВТОРА. Моника дослушивает до конца доклад, речи нового губернатора, двух-трех академиков, выступающих первыми. Она чувствует себя нехорошо. Какая-то тяжесть на сердце, тревожно. Странноватыми, чересчур зелеными кажутся стены не так давно отремонтированного зала, неестественно белый, прямо-таки ослепительный потолок. «Господи! Хоть бы люстру в середине зала, что ль, выключили – сверлит ей мозги. – Зачем столько света? И люди сидят в центре зала прямо под люстрой, подвергаясь опасности... А зелень стен такая же, как там в Ливадии, в «зеленом ресторане». Но только там все естественно, а тут неестественно... Все на уши встали у нас тут, в Малом городе... В нашей обычно спокойной, размеренной местности. А тут куда ни ткни пальцем – «гаишники», незнакомые люди в военном и штатском... «Элита страны, первые лица», – то и дело шепоты тут и там – по всему периметру»...

А сердце не отпускает, щемит. Слегка согнувшись, Моника привстает и, оглядевшись, аккуратненько этак, мельчайшими

шажками, движется к открытой двери. Тревога не покидает души. На площади у Дома культуры Моника находит привычную черную «Волгу».

МОНИКА АНДРЕЕВНА (Клапану). Дорогой, отвези в Онегино. Папарацин сказал.

КЛАПАН – ШОФЕР ПАПАРАЦИНА. Яволь, мадам. Сделаем.

ГОЛОС АВТОРА. Минут через десять, скользнув через плотину на Бельеньком, черная «Волга» оказывается в поселке Онегино, на Стародубской ферме. Однако тут нет никого. Никого!..

По-прежнему слышится стук топора в соседней Ливадии, через овражек, в зоне «зеленого ресторана», однако и он смолкает. Оцепенелая тишь. Тревога в груди Моника разрастается.

Пастух Кленышев отшвырнул топор и задумался.

КЛЕНЫШЕВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – ПАСТУХ СТАРОДУБСКОЙ ФЕРМЫ. (Вслух). Что я, в самом деле, что ль, нанялся? Поработал, и хватит. Привел все тут в порядок. А совершенствованию, как говорится, нет конца, особо у нас в сельском хозяйстве. Прорва, Марракатова бездна. «Чего не хватает нам на земле, – говаривает Лесничий Стародуб, – так это рабочих рук. Хочешь, я тебе еще одного бомжа из города притащу?» – «Нет уж, позвольте, – сдержанно на это отвечает он ему – хозяину натуральному всех этих приватизированных когда-то Стародубом владений. – Дозвольте, сэр, с вами не согласиться».

По стезжке, через овражек, и ты в поселке Онегино. Весь двор, сама его хата-«дворец» пусты, нигде никого.

ПАСТУХ КЛЕНЫШЕВ. Странно. Где же все? Куда они запропастились?

Появляется Спиридон, старичок-рыбачок этот, с неизменным своим зеленым брезентовым рюкзаком.

СПИРИДОН. Опять я тут, Васильич. Соскучился по тебе.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ. Пошли на пасеку. Может, там кто есть? Должен же быть где-то народ? Куда все делись, как сквозь землю провалились, ей богу.

За вишняком, и Абрикосова просека, за просекой – пасека.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Двое частновладельцев на месте, третьего нет. Двое – это Представитель из области по прозвищу, допустим, Бесфамильный, будем его теперь так называть, и молодой следователь Районной прокуратуры по фамилии Жигалкин Игнат.

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*подавая руку Представителю*). Ты теперь у меня будешь Бесфамильный, раз не хочешь сказать фамилию (*подавая руку Следователю Жигалкину*). А твою фамилию каждая собака в районе знает, всем даешь прикурить... Что-то не вижу я тут никого из своих.

ЖИГАЛКИН. Откуда, Васильич, вернулся-то – уже из Минвод?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИЗ ОБЛАСТИ БЕСФАМИЛЬНЫЙ (*отводя глаза в сторону*). Поищи, поищи, может, кого найдешь? (*На Спиридона*). А этот что у тебя – по рыбной части? К нему в область ночевать ездешь?

ПАСТУХ КЛЕНЬШЕВ (*бурча под нос себе*). Земля покуда не горит тут у нас под ногами. Зачем нам ехать куда-то?

Подкатывает черная «Волга», за ней следует мотоцикл с коляской. Появляются сразу двое: Моника – дочь Кленьшева, бухгалтер районной Администрации, и Дерюгин Родион – поэт местного значения, но теперь уже с областным подчинением.

МОНИКА ВАСИЛЬЕВНА (*бросаясь к отцу*). Где Ириша? Моя дочь где?

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*оторопев*). Как где? Это я вас всех хотел тут спросить.

Взвизгнув как-то нечеловечески, Моника бросается куда-то в сторону поселка Онегино – туда, к Абрикосовой просеке. Отец ее – Кленьшев Андрей Васильевич – трусцой убегает за ней.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БЕСФАМИЛЬНЫЙ (*Следователю Жигалкину*). Твой профиль – работай, тебе искать.

СПИРИДОН (*Дерюгину Родиону – поэту*). В самом деле, девочка была и девочки нет. Как ключ на дно.

РАДИОН ДЕРЮГИН. Может, того, заблудилась? В дебрях этих, в лесах и долах?

СПИРИДОН. А то в Древнем Риме было. Волчица вот так нашла в пустыне двух детей человеческих – Ромула и Рэма. Человеческих! И вскормила своим молоком. Волчица! И назвали город по имени одного из них – Рим...

РОДИОН ДЕРЮГИН (*в сердцах*). Да хватит тебе, дед, нести тут всякую чепуху, околесицу! Искать надо...

СПИРИДОН. Вот и я говорю: надо искать... (*Бесфамильному и Жигалкину*). Веером надо идти, веером – по всему периметру леса, начиная с Абрикосовой просеки. Может, что случилось, всяко бывает. А то лежит девочка где-нибудь под кустом...

ГОЛОС АВТОРА. Пастух Кленышев бежит трусцой по Абрикосовой просеке. Бежит, бежит и остановится; бежит, бежит и остановится, заглядывает под кусты. Где-то впереди слышится выстрел. Кленышев замирает, стоит на месте, еще быстрее рвется вперед.

Перед ним, как гриб из земли, вырастает Человек с ружьем. Тот самый Охотник Лисицын, который наемни расспрашивал его про старого, старого Белого Волка.

КЛЕНЬШЕВ (*бросаясь к нему*). Ты стрелял?

ЛИСИЦЫН (*оставив ружье*). Ну, я.

КЛЕНЬШЕВ. В кого?

ЛИСИЦЫН. Да вон в Белого Волка.

КЛЕНЬШЕВ. А чего стоишь?

ЛИСИЦЫН. Да боюсь подходить. Что-то не то...

Сбегаются люди. Все тут: Моника и Кленышев, Спиридон и Дерюгин – поэт, Жигалкин и Бесфамильный, – все словно оцепенели, боятся, не делают шагу. Первой вперед бросается Моника – мать девочки. Подбегают все остальные. Роковой выстрел! Роковая эта Абрикосова просека! Белый Волк лежит весь в крови и под ним вся в крови лежит девочка... бездыханная...

ОХОТНИК ЛИСИЦЫН (*отшвырнув ружье*). Не видите разве – это же не Волк, а Волчица.

Пауза. И крик Пастуха Кленышева, его руки, воздетые к Небу:

– Боги! За что вы, Боги, покарали нас? (*И тихим, тихим голосом*). Я знаю за что. За то, что мы загубили тут землю! За то, что про Человека забыли! Все делали, но не делали для Человека, и нам одним нести крест... Господи, прости! Прости нас и сохрани... прости... прости... за все грехи наши тяжкие...

И трезвым, низко поставленным голосом.

Будь проклят тот день и час, когда я согласился ехать в эти Минводы! Малая родина так мне отомстила за все.

Занавес.

г. Орел,
6 января 2011 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. «ГОДЫ ОТРОКОТАЛИ».

От автора

Это том – исторических трагедий, лирико-психологических драм. Это – годы, которые отрокотали. Об образах, людях, исторических фигурах, которые были и, чем-то зацепившись, живут в нас до сих пор. В литературе я всю жизнь. С первого по десятый класс читали в школе сверстникам мои сочинения. Во втором – уже сам я взял в руки «Гамлета», в третьем – «Дон Кихота» Сервантеса, в четвертом – у меня уже был в собственности четырехтомник «Тихого Дона» Шолохова. Тогда же мне попал в руки томик Сергея Есенина в сереньком коленкоровом переплете с березками, и я сам начал писать стихи. Но, оказывается, все это время во мне исподволь формировалось историческое сознание. Выразилось оно даже не в школьных «пятерках», а в Московском университете, когда во времена оные после вступительного экзамена по истории старенький профессор, глянув в мои документы с воспоминаниями о 37-м годе, вывел меня из аудитории и на всю центральную лестницу, заполненную абитуриентами, сказал, обернувшись ко мне грустно:

– Ну, что я могу сделать, сынок, для тебя?

А потом воскликнул, чтобы слышали все:

– Товарищи! Вот как надо любить свою Родину, знать великолепно ее историю!

И вот уже как-то само собой я веду литературу в себе самом исторически. То ли от «Авесты» еще (26 тысяч лет тому), то ли от Гомера (7-й век до н.э.). Тут и «Прометей», утраченная и восстановленная мной, и продолжение гомеровской «Одиссеи», «Белая Скифия», трилогия в стихах «Крещение Руси», переводы с древнерусского, лирика и т.д. А теперь вот после исторических трагедий «Бедный Рюрик, или Путь «из варяг в греки»», драматической эпопеи в стихах об Александре Македонском «Пламень Александрии» настал черед и этих вот исторических трагедий (по хронологии) «Грозные жемчуга (царица Анастасия)», «Великое посольство», «Княжна Тараканова», «Сладкие ножки Кшесинской» и др.

И что интересно, во мне образовалось такое историческое мышление, которое позволяет проникать в «отрокотавшие» годы, в их такую невероятную, идеальную суть, что порой диву даешься: как хоть это могло произойти? Неужели все было так? Порой это просто версии, чаще всего «прорези мыслей». С обязательной интуицией. В частности, в трагедии «Бедный Рюрик» проводятся параллели шекспировского Гамлета с гомеровским Телемахом (читай наоборот), и Гамлета же с древнерусским князем Игорем, которому Гамлет через Рюрика («Йорика – Юрика») является сводным братом...

И вот тут, в этих исторических трагедиях, я уловил какую тенденцию? Прародина наша – древняя Русь. Огненный полз-то с Востока, то с Запада. С Востока ясно: испокон веков накатываются на нас арийские волны, кочевники, татаро-монгольские конные лавы. А с Запада? Обратный ход их опять же

сюда к нам. Мужчины – это германские племена, тевтонский орден, ливонцы. А женщины? Роль роковых для Руси и России женщин я уловил после «Княжны Таракановой» (в литературе – у Данилевского это якобы внучка Петра I, Элизабет II), Марина Мнишек (в литературе – у Пушкина «Бахчисарайский фонтан», в истории она же вместе с Лжедмитрием сидит в Кремле, на Руси). И вот петербургская балерина – балетная дива Матильда Кшесинская, очаровавшая (еще когда тот был наследником престола) последнего русского царя из дома Романовых Николая II.

Все эти «Вавельские гейши» (Вавель – королевский замок в Кракове) – гордые полячки, хитро, воздействуя через красоту и любовь изнутри, сделали для трагедии Руси больше порой, чем мужики с их любовой силой войны.

Претензии на престол княжны Таракановой едва не привели в Кремль Лжедмитрия. Русские едва убергли целостность своего государства. А уж о Матильде Кшесинской и говорить нечего. Балерина Матильда Кшесинская своими сладкими ножками, очаровавшими царя и всю Романовскую верхушку – четырех великих князей, способствовала по сути падению Российской империи.

Вот механизм этого. Выпускной бал балерины Ваганьковского училища. Застежка с туфельки Матильды Кшесинской случайно падает перед наследником царя Николаем. А дальше – любовь. Золото, бриллианты к ногам прекрасной полячки. Отец – царь Александр III – не может остановить словом роман сына. На корвете он отсылает наследника за моря и океаны. Наследник попадает в Японию, где, как известно, его едва не зарезали. Видимо, глубоко затаил Николай II в себе ошибки молодости, что вылезал в войну с Японией, хотя в прежние времена все вопросы по территории русские брали на себя и без крови. И вот поражение в русско-японской войне. И пошло, покатило. И все заканчивается революцией, расстрелом царской семьи. А все началось с очаровательных ножек Матильды.

И еще. Ивана Грозного предает ближайший друг Андрей Курбский. Курбский бежит к литовцам ливонцам, в польско-литовскую унию, и оказывается у поляков. Финал – та же бывшая Ливония, а ныне часть ее – Латвия, Рига. На эстраде Лариса Мондрус. Великолепные песни маэстро, в том числе и «Марите», подхватывает Алла Пугачева с новым текстом, с измененным названием «Миллион алых роз».

И, когда нас спрашивают: кто в начале девяностых перевернул Союз? – умные называют троих: Сахаров, Солженицын и еще Алла Пугачева. Не хочу все валить на «сивонцев», на Краков, на Вавель. А Анна Герман – это русская душа? А Константин Рокоссовский – защитник страны, победитель в Отечественной войне? Художественная интуиция для того и существует, исторические драмы для того и пишутся, чтобы мы с вами, нынешние, осмыслили отроковавшее, раскрывали с течением времени новые нюансы, которые в колоколах судьбы обретают удивительные, недодуманные прежде бронзоволикие тона.

Содержание

Предисловие. Проклятые монархи.....	3
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАГЕДИИ	5
Грозные жемчуга (царица Анастасия)	5
(Иван Четвертый – Грозный).....	51
Великое посольство, или «Окно в Европу» (Петр Первый).....	77
Княжна Тараканова (Тьмутараканская) (Екатерина Вторая) Авантюрьера, или Страсти по власти	136
Узница Петропавловской крепости	179
Тайна монастыря: монахиня Досифея	218
Сладкие ножки Кшесинской (Николай Второй).....	237
СОВРЕМЕННЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ.....	297
Предисловие. Ключ к лиризму	297
Вяхирь	298
Сестры Рощины, или Три года времени	371
Абрикосова просека.....	444
Послесловие. Годы отрокотали. От автора	513

Леонард Золотарев

АБРИКОСОВА ПРОСЕКА

**исторические трагедии
современные лирические драмы**

Корректурa автора

Издатель Александр Воробьев.

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 17.03.2011. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 200 экз. Заказ № 251.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьева: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

***В человеке всё должно
быть прекрасно...***

А. П. Чехов